

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Скиртач И.А., Пахомова В.А. Особенности проявления смысложизненного кризиса у лиц молодого возраста	11
Деулин Д.В., Петров В.Е., Литвинова А.В., Коджаспиров А.Ю. Исследование возможностей метода пассивной изотерапии для снижения информационно-психологического стресса у студентов в период экзаменационной сессии	23
Баранова В.А., Дубовская Е.М., Савина О.О. Представления о характеристиках ответственности у подростков	36

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Бузина Т.С., Шалина О.С., Котельникова А.В., Денисов А.А., Колосов Ю.А., Горбунова Ю.В., Куркин Д.В., Мурсалов И.Д. Психологические проблемы разработки и внедрения VR-технологий в системе медицинского образования	47
Панфилов А.Ю. Деморализация в контексте дифференциальной диагностики патологических процессов психической деятельности тяжелобольных пациентов с риском для жизни	60
Черкасова А.Н., Яцко К.А., Ковязина М.С., Варако Н.А., Кремнева Е.И., Рябинкина Ю.В., Супонева Н.А., Пирадов М.А. Разработка комплекса парадигм фМРТ для выявления феномена «скрытого сознания»: нейropsихологические аспекты	68
Мартынов С.Е., Арина Г.А. Медиапотребление как фактор обращения молодых женщин в клинику эстетической Медицины	81
Капустин С.А. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в работах З. Фрейда и А. Адлера с точки зрения интегративного подхода	99

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ

Панюкова Ю.Г., Александрова Е.С. Компетентность в контексте субъект-средовых взаимодействий: опыт теоретического осмысления	109
Постникова М.И., Пищик В.И., Сиврикова Н.В., Микляева А.В. Жизнестойкость личности и факторы «Большой пятерки»	121
Жданова Ю.А., Щебетенко С.А. Адаптация Комплексной шкалы интеллектуального смирения: психометрические характеристики русскоязычной версии	131
Собкин В.С., Савченко Н.Л., Сиян М.В., Яковлева М.А. Гендерные различия во взаимосвязях эмпатических тенденций и черт Темной триады с чертами личности у студентов-актеров	143

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Рикель А.М., Дорохов Е.А. Культурный жизненный сценарий поколений: инструмент изучения «изменяющегося в неизменном»	150
Вербная В.В., Лепшокова З.Х. Адаптация методики мультикультурных стилей идентичности на русский язык	163

ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА

Сагова З.А., Шаяфетдинова Р.Р. Изучение связи личностного потенциала с направленностью целей у спортсменов командных и индивидуальных видов спорта	175
---	-----

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Skirtach I.A., Pakhomova V.A.
 Manifestation of life meaning crisis at youth 11

Deulin D.V., Petrov V.E., Litvinova A.V., Kojaspirov A.Yu.
 Possibilities of the passive image-therapy method in reducing information and psychological stress among students during the examination session 23

Baranova V.A., Dubovskaya E.M., Savina O.O.
 Ideas about the characteristics of responsibility in adolescents 36

CLINICAL PSYCHOLOGY

Buzina T.S., Kotelnikova A.V., Shalina O.S., Denisov A.A., Kolosov Yu.A., Gorbunova Yu.V., Kurkin D.V., Mursalov I.J.
 Psychological issues in the development and implementation of VR technologies in the system of medical education 47

Panfilov A.Yu.
 Demoralization in the context of differential diagnosis of mental states in severely ill patients with hazard of death 60

Cherkasova A.N., Yatsko K.A., Kovyzava M.S., Varako N.A., Kremneva E.I., Ryabinkina Yu.V., Suponeva N.A., Piradov M.A.
 Development of a set of fMRI paradigms to detect the “Covert Cognition” phenomenon: neuropsychological aspects 68

Martynov S.E., Arina G.A.
 Media consumption as a factor in young women turning to clinics of aesthetic medicine 81

Kapustin S.A.
 Typical personal prerequisites for the problems of clients of psychotherapy and its purpose in the works of S. Freud and A. Adler from the point of view of an integrative approach 99

METHODOLOGY AND RESEARCH METHODS IN PSYCHOLOGY

Panyukova J.G., Alexandrova E.S.
 Competence in the context of subject-environment interactions: experience of theoretical comprehension 109

Postnikova M.I., Pishchik V.I., Sivrikova N.V., Miklyaeva A.V.
 Hardness of personality and the Big Five traits 121

Zhdanova Yu.A., Shchebetenko S.A.
 Adaptation of the Comprehensive Scale of Intellectual Humility: psychometric properties of the Russian version 131

Sobkin V.S, Savchenko N.L, Siyan M.V., Yakovleva M.A.
 Gender differences in the relationships between empathic tendencies, Dark Triad traits and personality traits in student actors 143

SOCIAL PSYCHOLOGY

Rikel A.M., Dorokhov E.A.
 Cultural life scenario in generations: an instrument to study “the changing in the unchanged” 150

Verbnaya V.V., Lepshokova Z.Kh.
 Adaptation of multicultural identity styles scale into Russian 163

PSYCHOLOGY OF SPORT

Sagova Z.A., Shaiafetdinova R.R.
 Relationship between personal potential and the goal orientation in athletes of team and individual sports 175

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0201>
УДК/UDC 159.9.075, 159.96

Особенности проявления смысложизненного кризиса у лиц молодого возраста

И.А. Скиртач^{1, 2} ✉, В.А. Пахомова¹

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ iskirtach@sfedu.ru

Резюме

Актуальность. В условиях ценностного плюрализма современного общества возрастает значимость способности определять собственные ценностно-смысловые ориентиры, самостоятельно совершать выбор между различными источниками смысла и строить свой проект жизни на их основе. Однако эта способность может быть по-разному развита у лиц молодого возраста в зависимости от степени выраженности у них алекситимии, рефлексии и толерантности к неопределенности. Формирование непротиворечивой системы личностных смыслов является отражением личностной зрелости, которая является залогом адаптивного поведения, психологического благополучия, самостоятельности и принятия собственной ответственности. Успешное преодоление кризиса смысла жизни, разработка мер по его профилактике у молодых людей требуют изучения психологических особенностей, повышающих риск развития данного состояния.

Цель. Изучение особенностей проявления кризиса смысла жизни у лиц молодого возраста с различной степенью алекситимии, рефлексии и толерантности к неопределенности.

Выборка. В исследовании приняли участие 47 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет ($M = 20,95$; $SD = 2,18$). Из них 17 (36,2%) юношей и 30 (63,8%) девушек. Испытуемым было предложено дать ответы на вопросы, содержащиеся в нижеперечисленных методиках. После чего была проведена обработка результатов с помощью методов математической статистики.

Методы. Эмпирическое исследование проводилось с помощью психодиагностических методик: «Опросника смысложизненного кризиса» К.В. Карпинского, «Торонтской Алекситимической Шкалы», опросника «Дифференциальный тип рефлексии» Д.А. Леонтьева, «Шкалы толерантности к неопределенности Баднера» версии Г.У. Солдатовой. На основе корреляционного анализа была определена сила связи между изучаемыми признаками, а при помощи дисперсионного анализа ANOVA и Post-hoc анализа Фишера была проведена проверка значимости различия между средними значениями исследуемых показателей в разных группах.

Результаты. Было выявлено, что степень выраженности кризиса смысла жизни связана с трудностями определения и описания чувств, интроспекцией, квазирефлексией и толерантностью к неразрешимости. Для лиц с высокой выраженностью кризиса смысла жизни характерны высокие показатели алекситимии. Для мужчин характерна большая выраженность субъективных переживаний, характерных для кризиса смысла жизни. При этом степень выраженности связана с такими показателями, как трудность идентификации чувств, интроспекция и интолерантность к сложностям. Уровень рефлексии у мужчин связан со степенью выраженности толерантности к неразрешимости. Степень выраженности алекситимии у женщин связана с уровнем рефлексии, в частности с уровнем интроспекции.

Выводы. Данные, полученные в ходе настоящего исследования, позволяют составить психологический портрет современного молодого человека, переживающего ту или иную степень выраженности кризиса смысла жизни. Было показано, что люди с высокими показателями данной характеристики испытывают трудности с тем, чтобы замечать, называть и правильно трактовать возникающие у них эмоциональные реакции. Можно предположить, что групповые тренинги, направленные на развитие эмоционального интеллекта, снижение уровня алекситимии, облегчат протекание кризиса смысла жизни данной категории лиц.

Практическое применение результатов. Материалы проведенного исследования могут быть использованы при разработке и реализации программ психологической помощи студентам средних и высших учебных заведений, а также работникам молодого возраста, которые будут направлены на обучение адекватным механизмам совладания с кризисом смысла жизни.

Ключевые слова: кризис смысла жизни, алекситимия, рефлексия, толерантность к неопределенности, молодой возраст

Для цитирования: Скиртач, И.А., Пахомова, В.А. (2024). Особенности проявления смысложизненного кризиса у лиц молодого возраста. *Национальный психологический журнал*, 19(2), 11–22. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0201>

Manifestation of Life Meaning Crisis at Youth

Irina A. Skirtach^{1,2} ✉, Veronika A. Pakhomova¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ iskirtach@sfedu.ru

Abstract

Background. In the context of the value pluralism in modern society, the importance of the ability to determine one's own value-semantic orientations, to make an independent choice between various sources of meaning and build one's life project on their basis increases. However, this ability can be developed in different ways in young people, depending on the severity of their alexithymia, reflection, and tolerance for uncertainty. The presence of a consistent system of personal meanings is a sign of personal maturity, which is the key to adaptive behaviour, psychological well-being, independence, and acceptance of one's own responsibility. Successful overcoming of the crisis of the meaning of life, the development of measures to prevent it in young people require the study of psychological characteristics that increase the risk of developing this condition.

Objectives. The study focuses on the features of manifestation of a life-meaning crisis in young people with varying degrees of alexithymia, reflection, and tolerance for uncertainty.

Methods. An empirical study was carried out using psychodiagnostic techniques: the "Questionnaire of the Meaningful Crisis" by K.V. Karpinsky, the "Toront Alexithymic Scale", the questionnaire "Differential Type of Reflection" by D.A. Leontiev, "Badner Uncertainty Tolerance Scales" version by G.U. Soldier. Based on the correlation analysis, the strength of the relationship between the studied traits was determined and using the ANOVA analysis of variance and Fisher's Post-hoc analysis, the significance of the difference between the means in different groups was tested.

Results. It was found that the severity of life-meaning crisis is associated with difficulties in defining and describing feelings, introspection, quasi-reflection, and tolerance for insolubility. Persons with a high severity of the life-meaning crisis are characterized by high rates of alexithymia. Men are characterized by a greater severity of subjective experiences characteristic of a life-meaning crisis. At the same time, the degree of severity is associated with such indicators as the difficulty of identifying feelings, introspection, and intolerance to difficulties. The level of reflection in men is associated with the level of tolerance for insolubility. The severity of alexithymia in women is associated with the level of reflection, in particular with the level of introspection.

Conclusions. The data obtained allow us to draw up a psychological portrait of a modern young man experiencing a life meaning crisis. It has been shown that people with high levels of the life meaning crisis have difficulty noticing, naming, and correctly interpreting the emotional reactions that arise in them. It can be assumed that group trainings aimed at developing emotional intelligence and reducing the level of alexithymia will ease the crisis of the meaning of life for this category of people.

Practical application of the results. The materials of the study can be used in the development and implementation of psychological assistance programmes, aimed at teaching adequate mechanisms for coping with a life-meaning crisis for students of secondary and higher educational institutions, as well as for young employees.

Keywords: life-meaning crisis, alexithymia, reflection, tolerance for uncertainty, young age

For citation: Skirtach, I.A., Pakhomova, V.A. (2024). Manifestation of Life Meaning Crisis at Youth. *National Psychological Journal*, 19(2), 11–22. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0201>

Введение

Проблеме смысла жизни психологическое сообщество особое внимание начало уделять в первые годы после окончания Второй мировой войны. Именно в тот период вопрос о потере смысла существования впервые стал отличительной чертой целого общества (Леонтьев, 2022). На сегодняшний день данная тема не теряет своей актуальности (Martela, 2020). Было показано, что наличие смысла жизни повышает показатель счастья и общей удовлетворенности жизнью (Arslan et al., 2022; Li, 2021; Li, 2018; Krok et al., 2019; Szcześniak, 2020; Wang et al., 2021). Недавние исследо-

вания показали, что оно также уменьшает негативные последствия жестокого обращения и ограждает от негативного влияния пандемии на удовлетворенность жизнью (Wang, 2022; Yildirim et al., 2021; Arslan et al., 2022; Karataş et al., 2021; Trzebiński et al., 2020). Наличие смысла жизни является необходимым элементом в положительном влиянии социальных связей на посттравматический рост и устойчивость молодых людей (Aliche et al., 2019; Weber et al., 2020; Gross et al., 2019). Кроме того, смысл жизни действует как защитный фактор против суицидального поведения (Flynn, 2021; Costanza et al., 2019; Corona et al., 2019; Costanza et al., 2020).

Так что же такое смысл жизни, почему проблема смысла жизни может становиться актуальной для человека?

Д.А. Леонтьев определяет смысл жизни как «объективную характеристику места и роли объектов, явлений и событий действительности и действий субъекта в контексте его жизни» (Леонтьев, 2003, с. 305).

В. Франкл утверждал, что людям свойственна «воля к смыслу», врожденное стремление найти смысл и значимость в своей жизни, и что неспособность достичь смысла приводит к психологическому стрессу (Франкл, 1990).

С субъективной точки зрения данный кризис переживается как глобальная неудовлетворенность жизнью. Такой человек ощущает потерю «красок», не может найти то, что будет для него действительно интересным. Это влечет за собой потерю продуктивности, дефолт целей и ценностей, основным мотивом поведения становится поиск того, что сможет сиюминутно заполнить пустоту, дать иллюзию деятельности, состоящей из поверхностной активности, не требующей глубокого погружения, напряжения и самопросвещения. В отсутствие мотивации к деятельности и при падении уровня притязаний на саморазвитие человеку становится сложно расставить приоритеты в отношении ценностей, при этом имеет место рассогласование того, что для него эмоционально значимо и тех представлений, которыми личность руководствуется на деле при реализации поведения.

Ответственность за течение своей жизни такой человек склонен передавать во власть обстоятельств или других людей, исключая принятие собственной ответственности за происходящее в жизни.

С точки зрения возрастного подхода (психодинамическое, гуманистическое, психосоциальное и антропологическое направление), смысложизненный кризис — это момент развития личности, который имеет ясные причины и следствия, а также четкую локализацию на возрастной шкале. Детерминирован данный кризис, с точки зрения этого подхода, эндогенными факторами и является нормативным феноменом.

Персоналогический подход (экзистенциальная, гуманистическая и субъектно-деятельностная психология), в свою очередь, исходит из того, что смысложизненный кризис является психическим состоянием, которое отражает динамику взаимодействия личности с собственной жизнью. В данном подходе предусматривается наличие в структуре личности ценностно-смыслового уровня, ролью которого является регуляционная и организующая функции в отношении психической активности. Детерминирован данный кризис, с точки зрения этого подхода, экзогенными факторами и является феноменом из области психопатологии (Карпинский, 2017).

В качестве факторов, которые способствуют развитию кризиса смысла жизни, отмечают (Карпинский, 2017):

- дефицит подлинных смысложизненных ценностей;
- высокие темпы социальных перемен, информационные перегрузки;
- разрушение социальных связей;
- подмена смысложизненных ценностей «суррогатными» псевдоценностями тоталитарных идеологий;
- утрата родовой сущности.

Исследования подтвердили связь между кризисом смысла жизни и психологическими расстройствами. Авторы отмечают связь отсутствия смысла жизни с депрессией, тревогой, суицидальными мыслями и злоупотреблением психоактивными веществами (Szcześniak et al., 2022).

Также есть данные о том, что наличие смысла существования положительно связано с удовольствием от работы, удовлетворенностью жизнью, счастьем и другими показателями психологического здоровья (Ruggeri et al., 2020).

Негативные последствия кризиса смысла жизни закономерно обуславливают рост внимания исследователей к этой проблеме. При этом его можно понимать как кризис развития личности, который может быть связан с отсутствием смысла в жизни из-за сниженной способности к его определению, утратой, истощением, а также обесцениванием имевшегося ранее смысла (Карпинский, 2017). Отражением данного кризиса в жизни человека становится неспособность к установлению собственной системы ценностей из числа тех, что одновременно сосуществуют в обществе.

Разные виды рефлексии, предположительно, по-разному оказывают влияние на этот процесс. В рамках дифференциального подхода Д.А. Леонтьев и Е.Н. Осин выделили три вида рефлексии:

1. Интроспекция, под которой понимается самокопание. Она связана с сосредоточенностью на собственном состоянии, собственных переживаниях.
2. Системная рефлексия, которая связана с самодистанцированием и взглядом на себя со стороны, позволяет охватить одновременно полюс субъекта и полюс объекта.
3. Квазирефлексия, которая направлена на объект, не имеющий отношения к актуальной жизненной ситуации и связана с отрывом от актуальной ситуации бытия в мире (Леонтьев и др., 2014).

Настоящее эмпирическое исследование проводилось на основе данной классификации.

А.Н. Леонтьев утверждает, что личностный смысл появляется в сознании в форме эмоции, а эмоции являются своего рода индикаторами смысла в сознании, сигналами о личностном смысле объектов и ситуаций внешнего мира (Леонтьев и др., 1975). Д.А. Леонтьев пишет, что эмоции выполняют функцию репрезентации личностного смысла на осознаваемом уровне, привлекая к нему внимание и ставя задачу на его содержательное раскрытие (Леонтьев, 2003). Этому процессу может препятствовать алекситимия,

которая представляет собой низкий уровень развития аффективных и когнитивных процессов (Зинченко и др., 2008).

Степень толерантности к неопределенности также может оказывать существенное влияние на процесс образования целостной картины мира и понимания своего места в нем, т.к. люди с низким уровнем толерантности к неопределенности испытывают отвращение к неоднозначным ситуациям, недостаток информации затрудняет у них оценку риска и правильное принятие решения. Существует связь между низким уровнем толерантности к неопределенности (т.е. способностью работать в условиях отсутствия надежной, достоверной и адекватной информации) и низким уровнем психологического благополучия (Hancock et al., 2020).

Настоящее исследование носит эмпирический характер и направлено на изучение характера между субъективными переживаниями, характерными для кризиса смысла жизни, и другими психологическими феноменами, которым в данном контексте современными исследователями уделяется недостаточное внимание.

Описание хода исследования

Целью данного исследования стало изучение особенностей проявления кризиса смысла жизни у лиц молодого возраста с различной степенью алекситимии, рефлексии и толерантности к неопределенности.

Нами были выдвинуты следующие **гипотезы**:

1. Лица с разной степенью выраженности субъективных переживаний кризиса смысла жизни отличаются по показателям рефлексии, алекситимии, толерантности к неопределенности.
2. Мужчины и женщины не отличаются выраженностью кризиса смысла жизни.

Исходя из поставленных целей и гипотез, были определены эмпирические **задачи** исследования:

1. Изучить особенности проявления кризиса смысла жизни, алекситимии, рефлексии и толерантности к неопределенности у лиц молодого возраста.
2. Определить, имеются ли различия в данных характеристиках у мужчин и женщин.
3. Изучить связь между особенностями проявления кризиса смысла жизни, алекситимии, рефлексии, толерантности к неопределенности и полом испытуемых.

Сбор данных проводился в дистанционном формате с использованием Google Forms.

Методы

Нами был использован следующий психодиагностический инструментарий: «Опросник смысложизненного кризиса» К.В. Карпинского, «Торонтская Алекситимическая Шкала», опросник «Дифферен-

циальный тип рефлексии» Д.А. Леонтьева, «Шкала толерантности к неопределенности Баднера» версии Г.У. Солдатовой.

«Опросник смысложизненного кризиса» К.В. Карпинского предназначен для определения уровня общей осмысленности и смысловой регуляции жизни. Опросник состоит из прямых и обратных утверждений. Респонденту требуется оценить, в какой степени каждое утверждение справедливо применительно к нему. Чем выше итоговый показатель, тем сильнее, устойчивее и глубже человек переживает симптомы бессмысленности. Высокие баллы по опроснику указывают на низкий уровень осмысленности и наличие специфических затруднений в смысловой регуляции и смыслообразовании жизненного пути (Карпинский, 2008).

«Торонтская Алекситимическая Шкала» была использована нами в версии TAS-20. Она позволяет рассмотреть выраженность алекситимии с точки зрения трех компонентов: трудность идентификации чувств, трудность описания чувств и внешне-ориентированное мышление.

Опросник «Дифференциальный тип рефлексии», разработанный Д.А. Леонтьевым с соавт., позволил диагностировать у респондентов тип рефлексии как устойчивой личностной черты: интроспекцию, системную рефлексию и квазирефлексию (Леонтьев, 2014).

«Шкала толерантности к неопределенности Баднера» была использована нами в версии Г.У. Солдатовой, так как предполагает извлечение показателей трех шкал: новизна, сложность и неразрешимость.

Достоверность полученных результатов обеспечивалась методической обоснованностью процедуры эмпирического исследования, использованием методов математической статистики: описательная статистика, параметрический Т-критерий Стьюдента, непараметрический U-критерий Манна — Уитни, дисперсионный анализ ANOVA, post-hoc анализ Фишера, корреляционный анализ по Спирмену. Для математической обработки данных были использованы программные продукты Microsoft Excel, Statistica 10.0.

Выборка

Данное эмпирическое исследование является пилотажным. Выборка респондентов составила 47 человек в возрасте от 18 до 25 лет ($M = 20,95$; $SD = 2,18$). Из них 17 (36,2%) юношей и 30 (63,8%) девушек.

Участие в исследовании носило добровольный характер. От всех испытуемых было получено информированное согласие на участие в эксперименте.

Результаты исследования

Исследование различий по признаку выраженности кризиса смысла жизни между группами мужчин и женщин обнаружило достоверно значимые

различия. У мужчин этот показатель более выражен ($t = -2,51, df = 45, p = 0,015$).

По степени выраженности кризиса смысла жизни было выделено 3 группы. Люди с разным уровнем выраженности достоверно отличаются по уровню алекситимии. При этом *post-hoc* анализ Фишера позволяет сказать, что наиболее значительно отличаются между собой группы с высоким и низким, высоким и средним уровнем кризиса смысла жизни. Также значимые отличия выявлены по уровню рефлексии: группа с высоким уровнем кризиса смысла жизни значимо отличается от группы с низким уровнем. По уровню толерантности к неразрешимости наиболее значительно отличаются между собой группы с низким и средним, с низким и высоким уровнем выраженности кризиса смысла жизни. Результаты представлены в таблицах 1, 2, 3 и 4.

Таблица 1

Результаты сравнения показателей алекситимии, рефлексии и толерантности к неразрешимости у лиц с разной степенью выраженности кризиса смысла жизни при помощи дисперсионного анализа ANOVA

Показатель	F	df	p
Алекситимия	3,038	27	0,007
Рефлексия	1,055	31	0,473
Толерантность к неразрешимости	1,127	14	0,373

Table 1

Results of comparison on the indicators of alexithymia, reflection, and tolerance to insolubility in individuals with different degrees of severity of a life-meaning crisis using ANOVA analysis of variance

Indicator	F	df	p
Alexithymia	3.038	27	0.007
Reflection	1.055	31	0.473
Tolerance to insolubility	1.127	14	0.373

Таблица 2

Результаты сравнения показателей алекситимии у лиц с разной степенью выраженности кризиса смысла жизни при помощи *post-hoc* анализа Фишера

Уровень выраженности кризиса смысла жизни	Низкий	Средний	Высокий
Низкий		$p = 0,227$	$p = 0,002$
Средний	$p = 0,227$		$p = 0,027$
Высокий	$p = 0,002$	$p = 0,027$	

Table 2

Results of comparison on the indicators of alexithymia in individuals with varying degrees of severity of the life-meaning crisis using Fisher's *post-hoc* analysis

The level of severity of the life-meaning crisis	Low	Medium	High
Low		$p = 0.227$	$p = 0.002$
Medium	$p = 0.227$		$p = 0.027$
High	$p = 0.002$	$p = 0.027$	

Степень выраженности кризиса смысла жизни связана с трудностями определения и описания чувств. Это не невозможность почувствовать свои эмоции, а, скорее, невозможность связать их с соответствующими мысленными представлениями и, таким образом, выразить их вербально. Такие люди склонны действовать непринужденно, говорить обстоятельно и испытывать трудности во взаимоотношениях (Smith et al., 1992). Другими словами, алекситимия представляет собой низкий уровень развития аффективных и когнитивных процессов. Таким образом, у лиц с выраженной алекситимией происходит нарушение репрезентации личностного смысла на осознаваемом уровне. Могут возникать проблемы с упорядочиванием по значимости для себя ценностей, которые, будучи источниками смысла жизни, приводят к тому, что человек занимается «пустой» для себя деятельностью, не имеющей истинной ценности, не приносящей внутреннего согласия.

Для успешного преодоления возникающих жизненных трудностей человеку необходимо обладать развитой рефлексией. Именно эта характеристика обеспечивает тот потенциал, который несет ответственность за самореализацию и самосохранение. Человек способный на рефлексию видит смысл в своих поступках, может получать удовольствие от того, что делает, понимать, что он может сделать, и ощущает собственное право на действие. В своем обзоре Nolen-Hoeksema S., Wisco B.E., Lyubomirsky S. показывают, что существуют многочисленные подтверждения связи навязчивой рефлексии с нейротизмом, дезадаптивными копинг-стратегиями, пессимизмом, депрессией. При этом наблюдаются отрицательные связи с успешным решением проблем и социальной поддержкой (Nolen-Hoeksema et al., 2008). А это в свою очередь повышает вероятность развития кризиса смысла жизни. Рефлексия обеспечивает процесс осмысления и переосмысления экзистенциального опыта, которые возникают в ситуации жизненного кризиса, поиск экзистенциальных смыслов в пережитом опыте, что способствует большей степени осознанности. Вот почему лица с меньшей выраженностью кризиса смысла жизни обладают более высоким уровнем рефлексии.

Таблица 3
Результаты сравнения показателей рефлексии у лиц с разной степенью выраженности кризиса смысла жизни при помощи post-hoc анализа Фишера

Уровень выраженности кризиса смысла жизни	Низкий	Средний	Высокий
Низкий		p = 0,328	p = 0,048
Средний	p = 0,328		p = 0,224
Высокий	p = 0,048	p = 0,224	

Table 3
Comparison of the results on reflection indicators in individuals with different degrees of severity of a life-meaning crisis using Fisher's post-hoc analysis

The level of severity of the life-meaning crisis	Low	Medium	High
Low		p = 0.328	p = 0.048
Medium	p = 0.328		p = 0.224
High	p = 0.048	p = 0.224	

Таблица 4
Результаты сравнения показателей толерантности к неразрешимости у лиц с разной степенью выраженности кризиса смысла жизни при помощи post-hoc анализа Фишера

Уровень выраженности кризиса смысла жизни	Низкий	Средний	Высокий
Низкий		p = 0,032	p = 0,020
Средний	p = 0,032		p = 0,696
Высокий	p = 0,020	p = 0,696	

Table 4
Results of comparison on the indicators of tolerance to insolubility in individuals with different degrees of severity of a life-meaning crisis using Fisher's post-hoc analysis

The level of severity of the life-meaning crisis	Low	Medium	High
Low		p = 0.032	p = 0.020
Medium	p = 0.032		p = 0.696
High	p = 0.020	p = 0.696	

В различных жизненных ситуациях может присутствовать область неопределенности. Человек, попадая в эту зону может проявить свои качества по отношению к подобным непредвиденным ситуациям, продемонстрировав толерантность или нетолерантность к ее воздействию. Общественно-историческое развитие диктует нам условия постоянного расширения «зон неопределенности». Тем самым повышается

уровень требований к личности в части самостоятельности в принятии решений и ответственности за эти решения. Человек с низкой толерантностью к неопределенности склонен сопротивляться изменениям, при принятии решений спешит с выбором, при этом, как правило, не рассматривает несколько возможных удачных альтернатив, тем самым ограничивая диапазон своих возможностей. Такой черно-белый взгляд на жизнь снижает адаптационные возможности (Сиротюк, 2015). Личность с высокими показателями кризиса смысла жизни тяжело переносит неопределенность и тревогу относительно негарантированного и непредсказуемого будущего. Такая личность не способна принять неопределенность как норму жизни, а значит, не готова творчески преобразовывать окружающую действительность в субъективную определенность (Любачевская, 2013).

Корреляционный анализ показал наличие слабой положительной связи между выраженностью кризиса смысла жизни и уровнем алекситимии, трудностей идентификации чувств, трудностей описания чувств, рефлексии, интроспекции, квази-рефлексии и слабой отрицательной — с выраженностью интолерантности к неразрешимости. Уровень интроспекции имеет слабую положительную связь с выраженностью алекситимии, трудностей идентификации и трудностей описания чувств, а уровень экстернальности мышления — умеренную отрицательную связь с уровнем системной рефлексии. Связи уровня алекситимии и ее компонентов с выраженностью толерантности к неопределенности и ее компонентов не обнаружено. Также была обнаружена слабая отрицательная связь уровня квази-рефлексии и интолерантности к неразрешимости. Результаты представлены в таблице 5.

В то же время в группе испытуемых-мужчин выраженность кризиса смысла жизни имеет умеренную положительную связь с выраженностью трудностей идентификации чувств и слабую — с уровнем интроспекции и толерантности к сложностям. Также уровень рефлексии имеет умеренную отрицательную связь с выраженностью толерантности к неразрешимости. В то же время уровень алекситимии в данной группе не имеет связи с выраженностью рефлексии и толерантности к неопределенности и их компонентами.

Для испытуемых-женщин характерна слабая положительная связь выраженности кризиса смысла жизни с выраженностью алекситимии, трудностей идентификации чувств и трудностей описания чувств, квазирефлексии и слабая отрицательная связь с выраженностью толерантности к неразрешимости. В то же время уровень алекситимии имеет слабую положительную связь с выраженностью рефлексии и интроспекции и не имеет связи с выраженностью толерантности к неопределенности и ее компонентами. Уровень рефлексии также не имеет связи с выраженностью данного признака. Результаты представлены в таблице 6.

Таблица 5

Значимые результаты корреляционного анализа для показателей степени выраженности кризиса смысла жизни, алекситимии, рефлексии и толерантности к неопределенности у лиц молодого возраста (**корреляция значима на уровне 0,01; *корреляция значима на уровне 0,05)

Показатель	Алекситимия	Трудности идентификации чувств	Трудности описания чувств	Рефлексия	Интроспекция	Квази-рефлексия	Интолерантность к неразрешимости	Системная рефлексия
Кризис смысла жизни	0,440**	0,454**	0,358**	0,311*	0,326*	0,457**	-0,392**	
Интроспекция	0,424**	0,469**	0,321*					
Экстернальность мышления								-0,505**
Квазирефлексия							-0,352**	

Table 5

Significant results of the correlation analysis for the indicators of the severity of life-meaning crisis, alexithymia, reflection, and tolerance for uncertainty in young people (**significance of correlation at the level of 0.01; *significance of correlation at the level of 0.05)

Indicator	Alexithymia	Difficulties in identifying feelings	Difficulties in describing feelings	Reflection	Introspection	Quasi-reflection	Intolerance to insolubility	Systemic reflection
Life-meaning crisis	0.440**	0.454**	0.358**	0.311*	0.326*	0.457**	-0.392**	
Introspection	0.424**	0.469**	0.321*					
Externality of thinking								-0.505**
Quasi-reflection							-0.352**	

Таблица 6

Значимые результаты корреляционного анализа для показателей степени выраженности кризиса смысла жизни, алекситимии, рефлексии и толерантности к неопределенности в группе испытуемых-мужчин и испытуемых-женщин (**корреляция значима на уровне 0,01; *корреляция значима на уровне 0,05)

Показатель	Мужчины				Женщины						
	Трудности идентификации чувств	Интроспекция	Интолерантность к сложности	Интолерантность к неразрешимости	Алекситимия	Трудности идентификации чувств	Трудности описания чувств	Квазирефлексия	Интолерантность к неразрешимости	Рефлексия	Интроспекция
Кризис смысла жизни	0,511*	0,493*	0,498*		0,482**	0,477**	0,459**	0,384*	-0,425*		
Рефлексия											
Алекситимия										0,376*	0,475**

Table 6

Significant results of correlation analysis for indicators of the degree of severity of the life meaning crisis, alexithymia, reflection, and tolerance for uncertainty in the groups of male and female subjects (**correlation is significant at the level of 0.01; *correlation is significant at the level of 0.05)

Indicator	Men					Women					
	Difficulties in identifying feelings	Introspection	Intolerance to complexity	Intolerance to insolubility	Alexithymia	Difficulties in identifying feelings	Difficulties in describing feelings	Quasi-reflection	Intolerance to insolubility	Reflection	Introspection
Life-meaning crisis	0.511*	0.493*	0.498*		0.482**	0.477**	0.459**	0.384*	-0.425*		
Reflection				-0.563**							
Alexithymia										0.376*	0.475**

Таким образом, результаты эмпирического исследования частично подтвердили выдвинутые нами гипотезы.

Обсуждение результатов

В ходе нашего исследования было обнаружено, что имеется положительная корреляция между высоким уровнем алекситимией и высоким показателем выраженности кризиса смысла жизни. О связи смысла жизни и способности осознавать и определять эмоции рассуждал еще А.Н. Леонтьев, который утверждал, что личностный смысл появляется в сознании в форме эмоции, а эмоции являются своего рода индикаторами смысла в сознании, сигналами о личностном смысле объектов и ситуаций внешнего мира (Леонтьев и др., 1975). Результаты исследования О'Коннора выявили значительную отрицательную связь между алекситимией и смыслом жизни (O'Connor, 2018). В другой работе было также показано, что высокий показатель алекситимии уменьшает положительное влияние поддержки и безопасности в раннем возрасте на формирование смысла жизни (Wang et al., 2022). В работе, посвященной пониманию смысла жизни людей, имеющих болезнь Альцгеймера, авторами высказывается предположение о том, что гедонистические переживания могут быть не только следствием наличия смысла жизни, но и по мере снижения когнитивных способностей становиться его источником (Dewitte et al., 2021). В таком случае трудности с опознаванием и переживанием эмоций могут вести и к наличию трудностей в переживании смысла жизни.

В ходе упомянутого выше исследования участниками также подчеркивалась важность принятия своих ограничений и приспособления к ним (Dewitte et al., 2021). Это может указывать на значительную роль в процессе разрешения кризиса смысла жизни такой

характеристики, как толерантность к неопределенности, низкие показатели которой, как показало наше исследование, связаны с более высокими показателями выраженности кризиса смысла жизни. Также было показано, что оптимизм (позитивная оценка того, что будет происходить) является посредником в отношениях между смыслом жизни и психологическим благополучием (Krok et al., 2019). Исследование Гаррисона с соавторами выявило, что показатель наличия смысла жизни был ниже в группе тех респондентов, которые отличались более низкой толерантностью к неопределенности (Garrison et al., 2017).

Существуют данные, подтверждающие наличие защитной функции рефлексии в отношении потери смысла (Borawski, 2022; Newman et al., 2019). Исследование, проведенное с использованием нейровизуализации, показало, что увеличение связей между нейронами в зонах мозга, ассоциированных с проспективным и ретроспективным анализами, а также целенаправленное размышление о прошлом и будущем ведет к повышению осмысленности жизни (Waytz et al., 2015).

Практическое применение

На основе материалов проведенного исследования возможна разработка и реализация программ психологической помощи студентам средних и высших учебных заведений, а также работникам молодого возраста. Также практическая ценность эмпирических данных состоит в возможности их сопоставления с результатами ранее проведенных исследований, посвященных феномену кризиса смысла жизни.

Заключение

При анализе результатов эмпирического исследования нами был установлен характер связи между

степенью выраженности кризиса смысла жизни и таких показателей, как уровень алекситимии, рефлексии и толерантности к неопределенности, у лиц молодого возраста. Было выявлено, что степень выраженности кризиса смысла жизни связана с трудностями определения и описания чувств, интроспекцией, квази-рефлексией и толерантностью к неразрешимости, а для лиц с высокой выраженностью кризиса смысла жизни характерны высокие показатели алекситимии. Также было показано, что для мужчин характерна большая выраженность субъективных переживаний, характерных для кризиса смысла жизни. При этом степень выраженности связана с такими показате-

лями, как трудность идентификации чувств, интроспекция и интолерантность к сложностям. Уровень рефлексии у мужчин связан со степенью выраженности толерантности к неразрешимости. При этом степень выраженности алекситимии у женщин связана с уровнем рефлексии, в частности с уровнем интроспекции.

Полученные результаты представляют ответ на исследовательский вопрос и обогащают представления о феномене кризиса смысла жизни. Перспективой дальнейших исследований выступает анализ особенностей переживания кризиса смысла жизни в зависимости от религиозных воззрений.

Список литературы

- Зинченко, В.П., Мещеряков, Б.Г. (2008). Большой психологический словарь. Москва: АСТ.
- Карпинский, К.В. (2008). Опросник смысложизненного кризиса. Гродно: Изд-во ГрГУ.
- Карпинский, К.В. (2017). Смысложизненный кризис личности: феноменология, механизмы, закономерности: дисс. докт. психол. наук. Москва.
- Леонтьев, А.Н. (1975). Деятельность. Сознание. Личность. Москва: Политиздат.
- Леонтьев, Д.А., Осин, Е.Н. (2014). Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике. *Психология. Журнал высшей школы экономики*, 11(4), 110–135.
- Леонтьев, Д.А. (2022). Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. Москва: Литрес.
- Любачевская, Е.А. (2013). Толерантность к неопределенности как личностный феномен. *Акмеология*, 3(47), 78–80.
- Сиротюк, М.В. (2015). Исследования толерантности-интолерантности к неопределенности в зарубежной и отечественной психологии. В сборнике: Развитие человека в современном мире. Сборник трудов 6-й Всеросс. науч.-практич. конф. с междунар. участием: в 2 ч. Ч. 1 (С. 228–235). Новосибирск: Изд-во НГПУ.
- Aliche, J.C., Ifeagwazi, C.M., Onyishi, I.E., Mefoh, P.C. (2019). Presence of meaning in life mediates the relations between social support, posttraumatic growth, and resilience in young adult survivors of a terror attack. *Journal of Loss and Trauma*, 24(8), 736–749.
- Arslan, G., Allen, K.A. (2022). Exploring the association between coronavirus stress, meaning in life, psychological flexibility, and subjective well-being. *Psychology, Health & Medicine*, 27(4), 803–814.
- Arslan, G., Genç, E., Yildirim, M., Tanhan, A., Allen, K.A. (2022). Psychological maltreatment, meaning in life, emotions, and psychological health in young adults: A multi-mediation approach. *Children and Youth Services Review*, 132), 106296. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2021.106296>
- Borawski, D. (2022). When you are lonely, look inside yourself: The moderating role of reflection in the relationship between loneliness and meaning in life. *Personality and Individual Differences*, (194), 111662. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111662>
- Corona, C.D., Van Orden, K.A., Wisco, B.E., Pietrzak, R.H. (2019). Meaning in life moderates the association between morally injurious experiences and suicide ideation among US combat veterans: Results from the National Health and Resilience in Veterans Study. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 11(6), 614.
- Costanza, A., Di Marco, S., Burrioni, M., Corasaniti, F., Santinon, P., Prelati, M., Chytas, V., Cedraschi, Ch., Ambrosetti, J. (2020). Meaning in life and demoralization: a mental-health reading perspective of suicidality in the time of COVID-19. *Acta Bio Medica: Atenei Parmensis*, 91(4).
- Costanza, A., Prelati, M., Pompili, M. (2019). The meaning in life in suicidal patients: The presence and the search for constructs. A Systematic Review. *Medicina*, 55(8), 465. <https://doi.org/10.3390/medicina55080465>
- Dewitte, L., Schellekens, T., Steger, M.F., Martela, F., Vanhooren, S., Vandenbulcke, M., Dezutter, J. (2021). What can we learn about the concept of meaning in life from older adults with Alzheimer's disease? A directed content analysis study. *Journal of Happiness Studies*, 22(4), 1–27.
- Flynn, E. (2021). The Impact of Meaning in Life and Reasons for Living on Suicidal Behaviour in Young Adults: A Systematic Review. <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-1047562/v1>
- Garrison, Y.L., Lee, K.H. (2017). Meaning in life among Korean college students based on emotionality and tolerance of uncertainty. *Personality and Individual Differences*, (112), 26–30.
- Gross, G.M., Laws, H., Park, C.L., Hoff, R., Hoffmire, C.A. (2019). Meaning in life following deployment sexual trauma: Prediction of posttraumatic stress symptoms, depressive symptoms, and suicidal ideation. *Psychiatry Research*, (278), 78–85.
- Hancock, J., Mattick, K. (2020). Tolerance of ambiguity and psychological well-being in medical training: a systematic review. *Medical Education*, 54(2), 125–137.
- Karataş, Z., Tagay, Ö. (2021). The relationships between resilience of the adults affected by the covid pandemic in Turkey and Covid-19 fear, meaning in life, life satisfaction, intolerance of uncertainty and hope. *Personality and Individual Differences*, (172), 110592. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110592>
- Krok, D., Gerymski, R. (2019). Self-efficacy as a mediator of the relationship between meaning in life and subjective well-being in cardiac patients. *Current Issues in Personality Psychology*, 7(3), 242–251.
- Krok, D., Telka, E. (2019). Optimism mediates the relationships between meaning in life and subjective and psychological well-being among late adolescents. *Current Issues in Personality Psychology*, 7(1), 32–42.
- Li, J.B., Dou, K., Liang, Y. (2021). The relationship between presence of meaning, search for meaning, and subjective well-being: A three-level meta-analysis based on the meaning in life questionnaire. *Journal of Happiness Studies*, 22(1), 467–489.

- Li, Y. (2018). Building well-being among university teachers: the roles of psychological capital and meaning in life. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 27(5), 594–602.
- Martela, F. (2020). *A wonderful life: Insights on finding a meaningful existence*. New York: HarperCollins.
- Newman, D.B., Nezlek, J.B. (2019). Private self-consciousness in daily life: Relationships between rumination and reflection and well-being, and meaning in daily life. *Personality and Individual Differences*, (136), 184–189.
- Nolen-Hoeksema, S., Wisco, B.E., Lyubomirsky, S. (2008). Rethinking rumination. *Perspectives on Psychological Science*, 3(5), 400–424.
- O'Connor, W.F. (2018). *Alexithymia, Meaning, and Well-being: How Emotional Processes Relate to Meaning in Life and Calling in Career*: dissertation. M. Sci. (Psychology), Fort Collins.
- Ruggeri, K., Garzón, E.G., Maguire, A., Matz, S., Huppert, F. (2020). Well-being is more than happiness and life satisfaction: a multidimensional analysis of 21 countries. *Health and Quality of Life Outcomes*, 18(1), 192. <https://doi.org/10.1186/s12955-020-01423-y>
- Szczęśniak, M., Falewicz, A., Stochalska, K., Rybarski, R. (2022). Anxiety and depression in a non-clinical sample of young Polish adults: presence of meaning in life as a mediator. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(10), 6065. <https://doi.org/10.3390/ijerph19106065>
- Szczęśniak, M., Świątek, A.H., Cieślak, M., Świdurska, D. (2020). Disease acceptance and eudemonic well-being among adults with physical disabilities: The mediator effect of meaning in life. *Frontiers in Psychology*, (11), 525560. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.525560>
- Trzebiński, J., Cabański, M., Czarnecka, J.Z. (2020). Reaction to the COVID-19 pandemic: The influence of meaning in life, life satisfaction, and assumptions on world orderliness and positivity. *Journal of Loss and Trauma*, 25(6-7), 544–557.
- Wang, K.Y., Kealy, D., Cox, D.W. (2022). A Pathway to Meaning in Life: Early Parental Support, Attachment, and the Moderating Role of Alexithymia. *Journal of Adult Development*, 29(4), 1–12.
- Wang, X., Zhang, J., Wu, S., Xiao, W., Wang, Z., Li, F., Liu, X., Miao, D. (2021). Effects of meaning in life on subjective well-being: The mediating role of self-efficacy. *Social Behavior and Personality: an International Journal*, 49(4), 1–11.
- Waytz, A., Hershfield, H.E., Tamir, D.I. (2015). Mental simulation and meaning in life. *Journal of Personality and Social Psychology*, 108(2), 336–355.
- Weber, M.C., Pavlacic, J.M., Gawlik, E.A., Schulenberg, S.E., Buchanan, E.M. (2020). Modeling resilience, meaning in life, posttraumatic growth, and disaster preparedness with two samples of tornado survivors. *Traumatology*, 26(3), 266–277. <https://doi.org/10.1037/trm0000210>
- Yıldırım, M., Arslan, G. (2021). A moderated mediation effect of stress-related growth and meaning in life in the association between coronavirus suffering and satisfaction with life: Development of the stress-related growth measure. *Frontiers in Psychology*, (12), 648236. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.648236>

References

- Aliche, J.C., Ifeagwazi, C.M., Onyishi, I.E., Mefoh, P.C. (2019). Presence of meaning in life mediates the relations between social support, posttraumatic growth, and resilience in young adult survivors of a terror attack. *Journal of Loss and Trauma*, 24(8), 736–749.
- Arslan, G., Allen, K.A. (2022). Exploring the association between coronavirus stress, meaning in life, psychological flexibility, and subjective well-being. *Psychology, Health & Medicine*, 27(4), 803–814.
- Arslan, G., Genç, E., Yıldırım, M., Tanhan, A., Allen, K.A. (2022). Psychological maltreatment, meaning in life, emotions, and psychological health in young adults: A multi-mediation approach. *Children and Youth Services Review*, (132), 106296. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2021.106296>
- Borawski, D. (2022). When you are lonely, look inside yourself: The moderating role of reflection in the relationship between loneliness and meaning in life. *Personality and Individual Differences*, (194), 111662. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111662>
- Corona, C.D., Van Orden, K.A., Wisco, B.E., Pietrzak, R.H. (2019). Meaning in life moderates the association between morally injurious experiences and suicide ideation among US combat veterans: Results from the National Health and Resilience in Veterans Study. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 11(6), 614.
- Costanza, A., Di Marco, S., Burrioni, M., Corasaniti, F., Santinon, P., Prelati, M., Chytas, V., Cedraschi, Ch., Ambrosetti, J. (2020). Meaning in life and demoralization: a mental-health reading perspective of suicidality in the time of COVID-19. *Acta Bio Medica: Atenei Parmensis*, 91(4). <https://doi.org/10.3390/medicina55080465>
- Costanza, A., Prelati, M., Pompili, M. (2019). The meaning in life in suicidal patients: The presence and the search for constructs. A systematic review. *Medicina*, 55(8), 465. <https://doi.org/10.3390/medicina55080465>
- Dewitte, L., Schellekens, T., Steger, M.F., Martela, F., Vanhooren, S., Vandenbulcke, M., Dezutter, J. (2021). What can we learn about the concept of meaning in life from older adults with Alzheimer's disease? A directed content analysis study. *Journal of Happiness Studies*, 22(4), 1–27.
- Flynn, E. (2021). The Impact of Meaning in Life and Reasons for Living on Suicidal Behaviour in Young Adults: A Systematic Review. <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-1047562/v1>
- Garrison, Y.L., Lee, K.H. (2017). Meaning in life among Korean college students based on emotionality and tolerance of uncertainty. *Personality and Individual Differences*, (112), 26–30.
- Gross, G.M., Laws, H., Park, C.L., Hoff, R., Hoffmire, C.A. (2019). Meaning in life following deployment sexual trauma: Prediction of posttraumatic stress symptoms, depressive symptoms, and suicidal ideation. *Psychiatry Research*, (278), 78–85.
- Hancock, J., Mattick, K. (2020). Tolerance of ambiguity and psychological well-being in medical training: a systematic review. *Medical Education*, 54(2), 125–137.
- Karataş, Z., Tagay, Ö. (2021). The relationships between resilience of the adults affected by the covid pandemic in Turkey and Covid-19 fear, meaning in life, life satisfaction, intolerance of uncertainty and hope. *Personality and Individual Differences*, (172), 110592. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110592>

- Karpinskii, K.V. (2008). Life Meaning Crisis Questionnaire. Grodno: Publishing house GrGU. (In Russ.).
- Karpinskii, K.V. (2017). Smyslozhiznennyyi krizis lichnosti: fenomenologiya, mekhanizmy, zakonomernosti: Diss. dokt. psikholog. nauk. (Meaningful Crisis of Personality: Phenomenology, Mechanisms, Patterns). Dr. Sci. (Psychology), Moscow. (In Russ.).
- Krok, D., Gerymski, R. (2019). Self-efficacy as a mediator of the relationship between meaning in life and subjective well-being in cardiac patients. *Current Issues in Personality Psychology*, 7(3), 242–251.
- Krok, D., Telka, E. (2019). Optimism mediates the relationships between meaning in life and subjective and psychological well-being among late adolescents. *Current Issues in Personality Psychology*, 7(1), 32–42.
- Leont'ev, A.N. (1975). Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat. (In Russ.).
- Leont'ev, D.A., Osin, E.N. (2014). Reflection “good” and “bad”: from an explanatory model to differential diagnosis. *Psikhologiya. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki (Psychology. Journal of Higher School of Economics)*, 11(4), 110–135. (In Russ.).
- Leont'ev, D.A. (2022). Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of meaning reality. Moscow: Litres. (In Russ.).
- Li, J.B., Dou, K., Liang, Y. (2021). The relationship between presence of meaning, search for meaning, and subjective well-being: A three-level meta-analysis based on the meaning in life questionnaire. *Journal of Happiness Studies*, 22(1), 467–489.
- Li, Y. (2018). Building well-being among university teachers: the roles of psychological capital and meaning in life. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 27(5), 594–602.
- Lyubachevskaya, E.A. (2013). Tolerance to uncertainty as a personal phenomenon. *Akmeologiya (Acmeology)*, 3(47), 78–80. (In Russ.).
- Martela, F. (2020). A wonderful life: Insights on finding a meaningful existence. New York: HarperCollins.
- Newman, D.B., Nezelek, J.B. (2019). Private self-consciousness in daily life: Relationships between rumination and reflection and well-being, and meaning in daily life. *Personality and Individual Differences*, 136, 184–189.
- Nolen-Hoeksema, S., Wisco, B.E., Lyubomirsky, S. (2008). Rethinking rumination. *Perspectives on Psychological Science*, 3(5), 400–424.
- O'Connor, W.F. (2018). Alexithymia, Meaning, and Well-being: How Emotional Processes Relate to Meaning in Life and Calling in Career: dissertation. M. Sci. (Psychology), Fort Collins.
- Ruggeri, K., Garzón, E.G., Maguire, A., Matz, S., Huppert, F. (2020). Well-being is more than happiness and life satisfaction: a multidimensional analysis of 21 countries. *Health and quality of Life Outcomes*, 18(1), 192. <https://doi.org/10.1186/s12955-020-01423-y>
- Sirotyuk, M.V. (2015). Studies of tolerance-intolerance to uncertainty in foreign and domestic psychology. In the Collection of Human development in the modern world. The 6th All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation: in 2 parts. Part 1 (pp. 228–235). Novosibirsk: Publishing house NGPU. (In Russ.).
- Szcześniak, M., Falewicz, A., Stochalska, K., Rybarski, R. (2022). Anxiety and depression in a non-clinical sample of young polish adults: presence of meaning in life as a mediator. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(10), 6065. <https://doi.org/10.3390/ijerph19106065>
- Szcześniak, M., Świątek, A.H., Cieślak, M., Świdurska, D. (2020). Disease acceptance and eudemonic well-being among adults with physical disabilities: The mediator effect of meaning in life. *Frontiers in Psychology*, (11), 525560. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.525560>
- Trzebiński, J., Cabański, M., Czarnecka, J.Z. (2020). Reaction to the COVID-19 pandemic: The influence of meaning in life, life satisfaction, and assumptions on world orderliness and positivity. *Journal of Loss and Trauma*, 25(6-7), 544–557.
- Wang, K.Y., Kealy, D., Cox, D.W. (2022). A Pathway to Meaning in Life: Early Parental Support, Attachment, and the Moderating Role of Alexithymia. *Journal of Adult Development*, 29(4), 1–12.
- Wang, X., Zhang, J., Wu, S., Xiao, W., Wang, Z., Li, F., Liu, X., Miao, D. (2021). Effects of meaning in life on subjective well-being: The mediating role of self-efficacy. *Social Behavior and Personality: an International Journal*, 49(4), 1–11.
- Waytz, A., Hershfield, H.E., Tamir, D.I. (2015). Mental simulation and meaning in life. *Journal of Personality and Social Psychology*, 108(2), 336–355.
- Weber, M.C., Pavlacic, J.M., Gawlik, E.A., Schulenberg, S.E., Buchanan, E.M. (2020). Modeling resilience, meaning in life, post-traumatic growth, and disaster preparedness with two samples of tornado survivors. *Traumatology*, 26(3), 266–277. <https://doi.org/10.1037/trm0000210>
- Yildirim, M., Arslan, G. (2021). A moderated mediation effect of stress-related growth and meaning in life in the association between coronavirus suffering and satisfaction with life: Development of the stress-related growth measure. *Frontiers in Psychology*, (12), 648236. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.648236>
- Zinchenko, V.P., Meshcheryakov, B.G. (2008). Psychological dictionary. Moscow: AST. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Ирина Анатольевна Скиртач, кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета; доцент кафедры Психофизиология и клиническая психология факультета Психология, педагогика и дефектология Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, iskirtach@sfedu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7024-6087>

Irina A. Skirtach, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Psychophysiology and Clinical Psychology, Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University; Associate Professor at the Department of Psychophysiology and Clinical Psychology, Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation, iskirtach@sfedu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-7024-6087>

Вероника Андреевна Пахомова, студентка Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, nic.pakhomova@yandex.ru, <http://orcid.org/0009-0003-4178-3638>

Veronika A. Pakhomova, Student at the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, nic.pakhomova@yandex.ru, <http://orcid.org/0009-0003-4178-3638>

Поступила: 01.09.2022; получена после доработки: 01.02.2023; принята в печать: 15.05.2024.

Received: 01.09.2022; revised: 01.02.2023; accepted: 15.05.2024.

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0202>
УДК/UDC 159.9

Исследование возможностей метода пассивной изотерапии для снижения информационно-психологического стресса у студентов в период экзаменационной сессии

Д.В. Деулин ✉, В.Е. Петров, А.В. Литвинова, А.Ю. Коджаспиров

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ ddeulin@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Статья посвящена изучению возможности применения метода пассивной изотерапии для коррекции психоэмоциональных состояний обучающихся. Установлено, что демонстрация позитивного художественного фотоконтента после стрессового воздействия на студентов позволяет компенсировать последствия негативного влияния на уровне психоэмоциональных состояний, а именно реализуется протекция по отношению к беспокойству, несобранности, вялости, инертности, пассивному отношению к происходящему, снижению эмоционального фона и генерализации астенического поведения.

Цель данной работы — доказать эффективность пассивной изотерапевтической технологии в рамках психологического механизма преодоления негативных эмоциональных состояний, связанных с информационным воздействием на личность обучающихся.

Выборка. Эмпирическое исследование было реализовано с участием 68 студентов различных (средний возраст — 24,3 года) форм обучения Московского государственного психолого-педагогического университета, Института экономики и культуры.

Методы. Оценка текущего психоэмоционального состояния до и после эксперимента осуществлялась по методике «Самочувствие, активность, настроение» и опросникам определения доминирующего психического состояния и «Определение нервно-психического напряжения». Стрессовое воздействие моделировалось экзаменационной сессией. Пассивная изотерапия предполагала восприятие участниками 12 изображений с позитивным контентом (художественные картины и репродукции с изображением природы, абстракций и позитива, привлекательной тоновой гаммы). Для обработки данных применялись описательная статистика, частотный анализ, оценка различий в группах и сдвига.

Результаты. При исследовании влияния позитивного контента на психоэмоциональное состояние человека, а также его компенсационных возможностей, осуществлялось сопоставление данных до и после эксперимента по Т-критерию сдвига Вилкоксона для зависимых выборок. Сохранение первоначального уровня психоэмоциональных характеристик в контрольной группе в сочетании со снижением таких параметров как «Настроение», «Спокойствие», «Активность» (ДС-6), «Работоспособность», «Удовлетворенность жизнью» в экспериментальной группе можно интерпретировать следующим образом: психоэмоциональное состояние студентов после стресса значительно улучшается в ответ на предъявление позитивного художественного фотоконтента. У испытуемых отмечается снижение уровня беспокойства, появляется активность, положительное эмоциональное реагирование и др.

Выводы. Результаты позволяют совершенствовать технологии психокоррекционной работы и психологической помощи на основе элементов арт-терапии. В качестве основных рекомендаций предлагается использование изотерапевтической технологии после негативного информационного давления на значимые субъекты.

Ключевые слова: информационно-коммуникативные технологии, метод пассивной изотерапии, информационно-психологический стресс, стрессогенный фактор, психоэмоциональное состояние

Для цитирования: Деулин, Д.В., Петров, В.Е., Литвинова, А.В., Коджаспиров, А.Ю. (2024). Исследование возможностей метода пассивной изотерапии для снижения информационно-психологического стресса у студентов в период экзаменационной сессии. *Национальный психологический журнал*, 19(2), 23–35. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0202>

Possibilities of the Passive Image-Therapy Method in Reducing Information and Psychological Stress among Students during the Examination Session

Dmitry V. Deulin ✉, Vladislav E. Petrov, Anna V. Litvinova, Alexey Yu. Kojaspirov

Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

✉ ddeulin@yandex.ru

Abstract

Background. The article is devoted to the study of the possibility of using the method of passive image-therapy to correct the psycho-emotional states of students. It has been established that the demonstration of positive artistic photo content after a stressful impact on students makes it possible to compensate for the consequences of a negative influence at the level of psycho-emotional states, namely, protection is realized in relation to anxiety, lack of concentration, lethargy, inertia, passive attitude to what is happening, as well as to a decrease in the emotional background and generalization of asthenic behaviour.

Objectives. The purpose of this work is to prove the effectiveness of passive image-therapeutic technology within the framework of the psychological mechanism for overcoming negative emotional states associated with informational impact on the personality of students.

Study Participants. An empirical study was carried out with the participation of 68 students of various forms of education at Moscow State Psychological and Pedagogical University, the Institute of Economics and Culture.

Methods. Assessment of the current psycho-emotional state before and after the experiment was carried out with the method "Health, activity, mood", the questionnaire determining the dominant mental state, and the questionnaire "Determination of neuropsychic stress". Stress impact was modeled by an examination session. Passive image-therapy involved the participants' perception of 12 images with positive content (artistic paintings and reproductions depicting nature, abstractions and positive, attractive images). For data processing, descriptive statistics, frequency analysis, assessment of differences in groups and shifts were used.

Results. In the study of the influence of positive content on the psycho-emotional state of a person, as well as its compensatory capabilities, data sets collected before and after the experiment were compared using the Wilcoxon T-shift criterion for dependent samples. Preservation of the initial level of psycho-emotional characteristics in the control group in combination with a decrease in such parameters as "Mood", "Calm", "Activity" (DS-6), "Efficiency", "Satisfaction with life" in the experimental group can be interpreted as follows: psycho-emotional state of students in stress improves significantly in response to the presentation of positive artistic photo content. The subjects noted a decrease in the level of anxiety. Their activity and positive emotional response increase.

Conclusions. The results make it possible to improve the technologies of psycho-corrective work and psychological assistance based on the elements of art therapy. As the main recommendations, it is proposed to use image-therapeutic technology after negative informational pressure on significant subjects.

Keywords: information and communication technologies, passive image-therapy method, information and psychological stress, stress factor, psycho-emotional state

For citation: Deulin, D.V., Petrov, V.E., Litvinova, A.V., Kojaspirov, A.Yu. (2024). Possibilities of the Passive Image-Therapy Method in Reducing Information and Psychological Stress among Students during the Examination Session. *National Psychological Journal*, 19(2), 23–35. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0202>

Введение

Современное информационное пространство, его роль, возможности и использование в жизнедеятельности оказывает значительное влияние на индивидуальное сознание людей. С развитием инновационных информационно-телекоммуникационных технологий человек может иметь неограниченный доступ к информационным ресурсам. Как отмеча-

ют И.М. Богдановская, Г.Ю. Иконникова и Н.Н. Королева (Богдановская и др., 2015), современный мир усложняется, общество объединяется глобальными компьютерными сетями, предоставляющими, по сути, неограниченный доступ к любой информации, что привносит в психологическое бытие индивида много позитивных и негативных аспектов. Потребление информации становится массовым и доступным широким категориям людей различного возраста, социального статуса, культурно-образовательного уровня,

профессиональной принадлежности (Богдановская и др., 2015). Такая доступность, несмотря на очевидные преимущества, создает и определенные проблемы для психологической безопасности личности. В некоторых исследованиях (Мальковская, 2006; Татарко и др., 2022) утверждается, что бум информационных технологий, который был нацелен на усиление роли знаний, на самом деле разрушает их. Сама информация все более коммерциализируется и идеализируется, превращаясь в «клип-образы», предназначенные для символического обмена. Отмечается большая вовлеченность в информационно-коммуникативные технологии молодого поколения. Люди, ориентированные на построение безопасного и стабильного общества, стремятся избегать не критического использования информационных систем, оценивают пребывание в этой среде с точки зрения потенциальных рисков. Подобный паттерн поведения в большей мере свойственен взрослым, которые имеют более выраженные по сравнению с молодежью ценности категорий (групп) «Конформность» и «Безопасность» (Тоффлер, 2003). Интересным результатом анализа ценностной структуры личности, вовлеченной в информационно-коммуникативный контакт, является тот факт, что молодое поколение будет стремиться адаптироваться под «цифровые стандарты», усиливаясь ценности категорий «Гедонизма», «Достижения», «Стимуляции» и «Власти» (Тоффлер, 2003). Нетрудно заметить, что подобные тенденции будут только усиливаться. В наших предыдущих исследованиях установлена взаимосвязь высокого уровня тревожности, стресса и использования гаджетов (Деулин и др., 2020). Значительная часть нервно-психических заболеваний в 70-е годы была связана с темпами и интенсификацией роста промышленного производства, внедрением инновационных технологий, автоматизация и др. (Толочек, 2018, с. 101).

В настоящее время информационные и эмоциональные перегрузки в системе образования могут приводить к «эмоциональному выгоранию» и «профессиональной деформации» обучающихся. Что касается информационного стресса, то он как разновидность психологического может возникать в условиях «информационного давления», когда обучающийся не может справиться с учебными задачами, не успевает принимать решение в требуемом темпе, при высокой ответственности за принимаемые решения (Анцупов, Шипилов, 1999). Информационный стресс представляет безусловный риск для обучающихся. В связи с этим возникает проблема преодоления последствий стрессовых расстройств. На наш взгляд, в условиях воздействия информационного стресса наиболее эффективной технологией будет являться пассивная изотерапия как разновидность арт-терапии. Во многом это связано с универсальностью и доступностью метода, его широкими психокоррекционными возможностями. Например, проанализировав зарубежные исследования, А.И. Копытин отмечает, что занятия изобразительным искусством способствуют устранению симптомов болезни и проявлений стрес-

са (Копытин, 2012). Подтверждение потенциала арт-терапии можно найти в ряде иных исследований. Так, М.В. Киселева указывает на коррекционный потенциал в целом арт-терапевтического метода, который может выражаться: развитием внимания к своим чувствам и переживаниям, что повышает самооценку; предоставлением возможности свободно выразить свои чувства, потребности и фантазии в виде продукта творчества (рисунка, коллажа, скульптуры, звуковой композиции, сказочной истории, танца), освоением новых форм опыта и др. (Киселева, 2007, с. 18). Метод арт-терапии активно используется в лечении психических расстройств (Jingxuan H., et al., 2021). На современном этапе констатируется эффективность применения данного метода в лечении посттравматических стрессовых расстройств (Haeyen S., Staal M., 2021). Использование арт-терапии включает в себя скрытый «катартический метод», открытый еще З. Фрейдом совместно с Й. Брейером (Фрейд, 1995).

Изотерапия как разновидность арт-терапии может позиционироваться как адаптивная копинг-стратегия или художественное творчество — вариант защитно-приспособительного поведения, которое реализуется в ситуации стрессового воздействия (Копытин, 2012).

Пассивная изотерапия как одна из моделей арт-терапии предполагает использование существующих произведений изобразительного искусства путем их анализа и интерпретации (Медведева, 2023). В известном смысле подобный метод требует от психолога особой подготовки в области искусства — знания истории, различных направлений в живописи, влияния значения цвета и формы в этом виде искусства (Жегурова и др., 2019). Через цвет художник передает, а зритель воспринимает духовное значение и содержание произведения искусства. Рассматривая в целом пассивную арт-терапию как возможность пациента использовать художественные произведения, созданные другими людьми (Киселева, 2007). Еще Л.С. Выготский писал, что «...действие искусства, когда оно совершает катарсис и вовлекает в этот очистительный огонь самые интимные, самые жизненно важные потрясения личной души, есть действие социальное» (Выготский, 1998, с. 230).

Трудно переоценить влияние искусства на чувственную сферу человека, расширение его кругозора, активации духовного потенциала личности и др. Как замечал З. Фрейд, всё эстетическое удовольствие, доставляемое нам художником, носит характер такого предварительного удовольствия, а подлинное наслаждение от художественного произведения возникает из снятия напряженностей в нашей душе (Фрейд, 1995). При этом само искусство не только обогащает человека, но и вооружает инструментами к самопознанию и самоконтролю. Искусство помогает формировать морально-нравственные установки, устранять проблемы в общении и обучении, преодолевать соматические симптомы эмоциональных нарушений и т.д.

Искусство, пишет Л.С. Выготский, есть организация нашего поведения на будущее, установка вперед, требование, которое, может быть, никогда и не будет осуществлено, но которое заставляет нас стремиться поверх нашей жизни к тому, что лежит за ней (Выготский, 1998, с. 327). Катарсис есть некий психологический закон, который символично заставил старинного мастера на соборе Парижской богоматери поместить уродливые и страшные изображения чудовищ, блистательные химеры, без которых храм был бы невозможен (Выготский, 1998, с. 308).

Важность пассивной формы изотерапии определяется своеобразным «потреблением» художественного произведения, созданного другими людьми. С точки зрения коррекционного процесса важно соблюдать следующие этапы: предпринимаются усилия активизировать вербально-коммуникативный элемент психики, чтобы обследуемый делился своими впечатлениями и переживаниями; формируется впечатление о самом рисунке у обследуемого, субъективный рассказ, активизирующий его переживания; делается акцент на деталях рисунка, их описании и интерпретации; помогает обследуемому понять самого себя и свои переживания. Живопись воплощает свое содержание в чувственном внешнем образе человека или отдельных вещей и явлений природы. Материалом, которым она пользуется в качестве изобразительного средства, являются свет и цвет. На психоэмоциональное состояние человека может оказывать глубокое влияние цвет как физическое явление. В целом, изотерапия используется при решении проблемы социально-культурной адаптации (Ю.П. Куприна); при работе с подростками, находящимися в социально опасном положении (А.Н. Свиридова, Н.В. Басалева); в психосоциальной работе с детьми (А.Н. Полуянова); использование метафорического рисунка (Kagan, 1998) и др.

Несмотря на определенную проработанность вопросов теории и практики арт-терапии, возможности пассивной изотерапии изучены не в полном объеме. Именно подобное обстоятельство обуславливает актуальность настоящего научного исследования.

Гипотеза

Для проверки научной гипотезы о том, что демонстрация позитивного изобразительного контента (пассивная изотерапия, фотографии полотен известных живописцев и авторские картины) после информационно-психологического стрессового воздействия в период экзаменационной сессии на студента позволяет компенсировать последствия негативного влияния на уровне психоэмоциональных состояний, нами были определены следующие частные задачи: 1) определить технологию применения пассивной изотерапии для коррекции негативного информационно-психологического воздействия; 2) изучить

возможности пассивной изотерапии как метода коррекции определенных стрессовых состояний.

Методы исследования

Для достижения целей исследования использовались следующие методы: САН; ДС-6; «Определение нервно-психического напряжения» (Т. Немчин). В качестве статистических методов использовались U-критерий Манна — Уитни и T-критерия Вилкоксона. Использование данных методов обосновывается их динамичностью и оперативностью оценки исследуемых психоэмоциональных состояний респондентов. Программа эксперимента предусматривала следующую организацию, стандартизированную под его цель:

- оценка текущего психоэмоционального состояния по методике «Самочувствие, активность, настроение» (САН, В.А. Доскин и др.) и методике определения доминирующего психического состояния (ДС-6, Л.В. Куликов), «Определение нервно-психического напряжения» (Т. Немчин), а также по авторской анкете оценки психоэмоционального состояния; обследование проводилось в бланковом варианте в течение 3–5 минут с последующей обработкой данных на АРМ «Мультиспихометр» (диагностические методики) и в программном продукте MS Excel (анкета);
- формирование экспериментальной и контрольной групп (рандомизированное распределение по 34 человека в каждой по уровню стресса) с максимально возможным подобием исходного психоэмоционального состояния, а также иных объективных характеристик (пол, возраст);
- инструктирование испытуемого в экспериментальной группе — «Сейчас Вам будут показаны фотографии художественной направленности. Необходимо внимательно их рассмотреть, постараться проникнуться восприятием увиденного (художественные картины и репродукции с изображением природы, абстракций и положительного изобразительного контента с привлекательной тоновой гаммой). После этого мы оценим ваше текущее состояние повторно»; инструктирование проведено спустя 2–3 минуты после первичного психологического обследования;
- экспозиция фоторяда с 12 изображениями с позитивным контентом (Рисунок 1); предъявление изображений осуществлялось с использованием мультимедиа (компьютера и проектора) в режиме демонстрации PowerPoint с 45-секундной экспозицией каждого элемента; отбор фотографий с изображением картин (авторские картины Деулина Д.В. и работы русских живописцев И. Айвазовского, И. Левитана, В. Серова и др.) осуществлялся по следующим параметрам: положительная семантика содержания картины, насыщенные, яркие оттенки, сцены природы;

- использование картин отечественных художников было обусловлено тем обстоятельством, что на их полотнах отображается традиционный пейзаж, передающий «географию» мест проживания обследуемых лиц;
- студенты контрольной группы находились в аудитории (изолированно друг от друга, были поглощены собственными мыслями, они не подвергались экспериментальному «изотерапевтическому» воздействию);
- повторная оценка текущего психоэмоционального состояния по методикам САН и ДС-6, а также анкета самооценки динамики состояния для всех участников эксперимента.

Общая продолжительность экспериментальной части исследования заняла около 30 минут на одного участника.

Для корректной математико-статистической обработки (описательная статистика, частотный ана-

лиз, оценка различий в независимых и зависимых выборках) экспериментальные данные переводились в шкалу стен. Применялся статистический пакет SPSS 13.0 for Windows.

Выборка

Для реализации поставленной цели и задач в 2022 году нами было проведено соответствующее научное исследование. В нем участвовало 68 человек (53 жен., 15 муж.; студенты или магистранты различных форм обучения Московского государственного психолого-педагогического университета — 16 чел. и Института экономики и культуры — 52 чел.; средний возраст — 24,3 года, СКО — 2,6). Эксперимент был реализован в учебной аудитории в индивидуальной форме с применением средств мультимедиа.

Рисунок 1

Иллюстрация авторской картины (работа Д.В. Деулина) по мотивам работ художника Л.А. Афремова (изображение)

Figure 1

Illustration of the author's painting (work by D.V. Deulin) based on the works of the artist L.A. Afremova (image)

Результаты исследования

На основе описательной статистики (Таблица 1) был сделан вывод о средней выраженности уровня стресса: повышение показателей психического напряжения, активности, работоспособности, сни-

женные показатели по самочувствию, настроению и эмоциональной устойчивости. Для определения конгруэнтности контрольной и экспериментальной групп проведено сравнение этих выборок по U-критерию Манна — Уитни по каждому из показателей (Рисунок 2).

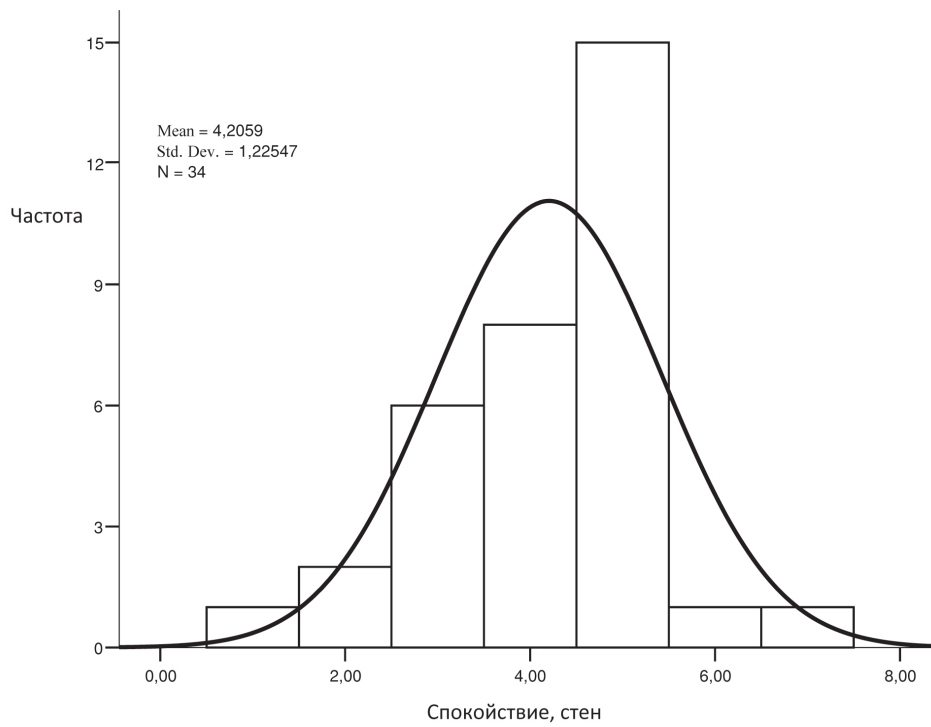

Рисунок 2
Распределение показателя «Спокойствие» для обобщенной выборки до начала эксперимента

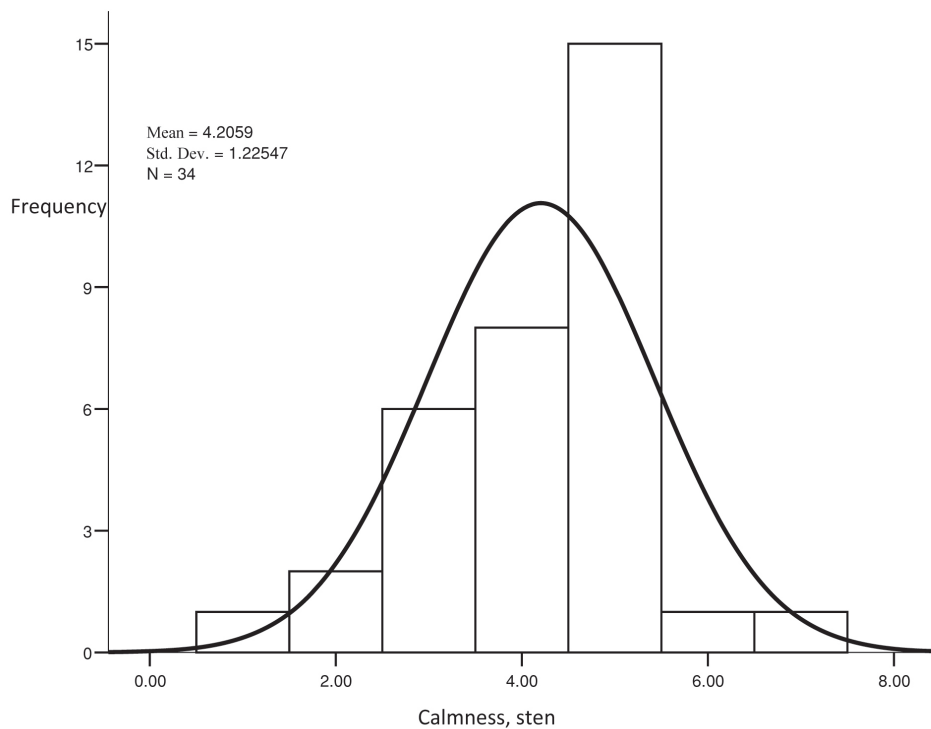

Figure 2
Distribution of the “Calmness” indicator for the generalized sample before the start of the experiment

Несмотря на некоторые отличия в средних на начало эксперимента, статистически значимых различий выявлено не было ($U_{\text{эпм}} = 98...107$), что указывает

на потенциальную достоверность последующих внутригрупповых различий.

Таблица 1

Уровень стресса у студентов перед сессией (экспериментальная и контрольная группы)

Показатель	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	X_{cp}	s_x	X_{cp}	s_x
Психическое напряжение	48,648	3,376	49,148	3,056
Самочувствие (САН)	4,412	1,970	4,353	1,786
Активность (САН)	4,176	2,481	4,882	2,351
Настроение (САН)	4,353	0,786	4,059	1,029
Активность (ДС-6)	4,471	1,908	5,294	1,863
Работоспособность (ДС-6)	3,294	1,795	4,765	2,047
Спокойствие (ДС-6)	4,529	0,800	3,882	1,495
Эмоциональная устойчивость (ДС-6)	3,294	1,649	3,647	2,290
Удовлетворенность жизнью (ДС-6)	4,176	1,286	4,412	1,176

Table 1

The level of stress among students before the session (experimental and control groups)

Index	Experimental group		Control group	
	X_{cp}	s_x	X_{cp}	s_x
Mental stress	48.648	3.376	49.148	3.056
Well-Being (SAN)	4.412	1.970	4.353	1.786
Activity (SAN)	4.176	2.481	4.882	2.351
Mood (SAN)	4.353	0.786	4.059	1.029
Activity (DS-6)	4.471	1.908	5.294	1.863
Working capacity (DS-6)	3.294	1.795	4.765	2.047
Tranquility (DS-6)	4.529	0.800	3.882	1.495
Emotional stability (DS-6)	3.294	1.649	3.647	2.290
Satisfaction with life (DS-6)	4.176	1.286	4.412	1.176

В ходе эксперимента для нормализации психического состояния испытуемым предложено в течение 5 дней перед сдачей зачетов (участникам экспериментальной группы) просмотреть фоторяд из 12 изображений по стандартизированной технологии, но с позитивным контентом (художественные картины и репродукции с изображением природы, абстракций и позитива, привлекательной тоновой гаммы). С контрольной группой изотерапия не проводилась. Выбор экспозиций

живописи был predetermined теоретическими и экспериментальными научными работами, доказывающими положительный терапевтический эффект от арт-терапии (использование полотен живописцев) в психотравмирующих ситуациях (Копытин, 2006).

После каждого сеанса проводилась повторная оценка текущего психоэмоционального состояния. Результаты представлены по средним показателям всей серии из 5 измерений в Таблице 2.

Таблица 2
Уровень стресса у студентов после применения изотерапии (экспериментальная группа)

Показатель	X_{cp}	s_x
Психическое напряжение	40,532	3,225
Самочувствие (САН)	3,353	1,115
Активность (САН)	3,235	1,640
Настроение (САН)	2,824***	1,185
Активность (ДС-6)	3,118*	0,857
Работоспособность (ДС-6)	2,176*	0,883
Спокойствие (ДС-6)	3,059***	1,249
Эмоциональная устойчивость (ДС-6)	2,824	1,510
Удовлетворенность жизнью (ДС-6)	3,000*	1,323

* $p \leq 0,05$; *** $p \leq 0,001$

При исследовании влияния позитивного контента на психоэмоциональное состояние человека, а также его компенсационных возможностей, осуществлялось сопоставление данных до и после эксперимента по T-критерию сдвига Вилкоксона для зависимых выборок. В таблице 3 отображаются результаты данных

Table 2
The level of stress in students after image-therapy (experimental group)

Index	X_{cp}	s_x
Mental stress	40.532	3.225
Well-Being (SAN)	3.353	1.115
Activity (SAN)	3.235	1.640
Mood (SAN)	2.824***	1.185
Activity (DS-6)	3.118*	0.857
Working capacity (DS-6)	2.176*	0.883
Tranquility (DS-6)	3.059***	1.249
Emotional stability (DS-6)	2.824	1.510
Satisfaction with life (DS-6)	3.000*	1.323

* $p \leq 0.05$; *** $p \leq 0.001$

сопоставлений. В рамках математического анализа удалось показать, что некоторые характеристики продемонстрировали пусть небольшое, но улучшение — психическое напряжение, «Настроение», «Активность», «Спокойствие», «Эмоциональная устойчивость», «Удовлетворенность жизнью».

Таблица 3
Сравнение результатов описательной статистики в эксперименте (экспериментальная группа)

Показатель	До эксперимента		После эксперимента	
	X_{cp}	s_x	X_{cp}	s_x
Психическое напряжение	48,648	3,376	40,532*	3,012
Самочувствие (САН)	4,412	1,970	4,353	1,115
Активность (САН)	4,176	2,481	4,235	1,640
Настроение (САН)	4,353	0,786	2,824***	1,185
Активность (ДС-6)	4,471	1,908	3,118*	0,857
Работоспособность (ДС-6)	3,294	1,795	2,176*	0,883
Спокойствие (ДС-6)	4,529	0,800	4,059	1,249
Эмоциональная устойчивость (ДС-6)	3,294	1,649	2,824	1,510
Удовлетворенность жизнью (ДС-6)	4,176	1,286	3,000*	1,323

* $p \leq 0,05$; *** $p \leq 0,001$

Важно понимать, что самочувствие студентов определялось субъективными ощущениями, которые отражали физиологический и психологический уровни их комфортности. Студенты отмечали бодрость, положительное психоэмоциональное состояние, подъем и др. В рамках показателя «Активность» как одной из сфер проявления темперамента, определялась интенсивностью и объемом взаимодействия студентов с окружающей образовательной средой. Студенты становились

спокойными, рассудительными, проявляли разумную активность после позитивного влияния изотерапии. Эмоциональная устойчивость у студентов выражалась снижением восприимчивости к неприятным впечатлениям и способностью к волевому овладению излишним эмоциональным возбуждением. Студенты после эксперимента лучше контролировали собственные эмоции и в большей части принимали обдуманные решения.

Table 3

Comparison of the results of descriptive statistics in the experiment (experimental group)

Index	Before the experiment		After the experiment	
	X_{cp}	s_x	X_{cp}	s_x
Mental stress	49.148	3.056	40.532*	3.012
Well-Being (SAN)	4.412	1.970	4.353	1.115
Activity (SAN)	4.176	2.481	4.235	1.640
Mood (SAN)	4.353	0.786	2.824***	1.185
Activity (DS-6)	4.471	1.908	3.118*	0.857
Working capacity (DS-6)	3.294	1.795	2.176*	0.883
Tranquility (DS-6)	4.529	0.800	4.059	1.249
Emotional stability (DS-6)	3.294	1.649	2.824	1.510
Satisfaction with life (DS-6)	4.176	1.286	3.000*	1.323

* $p \leq 0.05$; *** $p \leq 0.001$

Таблица 4

Результаты сравнения показателей описательной статистики в эксперименте (контрольная группа)

Индекс	До эксперимента		После эксперимента	
	X_{cp}	s_x	X_{cp}	s_x
Психический стресс	49,148	3,056	49,532	3,225
Благополучие (САН)	4,353	1,786	4,765	1,455
Активность (САН)	4,882	2,351	5,176	1,867
Настроение (САН)	4,059	1,029	4,235	1,200
Активность (ДС-6)	5,294	1,863	5,471	1,700
Работоспособность (ДС-6)	4,765	2,047	4,706	1,896
Спокойствие (ДС-6)	3,882	1,495	4,000	1,118
Эмоциональная устойчивость (ДС-6)	3,647	2,290	3,765	1,921
Удовлетворенность жизнью (ДС-6)	4,412	1,176	4,941	1,249

Table 4

Results of comparison of indicators of descriptive statistics in the experiment (control group)

Index	Before the experiment		After the experiment	
	X_{cp}	s_x	X_{cp}	s_x
Mental stress	49.148	3.056	49.532	3.225
Well-Being (SAN)	4.353	1.786	4.765	1.455
Activity (SAN)	4.882	2.351	5.176	1.867
Mood (SAN)	4.059	1.029	4.235	1.200
Activity (DS-6)	5.294	1.863	5.471	1.700
Working capacity (DS-6)	4.765	2.047	4.706	1.896
Tranquility (DS-6)	3.882	1.495	4.000	1.118
Emotional stability (DS-6)	3.647	2.290	3.765	1.921
Satisfaction with life (DS-6)	4.412	1.176	4.941	1.249

Обсуждение результатов

При исследовании влияния позитивного контента на психоэмоциональное состояние человека, а также его компенсационных возможностей, осуществлялось сопоставление данных до и после эксперимента по Т-критерию сдвига Вилкоксона для зависимых выборок. В таблицах 3 и 4 отображаются результаты данных сопоставлений. В рамках математического анализа удалось показать, что в обеих группах некоторые характеристики продемонстрировали пусть небольшое (статистически не значимое), но улучшение — «Самочувствие» (САН), «Активность» (САН). При этом показатель «Эмоциональная устойчивость» (ДС-6) продемонстрировал разнонаправленное изменение: в экспериментальной группе — повысился, в контрольной группе — снизился (в обоих случаях изменения не являются статистически значимыми).

Статистически значимые различия на уровне $p = 0,05$ отмечены для показателей «Активность» (ДС-6), «Работоспособность», «Удовлетворенность жизнью». После экзамена у обучающихся констатируется беспокойство, снижение эмоционального фона, несобранность, вялость, инертность, пассивное отношение к происходящему и астеническое поведение. Отмечено снижение общего уровня психического напряжения (по методике Т. Немчина) в экспериментальной группе ($p = 0,05$).

Таким образом, сохранение первоначального уровня психоэмоциональных характеристик в контрольной группе в сочетании со снижением таких параметров как «Психическое напряжение» «Настроение», «Спокойствие», «Активность» (ДС-6), «Работоспособность», «Удовлетворенность жизнью» в экспериментальной группе, можно интерпретировать следующим образом: демонстрация позитивного художественного фотоконтента (Рисунок 1) после стрессового воздействия на человека позволяет компенсировать последствия подобного влияния на уровне психоэмоциональных состояний. У обследуемых после просмотра «жизнеутверждающих», ярких, положительных изображений, более выраженными становились положительные эмоциональные регистры. В ходе обсуждения результатов, испытуемые характеризовали свое психическое состояние как положительное, что выражалось визуально в расслабленности мимических мышц лица, появлению улыбки и др. У обследуемых повысилась возможность проявлять активность, стенически реагировать на возникающие трудности. Студенты стали более собраны, появились запасы сил, готовность к длительной работе. После окончания эксперимента студенты стали более толерантно относиться к предстоящим экзаменационным сессиям. Предстоящие трудности стали оцениваться как разрешимые. Появилось состояние спокойствия, одухотворенности

результатами учебной деятельности. У студентов экспериментальной группы после предъявления положительного контента отмечается появление уверенности в своих силах и возможностях, ощущение личностной успешности, состояние удовлетворенности жизнью в целом, самореализацией.

Следует отметить некоторые ограничения проведенного научного исследования: 1) изменения уровня стресса у студентов в процессе сдачи сессии. 2) в силу ограниченности экспериментальной выборки не представилась возможность изучить особенности действия позитивного художественного контента в дифференцированных половозрастных группах. Несмотря на указанные ограничения, полученные результаты подтверждают действенность технологии художественного психокоррекционного воздействия по гармонизации психического состояния людей, испытывавших действие различных стрессогенных факторов.

Выводы

Проведенное нами экспериментальное исследование позволяет утверждать, что демонстрация позитивного художественного контента после стрессового воздействия (информационного) на человека позволяет компенсировать последствия подобного (негативного) влияния на уровне психоэмоциональных состояний, а именно реализуется протекция по отношению к беспокойству, несобранности, вялости, инертности, пассивному отношению к происходящему, снижению эмоционального фона и генерализации астенического поведения.

Практическое применение

Результаты позволяют совершенствовать технологии психокоррекционной работы и психологической помощи на основе элементов арт-терапии. Предложенный подход может выступать одним из способов реализации пассивной изотерапии в практике деятельности психолога. Практическое значение данная технология приобретает и в связи с последними «информационными шоками» в мировой повестке (пандемии, экономический кризис и др.). В этом отношении важной рекомендацией является артикуляция внеучебной деятельности обучающихся: посещение выставок, картинных галерей, музеев и др. Переключение внимания с негативного информационного контента (интернет-серфинга, переживаний в период зачетно-экзаменационной сессии и др.) на положительный позволяет профилактировать негативные эмоциональные состояния и способствует эффективности основной деятельности студентов.

Список литературы

- Анцупов, А.Я., Шипилов, А.И. (2000). Конфликтология. Учебник для вузов. Москва: ЮНИТИ.
- Богдановская, И.М., Иконникова, Г.Ю., Королева, Н.Н. (2015). Роль современной информационно-коммуникативной среды в формировании идентичности и образа мира современных подростков. *Психологическая наука и образование*, 7(1), 1–11.
- Веракса, А.Н., Бухаленкова, Д.А., Чичина, Е.А., Алмазова, О.В. (2021). Взаимосвязь использования цифровых устройств и эмоционально-личностного развития современных дошкольников. *Психологическая наука и образование*, 26(1), 27–40.
- Выготский, Л.С. (1998). Психология искусства. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Деулин, Д.В., Алексеев, Д.Е., Усачева, И.В. (2020). Влияние цифровой среды на психоэмоциональное состояние курсантов образовательной организации МВД России. Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения 2020): междунар. науч.-практич. конф. (23 апреля 2020 г.) (С. 163–165). Санкт-Петербург: Изд-во СПбУ МВД РФ.
- Доскин, В.А., Лаврентьева, Н.А., Мирошников, М.П., Шарай, В.Б. (1973). Тест дифференцированной самооценки функционального состояния. *Вопросы психологии*, (6), 16–18.
- Жегурова, О.А., Потемкина, Е.А. (2019). Арт-терапия в профилактической и лечебной работе: учебно-методическое пособие. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Киселева, М.В. (2007). Арт-терапия в практической психологии и социальной работе. Санкт-Петербург: Речь.
- Копытин, А.И. (Ред.). (2006). Арт-терапия — новые горизонты. Москва: Когито-Центр.
- Копытин, А.И. (2012). Применение арт-терапии в лечении и реабилитации больных с психическими расстройствами. *Медицинская психология в России: электронный научный журнал*, (2). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2012_2_13/number/04.php (дата обращения: 17.01.2023).
- Куликов, Л.В. (2003). Руководство к методикам диагностики психических состояний, настроений и сферы чувств. Описание методик, инструкции по применению. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Мальковская, И.А. (2006). Коммуникативные измерения интерсубъективности в эпоху «информационного взрыва». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*, (1), 131–144.
- Марголис, А.А., Сорокова, М.Г., Шведовская, А.А. (2022). Очный, смешанный или онлайн-формат: как предпочитают учиться студенты? *Психологическая наука и образование*, 27(5), 5–20.
- Медведева, Е.А. (Ред.). (2023). Артпедагогика и арттерапия в специальном и инклюзивном образовании. Учебник для вузов. 2-е изд. Москва: Юрайт.
- Татарко, А.Н., Макласова, Е.В., Дубров, Д.И., Багдасарян, М.А. (2022). Связь базовых человеческих ценностей и вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий у молодежи и старшего поколения. *Психологическая наука и образование*, 27(2), 5–18.
- Толочек, В.А. (2018). Психология труда: учеб. пособие. 2-е изд. Санкт-Петербург: Питер.
- Тоффлер, Э. (2003). Метаморфозы власти: Перевод с английского. Москва: АСТ.
- Фрейд, З. (1995). Художник и фантазирование: Перевод с немецкого. Под ред. Р.Ф. Додельцева, К.М. Долгова. Москва: Республика.
- Шингаев, С.М. (2020). Психология профессионального здоровья руководителя: теория, методология, практика: учеб. пособие. Под ред. Г.С. Никифорова. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Haeyen, S., Staal, M. (2021). Imagery Rehearsal Based Art Therapy: Treatment of Post-traumatic Nightmares in Art Therapy. *Frontiers in Psychology*, (11), 628717. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.628717>
- Hu, J., Zhang, J., Hu, L., Yu, H., Xu, J. (2021). Art Therapy: A Complementary Treatment for Mental Disorders. *Frontiers in Psychology*, (12), 686005. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.686005>
- Kagan, V. (1998). Psychology and Psychotherapy. *Journal of Russian and East European Psychology*, 36(1), 5–17.

References

- Antsupov, A.Ya., Shipilov, A.I. (2000). Conflictology. Textbook for universities. Moscow: UNITY. (In Russ.).
- Bogdanovskaya, I.M., Ikonnikova, G.Yu., Koroleva, N.N. (2015). The role of the modern information and communication environment in the formation of the identity and image of the world of modern teenagers. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 7(1), 1–11. (In Russ.).
- Deulin, D.V., Alekseev, D.E., Usacheva, I.V. (2020). The influence of the digital environment on the psycho-emotional state of cadets of the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Current problems in the psychology of law enforcement: concepts, approaches, technologies (Vasiliev Readings 2020): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (April 23, 2020) (pp. 163–165). St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (In Russ.).
- Doskin, V.A., Lavrentieva, N.A., Miroshnikov, M.P., Sharai, V.B. (1973). Test of differentiated self-assessment of functional state. *Voprosy Psikhologii (Issues in Psychology)*, (6), 16–18. (In Russ.).
- Freud, Z. (1995). The artist and fantasy. Lane with him. In: R.F. Dodeltseva, K.M. Dolgova (Eds.). Moscow: Republic. (In Russ.).
- Haeyen, S., Staal, M. (2021). Imagery Rehearsal Based Art Therapy: Treatment of Post-traumatic Nightmares in Art Therapy. *Frontiers in Psychology*, (11), 628717. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.628717>
- Hu, J., Zhang, J., Hu, L., Yu, H., Xu, J. (2021). Art Therapy: A Complementary Treatment for Mental Disorders. *Frontiers in Psychology*, (12), 686005. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.686005>
- Kagan, V. (1998). Psychology and Psychotherapy. *Journal of Russian and East European Psychology*, 36(1), 5–17.

- Kiseleva, M.V. (2007). Art therapy in practical psychology and social work. St. Petersburg: Rech'. (In Russ.).
- Kopytin, A.I. (2012). The use of art therapy in the treatment and rehabilitation of patients with mental disorders. *Meditinskaya Psikhologiya v Rossii: Elektronnyi Nauchnyi Zhurnal (Medical Psychology in Russia: Electronic. Scientific Journal)*, (2). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2012_2_13/nomer/nomer04.php (access date: 17.01.2023). (In Russ.).
- Kopytina, A.I. (Ed.). (2006). Art therapy — new horizons. Moscow: Cogito-Center. (In Russ.).
- Kulikov, L.V. (2003). A guide to methods for diagnosing mental states, moods and spheres of feelings. Description of methods, instructions for use. St. Petersburg: Publishing house SPbSU. (In Russ.).
- Malkovskaya, I.A. (2006). Communicative dimensions of intersubjectivity in the era of the “information explosion”. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya (Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy)*, (1), 131–144. (In Russ.).
- Margolis, A.A., Sorokova, M.G., Shvedovskaya, A.A. (2022). Full-time, mixed or online format: how do students prefer to study? *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 27(5), 5–20. (In Russ.).
- Medvedeva, E.A. (Ed.). (2023). Art pedagogy and art therapy in special and inclusive education textbook for universities. 2nd ed. Moscow: Yurayt. (In Russ.).
- Shingaev, S.M. (2020). Psychology of professional health of a manager: theory, methodology, practice: textbook. In: G.S. Nikiforova (Ed.). St. Petersburg: Publishing house SPbSU. (In Russ.).
- Tatarko, A.N., Maklasova, E.V., Dubrov, D.I., Bagdasaryan M.A. (2022). The relationship between basic human values and involvement in the use of information and communication technologies among young people and older generations. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 27(2), 5–18. (In Russ.).
- Toffler, E. (2003). Metamorphoses of power: Translated from English. Moscow: AST. (In Russ.).
- Tolochek, V.A. (2018). Work psychology: textbook. 2nd ed. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Veraksa, A.N., Bukhalenkova, D.A., Chichinina, E.A., Almazova, O.V. (2021). The relationship between the use of digital devices and the emotional and personal development of modern preschoolers. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 26(1), 27–40. (In Russ.).
- Vygotsky, L.S. (1998). Psychology of Art. Rostov-on-Don: Phoenix. (In Russ.).
- Zhegurova, O.A., Potemkina, E.A. (2019). Art therapy in preventive and therapeutic work: educational and methodological manual. St. Petersburg: Publishing house SPbSU. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Дмитрий Владимирович Деулин, кандидат психологических наук, декан факультета экстремальной психологии, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Российская Федерация, ddeulin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6517-5061>

Dmitry V. Deulin, Cand. Sci. (Psychology), Decan of the Faculty of Extreme Psychology, Associate Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ddeulin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6517-5061>

Владислав Евгеньевич Петров, кандидат психологических наук, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Российская Федерация, v.e.petrov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>

Vladislav E. Petrov, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, v.e.petrov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>

Анна Викторовна Литвинова, кандидат психологических наук, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии, Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Российская Федерация, annaviktorovna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>

Anna V. Litvinova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, annaviktorovna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>

Алексей Юрьевич Коджаспиров, кандидат психологических наук, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Российская Федерация, teledov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9016-2553>

Alexey Yu. Kodzhaspirov, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, teledov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9016-2553>

Поступила: 23.03.2023; получена после доработки: 30.04.2023; принята в печать: 07.04.2024.

Received: 23.03.2023; revised: 30.04.2023; accepted: 07.04.2024.

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0203>
УДК/UDC 159.9.075, 159.922.8

Представления о характеристиках ответственности у подростков

В.А. Баранова, Е.М. Дубовская✉, О.О. Савина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ dubovskaya13@gmail.com

Резюме

Актуальность. Проблема ответственности человека возрастает в ситуации кризисных, ценностно-смысловых изменений в обществе. Исследование ориентировано на выявление представлений о значимых критериях и самооценок ответственного поведения у средних подростков.

Цель. Анализ представлений об ответственности у подростков.

Выборка. Подростки 13–15 лет ($n = 118$, 48% мужчин, 51,6% женщин), ученики общеобразовательных школ.

Методы. Исследование осуществлялось в формате письменного опроса: выявление характеристик ответственного человека, самооценок по значимым параметрам ответственности; дополнительно собраны сведения об участии подростков в социальных практиках в рамках образовательного учебного учреждения. Использовались следующие методики: 1) рассказ-рассуждение на тему «Ответственный человек — ...»; 2) модификация методики «Ответственность как системное качество личности» (Прядеин, 2014); 3) самооценки по 7-балльной шкале ответственности в учебе, семье, дружеских отношениях, сфере увлечений и занятий.

Результаты. Высоко оцениваются подростками параметры ответственности: «Готовность отвечать за последствия своих действий», «Исполнительность», «Развитость способности к сопереживанию, чуткости к чужой боли и радости». Выявлены гендерные различия по проявлению эмпатии, исполнительности, инициативности, способности самостоятельно формулировать нравственные обязанности. Свою ответственность подростки сравнительно высоко оценивают в дружеских, семейных отношениях, ниже — в учебе.

Выводы. Представления подростков об ответственности смещены в область рассуждений об ответственности, менее выражено осознание собственных ответственных действий. Представления об ответственном человеке и характеристиках ответственного поведения связаны с полом подростка. Перспективным является изучение проявления ответственного поведения в индивидуальных поступках и групповом взаимодействии в социальных практиках.

Ключевые слова: подростковый возраст, социализация, ответственность, ответственное поведение, сферы ответственности

Для цитирования: Баранова, В.А., Дубовская, Е.М., Савина, О.О. (2024). Представления о характеристиках ответственности у подростков. *Национальный психологический журнал*, 19(2), 36–46. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0203>

Ideas about the Characteristics of Responsibility in Adolescents

Victoria A. Baranova, Ekaterina M. Dubovskaya✉, Olga O. Savina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ dubovskaya13@gmail.com

Abstract

Background. The problem of human responsibility arises in a situation of crisis, value and meaning changes in society. The study is focused on identifying ideas about significant criteria and self-assessments of responsible behaviour in middle adolescents.

Objectives. The aim of the study is to analyze the concept of responsibility in teenagers.

Study Design. The study was carried out in the format of a written survey: identifying the characteristics of a responsible person, self-assessments in terms of significant parameters of responsibility; additionally, information was collected on the participation of adolescents in social practices within the framework of an educational institution.

Study Participants. Adolescents aged 13–15 (n = 118, of which 48% are men, 51.6% are women), students of secondary schools took part in the research.

Methods. The method of associations and testing was used: 1) a story-reasoning on the topic “A responsible person is...”; 2) modification of the technique “Responsibility as a systemic quality of personality” (Pryadein, 2014); 3) self-assessment on a 7-point scale of responsibility in studies, family, friendship, hobbies and activities.

Results. The parameters of responsibility highly rated by adolescents are “Willingness to be responsible for the consequences of one’s actions”, “Devotion”, “Development of the ability to empathize, sensitivity to someone else’s pain and joy”. Differences between gender groups in the empathy, diligence, initiative, the ability to independently formulate moral duties were revealed. Among the spheres of responsibility manifestation, adolescents rate the educational sphere low, which reflects the educational model of moral education with an emphasis on the transfer of knowledge, rather than on the moral practice.

Conclusions. Adolescents’ ideas about responsibility are shifted to the area of understanding what responsible behaviour is, rather than to the awareness of their own responsible actions, which shows the separation of the modern education system from life practice. It is important to study the manifestation of responsible behaviour in individual actions and group interaction in social practices.

Keywords: adolescence, socialization, responsibility, responsible behaviour, areas of responsibility

For citation: Baranova, V.A., Dubovskaya, E.M., Savina, O.O. (2024). Ideas about the Characteristics of Responsibility in Adolescents. *National Psychological Journal*, 19(2), 36–46. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0203>

Введение

Приобретение молодыми людьми ответственности, несмотря на специфику ее форм в различных культурных группах (Arnett, Galambos, 2003; Pomerantz et al., 2011), имеет решающее значение для функционирования общества и особенно актуально в условиях социальных трансформаций. Встраивание ответственности в ценностную систему личности происходит в процессе социализации, в качестве механизмов которой традиционно рассматриваются собственный социальный опыт личности и наблюдение за поведением других, особенно значимых, референтных лиц (Реан, 2021). В исследовании прошлых лет студенты, участвующие в опросе, высказывали единодушное мнение, что взрослым, «чтобы воспитать в подрастающем поколении ответственность, необходимо самим стать ответственными и демонстрировать образцы ответственного поведения» (Баранова, 2011, с. 116). В современном обществе процесс

социализации характеризуется противоречивостью: стремлением к стабилизации опыта и одновременно постоянной готовностью к изменениям (Дубовская, 2019). При экстремальной, кризисной ситуации обостряется проблема соотношения требований общества и ответственности конкретного человека: «социальная практика... может быть осуществлена только посредством ответственного, сознательного поведения человека» (Магомед-Эминов, 2021, с. 288).

Как научная категория, ответственность наиболее полно разработана в философии и рассматривается как «категория этики и права, отражающая особое социальное и морально-правовое отношение личности к обществу, которое характеризуется выполнением своего нравственного долга и правовых норм» (Мальшевский, 2004, с. 153). В психологии понятие «ответственность» рассматривается разнопланово: как внешний механизм контроля (выполнение человеком обязанностей, отчет за это) (Муздыбаев, 2010); самоконтроль (Смирнова, 2017); черта характера, показатель личностной и социальной зрелости

человека (Абульханова, 1999) и т.д. Внимание исследователей направлено на взаимосвязь ответственности с понятиями: свободы (Абульханова, 1999, Дементий, Маленов, 2020), субъектности (Абульханова, 1999, Дементий, Маленов, 2020; Нартова-Бочавер, 2020; Прядеин, 2015); заботы, поступка (Магомед-Эминов, 2021; Муздыбаев, 2010; Реан, 2021); нравственности и морали (Абульханова, 1999; Франкл, 1990). К психологическим компонентам ответственности относят регуляторно-динамический и содержательный, мотивационно-смысловой, включающий мотивационные (социоцентричность-эгоцентричность), когнитивные (осмысленность-осведомленность) и результативные (предметность-субъектность) параметры (Прядеин, 2015).

Подростковый возраст — сложный, многоаспектный переходный процесс от незрелости и социальной зависимости детства к взрослой жизни с целью реализации потенциала развития, личной свободы воли и социальной ответственности (Jackson, Goossens, 2019; Wei, 2020). Социальная ответственность — это определенный уровень сознательного, избирательного отношения к своим поступкам и взаимоотношениям, когда подросток проявляет готовность и способность учитывать потребности других людей, принимать во внимание социальные обстоятельства и предугадывать социальные последствия (Психология современного подростка, 1987). В контексте социализации необходимо учитывать смысл, за осуществление которого ответственна личность, а также перед кем личность несет эту ответственность (Реан, 2021). Ответственность в подростковом возрасте начинает приобретать ценностно-мотивационный смысл, интернализируются нормы, ценности, формируется модель ответственного поведения (Eisenberg et al., 2005). Для готовности подростков брать на себя ответственность за свою жизнь, свои решения и их результаты необходимо понимание (когнитивные способности) и принятие осознанного выбора, своих чувств и реакций (Mergler, Shield, 2016; Pomerantz et al., 2011). Выявлены связи ответственности и личностной автономии: чем выше уровень личностной автономии, тем в большей степени подростки выражают готовность принять ответственность за нарушение моральной нормы (Молчанов и др., 2017). В работе (Mergler, Shield, 2016) на основании ответов подростков были выделены четыре компонента личной ответственности: осознание и контроль над собственными мыслями и чувствами; осознание и контроль над выбором поведения; готовность нести ответственность за свое поведение и его результат (последствие); осознание и забота о влиянии своего поведения на других. При анализе поведения подростков, принимавших участие в образовательных программах (Wei, 2020), выявлены этапы развития ответственности: 1) добровольное принятие ролей и обязательств, 2) переживание трудностей и напряжения, 3) мотивация к выполнению обязательств

и 4) усвоение я-концепции, которая ведет к ответственному поведению в разных контекстах.

Значительный вклад в формирование ответственности вносит семья — господствующие в ней установки и ценности, реализуемый опыт предоставления свободы и родительского контроля по отношению к подростку (Реан, 2021; Мерзлякова, Бибарсова, 2022). Во многих культурах помощь в домашних делах традиционно рассматривается как важное средство развития ответственности (Fuligni, Pederson, 2002; Pomerantz et al., 2011), но многие нынешние родители практически не предъявляют к своим детям требований по дому (Ochs, Izquierdo, 2010). Лонгитюдные исследования ранней зрелости показывают, что люди развивают ответственность и связанные с ней качества (надежность и добросовестность) благодаря опыту выполнения задач и обязательств, в частности, выявлены корреляции с академическими достижениями индивидов (Cook-Sather, 2010; Noffle, Robins, 2007; Zhou et al., 2023), производительностью на работе (Friedman et al., 2010), позитивным поведением в отношении здоровья (Bogg, Roberts, 2004) и более низкими показателями антисоциального поведения.

Тем не менее широко распространена озабоченность по поводу недостаточного развития ответственности в разных странах (Pomerantz et al., 2011; Zhou et al., 2023). Вопрос, как молодежь может научиться хотеть и уметь брать на себя обязательства, остается открытым и обсуждаемым. Исследователи развития ответственности подчеркивают, что современная система образования в плане формирования ответственности отделена от жизненной практики, есть дисбаланс между осознанием ответственности подростками и ответственным поведением.

Целью нашей работы является анализ сформированных представлений об ответственности у подростков. Исследование проводилось методом письменного опроса учащихся средних классов общеобразовательных школ на добровольной основе, респонденты были проинформированы о целях, соблюдении конфиденциальности и неразглашении личной информации.

Выборка

Подростки 13–15 лет ($n = 118$, мужчин 57(48%), женщин — 61 (51,6%), ученики 7-х классов — 44 (37,2%) и 8-х классов — 74 (62,7%) общеобразовательных школ г. Москвы (76 человек (64,4%)) и г. Калининграда (42 (35,6%)). Средний возраст испытуемых ($M(SD) = 14,23(1,07)$). Выбор в качестве испытуемых подростков данного возраста объясняется, во-первых, способностью рефлексировать представления и последствия поведения как собственного, так и других людей, во-вторых, вступлением в возраст социальной ответственности (получение паспорта гражданина; наказание за определенные виды нарушений (уголовная, административная и иная ответственность)).

Методы исследования

1) Выявление представлений о характеристиках ответственности (модификация методики «Ответственность как системное качество личности» (Прядеин, 2014); 2) проективный рассказ-эссе «Ответственный человек — это...»; 3) оценка ответственности, которую они проявляют в следующих сферах жизни: учебе, семье, дружеских отношениях, сфере увлечений и занятий (спорте, творчестве и т.д.) по 7-балльной шкале от 1 (совсем не проявляется) до 7 (в высокой степени); 4) Анализ активности в социальных практиках в рамках образовательного учебного учреждения на основании сведений об участии респондентов в течение 2022–2023 учебного года (в том числе в качестве организаторов и помощников организаторов) различных школьных мероприятий внеучебного характера (шефстве над младшими детьми, поездках, мастерских, благотворительной ярмарке и т.д.).

Методы обработки

Обработка опросника проводилась с помощью статпакета Excel, приводятся описательные статистики, значимость различий по характеристикам ответственности определялись с помощью ТТЕСТА; анализ связи между самооценками ответственности и активностью в социальных практиках проведен с помощью линейного критерия χ^2 Пирсона. Обработка рассказа-рассуждения проводилась методом контент-анализа: с помощью согласованной экспертной оценки (в качестве экспертов выступали 3 психолога, имеющие 20-летний опыт работы с подростками. С помощью согласованной экспертной оценки были

выделены ведущие темы, которые подростки относили к ответственности.

Результаты

В исследовании был проведен контент-анализ текстов подростков, которые представляли собой рассуждения на тему «ответственный человек», в которых респонденты давали определения, описывали качества, присущие ответственному человеку, приводили примеры ответственных людей и ситуаций, в которых проявляется или не проявляется ответственность. Средняя длина текстов составила 35,9 слов ($SD = 25,80$), что свидетельствует о широком диапазоне данных. Среднее количество смысловых единиц в данных текстах — 4,7 ($SD = 3,33$) (от 1 до 18). Подобная количественная вариативность позволяет предположить, что в обследуемой выборке представления об ответственности имеют различную осознанность, обобщенность и развернутость в плане вербализации. По 2 количественным параметрам — длине высказывания и количеству смысловых единиц, респонденты были разделены на 3 условные группы:

- 1) группа (27%) с наиболее многословными дискурсами, которые, очевидно, характерны для подростков, находящихся на этапе освоения ответственного поведения;
- 2) группа (32%) с краткими и формальными по содержанию (1–2 смысловые единицы) вербализациями, что свидетельствует либо о неосвоенности данной сферы, либо об отсутствии символизации представлений об ответственности;
- 3) группа (41%) с высказываниями обобщенного характера (3–7 смысловых единиц).

Таблица 1

Описательные статистики объема и смысловых единиц дискурсов и гендерные различия

	Объем высказывания		Количество смысловых единиц	
	M (SD)	T-тест (p)	M (SD)	T-тест (p)
Общее по выборке (n = 118)	87,00 (25,80)		4,67 (3,33)	
Мужчины (n = 57)	29,02 (17,79)		3,84 (2,53)	
Женщины (n = 61)	47,54 (32,61)	0,002*	6,08 (4,04)	0,001**

* $p < 0,01$; ** $p < 0,001$

Table 1

Descriptive statistics of volume and semantic units of discourses and gender differences

	Volume of utterance		Number of semantic units	
	M (SD)	T-test (p)	M (SD)	T-test (p)
Total sample (n = 118)	87.00 (25.80)		4.67 (3.33)	
Men (n = 57)	29.02 (17.79)		3.84 (2.53)	
Women (n = 61)	47.54 (32.61)	0.002*	6.08 (4.04)	0.001**

* $p < 0.01$; ** $p < 0.001$

При анализе различных дискурсов юношей и девушек (Таблица 1) обнаружено, что рассуждения девушек об ответственном человеке содержат в целом значимо ($p < 0,002$) больше слов, по сравнению с текстами юношей. Следует указать также на больший разброс в высказываниях девушек. Подобное

различие ($p < 0,001$) характерно для количества смысловых единиц: в текстах девушек их больше, чем у юношей.

В результате проведения контент-анализа дискурсов на тему «Ответственный человек — это» было выявлено 5 категорий и 89 тем (Таблица 2).

Таблица 2

Количественная представленность категорий контент-анализа (% к числу респондентов)

Темы		Юноши (%) N = 57	Девушки (%) N = 61	Всего (%) N = 118
Общее понимание ответственности	Исполнительность; инициативность; ориентация на слова, действия, поступки; самостоятельность	42	35	37
Отношения с другими	Ориентация на другого человека или общество в целом; ответственность перед кем-то; обещания	16,5	30	25
Анализ действий и поступков	Цель, временные параметры; контроль; учет последствий	15	20	18
Самооценка, рефлексия	Отнесенность к своему Я, оценка способностей, саморегуляция, чувства	16,5	9	12
Области ответственности	Учеба, семья, работа, др.	11	7	9

Table 2

Quantitative representation of content analysis categories (% of the number of respondents)

Theme		M (%) N = 57	F (%) N = 61	Total (%) N = 118
General understanding of responsibility	Diligence; initiative; orientation to words, actions, deeds; independence	42	35	37
Relationships with others	Orientation towards another person or society as a whole; responsibility to someone; promises	16.5	30	25
Analysis of actions and behaviour	Purpose, time parameters; control; taking into account consequences	15	20	18
Self-esteem, reflection	Relation to one's self, assessment of abilities, self-regulation, feelings	16.5	9	12
Areas of responsibility	Study, family, work, etc.	11	7	9

Анализ тем показывает, что подростки хорошо понимают, кто такой *ответственный человек*, общие смыслы понятия *ответственность* для них очевидны: он выполняет все обязательства, держит слово, достигает цели, серьезно относится к тому, что делает.

На второй позиции по количеству подкатегорий стоит *отношение к другим*, которое отмечает ориентированность на взаимодействие с другими людьми и выявляет качество этих отношений. Например: «*Несет ответственность за домашних животных, за своих детей, за младших братьев или сестер и т.д.*»; «*Чья-нибудь безответственность может кардинально менять жизнь людей*».

Категория *анализ действий и поступков* включает высказывания, отражающие воспринимаемую структуру деятельности и действий: оценку, контроль, прогнозы, соотношения действий и своих возможностей. Примеры описаний: «*Когда ему исполнилось 14 лет, он может сесть в тюрьму. Допустим, мальчик*

разрисовал краской из баллончика чей-то забор и его могут за это посадить».

Категория *самооценка, рефлексия* занимает четвертую позицию, показывающую развитие рефлексивных компонентов — подростки применяют понятие ответственности к себе, задают вопросы: «*Являюсь ли я ответственным?*», «*Что я должен делать, чтобы быть ответственным*» и т.п.

Анализ областей ответственности (работа, учеба, семья), показал, что для подростков важна семья, примеров, связанных с работой, учебой меньше, сообщения о них даны в обобщенном виде: «*стараюсь учиться лучше*» (*ответственность связана с учебной/работой*).

В исследовании были получены самооценки подростков по 16 характеристикам, которые представляют собой показатели ответственности. В таблице (Таблица 3) представлены только значимые различия.

Таблица 3

Описательные статистики M (SD) характеристик ответственности и значимость различий у юношей и девушек

Характеристики ответственности	Общая выборка (n = 118)	Муж. (n = 57)	Жен. (n = 61)	T-тест, p
Исполнительность, выполнение обязательств и обязанностей	5,55 (1,11)	5,33 (1,19)	5,75 (0,99)	0,044*
Инициативность	4,57 (1,44)	4,30 (1,51)	4,82 (1,32)	0,049*
Умение сопоставлять и уважать свои интересы с интересами других, группы	5,11 (1,38)	4,68 (1,43)	5,51 (1,21)	0,001**
Развитость таких эмоциональных черт, как способность к сопереживанию, чуткости к чужой боли и радости	5,55 (1,58)	5,25 (1,69)	5,84 (1,42)	0,043*
Способность самостоятельно формулировать нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения	5,31 (1,14)	5,07 (1,31)	5,54 (1,21)	0,045*

* p < 0,05; ** p < 0,001

Table 3

Descriptive statistics of M (SD) characteristics of responsibility and the significance of differences between boys and girls

Characteristics of responsibility	total (n = 118)	m (n = 57)	f (n = 61)	T-test p-level
Diligence, fulfillment of obligations and responsibilities	5.55 (1.11)	5.33 (1.19)	5.75 (0.99)	0.044*
Initiative	4.57 (1.44)	4.30 (1.51)	4.82 (1.32)	0.049*
The ability to compare and respect your interests with the interests of others and the group	5.11 (1.38)	4.68 (1.43)	5.51 (1.21)	0.001**
The development of such emotional traits as the ability to empathize, sensitivity to other people's pain and joy	5.55 (1.58)	5.25 (1.69)	5.84 (1.42)	0.043*
The ability to independently formulate moral duties and demand that one fulfills them	5.31 (1.14)	5.07 (1.31)	5.54 (1.21)	0.045*

* p < 0.05; ** p < 0.001

Наиболее высоко подростки оценивают такие параметры ответственности, как: «Готовность отвечать за последствия своих действий»; «Исполнительность» и «Развитость таких эмоциональных черт, как способность к сопереживанию, чуткости к чужой боли и радости». В меньшей степени выражены представления об инициативности, стремлении действовать вместе с другими членами группы. Выявлены различия между представлениями о характеристиках ответственности у юношей и девушек: девушки значимо выше оценивают значимость в ответственном поведении способности к эмпатии (к сопереживанию, чуткости к чужой боли и радости) (p < 0,05), исполнительности (p < 0,05), инициативности (p < 0,05), способности самостоятельно формулировать нравственные обязанности (p < 0,05) и умения сопоставлять свои интересы с интересами других (p < 0,001).

При сравнении самооценки характеристик ответственности у респондентов 13–14-летнего возраста (учащиеся 7 классов) и 14–15-летнего возраста (учащиеся 8-х классов) было выявлено значимое различие (p = 0,043*, *p < 0,05) только по одному показателю: стремлению действовать вместе с другими членами группы. Так, ученики 7-х классов несколько выше —

M (SD) = 5,13 (1,39) оценивают свою направленность на коллективное взаимодействие в выполнении какого-либо дела, чем восьмиклассники M (SD) = 4,92 (1,33). Хотя различия не достигли значимого уровня (p = 0,062), но заслуживает интерес тенденция выше (M (SD) = 5,68 (1,04)) оценивать свою исполнительность у учеников 7 класса, чем у учащихся 8 класса (M (SD) = 5,42 (1,16)).

Среди сфер проявления своей ответственности подростки выше оценивают дружескую, семейную и сферу реализации творческих достижений. Сравнительно ниже — учебную, что отражает образовательную модель нравственного воспитания с акцентом на передачу знаний, а не на моральную практику. Значимых гендерных различий в самооценке ответственности, проявляемой в разных сферах жизни, обнаружено не было.

На небольшой группе респондентов (n = 29 человек, учащихся 8 класса) была проанализирована связь самооенок ответственности в разных сферах с активностью в различных социальных практиках, проводимых на базе школы. Проведенный корреляционный анализ показал наличие значимой связи между показателями участия в социальных

практиках и общей самооценкой ответственности ($r = 0,379$), а также самооценкой ответственности в учебной деятельности ($r = 0,369$). По другим сферам жизни связь не значима.

Обсуждение результатов

Данные, полученные в результате контент-анализа подростковых описаний ответственного человека, демонстрируют, что у средних подростков (13–15 лет) различается внимание к осознанию качеств, присущих ответственности. В зависимости от сочетания обобщения/конкретизации и формальности/содержательности высказывания, можно выделить три типа сформированности представлений об ответственности: 1) слабо осознанные представления, характеризующиеся неразвернутостью в вербальном плане и формальностью; 2) высокая вербальная развернутость, конкретизация представлений; 3) вербально свернутые, обобщенные представления. Подобное различие объясняется особенностями когнитивных процессов в среднеподростковом возрасте. В период 12–15 лет познавательные возможности позволяют в определенной мере предвидеть последствия действий, осознавать ответственность в происходящем (Curtis, 2015), рефлексировать свои усилия и участие другого человека в совместном деле, в той или иной ситуации. Механизмы мышления подростков связаны с такими факторами, как влияние сверстников (Steinberg, 2005), причем есть разделение в развитии способности к рассуждению между подростками до 14 лет и более старшими.

Встраивание ответственности в систему ценностей связано с потребностно-мотивационной сферой, а именно стремлением подростков к выполнению значимой роли, позволяющей включиться в социум. Так, к 14–15 лет у подростков проявляется направленность к занятию социальной позиции, самоопределению (Bogg, Roberts, 2004). Но эта общая тенденция по-разному осмысливается в зависимости от пола подростка. Девушки более подробно и содержательно могут вербализировать свои представления, юноши — лаконично и формализованно. Девушки демонстрируют более просоциальную позицию, что соответствует исследованиям, в которых выявлена тенденция к более высокому уровню развития ответственности у девушек, чем у юношей (Молчанов и др., 2017). Эти результаты вполне релевантны исследованиям, определяющим ответственность как черту человека, который следует своим обязательствам до конца, как личный долг, как достижение результата своими силами, при заданном самой личностью уровне сложности и времени достижения (Абульханова, 1990; Смирнова, 2017).

Категория «отношение к другим» свидетельствует о важности осмысления ответственности через взаимодействия с другими. При этом субъектом выступает как другой человек, так и общество. Такой ракурс понятия также является проявлением про-

цесса развития подростковой идентичности, самоопределения и самоутверждения. Субъект-субъектная ориентированность показывает, что подросток стремится занять в обществе новое для себя место, найти себя в системе общественных отношений, утвердить себя как личность — что значит уметь «действовать в интересах людей, утверждая себя как «всеобщего субъекта» (Психология современного подростка, 1987, с. 231). У девушек представлены высказывания, которые иллюстрируют ориентацию на сверстника «с целью приобрести сходные качества» и создают «оптимальные условия для осознания и оценки подростком собственных особенностей» (Психология современного подростка, 1987, с. 212): «...в классе я считаю самым ответственным человеком Б*. В отличие от меня, она умеет конструктивно оценить свои силы, ресурсы и т.д. Зачастую я возлагаю на себя ответственность, не обращая нужного внимания на эти факторы».

Категория «анализ ответственных действий», с одной стороны, уточняет категорию «действия, поступки, умения ответственного человека», с другой — свидетельствует о развернутом плане понимания ответственности: не только что должен делать ответственный человек, но и как должен это делать, в чем проявляются способности подростка ставить задачи, которые способствуют достижению цели, понимать последствия безответственных поступков. Сравнительно меньше в ответах школьники писали о реализации ответственного поведения (намерениях, целях, контроле и учете последствий деятельности). Важно, что подростки предлагают критерии и условия развития ответственности — ответственность за себя: «*Ответственность появляется тогда, когда человек съезжает жить один. Это же и называют "ответственная жизнь"*»; «*Когда вы начинаете жить самостоятельно, то несете ответственность только за свою жизнь. Вы ответственно подходите ко всему, вы уже сами обеспечиваете себя, покупаете продукты, оплачиваете коммунальные услуги, правильно распределяете денежные расходы. Вот тогда, я думаю, человек становится ответственным*».

Вопросы, связанные с рефлексией, самосознанием, ответственностью персональной, самокритикой в отношении своего Я, характерны для подросткового возраста и показывают процесс самоопределения, поиска и утверждения себя в этом мире, соотношения своих ценностей с ценностями общества. Например, «...даже не знаю, хоть я и признаю свои недочеты, но как мне говорят, что я упорный и мне тяжело их признать...»; «если быть честной, я не могу назвать себя ответственным человеком». В дискурсах подростков проявляется представление, что ответственность лежит на каждом; следовательно, только сам человек может определить, за что он/она несет ответственность. Например, «человек, который сделал что-то. И знает, что он "главный" за это дело».

Среди областей ответственности больше всего высказываний относительно семьи: «Несет

ответственность во всех сферах жизни, например, на работе, в учебе, за домашних животных, за своих детей, за младших братьев или сестер и т.д.». Отметим, что у девушек в качестве примеров выступают родители. «В моем окружении есть ответственный человек — моя мама. Она всегда успевает выполнять домашнюю работу, а также выполнять обязанности по дому и по работе». В целом эти тенденции отмечены и в более ранних исследованиях: у девочек-подростков уровень эмоциональной отзывчивости более высокий, чем у мальчиков (Психология современного подростка, 1987), основным фактором принятия решений, деятельности является забота о чувствах других (Mergler, Shield, 2016).

Заслуживает внимания тот факт, что ответственность в учебной сфере в представлениях респондентов выражена несколько ниже, чем в дружеской, семейной и реализации творческих, спортивных интересов. Можно предположить, что подростки разделяют ответственность в плане образования, учебы в школе со своими родителями, видят в них источник контроля. Косвенно об этом свидетельствуют данные годичного лонгитюда, в котором прослеживалась связь родительских ценностных установок и академической успеваемостью у китайских подростков (Zhou et al., 2023).

Различие самооенок ответственности по стремлению к коллективному взаимодействию у учащихся 7 и 8 классов может отражать значимость группы сверстников, освоение социальной ответственности у 13–14 летних подростков, а также перемещение локуса ответственности в зависимости от возраста — от коллективной к персональной ответственности. По другим характеристикам различия незначимы, поэтому целесообразно рассматривать данную выборку как единую возрастную категорию в плане представлений об ответственности.

Оценивание подростками проявления своих ответственных качеств в отдельных сферах жизни выше не только в дружеских, но и семейных контактах. В литературе, посвященной подросткам, подчеркивается, что в этот период происходит, с одной стороны, идентификация со сверстниками, перемещение внимания на подростковое сообщество (Bradford-Brown, Klute, 2003), с другой, сепарация и ослабление эмоциональных связей с родителями (Jackson, Goossens, 2019; Steinberg, 2005). Полученные нами данные согласуются с исследованиями, показывающими, что смещение ориентации с родителей и семьи в целом на группу сверстников относится лишь к определенным областям жизни (Реан, 2021; Pomerantz et al., 2011), например, когда речь идет о досуге. В кризисной, трудной ситуации именно к семье обращается подросток за поддержкой и заботой (Психология современного подростка, 1987; Реан, 2021). В тоже время наши результаты свидетельствуют, что в сфере учебы самооценка ответственности несколько ниже, что в определенной степени отражает нынешнюю образовательную мо-

дель воспитания в школах. Ряд авторов указывает, что в этой модели упор делается на передачу знаний, а не на практику ответственного поведения и самостоятельности, что делает важным разработку специальных программ, как необходимого способа развития (Баранова, 2011; Поливанова, Бочавер, 2022; Резапкина, Федосеева, 2017; Cook-Sather, 2020; Salusky et al., 2014; Wei, 2020). Участие подростков в социальных практиках позволяет подростку встраиваться в жизнь сообщества, проявлять навыки работы в группе, организовывать себя и других людей, формировать компетенции, важные для самоопределения, понимания других людей, занимать определенную социальную позицию.

Выводы

1. Представления подростков об ответственности соответствуют суждениям об ответственности в целом, нежели к осознанию собственных ответственных действий. Более высоко оценивается исполнительность в отличие от инициативности; индивидуалистичность в отличие от ответственной работы в команде, что может быть связано с психологической незрелостью подростков, недостаточным развитием самоконтроля.
2. Дружеские и семейные отношения являются теми сферами, в которых подростки наиболее явно проявляют (или не проявляют) качества ответственности, в меньшей степени это относится к образовательной сфере.
3. Существуют различия, обусловленные полом подростка: девушки демонстрируют более про-социальные представления об ответственности, они развернуты вокруг эмоциональных связей и поддержки другого человека.
4. Подростки-семиклассники сравнительно выше восьмиклассников оценивают свое стремление к коллективному взаимодействию, что отражает у 13–14-летних подростков тенденцию освоения ответственности, разделяемой с другими членами группы, в то время как у 15-летних наблюдается сдвиг к персональной ответственности.
5. Для того, чтобы стать ответственным взрослым, требуется опыт постепенного принятия на себя более сложных обязательств. Перед семьями и образовательными учреждениями стоит задача включения подростков в виды деятельности, в которых взрослеющий человек будет осознавать свой социальный и персональный вклад и, достигая значимых результатов, переходить к зрелости. Важно дальнейшее изучение проявлений у подростков ответственного поведения в индивидуальных поступках и групповом взаимодействии в социальных практиках, а также разработка образовательных программ, нацеленных на формирование ответственного поведения в подростковом возрасте.

Список литературы

- Абульханова, К.А. (1999). Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. Москва: Изд-во МПСУ.
- Баранова, В.А. (2011). Вопрос главный и, похоже, пока... риторический. *Социальная педагогика в России*, (4), 115–120.
- Дементий, Л.И., Маленов, А.А. (2020). Субъектность как фактор личностного развития на этапе самореализации. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 26(2), 68–78. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-2-68-78>
- Дубовская, Е.М. (2019). Социализация личности в мультикультурном пространстве как один из аспектов проблемы «личность и общество». *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*, (4), 24–32. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-4-24-32>
- Магомед-Эминов, М.Ш. (2021). Вызов пониманию конкретного человека в психологии пандемии COVID-19. Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия. Под ред. Т.А. Нестика, А.Л. Журавлева, А.Е. Воробьевой. Москва: Изд-во Института психологии РАН.
- Мальшевский, А.Ф. (2004). Философско-терминологический словарь. Калуга: Гриф.
- Мерзлякова, С.В., Бибарсова, Н.В. (2022). Ответственность как фактор развития семейного самоопределения в юношеском возрасте. *Национальный психологический журнал*, 17(2), 3–13.
- Молчанов, С.В., Алмазова, О.В., Поскребышева, Н.Н., Запуниди, А.А. (2017). Личностная автономия как фактор развития ответственности подростков. *Национальный психологический журнал*, 12(1), 82–88.
- Муздыбаев, К. (2010). Психология ответственности. Под ред.: В.Е. Семенова. Москва: URSS.
- Нартова-Бочавер, С.К. (2020). Ответственность и аутентичность личности: соотношение понятий. Материалы Всеросс. науч.-прктич. конф. с междунар. участием (С. 84–89). Омск: Изд-во ОмГУ. URL: <https://www.researchgate.net/publication/345802738> (дата обращения: 13.05.2023).
- Поливанова, К.Н., Бочавер, А.А. (2022). Возможна ли детская самостоятельность в современной школе? *Психологическая наука и образование*, 27(3), 6–15. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270301>
- Прядин, В.П. (2015). Факторы воли в структуре ответственности, исполнительности, стиле и мотивации исполнительности. *Педагогическое образование в России*, (8), 99–111.
- Прядин, В.П. (2014). Психодиагностика личности: Избранные психологические тесты: Практикум. Сургут: Изд-во СурГУ.
- Реан, А.А. (2021). Свобода: ответственность, негативизм, забота. *Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология*, 44(3), 83–101.
- Резапкина, Г.В., Федосеева, И.А. (2017). Что такое ответственность: от диагностики к развитию. *Вестник практической психологии образования*, 14(1), 42–48. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2017_n1/Rezapkina_Fedoseeva (дата обращения: 15.06.2023).
- Смирнова, А.Р. (2017). О структуре ответственности. *Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия, психология, педагогика*, 27(4), 464–467.
- Франкл, В.Э. (1990). Человек в поисках смысла: пер. с англ. и нем. Под ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. Москва: Прогресс.
- Arnett, J.J., Galambos, N.L. (2003). Culture and conceptions of adulthood. *New Directions for Child and Adolescent Development*, (100), 91–98.
- Bogg, T., Roberts, B.W. (2004). Conscientiousness and health behaviors: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, (130), 887–919.
- Bradford-Brown, B., Klute, C. (2003). Friendships, cliques, and crowds. In: G.R. Adams, M.D. Berzonsky (Eds.). *Blackwell handbook of adolescence* (pp. 330–348). Malden: Blackwell Publishing.
- Cook-Sather, A. (2020). Student voice across contexts: Fostering student agency in today's schools. *Theory into Practice*, 59(2), 182–191. <https://doi.org/10.1080/00405841.2019.1705091>
- Curtis, A.C. (2015). Defining adolescence. *Journal of Adolescent and Family Health*, 7(2). URL: <https://scholar.utc.edu/jafh/vol7/iss2/2> (access date: 17.11.2022).
- Eisenberg, N., Cumberland, A., Guthrie, I.K., Murphy, B.C., Shepard, S.A. (2005). Age changes in prosocial responding and moral reasoning in adolescence and early adulthood. *Journal of Research on Adolescence*, 15(3), 235–260.
- Friedman, H.S., Kern, M.L., Reynolds, C.A. (2010). Personality and health, subjectivity well-being, and longevity. *Journal of Personality*, 78(1), 179–216.
- Fulgini, A.J., Pederson, S. (2002). Family obligation and the transition to young adulthood. *Developmental Psychology*, 38(5), 856–868. URL: https://www.researchgate.net/publication/11169508_Family_Obligation_and_The_Transition_to_Young_Adulthood (access date: 01.02.2023).
- Jackson, S., Goossens, L. (2019). *Handbook of Adolescent Development*. London: Psychology Press.
- Mergler, A., Shield, P. (2016) Development of the Personal Responsibility Scale for adolescents. *Journal of Adolescence*, (51), 50–57.
- Noftle, E.E., Robins, R.W. (2007). Personality predictors of academic outcomes: Big five correlates of GPA and SAT scores. *Journal of Personality and Social Psychology*, (93), 116–130.
- Ochs, E., Izquierdo, C. (2010). Responsibility in childhood: Three developmental trajectories. *Ethos*, 37(4), 391–413.
- Pomerantz, E., Qin, L., Wang, Q., Chen, H. (2011). Changes in Early Adolescents' Sense of Responsibility to their Parents in the United States and China: Implications for Academic Functioning. *Child Development*, 82(4), 1136–1151. <https://doi:10.1111/j.1467-8624.2011.01588.x>
- Salusky, I., Larson, R.W., Griffith, A., Wu, J., Raffaelli, M., Sugimura, N., Guzman, M. (2014). How Adolescents Develop Responsibility: What Can Be Learned from Youth Programs. *Journal of Adolescent Research*, 24(3), 417–430. <https://doi.org/10.1111/jora.12118>
- Steinberg, L. (2005). Cognitive and affective development in adolescence. *Trends in Cognitive Sciences*, (2), 69–74. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2004.12.005>

Wei, X. (2020). The Development Characteristics of Adolescents' Responsibility and Educational Countermeasures. Proceedings of 5th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities — Philosophy of Being Human as the Core of Interdisciplinary Research (ICCESSH 2020). *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, (468), 272–276.

Zhou, Z., Shi, Z., Li, X., Qu, Ya. (2023). Parents' Self-Development Socialization Goals and Chinese Adolescents' Academic Motivation: The Mediating Role of Parents' Autonomy Support. *Journal of Youth and Adolescence*, (50), 1887–1901. <https://doi.org/10.1007/s10964-023-01797-4>

References

Abul'khanova, K.A. (1999). Psychology and consciousness of personality. Problems of methodology, theory and research of real personality. Selected psychological works. Moscow: Publishing house MPSU. (In Russ.).

Arnett, J.J., Galambos, N.L. (2003). Culture and conceptions of adulthood. *New Directions for Child and Adolescent Development*, (100), 91–98.

Baranova, V.A. (2011). The main question and, it seems, so far... rhetorical. *Sotsial'naya Pedagogika v Rossii (Social Pedagogy in Russia)*, (4), 115–120. (In Russ.).

Bogg, T., Roberts, B.W. (2004). Conscientiousness and health behaviors: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, (130), 887–919.

Bradford-Brown, B., Klute, C. (2003). Friendships, cliques, and crowds. In: G.R. Adams, M.D. Berzonsky (Eds.). *Blackwell handbook of adolescence* (330–348). Malden: Blackwell Publishing.

Cook-Sather, A. (2020). Student voice across contexts: Fostering student agency in today's schools. *Theory into Practice*, 59(2), 182–191. <https://doi.org/10.1080/00405841.2019.1705091>

Curtis, A.C. (2015). Defining adolescence. *Journal of Adolescent and Family Health*, 7(2). URL: <https://scholar.utc.edu/jafh/vol7/iss2/2> (access date: 17.11.2022).

Dubovskaya, E.M. (2019). Socialization of the individual in a multicultural space as one of the aspects of the problem of "individual and society". *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie (Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy. Education)*, (4), 24–32. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-4-24-32> (In Russ.).

Dementii, L.I., Malenov, A.A. (2020). Subjectivity as a factor of personal development at the stage of self-realization. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika (Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics)*, 26(2), 68–78. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-2-68-78> (In Russ.).

Eisenberg, N., Cumberland, A., Guthrie, I.K., Murphy, B.C., Shepard, S.A. (2005). Age changes in prosocial responding and moral reasoning in adolescence and early adulthood. *Journal of Research on Adolescence*, 15(3), 235–260.

Frankl, V. (1990). Man in search of meaning. Trans. from English and German. In: L.Ya. Gozman, D.A. Leont'ev (Eds.). Moscow: Progress. (In Russ.).

Friedman, H.S., Kern, M.L., Reynolds, C.A. (2010). Personality and health, subjectivity well-being, and longevity. *Journal of Personality*, 78(1), 179–216.

Fuligni, A.J., Pederson, S. (2002). Family obligation and the transition to young adulthood. *Developmental Psychology*, (38), 856–868. URL: https://www.researchgate.net/publication/11169508_Family_Obligation_and_The_Transition_to_Young_Adulthood (access date: 01.02.2023).

Jackson, S., Goossens, L. (2019). *Handbook of Adolescent Development*. London: Psychology Press.

Magomed-Ehminov, M.Sh. (2021). Challenging Human Understanding in the Psychology of the COVID-19 Pandemic. The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequence. In: T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorob'eva (Eds.). Moscow: Publishing house of Psychological Institute of Russian Academy of Science. (In Russ.).

Malyshevskii, A.F. (2004). Philosophical and terminological dictionary. Kaluga: Grif. (In Russ.).

Mergler, A., Shield, P. (2016). Development of the Personal Responsibility Scale for adolescents. *Journal of Adolescence*, (51), 50–57.

Merzlyakova, S.V., Bibarsova, N.V. (2022). Responsibility as a factor in the development of family self-determination in adolescence. *National Psychological Journal*, 17(2), 3–13. (In Russ.).

Molchanov, S.V., Almazova, O.V., Poskrebysheva, N.N., Zapunidi, A.A. (2017). Personal autonomy as a factor in the development of adolescent responsibility. *National Psychological Journal*, 12(1), 82–88. (In Russ.).

Muzdybaev, K. (2010). Psychology of responsibility. In: V.E. Semenova (Ed.). Moscow: URSS. (In Russ.).

Nartova-Bochaver, S.K. (2020). Responsibility and authenticity of the individual: correlation of concepts. Social, professional and personal responsibility of the individual in modern society. Materials of Russian scientific practical conference with international participants (pp. 84–89). Omsk: Publishing house OmsU. URL: <https://www.researchgate.net/publication/345802738> (access date: 13.05.2023). (In Russ.).

Noftle, E.E., Robins, R.W. (2007). Personality predictors of academic outcomes: Big five correlates of GPA and SAT scores. *Journal of Personality and Social Psychology*, (93), 116–130.

Ochs, E., Izquierdo, C. (2010). Responsibility in childhood: Three developmental trajectories. *Ethos*, 37(4), 391–413.

Polivanova, K.N., Bochaver, A.A. (2022). Is it possible for children to be independent in a modern school? *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 27(3), 6–15. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270301> (In Russ.).

Pomerantz, E., Qin, L., Wang, Q., Chen, H. (2011). Changes in Early Adolescents' Sense of Responsibility to their Parents in the United States and China: Implications for Academic Functioning. *Child Development*, 82(4), 1136–1151. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2011.01588.x>

Pryadein, V.P. (2015). Will factors in the structure of responsibility, diligence, style and motivation of diligence. *Pedagogicheskoe Obrazovanie v Rossii (Pedagogical Education in Russia)*, (8), 99–111. (In Russ.).

Pryadein, V.P. (2014). Psychodiagnostics of Personality: Selected Psychological Tests: Practicum. Surgut: Publishing house SurSPU. (In Russ.).

Rean, A.A. (2021). Freedom: responsibility, negativism, caring. *Lomonosov Psychology Journal*, 44(3), 83–101. (In Russ.).

Rezapkina, G.V., Fedoseeva, I.A. (2017). What is responsibility: from diagnostics to development. *Vestnik Prakticheskoi Psikhologii Obrazovaniya (Bulletin of Practical Psychology of Education)*, 14(1), 42–48. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2017_n1/Rezapkina_Fedoseeva (access date: 15.06.2023). (In Russ.).

Salusky, I., Larson, R.W., Griffith, A., Wu, J., Raffaelli, M., Sugimura, N., Guzman, M. (2014). How Adolescents Develop Responsibility: What Can Be Learned from Youth Programs. *Journal of Adolescent Research*, 24(3), 417–430. <https://doi.org/10.1111/jora.12118>

Smirnova, A.R. (2017). About the responsibility structure. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Filosofiya, Psikhologiya, Pedagogika (Bulletin of the Udmurt University. Series Philosophy, Psychology, Pedagogy)*, 27(4), 464–467. (In Russ.).

Steinberg, L. (2005). Cognitive and affective development in adolescence. *Trends in Cognitive Sciences*, 9(2), 69–74. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2004.12.005>

Wei, X. (2020). The Development Characteristics of Adolescents' Responsibility and Educational Countermeasures. Proceedings of 5th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities – Philosophy of Being Human as the Core of Interdisciplinary Research (ICCESSH 2020). *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, (468), 272–276.

Zhou, Z., Shi, Z., Li, X., Qu, Ya. (2023). Parents' Self-Development Socialization Goals and Chinese Adolescents' Academic Motivation: The Mediating Role of Parents' Autonomy Support. *Journal of Youth and Adolescence*, (50), 1887–1901. <https://doi.org/10.1007/s10964-023-01797-4>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Виктория Анатольевна Баранова, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, bva06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0481-6501>

Victoria A. Baranova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, bva06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0481-6501>

Екатерина Михайловна Дубовская, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, dubovskaya13@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2923-1422>

Ekaterina M. Dubovskaya, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, dubovskaya13@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2923-1422>

Ольга Олеговна Савина, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологической помощи и ресоциализации факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, savindm2006@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3326-4841>

Olga O. Savina, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Psychological Assistance and Resocialization, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, savindm2006@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3326-4841>

Поступила: 09.12.2023; получена после доработки: 28.12.2023; принята в печать: 03.05.2024.

Received: 09.12.2023; revised: 28.12.2023; accepted: 03.05.2024.

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ / CLINICAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0204>
УДК/UDC 159.9.07

Психологические проблемы разработки и внедрения VR-технологий в системе медицинского образования

Т.С. Бузина[✉], А.В. Котельникова^{1,2}, О.С. Шалина³, А.А. Денисов¹, Ю.А. Колосов¹,
Ю.В. Горбунова¹, Д.В. Куркин¹, И.Д. Мурсалов¹

¹Российский университет медицины Минздрава России, Москва, Российская Федерация

²Московский научно-практический центр медицинской реабилитации, восстановительной и спортивной медицины им. С.И. Спасокукоцкого Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Российская Федерация

³Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), Москва, Российская Федерация

✉ tbuzina@gmail.com

Резюме

Актуальность. В связи с ярко выраженной тенденцией постоянной интенсификации общемирового информационного пространства включение иммерсивных технологий в образовательный процесс и подготовку специалистов здравоохранения в последние годы значительно активизировалось. От традиционных образовательных технологий их отличают обеспечивающие развивающий эффект погружение, присутствие и интерактивность (Тишков, 2020). Однако активное внедрение подобных программ требует осмысления их места в системе образования и возможных рисков применения, не только с точки зрения эффективности овладения необходимыми профессиональными компетенциями, так и со стороны субъективных переживаний участников образовательного процесса и их психологического самочувствия.

Цель. Анализ психологических аспектов применения VR-технологий в системе медицинского образования и постановка проблемы разработки комплексной системы оценки безопасности и эффективности образовательных VR-программ.

Методы. Систематический обзор и теоретический анализ проблемы использования VR-технологий в системе медицинского образования.

Результаты. Было показано, что внедрение образовательных VR-программ и использование средств виртуальной реальности не получило методологического и методического обоснования. Несмотря на распространенность и умоглядную эффективность VR-технологий, до сих пор отсутствуют достоверные данные об их обучающем потенциале в учебном процессе. Использование средств виртуальной реальности в системе медицинского образования требует системного междисциплинарного анализа и обсуждения сообществом специалистов.

Выводы. Внедрение VR-технологий в образовательную систему требует комплексного психологического, педагогического и медицинского анализа. Обсуждение новых технологий и средств учебного процесса должно затрагивать ряд психологических аспектов, как-то: определение зоны и фокуса применения виртуальной реальности в медицинском образовании; анализ социальных компонентов учебной деятельности; формирование экспертного сообщества для разработки, контроля реализации, оценки эффективности и безопасности образовательных VR-программ; разработка методологических, дидактических и методических принципов формирования образовательных программ с использованием VR-технологий.

Ключевые слова: образовательные VR-программы, средства виртуальной реальности, технология учебного процесса, эффективность и безопасность образовательных программ

Для цитирования: Бузина, Т.С., Котельникова, А.В., Шалина, О.С., Денисов, А.А., Колосов, Ю.А., Горбунова, Ю.В., Куркин, Д.В., Мурсалов, И.Д. (2024). Психологические проблемы разработки и внедрения VR-технологий в системе медицинского образования. *Национальный психологический журнал*, 19(2), 47–59. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0204>

Psychological Issues in the Development and Implementation of VR Technologies in the System of Medical Education

Tatyana S. Buzina¹✉, Anastasiya V. Kotelnikova^{1,2}, Olga S. Shalina³, Aleksandr A. Denisov¹, Yuri A. Kolosov¹, Yulia V. Gorbunova¹, Denis V. Kurkin¹, Igor J. Mursalov¹

¹ Russian University of Medicine of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Moscow Centre for Research and Practice in Medical Rehabilitation, Restorative and Sports Medicine of Moscow Healthcare Department, Moscow, Russian Federation

³ I.M. Sechenov First Moscow State Medical University under the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), Moscow, Russian Federation

✉ tbuzina@gmail.com

Abstract

Background. In connection with the pronounced trend to constant intensification of the global information space, the inclusion of immersive technologies in the educational process and training of healthcare professionals has significantly intensified in recent years. They are distinguished from traditional educational technologies by immersion, presence and interactivity that provide a developing effect (Tishkov D.S., 2020). However, the active implementation of such programmes requires an understanding of their place in the education system and the possible risks of application, not only from the point of view of the effectiveness of mastering the necessary professional competencies, but also from the subjective experiences of participants in the educational process and their psychological well-being.

Objectives. The aim is to analyse psychological aspects of the use of VR technologies in the medical education system and the problem of developing a comprehensive system for assessing the safety and effectiveness of educational VR programmes.

Methods. The systematic review and theoretical analysis of the problem of using VR technologies in the medical education system.

Results. The introduction of educational VR programmes and the use of virtual reality tools did not receive methodological justification. Despite the prevalence and speculative effectiveness of VR technologies, there is still no reliable data on their teaching potential in the educational process. The use of virtual reality in the medical education system requires a systematic interdisciplinary analysis and discussion by a community of specialists.

Conclusion. The introduction of VR technologies into the educational system requires a comprehensive psychological, pedagogical, and medical analysis. The discussion of new technologies and means of the educational process should affect a number of psychological aspects, such as: determining the zone and focus of the use of virtual reality in medical education; analyzing social components of educational activities; forming an expert community for the development, control of implementation, evaluation of the effectiveness and safety of educational VR programmes; developing methodological, didactic and methodological principles for educational programmes using VR technologies.

Keywords: educational VR programmes, virtual reality tools, technology of the educational process, effectiveness and safety of educational programmes

For citation: Buzina, T.S., Kotelnikova, A.V., Shalina, O.S., Denisov, A.A., Kolosov, Yu.A., Gorbunova, Yu.V., Kurkin, D.V., Mursalov, I.J. (2024). Psychological Issues in the Development and Implementation of VR Technologies in the System of Medical Education. *National Psychological Journal*, 19(2), 47–59. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0204>

Введение

Активное развитие информационно-коммуникационных технологий, наблюдающееся во всем мире с конца XX века, привело к революции взглядов и значительному расширению представлений о возможностях специалистов «помогающих» профессий.

Наукоемкие технологии представляют собой сложные технологии, основанные на результатах фундаментальных и поисковых научных исследований, и служащие основой производства высокотехнологич-

ной продукции или услуг, включающих в себя электронику и робототехнику. Одним из направлений научно-практических разработок в данном направлении являются иммерсивные технологии — технологии полного или частичного погружения в виртуальный мир (Корнилов, 2019).

Включение иммерсивных технологий в образовательный процесс и подготовку специалистов здравоохранения в последние годы значительно активизировалось. От традиционных образовательных технологий их отличают технологии обеспечивающие развивающий эффект погружение, присутствие

и интерактивность. Однако активное внедрение подобных программ требует осмысления их места в системе образования и возможных рисков применения, не только с точки зрения эффективности овладения необходимыми профессиональными компетенциями, но и со стороны субъективных переживаний участников образовательного процесса и их психологического самочувствия.

Целью настоящего исследования является анализ психологических аспектов применения VR-технологий в системе медицинского образования.

Методы. Систематический обзор и теоретический анализ проблемы использования VR-технологий в системе медицинского образования, которые предполагают обзор практики внедрения VR в различные сферы здравоохранения и образования, систематизация имеющихся эмпирических данных об эффективности виртуальных образовательных технологий, анализ сведений о зафиксированных положительных эффектах и гипотетических рисках использования образовательных VR-программ. По итогам обзора и анализа сформулированы предложения о выделении критериев психологического анализа обучающих программ с применением VR-технологий, сформулированы выводы и в заключении предложены направления дальнейшего комплексного решения проблемы.

Практика внедрения VR в здравоохранении

В настоящее время известны технологии виртуальной реальности (VR, virtual reality), полностью замещающие действительность цифровой средой и обеспечивающие человеку взаимодействие с виртуальным окружением в различных модальностях, вплоть до тактильных ощущений и запахов; дополненной, или «добавленной», реальности (AR, augmented reality), сконструированной на основе имеющейся физической реальности с добавлением или наложением на нее виртуальных 3D-объектов; смешанной (MR, mixed reality) реальности, технически совмещающей в себе возможности VR и AR в различных комбинациях (Марьенко и др., 2019).

Перечисленные технологии в здравоохранении решают множество разноплановых задач: обучение и подготовка специалистов, оптимизация лечебного процесса, восстановительное лечение и катанестическое сопровождение (Зелинский и др., 2019; Сидякина и др., 2020). VR и AR помогают врачам точнее диагностировать, лечить, выполнять операции, предоставляя доступ к необходимым данным и информации в режиме реального времени. Специалисты-реабилитологи повышают эффективность восстановления утраченных функций за счет возможности программирования необходимой обучающей среды, геймификации процесса, повышения мотивации, расширения возможности коммуникаций с пациентом и получения устойчивой обратной связи в режиме моментального реагирования, применения мультисенсорной тренировки (Кукшина и др., 2021). При обучении врачей различных специальностей эти технологии позволяют ознакомиться с широким

спектром клинически значимых ситуаций и приобрести профессиональные навыки без риска для пациентов.

Иммерсивные технологии применяются в профилактике зависимостей, пропаганде здорового образа жизни, повышении качества жизни, снижении текущего стресса, в комплексном лечении боли. Положительный эффект достигается в основном за счет переключения внимания: VR в данном случае выступает экстрас-стимулом, прерывающим устоявшуюся цепочку привычных реакций (Hui-Ting Lin et al., 2019).

Преимуществом использования VR является возможность создания безопасного контакта с реальностью: за счет эффектов присутствия и погружения опыт «проигрывания» определенных образцов поведения, действий, коммуникаций, приобретаемый в цифровой среде, может быть максимально приближен к жизни, оставаясь безопасным и «дозированным», т.к. степень воздействия, объем и интенсивность виртуальных стимулов доступны контролю. За счет способности виртуальных сред развивать самоэффективность путем неоднократного переживания индивидом ситуации успеха, аналогично методам когнитивно-поведенческой психотерапии, формируется опыт личных достижений, что положительно влияет на самооотношение и обеспечивает готовность человека более уверенно и компетентно в дальнейшем решать жизненные задачи (Ventura et al., 2018). Кроме того, за счет возможности пластичной подстройки под конкретного пользователя виртуальная тренировка полностью реализует индивидуальный подход и персонализацию реабилитационных программ (Зинченко Ю.П. и др., 2010).

VR в медицинском образовании

Большие перспективы в медицинском образовании открывает так называемое симуляционное обучение (Чиркова, 2020). По аналогии с Европейским обществом симуляционного образования в медицине (SESAM), Всемирным обществом симуляционного образования в медицине (SSH) и тому подобными организациями с 2012 года существует РОСОМЕД — «Общероссийская общественная организация Российское общество симуляционного обучения в медицине», основной целью деятельности которого является содействие внедрению современных технологий симуляционного обучения в практику российского медицинского образования, а также в практическую деятельность государственных и частных лечебно-профилактических учреждений системы здравоохранения и Всероссийской службы медицины катастроф.

При реализации системы непрерывного образования фармацевтических специалистов также используются современные коммуникативные технологии передачи данных, в частности, дистанционные образовательные технологии (Денисова, Курилова, 2018). Содержательное наполнение разработанных программ сосредоточено вокруг управления и экономики, а также отраслевого кадрового менеджмента (Гречкина и др., 2019). Также уделяется внимание

вопросам инновационной реализации практико-ориентированного обучения, при этом наиболее перспективным представляется внедрение иммерсивных образовательных технологий для создания симуляционной среды в формате учебной аптеки, представляющей собой модель аптечного учреждения, имитирующей структуру, функции и процессы аптечного учреждения, оснащенную необходимой современной мебелью, оборудованием и программным обеспечением (Дроздова и др., 2017).

Основными преимуществами применения VR в здравоохранении являются возможность получения клинического опыта без риска для пациента, неограниченное число повторений манипуляций для ликвидации ошибок при выработке навыка, возможность объективной оценки достигнутого уровня мастерства за счет обратной связи и использования IT-алгоритмов, передача части функций преподавателя виртуальному тренажеру, посещение тренинга в удобное время, повышение эффективности обучения медицинских специалистов новым высокотехнологичным методикам и новым процедурам в рамках уже практикуемых методик, создание благоприятного эмоционального фона и снижение уровня как текущего стресса у обучающегося, так и при первых самостоятельных манипуляциях (Потапов, 2019).

Несмотря на обширный опыт применения VR-технологий в практике здравоохранения и их внедрения в образовательный процесс, пока нет достаточного методологического осмысления роли данных технологий в формировании профессиональных компетенций, кроме уровня формирования практических навыков.

Анализ исследований эффективности обучающих VR-программ

Иммерсивная среда к настоящему моменту позиционируется специалистами в области дидактики одновременно методом, средством и технологией обучения, а обучающие VR-программы имеют высокий потенциал стимулирующего влияния на процессуальные и операциональные характеристики мышления, креативность, формирование познавательной мотивации, интереса к обучению (Селиванов, Селиванова, 2014).

Оценки эффективности виртуальных образовательных технологий разнятся: прирост показателя относительно результатов обучения по традиционным программам колеблется от 20% до 90% в зависимости от контингента, целей обучения и программ (Селиванов, Селиванова, 2015а; Селиванов, Селиванова, 2015б). При использовании средств VR в авторских образовательных программах зафиксировано повышение показателей когнитивных функций за счет снижения уровня ситуативной тревожности, повышения интереса (Кардонов, 2020) и изменения функционального состояния в части возрастания активности, тонуса, возбуждения, эйфории при снижении показателей астении. Эти функциональные изменения понимаются как продуктивные и поло-

жительно сказывающиеся на учебной деятельности (Селиванов, 2021), однако необходимо отметить, что сами по себе показатели возбуждения и эйфории могут приводить не только к повышению продуктивности, но и к контрпродуктивному поведению, распаду целенаправленной деятельности.

Другие авторы делают более осторожные выводы об улучшении результатов обучения, но отмечают, что VR-технологии позволяют модулировать мотивационные и эмоциональные стороны учебной деятельности, косвенно обеспечивая повышение когнитивных показателей. По мнению исследователей это, прежде всего, является результатом «эффекта присутствия». Для выявления особенностей переживания «эффекта присутствия» авторы использовали не только опросники самооценки, но объективные психофизиологические методы — в частности показатели электрической активности кожи. Однако объективно изменения эмоционального состояния были зафиксированы далеко не у всех испытуемых (Шаляпин, Данина, 2020). Также имеются данные, подтверждающие равную эффективность освоения учебного материала при работе с текстами без VR-технологий и в VR-среде (Ковалев и др., 2019).

Пребывание в виртуальной среде не приводит к фиксируемым изменениям личностных черт, но динамика ситуативных показателей тревожности и мотивации позволяет авторам сделать вывод о более комфортной образовательной среде и особой привлекательности учебной деятельности, в которой применяются VR-технологии. Интерес обеспечивает их большую вовлеченность и сосредоточенность на материале, чем при обучении без использования VR (Краюшкин, 2020). Обучение с помощью VR-технологий субъективно воспринимается как более легкое (Хозе, 2021). Интересны данные о положительной корреляции между уровнем сформированности пространственных способностей и скоростью адаптации, активностью в VR-пространстве (Тасимов и др., 2022).

Положительные эффекты включения VR-технологий в учебный процесс соответствуют психологической специфике усвоения знаний современными школьниками и студентами, привыкшими к яркой визуализации и постоянной порционной подаче информации, когда насыщенные программы обучения с использованием традиционных средств и форматов занятий даются с трудом (Ясюкова, 2020). Сами же трудности и их преодоление не всегда занимают высокое положение в иерархии личностных ценностей. Трудность традиционной системы образования не привлекает, а познавательная (учебная) мотивация зачастую уступает игровой мотивации как у младших школьников, так и среди юношества и молодежи (Самойлова, Костяев, 2022; Сиврикова, Шевченко, 2022; Saritereci, 2020).

Дефицит познавательной (учебной) мотивации оказывается не только личностной характеристикой, но и системным эффектом обучения (Давыдов, 1996). Коррекция мотивационной сферы и изменение

иерархии мотивов в юношеском возрасте, когда старшеклассники готовятся к итоговой аттестации и поступлению в вузы, не является приоритетным направлением школьного обучения. Кроме того, самому возрасту присуща иная психологическая структура: не учебная деятельность, а профессиональное самоопределение и социализация «в большом мире» играют важнейшую роль в развитии личности (Карбанова, 2005). Однако фундаментом учебной деятельности (формирования каркаса знаний и развития компетенций) является адекватная мотивация. И современный педагог должен буквально реализовать принцип «сдвига мотива на цель» — зафиксировать положительные эмоции обучающихся, вызванные оригинальным, интересным форматом занятий, на самом учебном процессе и результате (Леонтьев, 2004).

В этом смысле VR-технологии представляются перспективным направлением развития общего и высшего образования, учитывающим актуальные социально-психологические особенности обучающихся.

Дидактические возможности применения VR в обучении

Исследователи отмечают, что в современной системе образования технологии виртуальной и смешанной реальности являются особыми дидактическими средствами организации совместной работы обучающихся и педагогов, обеспечивая интерактивный формат занятий. Они выводят на новый уровень освоение естественно-научных и гуманитарных дисциплин, создавая, например, возможность «оказаться» внутри живой клетки или экологического сообщества, или, организовывая виртуальное «посещение» музеев, «участие» в раскопках и т.п. (Уваров, 2018).

VR-технологии позволяют работать в средах или с объектами, которые отсутствуют в физической реальности обучающихся: экосистемы и инженерные системы, производственные предприятия, физиологические системы и др. Но VR позволяет именно познакомиться с этими средами и объектами, получить общее впечатление о них (Краюшкин, 2020).

В соответствии с концепцией «пирамиды обучения» Р. Карникау и Ф. Макелроу, лучше всего усваивается информация, отработанная на практике (т.е. на уровне формирования навыков и компетенций). Визуализация материала позволяет сфокусировать внимание обучающихся на заданиях и темах, а «виртуальный интерактив» вовлекает их в познавательную деятельность (Полевода и др., 2022).

Еще один аспект внедрения VR-технологий в систему медицинского образования — это применение для контроля и оценки результатов учебной деятельности в безопасных, но приближенных к реальным условиям. Для этого необходима разработка параметров и процедур оценки, а также подготовка экспертов для обеспечения объективности и надежности полученных в ходе оценки данных, а также для разработки сценариев оценки.

Сценарий является основой для проведения оценки компетенций, знаний, умений и навыков, который

предполагает список поведенческих паттернов, подлежащих оценке: способность к синтезу информации для составления четкого плана, реализация плана на основе меняющихся условий, эффективные навыки межличностного общения и общения с пациентами и сотрудниками, способность определить пути улучшения производительности, признание собственных ограничений (Blum et al., 2014). Процесс разработки и выбора сценариев должен быть сопоставлен с учебной программой или сертификационными требованиями.

В настоящий момент отсутствуют единые, базовые сценарии оценки уровней освоения компетенций образовательных программ, не разработаны методики их создания, критерии оценки их эффективности.

Безопасность применения VR

Исследования безопасности VR-технологий для пользователей не столь обширны, как материалы об их эффективности. Цифровизация предполагает внедрение компьютерных технологий в различные сферы системы образования. Однако виртуальная реальность как средство учебной деятельности используется достаточно ограниченно. Нормы СанПиН определяют длительность использования электронных устройств обучающимися различных возрастов, суммарное количество электронных устройств для одновременного пользования, размер мониторов и дистанцию просмотра монитора. Однако норм, регулирующих пребывание в виртуальной реальности, не разработано. Отсутствие этого регламента ограничивает применение VR-технологий экспериментальными курсами, авторскими программами, пилотными и исследовательскими проектами.

К преимуществам использования цифровых технологий в системе образования относят высокую наглядность материала, повышенную сосредоточенность внимания и общую вовлеченность обучающихся в учебный процесс, высокую эффективность и безопасность технологий (Краюшкин, 2020). При этом под «безопасностью» понимается безопасность окружающих (например, формирование мануальных навыков будущих врачей в виртуальной реальности не может причинить ущерба живым людям), но не безопасность пользователя, а целостная система ее диагностики и оценки отсутствует.

Кроме положительных эффектов использования VR технологий имеются данные и о негативных сторонах их применения.

Исследования состояний и функций глаз при работе в виртуальной реальности указывают на отсутствие патологических изменений при наличии значимых, нормативных физиологических. Причем монитор и VR-шлемы (очки) вызывают схожие эффекты — например, снижения частоты морганий и пересыхания глаза (Уваров, 2018; Turnbull, Phillips, 2017).

В целом исследователи сходятся во мнении о допустимости использования VR-технологий в обучении и их относительной безопасности для психического здоровья обучающихся (Хозе, 2021), но отмечается и развитие симптомов аддиктивного поведения у обучающихся

по экспериментальным программам при многократном краткосрочном погружении в VR (Селиванов, 2021; Самойлова, Костяев, 2022; Tanriverdi, Karaca, 2018). Имеются определенные основания полагать, что феномены зависимости от электронных устройств и интернет-сервисов имеют общую природу с феноменом присутствия в конструируемой виртуальной реальности (Войскунский, 2015). Избыточное включение иммерсивных технологий в обучающий процесс может приводить к редукции абстрактных понятий и символического мышления при «сверхобразной», чрезмерно наглядной подаче содержания образования (Селиванов, Селиванова, 2014).

Как негативное последствие пребывания в виртуальной среде описано киберзаболевание, которое относится исследователями к новому виду психических расстройств, связанных с использованием цифровых технологий, и встречается от 35 до 79% пользователей (Войскунский, Смылова, 2020; Смылова, Войскунский, 2019; Уваров, 2018; Шаляпин, Дадина, 2020; Sinitski et al., 2018). Симптоматика киберзаболевания варьируется, начиная со зрительного дискомфорта, утомляемости глаз, размытости изображения, головных болей, трудностей фокусировки, головокружения и потери пространственной ориентации до физических ощущений тошноты, сопутствующей общей слабости, боли в животе, общего дискомфорта, а также некоторых психических симптомов (Федотов и др., 2015). К факторам, способствующим развитию киберзаболевания, относят: технические характеристики систем виртуальной реальности, провоцирующие возникновение сенсорного конфликта; индивидуальные особенности пользователей: в зоне риска оказываются женщины, дети до 12 лет и люди старше 30 лет, а также те, кого быстрее «укачивает» в транспорте; завышенные ожидания при предвосхищении нового опыта в процессе пользования VR; специфику выполняемых людьми задач, включая феномены присутствия и ситуации многозадачности (Авербух, 2010; Iskenderova et al., 2017).

Снижению неприятных эффектов киберзаболевания способствуют соблюдение интервалов между сессиями работы в системах VR (оптимальна пауза до пяти дней), активность пользователя, релевантная выполняемым задачам обратная связь, ограничение поля зрения при перемещении по виртуальному пространству, динамическая смена фокуса внимания в ходе работы, систематические тренировки (Ковалев, Климова, 2017).

Вопрос превентивной диагностики риска киберзаболевания составляет проблемную зону исследований в области практического применения средств VR, т.к. к настоящему моменту они не стандартизированы, а результаты регистрации психофизиологических параметров для разработки системы предупреждения риска киберзаболевания недостаточно информативны (Смылова, Войскунский, 2019). Большинство исследователей склоняются в сторону самоотчетных методик, в частности используется валидизирован-

ный на русскоязычной популяции «Опросник симуляторных расстройств» (Меньшикова, Ковалев, 2015). Разрабатывается шкала оценки вероятности киберзаболевания в ситуациях быстрого и необычного перемещения в виртуальном мире (Войскунский, Смылова, 2020).

Таким образом, история использования VR-технологий в образовании, в том числе и медицинском, крайне непродолжительна, поэтому научному сообществу еще предстоит оценка их отсроченных результатов. Для этого необходимо разрабатывать методологию подобных исследований, критерии и методы определения эффективности этих программ, включающих оценку безопасности их применения.

Психологические аспекты эффективности применения VR

Обзор практики применения VR в различных сферах здравоохранения и образования показал, что при активном внедрении этих технологий мало внимания уделяется изучению психологических аспектов их использования в контексте проблемы их субъективного восприятия и влияния на субъект воздействия. При этом следует отметить, что психологические исследования подобных образовательных продуктов весьма разрозненны и не имеют отношения к медицинской проблематике. В медицинской практике оценивается в основном результативность формирования практических навыков (Андреевко, 2020).

С нашей точки зрения, при определении эффективности новых дидактических средств, внедряемых в систему медицинского образования, необходимо учитывать такие критерии их оценки, как информативность, привлекательность (полезность) и безопасность. Данные критерии соотносятся с традиционными в психологии категориями анализа психических явлений с точки зрения когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов.

Когнитивные компоненты деятельности можно рассматривать как с точки зрения изменений в частных и универсальных психических процессах (Петухов, 2001), так и опираясь на когнитивно-стилевой подход, предполагающий возможность дифференциации индивидуально-своеобразных приемов, группируемых в когнитивные стили (Холодная, 2004).

Аффективные компоненты также можно рассматривать как с точки зрения возникновения и динамики отдельных конкретных эмоциональных явлений (прежде всего тревоги и интереса), так и с точки зрения интегративных индивидуально-психологических и смысловых структур, — эмоциональной направленности (Додонов, 1987), системы отношений (Мясищев, 2004), личностных черт (Олпорт, 2002; Леонгард, 2000) и др.

Анализ поведенческих компонентов целесообразно рассматривать в тесной связи с когнитивными и аффективными компонентами (Mischel, 1996).

К сожалению, данные категории оценки мало разработаны для комплексной оценки образовательных продуктов. Выбор нами данных критериев оценки

основывается также на опыте оценки эффективности информационных продуктов в сфере социальной и коммерческой рекламы (Холмогорова и др., 2001; Бузин, Бузина, 2007, 2008).

Под когнитивным компонентом (критерий информативности) подразумевается содержательное наполнение обучающих программ, когда виртуальная среда позволяет дополнять их визуализированным материалом. Поэтому при оценке эффективности VR-программ, учитывая сложность их разработки, необходимо учитывать, насколько возрастает и обогащается их информативность по сравнению с традиционными программами.

Под эмоциональным компонентом (критерием привлекательности или полезности) подразумевается эмоциональная оценка образовательных технологий, что является одним из важных условий усвоения содержания. Субъективная привлекательность и понимание полезности осваиваемого учебного материала повышает учебную мотивацию и качество усвоения материала, что является одним из важных условий усвоения содержания.

Важным параметром оценки эффективности VR-программ является их безопасность, которая может быть рассмотрена и изучена в двух аспектах: объективном и субъективном. Под объективным аспектом безопасности подразумевается влияние технических характеристик обучающих средств на функциональное состояние обучающихся, результатом которого может быть, например, киберзаболевание. В связи с этим возникает необходимость изучения различных ее компонентов (качество визуальных средств, цветового решения, пространственной организации, время нахождения в VR-среде, глубина погружения и т.п.) для разработки и применения критериев ее оценки и оптимизации с учетом развития процессов утомления и пресыщения. Под субъективным компонентом безопасности подразумеваются тревожные состояния, которые могут развиваться вследствие осознания того факта, что во время нахождения в виртуальной реальности снижается или отсутствует контроль того, что происходит в «настоящей» реальности, что может снизить учебную мотивацию и качество усвоения учебного материала.

Выводы

1. VR технологии активно внедряются в медицинские процессы (профилактику, лечение и реабилитацию). Но данный процесс происходит без должного осмысления реализации принципа активности со стороны пациента, что может сказываться на результативности медицинских вмешательств.
2. В медицинском образовании VR-технологии максимально эффективны на данный момент при формировании «навыковой» части компетенций.

3. Современные способы освоения информации с использованием VR-среды в процессе обучения могут повышать учебную мотивацию обучающихся.
4. Анализ VR-технологий как дидактического средства показал отсутствие единых критериев и стандартов создания сценариев оценки уровней освоения компетенций образовательных программ, отсутствие методик их создания и критериев оценки эффективности.
5. При разработке VR-программ необходимо учитывать параметры их безопасности как с точки зрения технической организации процесса обучения, так и с точки зрения субъективного восприятия данных технологий обучающимися.

Заключение

Внедрение VR-технологий в образовательную систему требует комплексного психологического, педагогического и медицинского анализа. С психологической точки зрения, обсуждение любых новых технологий и средств учебного процесса должно затрагивать ряд важных аспектов.

На данный момент VR-технологии являются максимально эффективными в формировании «навыковой» части компетенций. Необходимо осмыслить значение этих технологий для развития системы знаний и мышления как психической функции в процессе обучения и *определить зоны и фокус применения виртуальной реальности в медицинском образовании.*

При использовании VR-технологий коммуникация как часть образовательного процесса имеет свои особенности и опосредована условной моделью реальности. Коммуникативные процессы учебной деятельности ограничены. При коммуникации в условиях виртуальной реальности традиционный контур общения «ученик — педагог» опосредуется программной средой. Это требует и *анализа социальных компонентов учебной деятельности.*

Для разработки, контроля реализации, психологической оценки эффективности и безопасности образовательных VR-программ требуется формирование экспертного сообщества с учетом междисциплинарного статуса проблемы и с привлечением специалистов психологического, педагогического, медицинского, инженерного и IT-профиля. Необходимо комплексный анализ широкого круга вопросов — от определения санитарно-гигиенического режима пользования виртуальной реальностью до оценки непосредственных и отсроченных эффектов.

Необходима *разработка методологических, дидактических и методических принципов формирования образовательных программ с использованием VR-технологий на основе таких психологических критериев их эффективности, как информативность (когнитивные компонент), привлекательность/полезность (аффективный компонент) и*

безопасность (поведенческий компонент). Данные принципы могут быть заложены в основу стандартизации процедуры психолого-педагогической экспертизы образовательных VR-программ, что позволит осуществить сопоставительный анализ

эффективности традиционных и инновационных образовательных технологий и определить ограничения и преимущества виртуальной реальности в развитии профессиональных компетенций обучающихся.

Список литературы

- Андреевко, А.А. (2020). Высокорреалистичная симуляция в анестезиологии и реаниматологии — теория и практика. Руководство. Москва: РОСОМЕД.
- Авербух, Н.В. (2010). Психологические аспекты феномена присутствия в виртуальной среде. *Вопросы психологии*, (5), 105–113.
- Бузин, В.Н., Бузина, Т.С. (2007). Социальная реклама: быть или не быть? *Реклама. Теория и практика*, 19(1), 16–28.
- Войскунский, А.Е. (2015). Концепции зависимости и присутствия применительно к положению в Интернете. *Медицинская психология в России*, 33(4).
- Войскунский, А.Е., Смылова, О.В. (2020). Киберзаболевание в системах виртуальной реальности: ключевые факторы и сенсорная интеграция. *Психологический журнал*, 41(1), 56–64.
- Гасимов, А.Ф., Маслова, К.Е., Ковалёв, А.И. (2022). Эмоциональный интеллект и пространственные способности как предикторы успешности взаимодействия с цифровыми аватарами в среде виртуальной реальности. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 15(2), 136–147.
- Гречкина, А.А., Кныш, О.И., Скребцова, Н.А., Егорова, А.О. (2019). Освоение общепрофессиональных и специальных профессиональных умений и навыков ординаторами по специальности «Управление и экономика фармации». *Университетская медицина Урала*, 5(1), 105–106.
- Давыдов, В.В. (1996). Теория развивающего обучения. Москва: ИНТОР.
- Денисова, Н.Г., Курилова, О.О. (2018). Об опыте формирования педагогической системы подготовки провизоров на базе контекстного подхода. *Балтийский гуманитарный журнал*, 22(1), 223–226.
- Додонов, Б.И. (1987). В мире эмоций. Киев: Политиздат Украины.
- Дроздова, И.Л., Зубкова, И.В., Удалова, С.Н., Басарева, О.И. (2017). Роль учебной аптеки в практико-ориентированном обучении студентов при реализации ФГОС ВО. Инновационные технологии в образовательном процессе: Сборник научных статей 15-й Междунар. науч.-метод. конф. Под ред. Л.А. Дремовой (С. 81–85). Курск: Университетская книга.
- Зелинский, С.С., Удуд, Е.А., Петракова, А.С. (2019). Virtual reality в медицине: возможности и средства. Фундаментальные основы науки. Сборник научных трудов по материалам X Междунар. науч.-практич. конф. (С. 21–25). Анапа.
- Зинченко, Ю.П., Меньшикова, Г.Я., Баяковский, Ю.М., Черноризов, А.М., Войскунский, А.Е. (2010). Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы. *Национальный психологический журнал*, 3(1), 54–62.
- Кардонов, Ю.С. (2020). Эффективность использования виртуальной реальности в образовательном процессе на примере запоминания скрипта продаж. *Научно-практический электронный журнал Оригинальные исследования (ОРИС)*, (5), 69–74.
- Карабанова, О.А. (2005). Возрастная психология: Конспект лекций. Москва: Айрис-Пресс.
- Ковалев, А.И., Климова, О.А. (2017). Диагностика устойчивости вестибулярной функции спортсменов с применением технологии виртуальной реальности. *Спортивный психолог*, 46(3), 4–9.
- Ковалев, А.И., Роголева, Ю.А., Егоров, С.Ю. (2019). Сравнение эффективности применения технологий виртуальной реальности с традиционными образовательными средствами. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 42(4), 44–58.
- Корнилов, Ю.В. (2019). Иммерсивный подход в образовании. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 8(1), 174–178.
- Краюшкин, Н. (2020). Виртуальная реальность в образовании. URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/virtualnaya-realnost-v-obrazovanii/> (дата обращения 20.10.2022).
- Кукшина, А.А., Котельникова, А.В., Разумов, А.Н., Погонченкова И.В., Турова, Е.А., Рассулова, М.А., Лямина, Н.П. (2021). Сравнительное когортное исследование применения иммерсивных технологий в комплексной психологической реабилитации пациентов с нарушениями двигательных функций. *Вестник Российской академии медицинских наук*, S5(76), 544–553.
- Леонгард, К. (2000). Акцентуированные личности. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Леонтьев, А.Н. (2004). Деятельность. Сознание. Личность. Москва: Смысл, Издательский центр «Академия».
- Марьенко, И.П., Лихачев, С.А., Можейко, М.П., Юрченко, М.В., Суша, Н.А., Иваницкий, Е.С., Качановский, А.В., Чарыкова, И.А., Филипович, Л.В., Марьенко, И.П. (2019). Возможности технологии виртуальной реальности в диагностике и восстановлении функции равновесия: анализ собственных наблюдений. *Неврология и нейрохирургия. Восточная Европа*, 9(1), 28–35.
- Меньшикова, Г.Я., Ковалев, А.И. (2015). Векция в виртуальных средах: психологические и психофизиологические механизмы формирования. *Национальный психологический журнал*, 10(4), 91–104.
- Мясищев, В.Н. (2004). Психология отношений: Избранные психологические труды. Москва: МОДЭК МПСИ.
- Олпорт, Г. (2002). Становление личности. Москва: Смысл.
- Петухов, В.В. (2001). Основные определения собственно познавательных и универсальных психических процессов. *Общая психология. Тексты: в 3 т. Т. 1: Введение*. Москва: УМК «Психология», Генезис.
- Полевода, И.И., Иваницкий, А.Г., Миканович, А.С., Пастухов, С.М., Грачулин, А.В., Рябцев, В.Н., Навроцкий, О.Д., Лихоманов, А.О., Винярский, Г.В., Гусаров, И.С. (2022). Технологии виртуальной и дополненной реальности в образовательном процессе. *Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси*, 6(1), 119–142.
- Потапов, М.П. (2019). Роль симуляционных образовательных технологий в обучении врачей. *Высшее образование в России*, 28(8-9), 138–148.

- Самойлова, Н.В., Костяев, Г.А. (2022). Современные трансформации зависимостей студентов медицинских вузов. *Крымский терапевтический журнал*, (1), 65–71.
- Селиванов, В.В. (2021). Психические состояния личности в дидактической VR-среде. *Экспериментальная психология*, 14(1), 20–28.
- Селиванов, В.В., Селиванова, Л.Н. (2014). Виртуальная среда как метод и средство обучения. *Образовательные технологии и общество*, 17(3), 378–391.
- Селиванов, В.В., Селиванова, Л.Н. (2015). Познание и личность в виртуальной реальности. *Психология когнитивных процессов*, (5), 107–121.
- Селиванов, В.В., Селиванова, Л.Н. (2015). Эффективность использования виртуальной реальности в обучении в юношеском и взрослом возрастах. *Непрерывное образование: XXI век*, 9(1).
- Сиврикова, Н.В., Шевченко, А.А. (2022). Взаимосвязь киберлаффинга и особенностей медиапотребления у подростков. *Психология. Психофизиология*, 15(1), 16–25.
- Сидякина, И.В., Воронова, М.В., Иванов, В.В., Снопков, П.С., Епифанов, В.А. (2020). Вопросы нейрореабилитации. Инновационные технологии нейрореабилитации. *Физиотерапевт*, (4), 61–65.
- Смыслова, О.В., Войсунский, А.Е. (2019). Киберзаболевание в системах виртуальной реальности: феноменология и методы измерения. *Психологический журнал*, 40(4), 85–94.
- Тишков, Д.С. (2020). Систематический обзор интерактивных приложений компьютерной модели реальности для высшего медицинского образования. *Балтийский гуманитарный журнал*, 9(4), 182–184.
- Уваров, А.Ю. (2018). Образование в мире цифровых технологий: на пути к цифровой трансформации. Москва: Изд. дом ГУ-ВШЭ.
- Федотов, И.А., Кукушкин, С.В., Доровская, В.А., Антошкин, Я.А. (2015). I-Disorders — новые виды психических расстройств, связанные с использованием современных информационных технологий. *Омский психиатрический журнал*, 6(4), 16–19.
- Хозе, Е.Г. (2021). Виртуальная реальность и образование. *Современная зарубежная психология*, 10(3), 68–78.
- Холмогорова, Г.Т., Бузина, Т.С., Бузин, В.Н. (2001). Исследование восприятия видеоклипов по тематике антитабачной пропаганды. *Профилактика заболеваний и укрепление здоровья*, 6(4), 25–28.
- Холодная, М.А. (2004). Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. Санкт-Петербург: Питер.
- Чиркова, В.М. (2020). Современные технологии в медицинском образовании как средство обучения студентов нового поколения. *Карельский научный журнал*, 9(1), 40–42.
- Шалапин, А.А., Данина, М.М. (2020). Исследования эффекта присутствия в виртуальной реальности: современное состояние и перспективы. *Психологические исследования*, 71(13), 6–19.
- Ясюкова, Л.А. (2020). Изменение структуры интеллекта подростков с 1990 по 2020 годы. *Психологическая газета*. URL: <https://psy.su/feed/8560/> (дата обращения: 20.10.2020).
- Blum, R.H., Boulet, J.R., Cooper, J.B., Muret-Wagstaff, S.L. (2014). Harvard Assessment of Anesthesia Resident Performance Research Group. Simulation-based assessment to identify critical gaps in safe anesthesia resident performance. *Anesthesiology*, 120(1), 129–141.
- Lin, H.T., Li, Y.I., Hu, W.P., Huang, C.C., Du, Y.C. (2019). A Scoping Review of The Efficacy of Virtual Reality and Exergaming on Patients of Musculoskeletal System Disorder. *Journal of Clinical Medicine*, 8(6), 791. <https://doi.org/10.3390/jcm8060791>
- Iskenderova, A., Weidner, F., Broll, W. (2017). Drunk Virtual Reality Gaming: Exploring the Influence of Alcohol on Cyber-sickness. Proceedings of the Annual Symposium on Computer-Human Interaction in Play (Amsterdam, October 15–18, 2017) (pp. 561–572).
- Mischel, W. (1996). Personality and Assessment. New Jersey: Lawrence Erlbaum, Associates, Publishers Mahwah.
- Saritepeci, M. (2020). Predictors of cyberloafing among high school students: unauthorized access to school network, metacognitive awareness and smartphone addiction. *Education and Information Technologies*, 25(3), 2201–2219. <https://doi.org/10.1007/s10639-019-10042-0>
- Sinitski, E.H., Thompson, A.A., Godsell, P., Honey, J., Besemann, M. (2018). Postural stability and simulator sickness after walking on a treadmill in a virtual environment with a curved display. *Displays*, (52), 1–7.
- Tanriverdi, O., Karaca, F. (2018). Investigating the Relationships between Adolescents' Levels of Cognitive Absorption and Cyberloafing Activities according to Demographic Characteristics. *Addicta: The Turkish Journal on Addictions*, 5(2), 285–315. <https://doi.org/10.15805/addicta.2018.5.2.0052>
- Turnbull, P.R.K., Phillips, J.R. Ocular effects of virtual reality headset wear in young adults. *Scientific report*, 7(1), 16172.
- Ventura, S., Rosa, M., Baños, R., Botella, C. (2018). Virtual and Augmented Reality: New Frontiers for Clinical Psychology. URL: <https://www.intechopen.com/books/state-of-the-art-virtual-reality-and-augmented-reality-knowhow/virtual-and-augmented-reality-new-frontiers-for-clinical-psychology> (access date: 20.10.2022).

References

- Allport, G. (2002). The formation of personality. Moscow: Smysl. (In Russ.).
- Andreenko, A.A. (2020). Highly realistic simulation in anesthesiology and resuscitation — theory and practice. Guide. Moscow: ROSOMED. (In Russ.).
- Averbukh, N.V. (2010). Psychological aspects of the phenomenon of presence in a virtual environment. *Voprosy Psikhologii (Issues in Psychology)*, (5), 105–113. (In Russ.).
- Blum, R.H., Boulet, J.R., Cooper, J.B., Muret-Wagstaff, S.L. (2014). Harvard Assessment of Anesthesia Resident Performance Research Group. Simulation-based assessment to identify critical gaps in safe anesthesia resident performance. *Anesthesiology*, 120(1), 129–141.
- Buzin, V.N., Buzina, T.S. (2007). Social advertising: to be or not to be? *Reklama. Teoriya i Praktika. (Advertising. Theory and Practice)*, 19(1), 16–28. (In Russ.).

- Chirkova, V.M. (2020). Modern technologies in medical education as a means of teaching students of a new generation. *Karel'skii Nauchnyi Zhurnal (Karelian Scientific Journal)*, 9(1), 40–42. (In Russ.).
- Davydov, V.V. (1996). The theory of developmental learning. Moscow: INTOR. (In Russ.).
- Denisova, N.G., Kurilova, O.O. (2018). About the experience of forming a pedagogical system for training pharmacists based on a contextual approach. *Baltiiskii Gumanitarnyi Zhurnal (Baltic Humanitarian Journal)*, 22(1). (In Russ.).
- Dodonov, B.I. (1987). In the world of emotions. Kiev: Politizdat of Ukraine. (In Russ.).
- Drozdova, I.L., Zubkova, I.V., Udalova, S.N., Basareva, O.I. (2017). The role of the educational pharmacy in the practice-oriented training of students in the implementation of the Federal State Educational Standard of Higher Education. *Innovative Technologies in the Educational Process: Collection of Scientific Articles of the 15th International Scientific and Methodological Conference* (pp. 81–85). Kursk: University book. (In Russ.).
- Fedotov, I.A., Kukushkin, S.V., Dorovskaya, V.A., Antoshkin, Ya.A. (2015). I-Disorders — new types of mental disorders associated with the use of modern information technologies. *Omskii Psikhiatricheskii Zhurnal (Omsk Psychiatric Journal)*, 6(4), 16–19. (In Russ.).
- Gasimov, A.F., Maslova, K.E., Kovalev A.I. (2022). Emotional intelligence and spatial abilities as predictors of successful interaction with digital avatars in a virtual reality environment. *Theoretical and Experimental Psychology*, 15(2), 136–147.
- Grechkina, A.A., Knysh, O.I., Skrebtsova, N.A., Egorova, A.O. (2019). Mastering of general professional and special professional skills by residents in the specialty “Management and economics of pharmacy”. *Universitetskaya Meditsina Urala (University Medicine of the Urals)*, 5(1), 105–106. (In Russ.).
- Holodnaya, M.A. (2004). Cognitive styles. About the nature of the individual mind. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Lin, H.T., Li, Y.I., Hu, W.P., Huang, C.C., Du, Y.C. (2019). A Scoping Review of The Efficacy of Virtual Reality and Exergaming on Patients of Musculoskeletal System Disorder. *Journal of Clinical Medicine*, 8(6), 791. <https://doi.org/10.3390/jcm8060791>
- Iskenderova, A., Weidner, E., Broll, W. (2017). Drunk Virtual Reality Gaming: Exploring the Influence of Alcohol on Cyber-sickness. *Proceedings of the Annual Symposium on Computer-Human Interaction in Play (Amsterdam, October 15–18, 2017)* (pp. 561–572).
- Karabanova, O.A. (2005). Developmental psychology: Lecture notes. Moscow: Iris-Press. (In Russ.).
- Kardonov, Yu.S. (2020). The effectiveness of using virtual reality in the educational process by the example of memorizing a sales script. *Nauchno-Prakticheskii Elektronnyi Zhurnal Original'nye Issledovaniya (ORIS) (Scientific and Practical Electronic Journal Original Research (ORIS))*, (5), 69–74. (In Russ.).
- Khoze, E.G. (2021). Virtual reality and education. *Sovremennaya Zarubezhnaya Psikhologiya (Modern Foreign Psychology)*, 10(3), 68–78. (In Russ.).
- Kholmogorova, G.T., Buzina, T.S., Buzin, V.N. (2001). Study of the perception of video clips on the subject of anti-nicotine propaganda. *Profilaktika Zabolevaniy i Ukrepleniye Zdorov'ya (Disease Prevention and Health Promotion)*, 6(4), 25–28. (In Russ.).
- Kovalev, A.I., Klimova, O.A. (2017). Diagnostics of the stability of the vestibular function of athletes using virtual reality technology. *Sportivnyi psikholog (Sports psychologist)*, 46(3), 4–9. (In Russ.).
- Kovalev, A.I., Rogoleva, Yu.A., Egorov, S.Yu. (2019). Comparison of the effectiveness of the use of virtual reality technologies with traditional educational means. *Moscow University Psychology Bulletin*, 42(4), 44–58. (In Russ.).
- Kornilov, Yu.V. (2019). An immersive approach in education. *Azimut Nauchnykh Issledovaniy: Pedagogika i Psikhologiya (Azimut of Scientific Research: Pedagogy and Psychology)*, 8(1), 174–178. (In Russ.).
- Krayushkin, N. (2020). Virtual reality in Education. URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/virtualnaya-realnost-v-obrazovanii/> (access date: 20.10.2020). (In Russ.).
- Kukshina, A.A., Kotelnikova, A.V., Razumov, A.N., Pogonchenkova, I.V., Turova, E.A., Rassulova, M.A., Lyamina, N.P. (2021). A comparative cohort study of the use of immersive technologies in complex psychological rehabilitation of patients with motor impairments. *Vestnik Rossiyskoy Akademii Meditsinskikh Nauk (Bulletin of the Russian Academy of Medical Sciences)*, S5(76), 544–553. (In Russ.).
- Leonhard, K. (2000). Accentuated personalities. Rostov-on-Don: Phoenix. (In Russ.).
- Leontiev, A.N (2004). Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Smysl, Publishing Center “Academy”. (In Russ.).
- Mar'enko, I.P., Likhachev, S.A., Mozheiko, M.P., Yurchenko, M.V., Susha, N.A., Ivanitskii, E.S., Kachanovskii, A.V., Charykova, I.A., Filipovich, L.V., Mar'enko, I.P. (2019). Possibilities of virtual reality technology in diagnostics and restoration of equilibrium function: analysis of own observations. *Nevrologiya i Neurokhirurgiya. Vostochnaya Evropa (Neurology and Neurosurgery. Eastern Europe)*, 9(1), 28–35. (In Russ.).
- Men'shikova, G.Ya., Kovalev, A.I. (2015). Vection in virtual environments: psychological and psychophysiological mechanisms of formation. *National Psychological Journal*, 10(4), 91–104. (In Russ.).
- Mischel, W. (1996). Personality and Assessment. New Jersey: Lawrence Erlbaum, Associates, Publishers Mahwah.
- Myasishchev, V.N. (2004). Psychology of relations: Selected psychological works. Moscow: MODEK MPSI. (In Russ.).
- Petuhov, V.V. (2001). Basic definitions of cognitive and universal mental processes proper. *General Psychology. Texts*. In 3 vols. Vol. 1: Introduction. Moscow: UMK “Psychology”, Genezis. (In Russ.).
- Polevoda, I.I., Ivanitskii, A.G., Mikanovich, A.S., Pastukhov, S.M., Grachulin, A.V., Ryabtsev, V.N., Navrotskii, O.D., Likhomanov, A.O., Vinyarskii, G.V., Gusarov, I.S. (2022). Virtual and augmented reality technologies in the educational process. *Vestnik Universiteta Grazhdanskoi Zashchity MChS Belarusi (Bulletin of the University of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Belarus)*, 6(1), 119–142. (In Russ.).
- Potapov, M.P. (2019). The role of simulation educational technologies in the training of doctors. *Vysshee Obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*, 28(8–9), 138–148. (In Russ.).
- Samoylova, N.V., Kostyaev, G.A. (2022). Modern transformations of medical university students' addictions. *Krymskij Terapevticheskij Zhurnal (Crimean Therapeutic Journal)*, (1), 65–71. (In Russ.).

- Saritepeci, M. (2020). Predictors of cyberloafing among high school students: unauthorized access to school network, metacognitive awareness and smartphone addiction. *Education and Information Technologies*, 25(3), 2201–2219. <https://doi.org/10.1007/s10639-019-10042-0>
- Selivanov, V.V., Selivanova, L.N. (2014). Virtual environment as a method and means of teaching. *Obrazovatel'nye Tekhnologii i Obshchestvo (Educational Technologies and Society)*, 17(3), 378–391. (In Russ.).
- Selivanov, V.V., Selivanova, L.N. (2015). Cognition and personality in virtual reality. *Psikhologiya Kognitivnykh Protessov (Psychology of Cognitive Processes)*, (5), 107–121. (In Russ.).
- Selivanov, V.V., Selivanova, L.N. (2015). The effectiveness of the use of virtual reality in teaching in youth and adulthood. *Nepriyvnnoe Obrazovanie: XXI Vek (Continuing Education: the XXI Century)*, 9(1). (In Russ.).
- Shalyapin, A.A., Danina, M.M. (2020). Studies of the effect of presence in virtual reality: current state and prospects. *Psikhologicheskie Issledovaniya (Psychological Research)*, 71(13), 6–19. (In Russ.).
- Sidyakina, I.V., Voronova, M.V., Ivanov, V.V., Snopkov, P.S., Epifanov, V.A. (2020). Questions of neurorehabilitation. innovative technologies of neurorehabilitation. *Fizioterapevt (Physiotherapist)*, (4), 61–65. (In Russ.).
- Sinitski, E.H., Thompson, A.A., Godsell, P., Honey, J., Besemann, M. (2018). Postural stability and simulator sickness after walking on a treadmill in a virtual environment with a curved display. *Displays*, (52), 1–7.
- Sivrikova, N.V., Shevchenko, A.A. (2022). Interrelation of cyberloafing and features of media consumption in adolescents. *Psikhologiya. Psihofiziologiya (Psychology. Psychophysiology)*, 15(1), 16–25. (In Russ.).
- Selivanov, V.V. (2021). Mental states of personality in a didactic VR environment. *Ekspperimental'naya Psikhologiya (Experimental Psychology)*, 14(1), 20–28. (In Russ.).
- Smyslova, O.V., Voiskunskii, A.E. (2019). Cyber disease in virtual reality systems: phenomenology and measurement methods. *Psikhologicheskii Zhurnal (Psychological Journal)*, 40(4), 85–94. (In Russ.).
- Tanriverdi, O., Karaca, F. (2018). Investigating the Relationships between Adolescents' Levels of Cognitive Absorption and Cyberloafing Activities according to Demographic Characteristics. *Addicta: The Turkish Journal on Addictions*, 5(2), 285–315. <https://doi.org/10.15805/addicta.2018.5.2.0052>
- Tishkov, D.S. (2020). A systematic review of interactive applications of a computer model of reality for higher medical education. *Baltiiskii Gumanitarnyi Zhurnal (Baltic Humanitarian Journal)*, 9(4), 182–184. (In Russ.).
- Turnbull, P.R.K., Phillips, J.R. Ocular effects of virtual reality headset wear in young adults. *Scientific report*, 7(1), 16172.
- Uvarov, A.Yu. (2018). Education in the world of Digital Technologies: on the Way to Digital Transformation. Moscow: Publishing house HSE. (In Russ.).
- Ventura, S., Rosa, M., Baños, R., Botella, C. (2018). Virtual and Augmented Reality: New Frontiers for Clinical Psychology URL: <https://www.intechopen.com/books/state-of-the-art-virtual-reality-and-augmented-reality-knowhow/virtual-and-augmented-reality-new-frontiers-for-clinical-psychology> (access date: 20.10.2022).
- Voiskunskii, A.E. (2015). Concepts of dependence and presence in relation to the situation on the Internet. *Meditinskaya Psikhologiya v Rossii (Medical Psychology in Russia)*, 33(4). (In Russ.).
- Voiskunskii, A.E., Smyslova, O.V. (2020). Cyber-illness in virtual reality systems: key factors and sensory integration. *Psikhologicheskii Zhurnal (Psychological Journal)*, 41(1), 56–64. (In Russ.).
- Yasyukova, L.A. (2020). Changes in the structure of adolescent intelligence from 1990 to 2020. *Psikhologicheskaya Gazeta (Psychological Newspaper)*. URL: <https://psy.su/feed/8560/> (access date: 20.10.2020). (In Russ.).
- Zelinskii, S.S., Udud, E.A., Petrakova, A.S. (2019). Virtual reality in medicine: opportunities and means. The Fundamental Foundations of Science. Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the X International Scientific and Practical Conference (pp. 21–25). Anapa. (In Russ.).
- Zinchenko, Yu.P., Menshikova, G.Ya., Bayakovskiy, Yu.M., Chernorizov, A.M., Voiskunskiy, A.E. (2010). Virtual reality technologies: methodological aspects, achievements and prospects. *National Psychological Journal*, 3(1), 54–62. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Татьяна Сергеевна Бузина, доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей психологии факультета клинической психологии Российского университета медицины Минздрава России, Москва, Российская Федерация, tbuzina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6800-5743>

Tatyana S. Buzina, Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, the Head of the General Psychology Department, the Faculty of Clinical Psychology, Russian University of Medicine of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, tbuzina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6800-5743>

Анастасия Владимировна Котельникова, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета клинической психологии Российского университета медицины Минздрава России; ведущий научный сотрудник отдела медицинской реабилитации Московского научно-практического центра медицинской реабилитации, восстановительной и спортивной медицины им. С.И. Спасокукоцкого Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Российская Федерация, pav-kotelnikov@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9605-557X>

Anastasiya V. Kotelnikova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the General Psychology Department, the Faculty of Clinical Psychology, Russian University of Medicine of the Ministry of Health of the Russian Federation; Leading Researcher at the Moscow Centre for Research and Practice in Medical Rehabilitation, Restorative and Sports Medicine of Moscow Healthcare Department, Moscow, Russian Federation, pav-kotelnikov@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9605-557X>

Ольга Сергеевна Шалина, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и медицинской психологии института психолого-социальной работы Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), Москва, Российская Федерация, shalinaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6800-5743>

Olga S. Shalina, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Pedagogy and Medical Psychology of the Institute of Psychological and Social Work, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University under the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), Moscow, Russian Federation, shalinaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6800-5743>

Александр Анатольевич Денисов, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета клинической психологии Российского университета медицины Минздрава России, Москва, Российская Федерация, aadenisov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5447-7486>

Aleksandr A. Denisov, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the General Psychology Department, the Faculty of Clinical Psychology, Russian University of Medicine of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, aadenisov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5447-7486>

Юрий Анатольевич Колосов, кандидат медицинских наук, заместитель директора по учебной работе научно-образовательного института фармации им. К.М. Лакина Российского университета медицины Минздрава России; доцент кафедры фармакологии лечебного факультета Российского университета медицины Минздрава России, Москва, Российская Федерация, tronk79@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1506-2565>

Yuri A. Kolosov, Cand. Sci. (Medicine), the Deputy Director for Academic Affairs of the Scientific and Educational Institute of Pharmacy, Russian University of Medicine of the Ministry of Health of the Russian Federation; Associate Professor, Department of Pharmacology, Faculty of Medicine, Russian University of Medicine of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, tronk79@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1506-2565>

Юлия Васильевна Горбунова, кандидат фармацевтических наук, заведующая лабораторией фармации, фармакологии, фармакогнозии, фармацевтической технологии и химии научно-образовательного института фармации им. К.М. Лакина Российского университета медицины Минздрава России, Москва, Российская Федерация, yvgorbunova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6416-0500>

Yulia V. Gorbunova, Cand. Sci. (Pharmacy), the Head of the Pharmacy, Pharmacology, Pharmacognosy, Pharmaceutical Technology and Chemistry Laboratory of the Scientific and Educational Institute of Pharmacy, Russian University of Medicine of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, yvgorbunova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6416-0500>

Денис Владимирович Куркин, доктор фармацевтических наук, доцент, директор научно-образовательного института фармации им. К.М. Лакина Российского университета медицины Минздрава России, Москва, Российская Федерация, strannik986@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1116-3425>

Denis V. Kurkin, Dr. Sci. (Pharmacy), Associate Professor, Director of the Scientific and Educational Institute of Pharmacy, Russian University of Medicine of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, strannik986@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1116-3425>

Игорь Джамалович Мурсалов, директор Института медицинских технологий им. С.Н. Федорова Российского университета медицины Минздрава России, Москва, Российская Федерация, igo2053@yanex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1189-8824>

Igor J. Mursalov, Director of the Institute of Digital Healthcare, Russian University of Medicine of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, igo2053@yanex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1189-8824>

Поступила: 03.02.2023; получена после доработки: 09.06.2023; принята в печать: 03.05.2024.
Received: 03.02.2023; revised: 09.06.2023; accepted: 03.05.2024.

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ / CLINICAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0205>
УДК/UDC 159.99

Деморализация в контексте дифференциальной диагностики патологических процессов психической деятельности тяжелобольных пациентов с риском для жизни

А.Ю. Панфилов ✉

Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), Москва, Российская Федерация

✉ panfilov.au@mipt.ru

Резюме

Актуальность. Своевременное и корректное включение деморализации в процесс дифференциальной диагностики позволяет определить характерные для данного феномена субъективные и объективные факторы, формирующие актуальное состояние пациента, и отграничить их от признаков психических нарушений, тем самым более направленно наметить мишени терапевтического воздействия, потенциально способствуя нормализации психологического состояния пациента.

Цель. Выявить специфику и определить критерии разграничения содержания понятия деморализации от часто встречающихся в работе медицинского психолога с тяжелобольными пациентами различной соматической нозологии патологических психических состояний на основе представленной специализированной литературы.

Результаты. На основе сопоставления феномена деморализации и психических нарушений, наиболее часто встречающихся в клинике тяжелых соматических заболеваний, показаны признаки, являющиеся существенными и определяющими для феномена деморализации. Представлены эпидемиологические данные о частоте проявления и выраженности, а также сочетаемости деморализации с различными симптомами и состояниями нарушенной психической деятельности среди тяжелобольных пациентов различной соматической нозологии.

Выводы. Как психологическое состояние деморализация наблюдается как среди пациентов лечебных учреждений, так и в популяции в целом, может выступать в качестве отдельного, самостоятельного явления или быть коморбидной различным психическим расстройствам, при этом сохраняя существенные для нее признаки, среди которых подверженность дистрессу, переживание субъективной несостоятельности и сохранность мотивационной направленности пациента. Распознавание состояния деморализации может иметь терапевтическое и прогностическое значение.

Ключевые слова: деморализация, большое депрессивное расстройство, дистимия, расстройство приспособительных реакций, острая реакция на стресс, посттравматическое расстройство, дистресс, соматическое заболевание

Для цитирования: Панфилов, А.Ю. (2024). Деморализация в контексте дифференциальной диагностики патологических процессов психической деятельности тяжелобольных пациентов с риском для жизни. *Национальный психологический журнал*, 19(2), 60–67. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0205>

Demoralization in the Context of Differential Diagnosis of Mental States in Severely Ill Patients with Hazard of Death

Alexander Yu. Panfilov ✉

Moscow Institute of Physics and Technology, Moscow, Russian Federation

✉ panfilov.au@mipt.ru

Abstract

Background. Timely and accurately conducted introduction of demoralization into the differential diagnostics makes it possible to define the objective and subjective factors essential to demoralization, which constitute the actual psychological state of a patient. It also helps to differentiate these factors from the variety of syndrome signs and, therefore, to stabilize an individual's mental condition by making therapeutic interventions more targeted.

Objectives. The aim is to elicit specific features of and to discern criteria for distinguishing the notion of demoralization from a variety of other concepts frequently used in clinical psychologist's activity to describe pathological mental states that patients with severe somatic disease may have.

Results. Based on the comparison of the demoralization concept and mental distortions frequently observed in a clinic of severely ill somatic patients, essential and pivotal signs of the phenomenon of demoralization are shown. The epidemiological data on occurrence and intensity rates, as well as demoralization comorbidity to a number of disturbed mental activity symptoms and states amid patients with different somatic nosology are given.

Conclusions. As a psychological state, demoralization can be diagnosed among either inpatients or outpatients. It might also present itself singularly or be comorbid to any mental distortion yet maintaining its seminal qualities, such as distress, subjective incompetence experience, and preservation of motivation. Discrimination of the demoralization state might have both therapeutic and prognostic value.

Keywords: demoralization, major depressive disorder, dysthymic disorder, adjustment disorder, acute stress, posttraumatic stress disorder, distress, somatic disease

For citation: Panfilov, A.Yu. (2024). Demoralization in the Context of Differential Diagnosis of Mental States in Severely Ill Patients with Hazard of Death. *National Psychological Journal*, 19(2), 60–67. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0205>

Введение

Ранее был представлен обзор исследуемого понятия (Панфилов, 2023), где отражены противоречивые тенденции в раскрытии его содержания с позиций различных авторов. В настоящей работе данный конструкт рассматривается с позиции дифференциальной диагностики, в сопоставлении с некоторыми патологическими состояниями психики, которые могут возникать в клинике тяжелых соматических заболеваний.

Пациенты, имеющие тяжелое соматическое заболевание, потенциально связанное с риском для жизни, испытывают спектр «негативных» чувств и переживают различные, связанные с ними дисфункциональные состояния, непосредственно влияющие и определяющие субъективную оценку качества жизни пациента, оценку себя, своей болезни, динамику ее течения и успешность лечения, что может способствовать или препятствовать выздоровлению. В связи с этим понимание и выделение критериев деморали-

зации, а также их различие в сопоставлении с психическими расстройствами представляется целесообразным как для выбора оптимального направления лечения, так и для большего понимания развития и течения данного феномена (Figueiredo, 2013).

Дифференциальная диагностика — определение критериев

Кратковременный или неспецифический дистресс

Исследования свидетельствуют, что распространенность деморализации среди населения в целом существенно ниже, чем среди пациентов медицинских учреждений (Porcelli, Rafanelli, 2010; Vehling et al., 2013; Figueiredo, 2013; Bobevski et al., 2022), следовательно, нельзя отождествлять деморализацию и типовой психологический дистресс. Дистресс может становиться менее выраженным по мере медикаментозного лечения, психотерапии, их одновременного применения или без какого-либо воздействия.

Наличие у пациента одновременно переживания субъективной несостоятельности и дистресса (депрессия, тревога, негодование) приводит к возникновению деморализации (Figueiredo, 2013). Непатологическое горе является примером дистресса без субъективной несостоятельности и, соответственно, отличается от деморализации и эндогенной депрессии (Clarke et al., 2005). Субъективная несостоятельность может иметь место и без дистресса.

Подпороговая депрессия и тревога

В настоящий момент определение понятия подпороговой депрессии и соответствующих ему критериев (симптомов) является предметом дальнейшей исследовательской деятельности (Rodriguez et al., 2012). Дистресс, проявляющийся симптомами подпороговой депрессии или тревоги (депрессия или тревога, которые не отвечают критериям DSM-IV-TM для большого депрессивного расстройства, дистимического расстройства, генерализованного тревожного расстройства или иных диагностических категорий) не являются деморализацией. Такие симптомы могут проявляться без коморбидной субъективной несостоятельности и, таким образом, сами по себе не будут отвечать признакам понятия деморализации. Симптомы, относимые к категориям «неспецифического дистресса», или «подпороговой депрессии или тревоги» могут быть частью деморализации (Figueiredo, 2013). В то же время, деморализация включает в себя субъективную несостоятельность, как было отмечено выше.

Стоит учитывать, что иногда остаются непонятными критерии различения у пациентов, одновременно находящихся в состоянии подпороговой депрессии и деморализации. Это может быть связано с тем, что некоторые определения подпороговой депрессии исключают депрессивное настроение и ангедонию как инклюзивные критерии (такие признаки, которые с необходимостью входят в содержание понятия, то есть один из них обязательно должен наблюдаться), в то время как в других исследованиях эти критерии присутствуют (Rodriguez et al., 2012).

Расстройства приспособительных реакций

Иногда у деморализованных пациентов ошибочно диагностируют расстройство приспособительных реакций, зачастую по причине того, что деморализация не находится в классификациях DSM и МКБ (международная классификация болезней) и не имеет четких критериев. В свою очередь споры в отношении однозначности диагностических критериев и валидности расстройства приспособительных реакций ведутся на протяжении десятилетий до сегодняшних дней (Casey et al., 2001; Maercker, Lorenz, 2018). В соответствии с DSM-IV-TM расстройство приспособительных реакций представляет собой «эксклюзивный диагноз», (то есть, констатируемый путем исключения иных, релевантных по симптоматике синдромов), требующий произвольного заключения, о том,

что уровень дистресса существенно выше, чем можно было бы ожидать от конкретного фактора (стрессора) (Zelviene, Kazlauskas, 2018). Это означает, что расстройство приспособительных реакций не может быть диагностировано, если диагностированы пороговые величины других расстройств. Так же диагноз не может быть поставлен без подтверждения того, что симптомы длятся не дольше чем шесть месяцев с момента прекращения действия самого стрессогенного фактора или его последствий (Figueiredo, 2013). Для конструкта деморализации в подобных критериях нет необходимости, и поэтому некорректно ошибочно спутывать деморализацию с расстройством приспособительных реакций. При менее тяжелых формах заболевания деморализация может иметь схожую симптоматику с расстройством приспособительных реакций (например, неудача в адаптации и преодолении) (Bobevski et al., 2022). Несмотря на то, что диагноз «расстройство приспособительных реакций» имеет изменчивые, противоречивые описание и предсказательную достоверность, а также неудовлетворительные критерии различения с другими нозологиями, поскольку не обладает характерным психометрическим и нейробиологическим своеобразием (Fernandez et al., 2012), наличие как минимум двух критериев позволяет достоверно отличить его от деморализации: утрата смысла и субъективная несостоятельность (Wellen, Wise, 2010).

Острая реакция на стресс и посттравматическое расстройство

Деморализация, острая реакция на стресс и посттравматическое расстройство связаны с приспособлением к стрессовой ситуации. Согласно определению, в МКБ-10 острая реакция на стресс возникает как непосредственный ответ на стрессовую ситуацию и стихает через несколько часов или дней после окончания действия стрессогенного фактора. Посттравматическое стрессовое расстройство проявляется лишь через некоторое время после окончания действия стрессогенного фактора, от нескольких недель до шести месяцев и, соответственно, оба расстройства не могут совпадать (МКБ 10 — Международная классификация болезней 10-го пересмотра, 2019). Поскольку для каждого из трех расстройств требуется, чтобы пациент оказался в тяжелой стрессовой ситуации, и поскольку каждое из этих расстройств способно повлечь за собой появление таких симптомов, как беспомощность (прогрессирующая стадия субъективной несостоятельности) и дистресс, чрезвычайно важно корректно различать их между собой.

Необходимо учитывать, что не каждая стрессовая ситуация с необходимостью вызывает острую реакцию на стресс или посттравматическое расстройство. Согласно DSM-V, постановка данных диагнозов требует, чтобы пациент был подвергнут воздействию травматической ситуации или события, непосредственно угрожающего жизни или здоровью самого пациента или его близких, что не соответствует описанию

деморализации, которая подразумевает наличие прошлой, актуальной, ожидаемой или воображаемой стрессовой ситуации. Более того, острая реакция на стресс и посттравматическое расстройство сопровождаются и другими симптомами, такими как диссоциативные состояния, повторяющиеся переживания травматических событий, избегание действий и ситуаций, напоминающих о травме, оцепенение, общая заторможенность реагирования, повышенная возбудимость (American Psychiatry Association, 2013, p. 271, p. 281). Ни один из этих симптомов не входит в определение деморализации. В тоже время деморализация может быть коморбидной острой реакции на стресс и посттравматическому расстройству.

Дистимия

Согласно DSM-V (American Psychiatry Association, 2013) и МКБ-10 (МКБ 10 — Международная классификация болезней 10-го пересмотра, 2019), дистимия является хроническим депрессивным настроением, продолжающимся по меньшей мере несколько лет, которое является недостаточно тяжелым или при котором отдельные эпизоды недостаточно длительны, чтобы можно было поставить диагноз рекуррентного депрессивного расстройства. При дистимии не наблюдается характерного для деморализации признака — переживания субъективной несостоятельности (или его более острой формы — беспомощности). Единственное исключение составляет переживание безнадежности, поскольку оно так же является симптомом состояния беспомощности. Если безнадежность диагностируется у пациента при дистимии, то пациента также признают деморализованным (Figueiredo, 2013).

Большое депрессивное расстройство (Major Depressive Disorder — MDD)

Существуют убедительные сведения о том, что значительное в процентном отношении количество деморализованных пациентов не могут быть отнесены к категории больных с депрессивным состоянием (Robinson et al., 2015; Costanza et al., 2020). С клинической точки зрения, методом, с помощью которого возможно провести отличия между деморализацией и большим депрессивным расстройством, является рассмотрение ангедонии и нигилизма, часто сопутствующих большому депрессивному расстройству. В отношении эндогенной депрессии Д. Кларк с коллегами провели исследование с участием 312 соматических больных и обнаружили различия между депрессией и деморализацией в способах совладания, особенностях физиологического функционирования, социальной и семейной жизнедеятельности (Clarke et al., 2000; Wellen, Wise, 2010). В некоторой степени это может объяснять нигилистическое мышление, для которого свойственны выражения типа: «мне никогда не станет лучше», или «никто не сможет мне помочь», что часто наблюдается у пациентов с большим депрессивным расстройством. Согласно Дж. Шилдкрауту

и Д. Клейн, ангедония является характерной чертой большого депрессивного расстройства (Figueiredo, 2013), в то время как деморализованные пациенты в большей степени страдают от переживания чувства собственной несостоятельности при совладании со стрессовой ситуацией, чем от ангедонии и поэтому потенциально готовы воспринимать помощь при установлении доверительных отношений.

Деморализация может быть отграничена от клинической депрессии (соответствующей DSM) с помощью исследования мотивационной компоненты переживаний и поведения пациента (Keeffe, Ranjith, 2007). Мотивацию можно рассматривать как вектор определенной амплитуды и направленности. У пациента деморализация начинает проявляться с возникновением неуверенности в отношении того, какие дальнейшие действия ему следует предпринять, интенсивность мотивации при этом сохраняется (имеется в виду, что больной, в случае подсказки, указания необходимых действий, с высокой долей вероятности проявит необходимую активность). Так, деморализованные пациенты могут испытывать подъемы настроения при своевременном купировании болевого синдрома, встрече с друзьями и близкими (при сохранении доверительных отношений) или непродолжительной выписке (Nanni et al., 2017; Wellen, Wise, 2010). В случае с клинической депрессией, уровень мотивированности пациента является низким с самого начала заболевания, при том, что пациент может отчетливо осознавать, какие конкретные действия ему следует предпринять. Некоторые депрессивные пациенты могут сохранять интенсивность мотивации, но затрудняются с выбором действий, другие же, зная, что нужно делать, не имеют для этого должной мотивации (Clarke, Kissane, 2003). Наконец последние могут одновременно не понимать, что нужно делать и, тем более, не иметь должной мотивации. Дж. Фигейреду считает, что первая группа деморализована и не имеет клинических проявлений депрессии, вторая группа находится в состоянии клинической депрессии, при этом не деморализована, и, наконец, третья группа одновременно находится в состоянии деморализации и клинической депрессии (Figueiredo, 2013). Данное наблюдение было подтверждено исследованием психопатологических особенностей соматических больных. Используя различные шкалы, Д. Киссане с коллегами осуществил выборку нескольких подгрупп больных с онкологическими заболеваниями, которые показали высокие значения по шкале клинической депрессии (Kissane Demoralization Scale — KDS), и при этом имели низко выраженные показатели по шкалам депрессии (как формы неспецифического дистресса), эндогенной депрессии и большого депрессивного расстройства (Kissane, Clarke, 2001). Кларк и коллеги, используя скрытый анализ особенностей, выяснили, что спектр применимости деморализации может отличаться от эндогенной депрессии (Clarke et al., 2003).

Применение метода «Диагностические Критерии Психосоматических Исследований» (DCPR) для измерения критериев деморализации и DSM-IV для измерения выраженности большого депрессивного расстройства, позволило показать, что в клинических условиях возможно и необходимо различать деморализацию и большое депрессивное расстройство. Так среди соматических больных было выявлено 30,4% пациентов в состоянии деморализации, при этом лишь у 16,7% той же выборки было диагностировано большое депрессивное расстройство. При этом 43,7% депрессивных пациентов не соответствовали критериям деморализации, а 69% деморализованных пациентов не соответствовали критериям большого депрессивного расстройства (Figueiredo, 2013). И. Бобевски с коллегами провела масштабное исследование на выборке из 1527 пациентов с онкологическими заболеваниями из Германии, в ходе которого исследователи выявили внутренние взаимосвязи между депрессией и деморализацией. В ходе проведенного разведочного анализа данных были выделены следующие группы симптомов: утрата надежды и смысла; неспецифическая эмоциональность; чувство загнанности в ловушку; депрессивные симптомы. Депрессивные симптомы, за исключением суицидальных мыслей, сгруппировались в отдельный устойчивый кластер, отчетливо отграниченный от деморализации. Суицидальные мысли и мысли о смерти оказались в большей степени приближены к деморализации, чем к депрессивным симптомам, а самая сильная связь образовалась с чувством безнадежности. Страх неудачи оказался связан и с деморализацией, и с депрессивными симптомами. Также выявились перекрестные связи с тремя кластерами деморализации (Bobevski et al., 2022). Можно предположить, что если пациент достаточно удачлив, и ему удалось восстановиться после болезни, причастной к возникновению деморализации, то, как правило, частота проявлений депрессивных симптомов так же снижается, как только пациент снова ощущает контроль над заболеванием и чувствует осмысленность своей жизни.

Деморализация и соматическое заболевание, сопряженное с риском для жизни

Как было отмечено выше, существует взаимосвязь между деморализацией, с одной стороны, и нарастающими проблемами со здоровьем, ухудшением качества жизни, желанием умереть с другой. Так, С. Вехлинг с коллегами провела исследование 750 респондентов, представленных онкологически и паллиативными больными, среди которых у 24% были выявлены симптомы, характерные для деморализации средней и тяжелой степени (Vehling et al., 2013). В исследовании А. Менерт и ее коллег,

среди выборки из 516 пациентов с прогрессирующими формами онкологического заболевания 202 человека (39,1%) находились в состоянии тяжелой деморализованности (Mehnert et al., 2011). Ученые из Центрального Южного Университета (Китай) в ходе исследования взаимоотношения степени выраженности деморализации и копинг-стратегий пациентов с тяжелыми заболеваниями (на примере больных раком груди) выявили низкий уровень деморализации у 63 респондентов (16,8%), средней уровень у 273 респондентов (72,8%), высокий уровень у 39 респондентов (10,4%) от общего числа респондентов (Li, Liu, Xu et al., 2020). Подобное исследование было проведено их коллегами из Мемориального Госпиталя имени Д.Л. Маккея, в Тайване, на выборке возрастных пациентов с различной онкологической нозологией. Среди респондентов 21 (18,6%) показали средний уровень деморализации, 43 (38,1%) показали высокий уровень деморализации. Таким образом 56,7% респондентов от общей выборки находились в состоянии деморализации средней или тяжелой степени (Ko et al., 2018). Д. Кларк и Д. Киссане приводят следующие данные: среди пациентов медицинских учреждений, проходящих стационарное лечение, в состоянии деморализации находятся 29% пациентов с раком груди и 34% с заболеваниями эндокринной системы (Clarke et al., 2005). Среди пациентов с мутацией гена BRCA 1/2, провоцирующей возникновение рака яичников, симптомы деморализации обнаружили у 45 респондентов (16%) от общей выборки. 15 пациентов (5,2%) проявили среднюю степень деморализации, 30 пациентов (10,4%) высокую степень деморализации (Jong et al., 2018). В исследовании пациентов с хроническими головными болями, выражающих суицидальные мысли, среди 44 респондентов 18 (40,9%) переживали состояние тяжелой деморализации (Koo et al., 2021). Плохо контролируемые физиологические симптомы, такие как боль, могут в кратчайшие сроки понизить сопротивляемость пациента и его моральный дух (Robinson et al., 2015). Другая группа исследователей из Тайваня, среди пациентов больных раком легких, лейкемией и лимфомой, склонных к проявлению суицидального поведения, обнаружили, что 84 пациента (42%) от общей выборки находились в состоянии тяжелой деморализации (Fang et al., 2014).

Стоит понимать, что по своей природе соматические заболевания оказывают деморализующее воздействие, особенно при длительном и тяжелом их течении. Тяжело больной человек становится зависимым. С этой точки зрения некоторый регресс может выполнять адаптивную функцию и не должен рассматриваться как проявление безнадежности. Тем не менее затяжная болезнь делает невозможным для пациента выполнение многих социальных ролей, тем самым уменьшая для него возможности почувствовать удовлетворение и чувство своей компетентности при их осуществлении (Clarke, Kissane, 2003).

С. Григ и М. Уотсон описали беспомощность и безнадежность как одну из пяти характерных реакций пациентов на прогрессирование онкологического заболевания, — оставшиеся: рост боевого духа; избегание или отрицание; фатализм (стоическое принятие); тревожная озабоченность. Эти реакции обусловлены взглядом пациента на свое заболевание, способностью его контролировать и его пониманием прогноза течения заболевания (Pereira, Santos, 2016). Безнадежность является фактором возникновения ряда соматических заболеваний, ассоциированных с высоким риском развития гипертонии, атеросклероза и инфаркта сердечной мышцы. Характерно, что этот риск не коррелирует с депрессивным расстройством.

Одно из наиболее ранних и точных описаний безнадежности и беспомощности, встречающихся у соматически больных пациентов, дал Дж. Энгель в "Giving Up — Given Up Complex" концепции. Интересуясь психологическими состояниями, которые могут способствовать возникновению заболевания, он и его коллеги рассмотрели симптомы, предшествующие возникновению соматических заболеваний. В большем количестве случаев заболеванию предшествовала потеря, результатом чего являлось физиологическое замедление функционирования организма (например, снижение частоты сердечных сокращений), а также переживания беспомощности и безнадежности (Engel, 1967).

Выводы

Деморализация является широко распространенным психологическим феноменом как в популяции в целом, так и среди пациентов лечебных учреждений с тяжелыми формами соматических заболеваний. При этом деморализации в большей степени характерна для второй группы. В зависимости от нозологии и тяжести актуального состояния, среди общего количества обследованных, деморализованными в средней и тяжелой форме оказываются от 16% до более чем 83% пациентов.

Ряд психических нарушений, таких как расстройство приспособительных реакций, острая реакция на стресс и посттравматическое стрессовое расстройство, дистимия и другие, могут сопутствовать протеканию деморализации. Наиболее часто сопоставимое с деморализацией большое депрессивное расстройство существенно отличается наличием ангедонии, не характерной для деморализации, при которой мотивационная направленность пациента, как правило, сохраняется. Исследования также свидетельствуют, что суицидальные мысли и мысли о смерти, которые традиционно связывают с переживанием депрессивного состояния, в большей степени характерны для деморализованных пациентов. Таким образом, дальнейшая разработка конструкта деморализации может оказаться целесообразной в контексте изучения суицидального поведения.

Список литературы

- МКБ 10 — Международная классификация болезней 10-го пересмотра. (2019). URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4257> (дата обращения: 05.04.2022).
- Панфилов, А.Ю. (2023). Деморализация тяжелобольных пациентов с риском для жизни. *Национальный психологический журнал*, 18(4), 90–98.
- American Psychiatry Association. (2013). *Diagnostic and Statistic Manual of Mental Disorders*, 50th Edition. Arlington: American Psychiatric Association.
- Bobevski, I., Kissane, D.W., Vehling, S., Mehnert-Theuerkauf, A., Belvederi Murri, M., Grassi, L. (2022). Demoralization and its link with depression, psychological adjustment and suicidality among cancer patients: A network psychometrics approach. *Cancer Med*, (11), 815–825.
- Casey, P., Dowrick, C., Wilkinsom, G. (2001). Adjustment disorders: Fault line in the psychiatric glossary. *British Journal of Psychiatry*, (179), 479–481.
- Clarke, D.M., Kissane, D.W., Trauer, T., Smith, G.C. (2005). Demoralization, anhedonia and grief in patients with severe physical illness. *World Psychiatry: Official Journal of the World Psychiatric Association (WPA)*, 4(2), 96–105.
- Clarke, D.M., Mackinnon, J., Graeme, D., McKenzie, D.P., Herrman, H.E. (2000). Dimensions of psychopathology in the medically ill. *A Latent Trait Analysis Psychosomatics*, 41(5), 418–425.
- Clarke, D.M., Smith, G.C., Dowe, D.L., McKenzie, D.P. (2003). An empirically derived taxonomy of common distress syndromes in the medically ill. *Journal of Psychosomatic Research*, (54), 323–330.
- Clarke, M.D., Kissane, D.W. (2003). Demoralization: its phenomenology and importance. *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*, 36(6), 733–742.
- Engel, G.L. (1967). A Psychological Setting of Somatic Disease: The 'Giving Up- Given Up' Complex. *Section of Psychiatry President Desmond Pond Meeting*, (60). URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/003591576706000618> (access date: 08.06.2022).
- Fang, C-K., Chang, M-C., Chen, P-J. (2014). A correlational study of suicidal ideation with psychological distress, depression, and demoralization in patients with cancer. *Support Care Cancer*, (22), 3165–3174.
- Figueiredo, J.M. (2013). Distress, demoralization and psychopathology: diagnostic boundaries. *European journal of Psychiatry*, 27(1), 61–73.
- Jong, M.A-de., Dejong, C.A.J., Hermens, R.P., Kissane, D.W., Massuger, L.M., Hoogerbrugge, N., Prins, J.B., deHullu, J.A. (2018). High demoralization in a minority of oophorectomized BRCA 1/2 mutation carriers influences quality of life. *Journal of Psychosomatic Obstetrics & Gynecology*, 39(2), 94–106.

- Keeffe, N.O., Ranjith, G. (2007). Depression, demoralization or adjustment disorder? Understanding emotional distress in the severely medically ill. *Clinical Medicine*, 7(5).
- Kissane, D., Clarke, D. (2001). Demoralization syndrome: A relevant psychiatric diagnosis for Palliative Care. *Journal of Palliative Care*, 17(1).
- Ko, K-T., Lin, C-J., Pi, S-H. (2018). Demoralization Syndrome Among Elderly Patients with Cancer Disease. *International Journal of Gerontology*, (12), 12–16.
- Koo, B.B., Bayoumi, A., Albanna, A., Abusuliman, M., Burrone, L., Sico, J.J., Schindler, E.A.D. (2021). Demoralization predicts suicidality in patients with cluster headache. *Journal of Headache and Pain*, 22(28).
- Li, J., Liu, X., Xu, L., Jin, Z. (2020). Current status of demoralization and its relationship with medical coping style, self-efficacy and perceived social support in Chinese breast cancer patients. *The European Journal of Psychiatry*, 34(4), 211–218.
- Maercker, A., Lorenz, L. (2018). Adjustment disorder diagnosis: Improving clinical utility. *The World Journal of Biological Psychiatry*, 19(1), 3–13.
- Mehnert, A., Vehling, S., Hocker, A., Lehmann, C., Koch, U. (2011). Demoralization and Depression in Patients with Advanced Cancer: Validation of the German Version of the Demoralization Scale. *Journal of Pain and Symptom Management*, 42(5), 768–776.
- Nanni, M.G., Caruso, R., Sabato, S., Grassi, L. (2017). Demoralization and Embitterment in Psychological Trauma. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 10(1), 14–21.
- Pereira, F.M.P., Santos, C.S.V.de. (2016). Psychological adaptation and its impact on the quality of life and spiritual well-being: A cross-sectional study of end of life cancer patients medically ill. *Nursing Palliative Care*, 5(1), 101–105.
- Porcelli, P., Rafanelli, C. (2010). Criteria for Psychosomatic Research (DCPR) in the Medical Setting. *Current Psychiatry Reports*, (12), 246–254.
- Robinson, S., Kissane, D.W., Brooker, J., Burney, S. (2015). A Systematic Review of the Demoralization Syndrome in Individuals with Progressive Disease and Cancer: A Decade of Research. *Journal of Pain and Symptom Management*, 49(3), 595–610.
- Rodriguez, M.R., Nuevo, R., Chatterji, S., Ayuso-Mateos, J.L. (2012). Definitions and factors associated with subthreshold depressive conditions: a systematic review. *BMC Psychiatry*, 12(181).
- Vehling, S., Oechsle, K., Koch, U., Mehnert, A. (2013). Receiving Palliative Treatment Moderates the Effect of Age and Gender on Demoralization in Patients with Cancer. *PLoS One*, 8(3), e59417.
- Wellen, M., Wise, T. (2010). Demoralization in the medical setting. *Psychosomatic Medicine: An Introduction to Consultation-Liaison Psychiatry*, (26), 235–241.
- Zelviene, P., Kazlauskas, E. (2018). Adjustment disorder: current perspectives. *Neuropsychiatric Disease and Treatment*, (14), 375–381.

References

- American Psychiatry Association. (2013). Diagnostic and Statistic Manual of Mental Disorders, 50th Edition. Arlington: American Psychiatric Association.
- Bobevski, I., Kissane, D.W., Vehling, S., Mehnert-Theuerkauf, A., Belvederi Murri, M., Grassi, L. (2022). Demoralization and its link with depression, psychological adjustment and suicidality among cancer patients: A network psychometrics approach. *Cancer Med*, (11), 815–825.
- Casey, P., Dowrick, C., Wilkinsom, G. (2001). Adjustment disorders: Fault line in the psychiatric glossary. *British Journal of Psychiatry*, (179), 479–481.
- Clarke, D.M., Kissane, D.W., Trauer, T., Smith, G.C. (2005). Demoralization, anhedonia and grief in patients with severe physical illness. *World Psychiatry: Official Journal of the World Psychiatric Association (WPA)*, 4(2), 96–105.
- Clarke, D.M., Mackinnon, J., Graeme, D., McKenzie, D.P., Herrman, H.E. (2000). Dimensions of psychopathology in the medically ill. *A Latent Trait Analysis Psychosomatics*, 41(5), 418–425.
- Clarke, D.M., Smith, G.C., Dowe, D.L., McKenzie, D.P. (2003). An empirically derived taxonomy of common distress syndromes in the medically ill. *Journal of Psychosomatic Research*, (54), 323–330.
- Clarke, M.D., Kissane, D.W. (2003). Demoralization: its phenomenology and importance. *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*, 36(6), 733–742.
- Engel, G.L. (1967). A Psychological Setting of Somatic Disease: The 'Giving Up — Given Up' Complex. *Section of Psychiatry President Desmond Pond Meeting*, (60). URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/003591576706000618> (access date: 08.06.2022).
- Fang, C-K., Chang, M-C., Chen, P-J. (2014). A correlational study of suicidal ideation with psychological distress, depression, and demoralization in patients with cancer. *Support Care Cancer*, (22), 3165–3174.
- Figueredo, J.M. (2013). Distress, demoralization and psychopathology: diagnostic boundaries. *European journal of psychiatry*, 27(1), 61–73.
- ICD 10 (2019). International Classification of Diseases 10th revision. URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4257> (access date: 05.04.2022). (In Russ.).
- Jong, M.A-de., Dejong, C.A.J., Hermens, R.P., Kissane, D.W., Massuger, L.M., Hoogerbrugge, N., Prins, J.B., deHullu, J.A. (2018). High demoralization in a minority of oophorectomized BRCA 1/2 mutation carriers influences quality of life. *Journal of Psychosomatic Obstetrics & Gynecology*, 39(2), 94–106.
- Keeffe, N.O., Ranjith, G. (2007). Depression, demoralization or adjustment disorder? Understanding emotional distress in the severely medically ill. *Clinical Medicine*, 7(5).
- Kissane, D., Clarke, D. (2001). Demoralization syndrome: A relevant psychiatric diagnosis for Palliative Care. *Journal of Palliative Care*, 17(1).
- Ko, K-T., Lin, C-J., Pi, S-H. (2018). Demoralization Syndrome Among Elderly Patients with Cancer Disease. *International Journal of Gerontology*, (12), 12–16.
- Koo, B.B., Bayoumi, A., Albanna, A., Abusuliman, M., Burrone, L., Sico, J.J., Schindler, E.A.D. (2021). Demoralization predicts suicidality in patients with cluster headache. *Journal of Headache and Pain*, 22(28).

- Li, J., Liu, X., Xu, L., Jin, Z. (2020). Current status of demoralization and its relationship with medical coping style, self-efficacy and perceived social support in Chinese breast cancer patients. *The European Journal of Psychiatry*, 34(4), 211–218.
- Maercker, A., Lorenz, L. (2018). Adjustment disorder diagnosis: Improving clinical utility. *The World Journal of Biological Psychiatry*, 19(1), 3–13.
- Mehnert, A., Vehling, S., Hocker, A., Lehmann, C., Koch, U. (2011). Demoralization and Depression in Patients with Advanced Cancer: Validation of the German Version of the Demoralization Scale. *Journal of Pain and Symptom Management*, 42(5), 768–776.
- Nanni, M.G., Caruso, R., Sabato, S., Grassi, L. (2017). Demoralization and Embitterment in Psychological Trauma. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 10(1), 14–21.
- Panfilov, A.Yu. (2023). Demoralization of Severely Ill Patients with Death Hazard. *National Psychological Journal*, 18(4), 90–98. (In Russ.).
- Pereira, F.M.P., Santos, C.S.V.de. (2016). Psychological adaptation and its impact on the quality of life and spiritual well-being: A cross-sectional study of end of life cancer patients medically ill. *Nursing Palliative Care*, 5(1), 101–105.
- Porcelli, P., Rafanelli, C. (2010). Criteria for Psychosomatic Research (DCPR) in the Medical Setting. *Current Psychiatry Reports*, 12), 246–254.
- Robinson, S., Kissane, D.W., Brooker, J., Burney, S. (2015). A Systematic Review of the Demoralization Syndrome in Individuals with Progressive Disease and Cancer: A Decade of Research. *Journal of Pain and Symptom Management*, 49(3), 595–610.
- Rodriguez, M.R., Nuevo, R., Chatterji, S., Ayuso-Mateos, J.L. (2012). Definitions and factors associated with subthreshold depressive conditions: a systematic review. *BMC Psychiatry*, 12(181).
- Vehling, S., Oechsle, K., Koch, U., Mehnert, A. (2013). Receiving Palliative Treatment Moderates the Effect of Age and Gender on Demoralization in Patients with Cancer. *PLoS One*, 8(3), e59417.
- Wellen, M., Wise, T. (2010). Demoralization in the medical setting. *Psychosomatic Medicine: An Introduction to Consultation-Liaison Psychiatry*, (26), 235–241.
- Zelviene, P., Kazlauskas, E. (2018). Adjustment disorder: current perspectives. *Neuropsychiatric Disease and Treatment*, (14), 375–381.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Юрьевич Панфилов, клинический психолог, психолог-консультант психологической службы Московского физико-технического института (национальный исследовательский университет), panfilov.au@mipt.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4258-8294>

Alexander Yu. Panfilov, Clinical Psychologist, Counsellor at Psychological Service, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), panfilov.au@mipt.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4258-8294>

Поступила: 07.06.2022; получена после доработки: 15.07.2023; принята в печать: 07.04.2024.

Received: 07.06.2022; revised: 15.07.2023; accepted: 07.04.2024.

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ / CLINICAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0206>
УДК/UDC 159.9.07, 159.91

Разработка комплекса парадигм фМРТ для выявления феномена «скрытого сознания»: нейропсихологические аспекты

А.Н. Черкасова^{1, 2✉}, К.А. Яцко^{1, 2}, М.С. Ковязина^{1, 2, 3}, Н.А. Варако^{1, 2, 3}, Е.И. Кремнева¹, Ю.В. Рябинкина¹, Н.А. Супонева¹, М.А. Пирадов¹

¹ Научный центр неврологии, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

³ Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

✉ cherka.sova@mail.ru

Резюме

Актуальность. В последние десятилетия у небольшой части пациентов с хроническими нарушениями сознания был описан феномен «скрытого сознания». Для его выявления преимущественно за рубежом ведется разработка специализированных парадигм (заданий), предъявляемых под контролем различных инструментальных методов. Перед отечественными исследователями стоят задачи валидации на русскоязычной популяции уже зарекомендовавших себя методов и создания новых парадигм. Свой вклад в решение этих задач может внести нейропсихологический подход.

Цель. Разработка комплекса парадигм для выявления феномена «скрытого сознания» на русскоязычной выборке пациентов с помощью функциональной магнитно-резонансной томографии.

Методы. Разработка базировалась на анализе предшествующих исследований, представленных в литературе, и на данных нейропсихологии.

Результаты. Предложенный авторами иерархический комплекс включает двенадцать парадигм. Девять из них являются пассивными, направленными на восприятие стимулов разных модальностей: соматосенсорных (болевой стимул, «написание» буквы на животе), слуховых неречевых (звук будильника, два музыкальных фрагмента без слов, смех ребенка) и слуховых речевых (речь на родном и незнакомом языке, имя в рамках эффекта «коктейльной вечеринки», аудиофрагмент из фильма с обценной лексикой). Три остальных являются активными, направленными на побуждение к выполнению инструкций (на мысленное представление перемещений по дому, чистки зубов и пения про себя). Приведено их теоретическое обоснование.

Выводы. Разработанный комплекс парадигм охватывает различные аспекты когнитивного функционирования. В последующих публикациях будут представлены результаты его апробации на здоровых добровольцах и пациентах с хроническими нарушениями сознания с целью выявления феномена «скрытого сознания».

Ключевые слова: нейропсихология, сознание, диагностика, скрытое сознание, хронические нарушения сознания, парадигмы фМРТ

Для цитирования: Черкасова, А.Н., Яцко, К.А., Ковязина, М.С., Варако, Н.А., Кремнева, Е.И., Рябинкина, Ю.В., Супонева, Н.А., Пирадов, М.А. (2024). Разработка комплекса парадигм фМРТ для выявления феномена «скрытого сознания»: нейропсихологические аспекты. *Национальный психологический журнал*, 19(2), 68–80. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0206>

Development of a Set of fMRI Paradigms to Detect the “Covert Cognition” Phenomenon: Neuropsychological Aspects

Anastasiia N. Cherkasova^{1, 2}✉, Kseniia A. Yatsko^{1, 2}, Maria S. Kovyazina^{1, 2, 3}, Natalia A. Varako^{1, 2, 3}, Elena I. Kremneva¹, Yulia V. Ryabinkina¹, Natalia A. Suponeva¹, Mikhail A. Piradov¹

¹Research Center of Neurology, Moscow, Russian Federation

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

³Federal Scientific Center for Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

✉cherka.sova@mail.ru

Abstract

Background. In recent decades, the phenomenon of “covert cognition” has been described in a small proportion of patients with chronic disorders of consciousness. Specialized paradigms (tasks) are being developed to detect it mostly abroad. These paradigms are carried out under the control of various instrumental methods. The Russian researchers are faced with the task of validating already established paradigms on the Russian-speaking population and of creating new ones. Neuropsychological approach can contribute to solving these problems.

Objectives. The study was aimed at developing a set of paradigms to detect the “covert cognition” phenomenon in a Russian-speaking sample of patients using functional magnetic resonance imaging.

Methods. The development of paradigm set was based on the analysis of previous studies and on neuropsychological data.

Results. The hierarchical complex proposed by the authors includes twelve paradigms. Nine of them are passive, aimed at perceiving stimuli of different modalities. These are somatosensory (painful stimulus, “writing” a letter on the abdomen), auditory non-speech (alarm clock, two musical fragments without words, child’s laughter) and auditory speech (narratives in native and unfamiliar languages, name within the “cocktail party” effect, audio fragment from the film with obscene language) stimuli. The other three paradigms are active, aimed at encouraging people to follow instructions (imagining spatial navigation, cleaning teeth and singing to themselves). Their theoretical justification is given.

Conclusions. The developed set of paradigms covers various aspects of cognitive functioning. The results of its testing on healthy volunteers and patients with chronic disorders of consciousness to detecting the “covert cognition” phenomenon will be presented in subsequent publications.

Keywords: neuropsychology, consciousness, diagnostics, covert cognition, prolonged disorders of consciousness, fMRI paradigms

For citation: Cherkasova, A.N., Yatsko, K.A., Kovyazina, M.S., Varako, N.A., Kremneva, E.I., Ryabinkina, Yu.V., Suponeva, N.A., Piradov, M.A. (2024). Development of a Set of fMRI Paradigms to Detect the “Covert Cognition” Phenomenon: Neuropsychological Aspects. *National Psychological Journal*, 19(2), 68–80. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0206>

Введение

Представление о феномене «скрытого сознания» формируется в научной литературе в последние десятилетия (Schnakers et al., 2022). Данный феномен описывается среди пациентов с хроническими нарушениями сознания (ХНС) и обозначает тех из них, у кого клинические проявления сознания отсутствуют или они минимальны, но при этом имеется активация головного мозга в ответ на определенные стимулы по результатам его инструментальной оценки (Owen et al., 2006; Monti et al., 2010; Boly, Laureys, 2018).

Поиск способов выявления «скрытого сознания» является сложной исследовательской проблемой. С этой целью проводится разработка специализированных пассивных и активных парадигм (заданий),

которые предъявляются пациентам под контролем инструментальных методов (функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ), позитронно-эмиссионной томографии (ПЭТ), электроэнцефалографии (ЭЭГ) и других) (Konziella et al., 2016). Как показывает анализ литературы (Черкасова и др., 2023), феномен «скрытого сознания» является неоднородным и отражает разные аспекты психической деятельности пациентов. Пассивные парадигмы, которые подразумевают воздействие стимулами тех или иных модальностей, в большей степени связаны с функциями гнозиса, кроме этого, они затрагивают память и эмоциональную сферу, особенно в случае предъявления знакомых стимулов. Активные парадигмы, побуждающие к мысленному выполнению определенных инструкций, направлены в первую

очередь на возможности программирования, регуляции и контроля психической деятельности. Таким образом, в рамках «скрытого сознания» речь идет о выявлении предположительной сохранности остаточных проявлений когнитивного функционирования у пациентов с ХНС.

Традиционно оценка состояния когнитивной сферы осуществляется в процессе нейропсихологической диагностики. Однако классическое нейропсихологическое обследование подразумевает наличие двустороннего вербального или невербального контакта и недоступно для проведения пациентам в вегетативном состоянии / с синдромом ареактивного бодрствования (ВС/САБ) или в состоянии минимального сознания «минус» (СМС–). В их отношении специалистами (неврологами, анестезиологами-реаниматологами, нейропсихологами, психиатрами) проводится оценка реактивности на различные раздражители. Тем не менее, когда речь идет о «скрытом сознании», предпринимается попытка выявить сохранность когнитивных функций опосредованно, через наличие активации соответствующих зон головного мозга. В этом случае нейропсихологический подход может быть актуальным для разработки парадигм, предъявляемых пациентам в ходе инструментальной оценки.

Большая часть опубликованных работ по выявлению феномена «скрытого сознания» — это зарубежные исследования. Для применения парадигм, рекомендовавших себя в них, необходима валидация на русскоязычной популяции. Важна и разработка новых чувствительных и специфичных парадигм. В нашей стране число таких работ с применением методов фМРТ (Фуфаева и др., 2012; Кондратьева, 2020), ЭЭГ (Шарова, 2005; Окнина и др., 2011, 2012, 2017; Портанова и др., 2013) и навигационной транскраниальной магнитной стимуляции (нТМС) (Белкин, 2021) постепенно растет.

Ранее мы заявляли о проведении исследования, направленного на диагностику феномена «скрытого сознания» у пациентов с ХНС, на базе ФГБНУ «Научный центр неврологии» в команде с нейропсихологами факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Черкасова и др., 2021). Целью настоящей публикации является представление и обоснование разработанного для этого комплекса парадигм фМРТ.

Разработка комплекса парадигм фМРТ

Принципы разработки

На основе анализа зарубежных исследований, представленных в литературе, нами были выделены ключевые принципы разработки парадигм для диагностики «скрытого сознания»:

1. Принцип мультимодальности (Schiff, 2006; Monti et al., 2009) — использование стимулов, предъявляемых на разные сенсорные входы.

2. Принцип иерархичности (Owen et al., 2005a) — предъявление в рамках одной модальности нескольких групп стимулов, выстраиваемых от простого к

сложному на основании уровней переработки информации.

3. Принцип учета значимости эмоционального контекста, что подчеркивается в последних клинических рекомендациях Европейской академии неврологии по диагностике комы и других нарушений сознания (Kondziella et al., 2020).

4. Принцип включения персонифицированных стимулов (Laureys et al., 2007), которые могут способствовать задействованию аспектов самосознания.

Все они были учтены в предложенном нами комплексе парадигм. Принцип иерархичности был реализован не только в рамках конкретных модальностей, но и в структуре всего комплекса для понимания того, на каком уровне нарушена психическая деятельность пациента. В основе иерархии лежат представления о роли сенсорных систем в формировании сознания (Ковязина, Фомина, 2017), о логике развития высших психических функций (ВПФ) (Выготский, 1960) и сознания в онтогенезе (Выготский, Лурия, 1993; Лурия, 1970).

В ходе разработки нами рассматривалось более 30 парадигм в соответствии с указанными принципами. Однако, в силу ряда факторов (суммарная продолжительность проведения исследования, тяжесть состояния пациентов, технические ограничения), в итоговую версию вошло 12 из них. Представим их теоретическое клиничко-психологическое обоснование.

Пассивные парадигмы

Первую часть комплекса составили пассивные парадигмы с воздействием на пациента стимулами разных модальностей. Для обозначения их диагностической ценности в выявлении сохранных проявлений сознания у пациентов с ХНС мы можем обратиться к взглядам А.Н. Леонтьева на структуру сознания. Согласно А.Н. Леонтьеву, «сознание есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния» (Леонтьев, 1975, с. 125). Им было выделено 3 составляющих сознания: чувственная ткань, значение и личностный смысл. Чувственная ткань — система ощущений человека от органов чувств. «...Картина мира, в которой человек может дать себе отчет, которая является ему, включает в качестве своего неизбежного момента чувственные впечатления, чувственные образы, я предпочитаю говорить — чувственную ткань. Эта ткань и образует чувственный состав конкретных образов реальности — актуально воспринимаемых или всплываемых в памяти, относимых к будущему или даже только воображаемых» (Леонтьев, 2000, с. 63). Функция чувственной ткани в сознании ярко проявляется при нарушении восприятия внешних стимулов, что было показано А.Н. Леонтьевым и А.В. Запорожцем при работе с минерами, полностью потерявшими зрение и кисти обеих рук: «внешний предметный мир постепенно становился для них “исчезающим”» (Леонтьев, 1975, с. 137), происходила утрата чувства реальности картины мира (Леонтьев, Запорожец, 1945). Таким образом, чувственная ткань является необходимым

базисом сознания, оценка возможной сохранности которого (пусть и в обедненном виде с учетом структурных повреждений головного мозга) значима для пациентов с ХНС.

С точки зрения структурно-функциональной организации головного мозга, согласно концепции А.Р. Лурии, ведущий вклад в обеспечение приема, переработки и хранения информации, поступающей из внешнего мира, вносят структуры второго блока головного мозга (задних отделов коры) (Лурия, 2003), на оценку сохранности которых будут преимущественно направлены представленные пассивные парадигмы.

Парадигмы, направленные на восприятие и переработку соматосенсорной информации. Соматосенсорная система формируется одной из первых в онтогенезе. Ее сохранность крайне значима для психологической помощи пациентам с ХНС. Расширение возможностей их контакта с окружающим миром и самим собой рекомендуется осуществлять через телесные процессы (Быкова и др., 2015; Максакова и др., 2016).

1. Болевая стимуляция — надавливание ребром карандаша на ногтевое ложе указательного пальца правой руки. Данная парадигма предложена, так как проблема оценки возможности пациентами с ХНС чувствовать боль или испытывать ее постоянно является одной из наиболее значимых для повышения качества их жизни. На этот счет проводилось несколько ранних нейровизуализационных исследований с применением ПЭТ, результаты которых неоднозначны (Laureys et al., 2002; Boly et al., 2005, 2008; Kassubek et al., 2003). Что касается работ с применением метода фМРТ, в протоколе крупномасштабного исследования группы А.М. Оуэна, представленного в 2022 году, заявлена парадигма с применением болевой электрической стимуляции срединного нерва (Kazazian et al., 2022), но результаты пока не получены. Нами был задействован простой болевой стимул в виде надавливания на ногтевое ложе, так как он применяется при оценке неврологического статуса пациентов с ХНС, в том числе в рамках Пересмотренной шкалы восстановления после комы (Iaseva, 2018).

С позиций клиническо-психологического подхода данная парадигма может быть рассмотрена в контексте идей о сознании, представленных в работах А.Ш. Тхостова с опорой среди прочего на взгляды А.Н. Леонтьева (Тхостов, 2002). А.Ш. Тхостов подходит к проблеме сознания с точки зрения границ «Я» и «зонда» сознания. Суть феномена «зонда» заключается в том, что, когда человек ощупывает какой-то предмет не непосредственно рукой, а с помощью зонда, он ощущает прикосновения на границе зонда и этого предмета (Леонтьев, 1975). То есть ощущение оказывается вынесенным вовне, за пределы тела человека. Этот феномен показывает, что, во-первых, границы «Я» подвижны, а во-вторых то, что «сознание проявляет себя лишь в столкновении с иным, получая от него “возражение” в попытке его “погло-

тить”» (Тхостов, 2002, с. 65). То есть, чтобы феноменологически выявить сознание, необходимо оказаться в ситуации столкновения с чем-то иным. При неврологических, психических или соматических заболеваниях ощущение тела и работы когнитивных функций становится непрозрачным, появляется сопротивление. Происходит объективация своего тела и психических функций. Когда сопротивление утрачивается, утрачивается и сознание. Это имеет место в случаях сенсорной депривации, возможно, при нарушениях сознания. Таким образом, согласно этой концепции, сознание возможно лишь при наличии дискомфорта: «невыносимая плотность бытия» — не затруднение, а обязательное условие существования сознания» (Тхостов, 2002, с. 78). Если предположить, что конкретный пациент не чувствует постоянной боли, нанесение болевого стимула может стать тем самым «дискомфортом», в котором сознание может себя проявить.

2. Тактильная стимуляция — «написание» буквы «М» на животе. Данная парадигма затрагивает высокие уровни переработки соматосенсорной информации, а именно «кожное чтение». Ранее, насколько нам известно, подобная парадигма не применялась в фМРТ-исследованиях к пациентам с ХНС. В клинической нейропсихологии описано нарушение этой способности — тактильная алексия (Хомская, 2005). Для ее диагностики используется методика, в которой пациент с закрытыми глазами должен узнавать буквы или цифры, которые пишутся на его правой и левой руке поочередно (Балашова, Ковязина, 2012). Это задание является сложным даже для здоровых людей, так как оно представляет собой новый, непривычный вид деятельности, который мало представлен в онтогенезе. А.Р. Лурия указывал на то, что наиболее интересным в тактильном восприятии является «факт постепенного превращения последовательно (сукцессивно) поступающей информации об отдельных признаках предмета в его целостный (симультантный) образ» (Лурия, 2020, с. 115). Если пациент с ХНС будет способен развернуть такую деятельность по опознанию буквы, что отразится на активации головного мозга, можно предполагать, что ему доступны проявления сознательной деятельности.

Для использования данной парадигмы была предложена следующая инструкция, содержащая пассивный и активный компоненты: «Сейчас я “напишу” Вам букву на животе, а Вы назовите ее про себя». Букву было решено «писать» на животе, чтобы не задействовать верхние и нижние конечности пациентов с ХНС в силу возможного наличия у них нарушений чувствительности, повышенного тонуса по спастическому типу, парезов и параличей. По направлению она ориентировалась лицом к человеку, чтобы упростить задачу, исключая аспект пространственных перешифровок. Была выбрана печатная буква «М», так как она является достаточно простой по написанию, не имеет близких по образу букв, а также цифр

(в отличие, например, от букв «О» или «Ч»), не подразумевает феномена «зеркальности».

Парадигмы, направленные на восприятие и переработку слуховой неречевой информации. Восприятие неречевой информации формируется в онтогенезе раньше восприятия речи. При формировании речи до ориентировки на фонематические признаки сначала появляется чувствительность к мелодике, она воспринимается как звуковое целое (Микадзе, 2008). Оценка сохранности неречевого гнозиса важна для пациентов с ХНС, которые могут иметь грубые формы нарушения импрессивной речи и, как следствие, не выполнять речевые инструкции, но при этом могут оставаться в сознании.

1. Предъявление частотных бытовых предметных шумов — звук будильника. По данным анализа литературы, бытовые шумы не использовались в фМРТ-исследованиях пациентов с ХНС. Мы рассматривали несколько вариантов стимулов. Был выбран будильник, так как он с высокой долей вероятности встречается в опыте каждого человека, может напоминать школьный звонок, кроме этого, является хорошо различимым и выделяется на фоне шума томографа.

2–3. Предъявление музыкальных фрагментов без слов — мелодия детской песни «В лесу родилась елочка» (композитор Л.К. Бекман) и марш Ф. Мендельсона. В литературе представлено одно фМРТ-исследование на небольшой выборке пациентов с ХНС с использованием марша Тореодора из оперы «Кармен» Ж. Бизе (Okumura et al., 2014), а также несколько работ, направленных на оценку изменения функциональной коннективности по данным фМРТ во время предъявления длительной персонифицированной музыкальной стимуляции (Heine et al., 2015; Carrière et al., 2020; Boltzmann et al., 2021). Музыкальные фрагменты требуют культурной адаптации. Нами было предложено прослушивание двух мелодий, которые широко известны в России. Они отличаются тем, что марш Ф. Мендельсона не подразумевает речевого сопровождения, а при прослушивании мелодии детской песни «В лесу родилась елочка» вспоминаются слова, что может отразиться на наблюдаемой активации.

4. Предъявление эмоционально нагруженных вокализованных звуков — смех ребенка. Как уже указывалось, при выявлении сохраненных признаков сознания у пациентов с ХНС важную роль играют эмоционально насыщенные стимулы. В литературе имеется серия работ с предъявлением пациентам с ХНС криков боли (Kotschoubey et al., 2013; Yu et al., 2013). Получив ожидаемую активацию структур центрального болевого матрикса у ряда пациентов в ВС/САБ, авторы предположили, что аффективные компоненты сознания более устойчивы, чем когнитивные (Yu et al., 2013). Мы рассматривали различные вокализованные звуки и выбрали положительно окрашенный неречевой стимул — смех ребенка, не применявшийся ранее, насколько нам известно, в фМРТ-исследованиях на группах пациентов с ХНС.

Парадигмы, направленные на восприятие и переработку слуховой речевой информации. Восприятие речи является одним из основополагающих в диагностике ХНС, оно составляет базис для возможного выполнения пациентами инструкций. Речь как высшая психическая функция опосредствует протекание других психических процессов и играет ключевую роль для осуществления коммуникации. фМРТ-исследования, направленные на оценку восприятия речи (в том числе персонифицированных и эмоционально насыщенных стимулов) у пациентов с ХНС, проводились многими группами авторов (Черкасова и др., 2023), в том числе и в России (Фуфаева и др., 2012; Кондратьева, 2020). На осознанное восприятие речи с большей долей вероятности указывают при наличии активации коры височных и лобных долей головного мозга. В представляемый комплекс были включены авторские версии данных парадигм.

1. Предъявление речевого фрагмента (короткого рассказа) на родном языке в дихотомии с фрагментом на незнакомом японском языке. Подобное сопоставление может позволить выявлять активацию, отражающую понимание речи, ее содержания на семантическом уровне, так как сенсорный и перцептивный уровень в обоих случаях совпадают (оба языка распознаются как речевой стимул). Именно такая высокоуровневая активация является наиболее значимой в выявлении признаков «скрытого сознания». В качестве иностранного был выбран японский язык, так как он мало распространен в России. На русском языке использовался рассказ Л.Н. Толстого «Два товарища», на японском языке — произведение К. Миядзава «Не уступая дождю».

2. Предъявление имени на фоне шума вечеринки — модификация эффекта «коктейльной вечеринки» (с англ. “cocktail party”). Парадигма с использованием имени является персонифицированной, связанной с самосознанием (Laureys et al., 2007). Мы опирались на известный психологический эффект, который заключается в том, что человек, находясь в шумной компании, даже будучи увлеченным интересующим его диалогом, переключает внимание, если кто-то произнесет его имя, начнет говорить о нем или обсуждать значимую для него информацию. Первое экспериментальное исследование этого эффекта было проведено К. Черри (Cherry, 1953), дальнейшие работы осуществлялись в рамках селективных теорий внимания (Фаликман, 2006). В ракурсе диагностики «скрытого сознания» интересна модель аттенюатора Э. Трейсман. Она предположила, что разные элементы в системе нашей памяти имеют разный порог активации. Когда этот порог преодолевается, тот или иной элемент попадает в сознание. Наиболее низкий порог как раз и наблюдается у собственного имени, а также эмоционально окрашенных стимулов (Treisman, 1964). Возможность выявления подобного эффекта у пациентов с ХНС может указывать на их способность выделять из общего потока

информации значимую, пусть и непроизвольно. Для усиления эффекта «коктейльной вечеринки» в рамках нашей парадигмы мы не просто называли имя, а включали его в специально сформулированные предложения с дополнительной эмоциональной нагрузкой: «Знаете, что я узнала об Иване? Вы что, об Иване говорили? Мы с Иваном знакомы. А Иван сегодня разве здесь?».

3. Предъявление речевых эмоционально нагруженных упроченных выражений — отрывок из фильма, содержащий обсценную лексику. Данная лексика, как нам известно, не предъявлялась пациентам с ХНС ранее. Она является табуированной. С одной стороны, в экспериментах было показано, что время ее опознания несколько больше, чем время опознания нейтральных слов, что может быть связано с явлением перцептивной защиты (Рейковский, 1979). Но с другой стороны, рассмотрение нейропсихологических данных указывает на то, что это наиболее упроченная составляющая речевых высказываний. Известно, что пациенты с грубыми формами эфферентной моторной афазии не могут произнести ни слова, в их речи может оставаться только речевой эмбол, которым зачастую оказывается именно обсценная лексика. Ее восприятие сопровождается эмоциональной вовлеченностью, что важно для выявления «скрытого сознания». Для исследования был выбран аудиофрагмент из фильма «Изображая жертву» (режиссер К.С. Серебренников), имеющийся в открытом доступе.

Парадигмы, направленные на восприятие и переработку зрительной информации, не использовались нами в данном комплексе, так как у пациентов с ВС/САБ нарушена фиксация взора, а для отслеживания фиксации взора у пациентов в СМС-желательно наличие айтрекера, совместимого с МР-томографом. Парадигмы, направленные на восприятие и переработку обонятельной и вкусовой информации, не применялись из-за сложности их реализации во время проведения фМРТ-исследования.

Активные парадигмы

Вторую часть комплекса составляют активные парадигмы, которые побуждают пациентов к произвольному выполнению тех или иных инструкций. Произвольность является наиболее поздним приобретением в филогенезе (Выготский, 1982; Barkley, 2001) и имеет наиболее долгий путь формирования в онтогенезе (Выготский, 1982; De Luca, Leventer, 2010). В отечественной литературе была подчеркнута ключевая роль фактора произвольности, произвольной регуляции психических процессов в раннем периоде восстановления сознания у детей с ЧМТ (Фуфаева, 2017). Оценка произвольности как компонента «скрытого сознания» является ключевой. При сохранности выполнения инструкций по данным фМРТ можно с высокой долей вероятности указывать на сохранность сознания у пациентов с ХНС, не демонстрирующих этого поведенчески. В этом случае говорят о наличии у них когнитивно-моторного разобщения (Schiff, 2015; Белкин и др., 2021).

С точки зрения структурно-функциональной организации головного мозга, согласно концепции А.Р. Лурии, ведущий вклад в обеспечение программирования, регуляции и контроля психической деятельности, произвольного ее звена вносят структуры третьего блока головного мозга (передних отделов коры) (Лурия, 2003), на оценку сохранности которых будут преимущественно направлены представленные активные парадигмы.

1. Мысленное представление выполнения действий, ориентированных в пространственном поле, — перемещение по дому (навигация). Эта парадигма показала высокую эффективность в зарубежных исследованиях (например, Owen et al., 2006, Boly et al., 2007), она является культурно неспецифической. Мы решили применить ее к русскоязычной выборке пациентов с ХНС в виде просьбы представить перемещение из своей комнаты в кухню.

2. Мысленное представление выполнения предметного действия — чистка зубов. Такого рода парадигмы использовались во многих зарубежных исследованиях по этой теме, самой распространенной из них является представление игры в теннис (например, Owen et al., 2006, Boly et al., 2007). Однако среди популяции русскоязычного населения данная игра распространена не так широко, требуется адаптация этой парадигмы. В качестве аналогов нами рассматривались действия бытового характера, которые, вероятно, имеют место в опыте любого человека. Была выбрана парадигма на чистку зубов, которая включает комплексное представление движений рук и акустико-артикуляторного аппарата. Важным является предметность данного действия (Леонтьев, 1975, Бернштейн, 1947). В исследованиях, использующих мысленные представления для управления интерфейсом мозг-компьютер, было показано, что представление предметных действий по сравнению с простыми является более эффективной задачей (Азиатская, 2020).

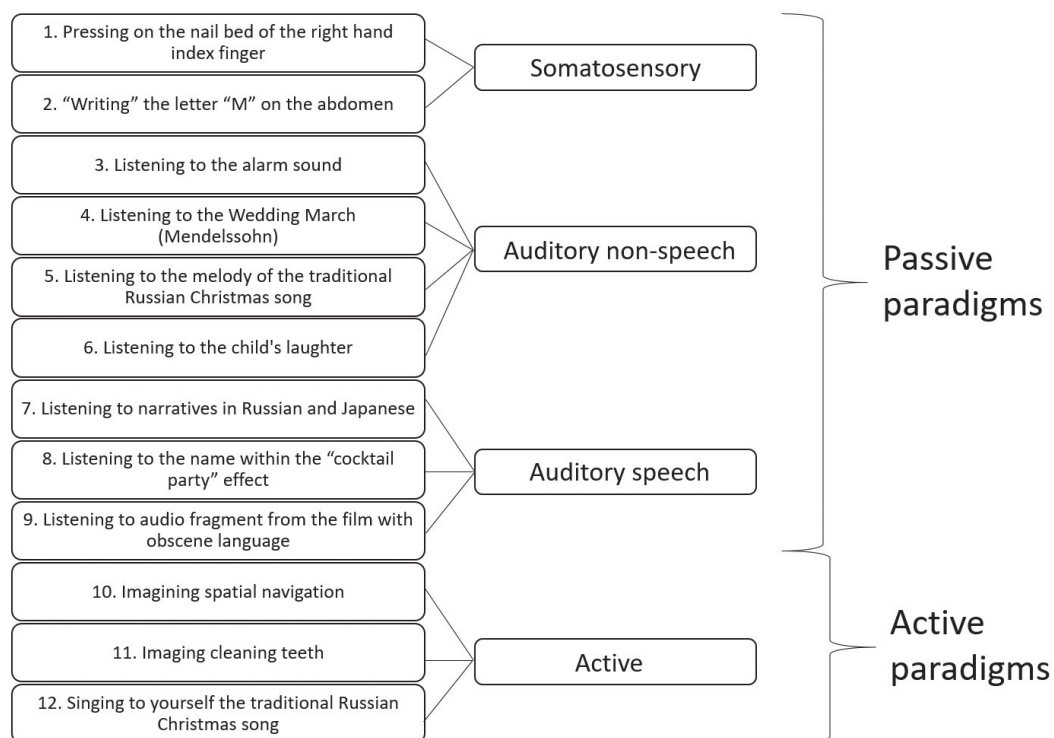
3. Мысленное пение про себя — детская песня «В лесу родилась елочка» (автор слов Р.А. Кудашева). В литературе подобная парадигма с просьбой представить себе пение песни “Jingle bells” (автор Дж.Л. Пьерпонт) использовалась однократно, была апробирована на здоровых добровольцах, но не вошла в основное исследование на пациентах (Boly et al., 2007). Мы решили применить ее в рамках комплекса для возможного вовлечения речевой системы.

Таким образом, нами было предложено 12 парадигм фМРТ (Рисунок). Структура каждой из них представлена чередующимися блоками: активными с предъявлением описанных заданий и пассивными с контрольным условием — состоянием покоя (для большинства парадигм) или контрольным заданием (для парадигмы с предъявлением рассказа на русском языке контролем является рассказ на японском языке, для парадигмы с предъявлением имени — шум вечеринки).

Рисунок

Иерархический комплекс парадигм фМРТ, разработанный для выявления феномена «скрытого сознания»

Figure

Hierarchical set of fMRI paradigms proposed to detect the "covert cognition" phenomenon

Выводы

С целью выявления феномена «скрытого сознания» на русскоязычной выборке пациентов с ХНС был предложен специализированный иерархический комплекс парадигм для проведения под контролем метода фМРТ. Применение нейропсихологического подхода к разработке парадигм позволило осуществить широкий охват когнитивных функций.

Опосредованно через наличие соответствующей церебральной активации в ответ на эти парадигмы можно предполагать сохранность тактильного, слухового неречевого и речевого гнозиса, эмоционального реагирования, способности к произвольному выполнению инструкций. Результаты апробации представленного комплекса парадигм фМРТ у здоровых добровольцев и пациентов с ХНС будут приведены нами в отдельных публикациях.

Список литературы

- Азиатская, Г.А. (2020). Клинико-нейропсихологические аспекты применения технологии «интерфейс мозг-компьютер с экзоскелетом кисти» у больных с постинсультным парезом: дисс. канд. мед. наук. Москва.
- Балашова, Е.Ю., Ковязина, М.С. (2013). Нейропсихологическая диагностика в вопросах и ответах. Москва: Генезис.
- Белкин, В.А. (2021). Феномен когнитивно-моторного разобщения у пациентов с хроническими нарушениями сознания: дисс. канд. мед. наук. Москва.
- Бернштейн, Н.А. (1947). О построении движений. Москва: Медгиз.
- Быкова, В.И., Лукьянов, В.И., Фуфаева, Е.В. (2015). Диалог с пациентом при угнетении сознания после глубоких повреждений головного мозга. *Консультативная психология и психотерапия*, 23(3), 9–31. <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230302>
- Выготский, Л.С. (1960). Развитие высших психических функций. Москва: Изд-во АПН РСФСР.
- Выготский, Л.С. (1982). Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. О психологических системах. Москва: Педагогика.
- Выготский, Л.С., Лурия, А.Р. (1993). Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. Москва: Педагогика-Пресс.
- Ковязина, М.С., Фомина, К.А. (2017). К вопросу о теоретическом обосновании клинико-психологического подхода к реабилитации больных с измененными состояниями сознания. *Consilium Medicum*, 19(2.1), 53–55.
- Кондратьева, Е.А. (2020). Структурно-функциональные, нейрогуморальные взаимосвязи и прогноз при различных клинико-неврологических паттернах течения хронических нарушений сознания: дисс. докт. мед. наук. Санкт-Петербург.
- Леонтьев, А.Н. (1975). Деятельность. Сознание. Личность. Москва: Политиздат.
- Леонтьев, А.Н. (2000). Лекции по общей психологии. Москва: Смысл.
- Леонтьев, А.Н., Запорожец, А.В. (1945). Восстановление движений. Психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения. Москва: Советская наука.
- Лурия, А.Р. (1970). Мозг человека и психические процессы: в 2 т. Т. 2. Нейропсихологический анализ сознательной деятельности. Москва: Педагогика.
- Лурия, А.Р. (2003). Основы нейропсихологии: Учеб. пособие. Москва: Академия.
- Лурия, А.Р. (2006). Лекции по общей психологии. Санкт-Петербург: Питер.
- Максакова, О.А., Игнатьева, Н.С., Зайцев, О.С. (2016). О роли и принципах работы психолога в нейрохирургической клинике. *Российский нейрохирургический журнал имени профессора А.Л. Поленова*, 7(4), 37–44.
- Микадзе, Ю.В. (2008). Нейропсихология детского возраста: Учеб. пособие. Санкт-Петербург: Питер.
- Окнина, Л.Б., Шарова, Е.В., Зайцев, О.С. (2017). Вейвлет-синхронность вызванных ответов мозга при прослушивании реалистичных стимулов в прогнозе восстановления сознания. Сообщение 1. Вейвлет-синхронность при прослушивании инструментальной музыки. *Физиология человека*, 43(6), 15–23. <https://doi.org/10.7868/S0131164617060078>
- Окнина, Л.Б., Шарова, Е.В., Зайцев, О.С., Захарова, Н.Е., Машеров, Е.Л., Щекучев, Г.А., Корниенко, В.Н., Потапов, А.А. (2011). Длиннолатентные компоненты акустического вызванного потенциала (N100, N200 и P300) в прогнозе восстановления сознания у больных с тяжелой черепно-мозговой травмой. *Вопросы нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко*, 75(3), 8–15.
- Окнина, Л.Б., Шарова, Е.В., Зайцев, О.С., Зигмантович, А.С. (2016). Особенности вызванных ответов мозга при прослушивании музыкальных отрывков и имен у пациентов в посттравматических бессознательных состояниях. *Российский электронный журнал лучевой диагностики*, 6(2), 254–255.
- Портнова, Г.В., Гладун, К.В., Шарова, Е.В., Иваницкий, А.М. (2013). Реакция мозга на действие эмоционально значимых стимулов у больных с черепно-мозговой травмой в стадиях угнетения и восстановления сознания. *Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова*, 63(6), 753–765. <https://doi.org/10.7868/S0044467713060142>
- Рейковский, Я. (1979). Экспериментальная психология эмоций. Москва: Прогресс.
- Тхостов, А.Ш. (2002). Психология телесности. Москва: Смысл.
- Фаликман, М.В. (2006). Общая психология: в 7 т. Т. 4. Учебник для студентов высших учебных заведений. Москва: Изд. центр «Академия».
- Фуфаева, Е.В., Семенова, Ж.Б., Ахадов, Т.А., Семенова, Н.А., Петрайкин, А.В., Семенова, Н.Ю., Сидорин, С.В., Ушаков, В.Л. (2012). Применение функциональной магнитнорезонансной томографии в клинической практике у детей с тяжелой черепно-мозговой травмой и гипоксическим повреждением мозга. *Ядерная физика и инжиниринг*, 3(6), 519.
- Хомская, Е.Д. (2005). Нейропсихология. Санкт-Петербург: Питер.
- Черкасова, А.Н., Яцко, К.А., Ковязина, М.С., Варако, Н.А., Кремнева, Е.И., Кротенкова, М.В., Рябинкина, Ю.В., Супонева, Н.А., Пирадов, М.А. (2023). Выявление феномена скрытого сознания у пациентов с хроническими нарушениями сознания: обзор данных фМРТ с парадигмами. *Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова*, 73(3), 291–310. <https://doi.org/10.31857/S0044467723030048>
- Черкасова, А.Н., Яцко, К.А., Ковязина, М.С., Варако, Н.А., Кротенкова, М.В., Кремнева, Е.И., Брутян, А.Г., Рябинкина, Ю.В., Белкин, А.А., Белкин, В.А., Супонева, Н.А. (2021). Разработка парадигм с целью диагностики «скрытого сознания» и

- когнитивно-моторного разобщения у пациентов с хроническими нарушениями сознания. *Физическая и реабилитационная медицина, медицинская реабилитация*, 3(3), 318–321. <https://doi.org/10.36425/rehab72308>
- Шарова, Е.В. (2005). Электрографические корреляты реакций мозга на афферентные стимулы при посткоматозных бессознательных состояниях у больных с тяжелой черепно-мозговой травмой. *Физиология человека*, 31(3), 5–15.
- Barkley, R.A. (2001). The executive functions and self-regulation: an evolutionary neuropsychological perspective. *Neuropsychology Review*, 11(1), 1–29. <https://doi.org/10.1023/a:1009085417776>
- Boltzmann, M., Schmidt, S.B., Gutenbrunner, C., Krauss, J.K., Stangel, M., Höglinger, G.U., Walleesch, C.W., Münte, T.F. (2021). Auditory stimulation modulates resting-state functional connectivity in unresponsive wakefulness syndrome patients. *Frontiers in Neurology*, (15), 554194. <https://doi.org/10.3389/fnins.2021.554194>
- Boly, M., Coleman, M.R., Davis, M.H., Hampshire, A., Bor, D., Moonen, G., Maquet, P.A., Pickard, J.D., Laureys, S., Owen, A.M. (2007). When thoughts become action: an fMRI paradigm to study volitional brain activity in non-communicative brain injured patients. *NeuroImage*, 36(3), 979–992. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2007.02.047>
- Boly, M., Faymonville, M.E., Peigneux, P., Lambermont, B., Damas, F., Luxen, A., Lamy, M., Moonen, G., Maquet, P., Laureys, S. (2005). Cerebral processing of auditory and noxious stimuli in severely brain injured patients: differences between VS and MCS. *Neuropsychological Rehabilitation*, 15(3–4), 283–289. <https://doi.org/10.1080/09602010443000371>
- Boly, M., Faymonville, M.E., Schnakers, C., Peigneux, P., Lambermont, B., Phillips, C., Lancellotti, P., Luxen, A., Lamy, M., Moonen, G., Maquet, P. (2008). Perception of pain in the minimally conscious state with PET activation: an observational study. *The Lancet Neurology*, 7(11), 1013–1020. [https://doi.org/10.1016/S1474-4422\(08\)70219-9](https://doi.org/10.1016/S1474-4422(08)70219-9)
- Boly, M., Laureys, S. (2018). Functional “unlocking” bedside detection of covert awareness after severe brain damage. *Brain*, 141(5), 1239–1241. <https://doi.org/10.1093/brain/awy080>
- Carrière, M., Larroque, S.K., Martial, C., Bahri, M.A., Aubinet, C., Perrin, F., Laureys, S., Heine, L. (2020). An echo of consciousness: brain function during preferred music. *Brain Connectivity*, 10(7), 385–395. <https://doi.org/10.1089/brain.2020.0744>
- Cherry, E.C. (1953). Some experiments on the recognition of speech, with one and with two ears. *Journal of the Acoustical Society of America*, 25(5), 975–979.
- De Luca, C.R., Leventer, R.J. (2010). Developmental trajectories of executive functions across the lifespan. Executive functions and the frontal lobes. New York: Psychology Press.
- Heine, L., Castro, M., Martial, C., Tillmann, B., Laureys, S., Perrin, F. (2015). Exploration of functional connectivity during preferred music stimulation in patients with disorders of consciousness. *Frontiers in Psychology*, (6), 154967. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01704>
- Iazeva, L.G., Legostaeva, L.A., Zimin, A.A., Sergeev, D.V., Domashenko, M.A., Samorukov, V.Yu., Yusupova, D.G., Ryabinkina, J.V., Suponeva, N.A., Piradov, M.A., Bodien, Y.G. (2018). A Russian validation study of the Coma Recovery Scale-Revised (CRS-R). *Brain Injury*, 33(2), 218–225. <https://doi.org/10.1080/02699052.2018.1539248>
- Kassubek, J., Juengling, F.D., Els, T., Spreer, J., Herpers, M., Krause, T., Moser, E., Lücking, C.H. (2003). Activation of a residual cortical network during painful stimulation in long-term postanoxic vegetative state: a $^{15}\text{O}\text{-H}_2\text{O}$ PET study. *Journal of the Neurological Sciences*, 212(1–2), 85–91. [https://doi.org/10.1016/S0022-510X\(03\)00106-0](https://doi.org/10.1016/S0022-510X(03)00106-0)
- Kazazian, K., Norton, L., Laforge, G., Abdalmalak, A., Debicki, D., Lawrence, K.S., Owen, A.M. (2021). Improving diagnosis and prognosis in acute severe brain injury: a multimodal imaging protocol. *Frontiers Neurology*, (12), 757219. <https://doi.org/10.3389/fneur.2021.757219>
- Kondziella, D., Bender, A., Diserens, K., Van Erp, W., Estraneo, A., Formisano, R., Laureys, S., Naccache, L., Ozturk, S., Rohaut, B., Sitt, J.D. (2020). European Academy of Neurology guideline on the diagnosis of coma and other disorders of consciousness. *European Journal of Neurology*, 27(5), 741–756. <https://doi.org/10.1111/ene.14151>
- Kondziella, D., Friberg, C.K., Frokjaer, V.G., Fabricius, M., Møller, K. (2016). Preserved consciousness in vegetative and minimal conscious states: systematic review and meta-analysis. *Journal of Neurology, Neurosurgery & Psychiatry*, 87(5), 485–492. <https://doi.org/10.1136/jnnp-2015-310958>
- Kotchoubey, B., Merz, S., Lang, S., Markl, A., Müller, F., Yu, T., Schwarzbauer, C. (2013). Global functional connectivity reveals highly significant differences between the vegetative and the minimally conscious state. *Journal of Neurology*, (260), 975–983. <https://doi.org/10.1007/s00415-012-6734-9>
- Laureys, S., Faymonville, M.E., Peigneux, P., Damas, P., Lambermont, B., Del Fiore, G., Degueldre, C., Aerts, J., Luxen, A., Franck, G., Lamy, M. (2002). Cortical processing of noxious somatosensory stimuli in the persistent vegetative state. *NeuroImage*, 17(2), 732–741. <https://doi.org/10.1006/nimg.2002.1236>
- Laureys, S., Perrin, F., Brédart, S. (2007). Self-consciousness in non-communicative patients. *Consciousness and Cognition*, 16(3), 722–741. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2007.04.004>
- Monti, M.M., Coleman, M.R., Owen, A.M. (2009). Neuroimaging and the vegetative state: Resolving the behavioral assessment dilemma? *Annals of the New York Academy of Sciences*, (1157), 81–89. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.2008.04121.x>
- Monti, M.M., Vanhaudenhuyse, A., Coleman, M.R., Boly, M., Pickard, J.D., Tshibanda, L., Owen, A.M., Laureys, S. (2010). Willful modulation of brain activity in disorders of consciousness. *The New England Journal of Medicine*, 362(7), 579–589. <https://doi.org/10.1056/NEJMoa0905370>
- Okumura, Y., Asano, Y., Takenaka, S., Fukuyama, S., Yonezawa, S., Kasuya, Y., Shinoda, J. (2014). Brain activation by music in patients in a vegetative or minimally conscious state following diffuse brain injury. *Brain Injury*, 28(7), 944–950. <https://doi.org/10.3109/02699052.2014.888477>
- Owen, A.M., Coleman, M.R., Boly, M., Davis, M.H., Laureys, S., Pickard, J.D. (2006). Detecting awareness in the vegetative state. *Science*, 313(5792), 1402. <https://doi.org/10.1126/science.1130197>
- Owen, A.M., Coleman, M.R., Menon, D.K., Berry, E.L., Johnsrude, I.S., Rodd, J.M., Davis, M.H., Pickard, J.D. (2005). Using a hierarchical approach to investigate residual auditory cognition in persistent vegetative state. *Progress in Brain Research*, (150), 457–608. [https://doi.org/10.1016/S0079-6123\(05\)50032-3](https://doi.org/10.1016/S0079-6123(05)50032-3)
- Schiff, N.D. (2006). Multimodal neuroimaging approaches to disorders of consciousness. *Journal of Head Trauma Rehabilitation*, 21(5), 388–397.
- Schiff, N.D. (2015). Cognitive motor dissociation. Following severe brain injuries. *JAMA Neurology*, 72(12), 1413–1415. <https://doi.org/10.1001/jamaneurol.2015.2899>

Schnakers, C., Bauer, C., Formisano, R., Noé, E., Llorens, R., Lejeune, N., Farisco, M., Teixeira, L., Morrissey, A.M., De Marco, S., Veeramuthu, V. (2022). What names for covert awareness? A systematic review. *Frontiers Human Neuroscience*, (16), 971315. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2022.971315>

Treisman, A.M. (1964). Selective attention in man. *British Medical Bulletin*, 20(1), 12–16.

Yu, T., Lang, S., Vogel, D., Markl, A., Müller, F., Kotchoubey, B. (2013). Patients with unresponsive wakefulness syndrome respond to the pain cries of other people. *Neurology*, 80(4), 345–352. <https://doi.org/10.1001/10.1212/WNL.0b013e31827f0846>

References

Aziatskaya, G.A. (2020). Kliniko-neiropsikhologicheskie aspekty primeneniya tekhnologii “interfeis mozg-komp'yuter s ekzoskeletom kisti” u bol'nykh s postinsul'nym parezom: Diss. kand. med. nauk. (Clinical and neuropsychological aspects of the application of technology “brain-computer interface with hand exoskeleton” in post-stroke patients with paresis: dissertation). Cand. Sci. (Medicine), Moscow. (In Russ.).

Balashova, E.Yu., Kovyazina, M.S. (2013). Neuropsychological diagnostics in questions and answers. Moscow: Genezis. (In Russ.).

Barkley, R.A. (2001). The executive functions and self-regulation: an evolutionary neuropsychological perspective. *Neuropsychology Review*, 11(1), 1–29. <https://doi.org/10.1023/a:1009085417776>

Belkin, V.A. (2021). Fenomen kognitivno-motornogo razobshcheniya u patsientov s khronicheskimi narusheniyami soznaniya: Diss. kand. med. nauk. (The phenomenon of cognitive-motor dissociation in patients with chronic disorders of consciousness: dissertation). Cand. Sci. (Medicine), Moscow. (In Russ.).

Bernshhtejn, N.A. (1947). About the construction of movements. Moscow: Medgiz. (In Russ.).

Boltzmann, M., Schmidt, S.B., Gutenbrunner, C., Krauss, J.K., Stangel, M., Höglinger, G.U., Wallesch, C.W., Münte, T.F. (2021). Auditory stimulation modulates resting-state functional connectivity in unresponsive wakefulness syndrome patients. *Frontiers in Neurology*, (15), 554194. <https://doi.org/10.3389/fnins.2021.554194>

Boly, M., Coleman, M.R., Davis, M.H., Hampshire, A., Bor, D., Moonen, G., Maquet, P.A., Pickard, J.D., Laureys, S., Owen, A.M. (2007). When thoughts become action: an fMRI paradigm to study volitional brain activity in non-communicative brain injured patients. *NeuroImage*, 36(3), 979–992. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2007.02.047>

Boly, M., Faymonville, M.E., Peigneux, P., Lambermont, B., Damas, F., Luxen, A., Lamy, M., Moonen, G., Maquet, P., Laureys, S. (2005). Cerebral processing of auditory and noxious stimuli in severely brain injured patients: differences between VS and MCS. *Neuropsychological Rehabilitation*, 15(3–4), 283–289. <https://doi.org/10.1080/09602010443000371>

Boly, M., Faymonville, M.E., Schnakers, C., Peigneux, P., Lambermont, B., Phillips, C., Lancellotti, P., Luxen, A., Lamy, M., Moonen, G., Maquet, P. (2008). Perception of pain in the minimally conscious state with PET activation: an observational study. *The Lancet Neurology*, 7(11), 1013–1020. [https://doi.org/10.1016/S1474-4422\(08\)70219-9](https://doi.org/10.1016/S1474-4422(08)70219-9)

Boly, M., Laureys, S. (2018). Functional “unlocking” bedside detection of covert awareness after severe brain damage. *Brain*, 141(5), 1239–1241. <https://doi.org/10.1093/brain/awy080>

Bykova, V.I., Lukyanov, V.I., Fufaeva, E.V. (2015). Dialogue with the patient in low consciousness state after severe brain damages. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya (Counseling Psychology and Psychotherapy)*, 23(3), 9–31. <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230302> (In Russ.).

Carrière, M., Larroque, S.K., Martial, C., Bahri, M.A., Aubinet, C., Perrin, F., Laureys, S., Heine, L. (2020). An echo of consciousness: brain function during preferred music. *Brain Connectivity*, 10(7), 385–395. <https://doi.org/10.1089/brain.2020.0744>

Cherkasova, A.N., Yatsko, K.A., Kovyazina, M.S., Varako, N.A., Kremneva, E.I., Krotchenkova, M.V., Ryabinkina, Yu.V., Suponeva, N.A., Piradov, M.A. (2023). Detecting phenomenon of “covert cognition” in patients with chronic disorders of consciousness: a review of fMRI data with paradigms. *Zhurnal Vysshei Nervnoi Deyatel'nosti im. I.P. Pavlova (I.P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity)*, 73(3), 291–310. <https://doi.org/10.31857/S0044467723030048> (In Russ.).

Cherkasova, A.N., Yatsko, K.A., Kovyazina, M.S., Varako, N.A., Krotchenkova, M.V., Kremneva, E.I., Brutyan, A.G., Ryabinkina, Yu.V., Belkin, A.A., Belkin, V.A., Suponeva, N.A. (2021). Development of paradigms for the diagnosis of “covert cognition” and cognitive motor dissociation in patients with chronic disorders of consciousness. *Fizicheskaya i Reabilitatsionnaya Meditsina, Meditsinskaya Reabilitatsiya (Physical and Rehabilitation Medicine, Medical Rehabilitation)*, 3(3), 318–321. <https://doi.org/10.36425/rehab72308> (In Russ.).

Cherry, E.C. (1953). Some experiments on the recognition of speech, with one and with two ears. *Journal of the Acoustical Society of America*, 25(5), 975–979.

De Luca, C.R., Leventer, R.J. (2010). Developmental trajectories of executive functions across the lifespan. Executive functions and the frontal lobes. New York: Psychology Press.

Falikman, M.V. (2006). General psychology: in 7 vols. Vol. 4. Textbook. Moscow: Publishing center “Academy”. (In Russ.).

Fufaeva, E.V., Semenova, Zh.B., Akhadov, T.A., Semenova, N.A., Petryaikin, A.V., Semenova, N.Yu., Sidorin, S.V., Ushakov, V.L. (2012). Application of functional magnetic resonance tomography in clinical practice for children with heavy traumatic brain injury and hypoxic brain damage. *Yadernaya Fizika i Inzhiniring (Physics of Atomic Nuclei)*, 3(6), 519. (In Russ.).

Heine, L., Castro, M., Martial, C., Tillmann, B., Laureys, S., Perrin, F. (2015). Exploration of functional connectivity during preferred music stimulation in patients with disorders of consciousness. *Frontiers in Psychology*, (6), 154967. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01704>

Iazeva, L.G., Legostaeva, L.A., Zimin, A.A., Sergeev, D.V., Domashenko, M.A., Samorukov, V.Yu., Yusupova, D.G., Ryabinkina, J.V., Suponeva, N.A., Piradov, M.A., Bodien, Y.G. (2018). A Russian validation study of the Coma Recovery Scale-Revised (CRS-R). *Brain Injury*, 33(2), 218–225. <https://doi.org/10.1080/02699052.2018.1539248>

Kassubek, J., Juengling, F.D., Els, T., Spreer, J., Herpers, M., Krause, T., Moser, E., Lücking, C.H. (2003). Activation of a residual cortical network during painful stimulation in long-term postanoxic vegetative state: a ¹⁵O-H₂O PET study. *Journal of the Neurological Sciences*, 212(1–2), 85–91. [https://doi.org/10.1016/S0022-510X\(03\)00106-0](https://doi.org/10.1016/S0022-510X(03)00106-0)

Kazazian, K., Norton, L., Laforge, G., Abdalmalak, A., Debicki, D., Lawrence, K.S., Owen, A.M. (2021). Improving diagnosis and prognosis in acute severe brain injury: a multimodal imaging protocol. *Frontiers Neurology*, (12), 757219. <https://doi.org/10.3389/fneur.2021.757219>

- Khomskaya, E.D. (2005). *Neuropsychology*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Kondrat'eva, E.A. (2020). *Strukturno-funktsional'nye, neirogumoral'nye vzaimosvyazi i prognoz pri razlichnykh kliniko-nevrologicheskikh patternakh techeniya khronicheskikh narushenii soznaniya*: Diss. Doct. med. nauk. (Structural-functional and neurohumoral relationships and prognosis in various clinical and neurological patterns of chronic disorders of consciousness). Dr. Sci. (Medicine), St. Petersburg. (In Russ.).
- Kondziella, D., Bender, A., Diserens, K., Van Erp, W., Estraneo, A., Formisano, R., Laureys, S., Naccache, L., Ozturk, S., Rohaut, B., Sitt, J.D. (2020). European Academy of Neurology guideline on the diagnosis of coma and other disorders of consciousness. *European Journal of Neurology*, 27(5), 741–756. <https://doi.org/10.1111/ene.14151>
- Kondziella, D., Friberg, C.K., Frokjaer, V.G., Fabricius, M., Møller, K. (2016). Preserved consciousness in vegetative and minimal conscious states: systematic review and meta-analysis. *Journal of Neurology, Neurosurgery & Psychiatry*, 87(5), 485–492. <https://doi.org/10.1136/jnnp-2015-310958>
- Kotchoubey, B., Merz, S., Lang, S., Markl, A., Müller, F., Yu, T., Schwarzbauer, C. (2013). Global functional connectivity reveals highly significant differences between the vegetative and the minimally conscious state. *Journal of Neurology*, (260), 975–983. <https://doi.org/10.1007/s00415-012-6734-9>
- Kovязина, M.S., Fomina, K.A. (2017). To the question about theoretical substantiation of clinical and psychological approach to rehabilitation of diseased with reduced level of consciousness. *Consilium Medicum*, 19(2.1), 53–55. (In Russ.).
- Laureys, S., Faymonville, M.E., Peigneux, P., Damas, P., Lambermont, B., Del Fiore, G., Degueldre, C., Aerts, J., Luxen, A., Franck, G., Lamy, M. (2002). Cortical processing of noxious somatosensory stimuli in the persistent vegetative state. *NeuroImage*, 17(2), 732–741. <https://doi.org/10.1006/nimg.2002.1236>
- Laureys, S., Perrin, F., Brédart, S. (2007). Self-consciousness in non-communicative patients. *Consciousness and Cognition*, 16(3), 722–741. <https://doi.org/10.1016/j.concog.2007.04.004>
- Leont'ev, A.N. (1975). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Politizdat. (In Russ.).
- Leont'ev, A.N. (2000). *Lectures on general psychology*. Moscow: Smysl. (In Russ.).
- Leont'ev, A.N., Zaporozhets, A.V. (1945). *Movement restoration. Psychophysiological study of the recovery functions of the hands after injury*. Moscow: Soviet science. (In Russ.).
- Luriya, A.R. (1970). *Brain and Mental Processes: in 2 vol. Vol. 2. Neuropsychological Analysis of Conscious Activity*. Moscow: Pedagogy. (In Russ.).
- Luriya, A.R. (2003). *Fundamentals of Neuropsychology*. Moscow: Academy. (In Russ.).
- Luriya, A.R. (2006). *Lectures on general psychology*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Maksakova, O.A., Ignateva, N.S., Zaitsev, O.S. (2016). The role and principles of psychologist's work in the neurosurgical clinic. *Rossiiskii Neurokhirurgicheskii Zhurnal Imeni Professora A.L. Polenova (Russian Neurosurgical Journal named after Professor A.L. Polenov)*, 7(4), 37–44. (In Russ.).
- Mikadze, Yu.V. (2008). *Neuropsychology of childhood*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Monti, M.M., Coleman, M.R., Owen, A.M. (2009). Neuroimaging and the vegetative state: Resolving the behavioral assessment dilemma? *Annals of the New York Academy of Sciences*, (1157), 81–89. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.2008.04121.x>
- Monti, M.M., Vanhaudenhuyse, A., Coleman, M.R., Boly, M., Pickard, J.D., Tshibanda, L., Owen, A.M., Laureys, S. (2010). Willful modulation of brain activity in disorders of consciousness. *The New England Journal of Medicine*, 362(7), 579–589. <https://doi.org/10.1056/NEJMoa0905370>
- Oknina, L.B., Sharova, E.V., Zaitsev, O.S. (2017). Wavelet-synchrony of brain evoked responses during listening to naturalistic stimuli in the prognosis of consciousness recovery (Study 1: wavelet-synchrony during listening to instrumental music. *Fiziologiya Cheloveka (Human Physiology)*, 43(6), 15–23. <https://doi.org/10.7868/S0131164617060078> (In Russ.).
- Oknina, L.B., Sharova, E.V., Zaitsev, O.S., Zakharova, N.E., Masherov, E.L., Shchekut'ev, G.A., Kornienko, V.N., Potapov, A.A. (2011). Long-latency components (N100, N200 and P300) of acoustic evoked potentials in prediction of mental recovery in severe traumatic brain injury. *Voprosy Neurokhirurgii im. N.N. Burdenko (Burdenko's Journal of Neurosurgery)*, 75(3), 8–15. (In Russ.).
- Oknina, L.B., Sharova, E.V., Zaitsev, O.S., Zigmantovich, A.S. (2016). Features of brain evoked responses during listening to musical excerpts and names in patients in post-traumatic unconscious states. *Rossiiskii Elektronnyi Zhurnal Luchevoi Diagnostiki (Russian Electronic Journal of Radiology)*, 6(2), 254–255. (In Russ.).
- Okumura, Y., Asano, Y., Takenaka, S., Fukuyama, S., Yonezawa, S., Kasuya, Y., Shinoda, J. (2014). Brain activation by music in patients in a vegetative or minimally conscious state following diffuse brain injury. *Brain Injury*, 28(7), 944–950. <https://doi.org/10.3109/02699052.2014.888477>
- Owen, A.M., Coleman, M.R., Boly, M., Davis, M.H., Laureys, S., Pickard, J.D. (2006). Detecting awareness in the vegetative state. *Science*, 313(5792), 1402. <https://doi.org/10.1126/science.1130197>
- Owen, A.M., Coleman, M.R., Menon, D.K., Berry, E.L., Johnsrude, I.S., Rodd, J.M., Davis, M.H., Pickard, J.D. (2005). Using a hierarchical approach to investigate residual auditory cognition in persistent vegetative state. *Progress in Brain Research*, (150), 457–608. [https://doi.org/10.1016/S0079-6123\(05\)50032-3](https://doi.org/10.1016/S0079-6123(05)50032-3)
- Portnova, G.V., Gladun, K.V., Sharova, E.V., Ivanitskii, A.M. (2013). Changes of EEG power spectrum in response to the emotional auditory stimuli in patients in acute and recovery stages of TBI. *Zhurnal Vyssei Nervnoi Deyatel'nosti im. I.P. Pavlova (I.P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity)*, 63(6), 753–765. <https://doi.org/10.7868/S0044467713060142> (In Russ.).
- Reikovskii, Ya. (1979). *Experimental psychology of emotions*. Moscow: Progress. (In Russ.).
- Schiff, N.D. (2006). Multimodal neuroimaging approaches to disorders of consciousness. *Journal of Head Trauma Rehabilitation*, 21(5), 388–397.
- Schiff, N.D. (2015). Cognitive motor dissociation. Following severe brain injuries. *JAMA Neurology*, 72(12), 1413–1415. <https://doi.org/10.1001/jamaneurol.2015.2899>
- Schnakers, C., Bauer, C., Formisano, R., Noé, E., Llorens, R., Lejeune, N., Farisco, M., Teixeira, L., Morrissey, A.M., De Marco, S., Veeramuthu, V. (2022). What names for covert awareness? A systematic review. *Frontiers Human Neuroscience*, (16), 971315. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2022.971315>
- Sharova, E.V. (2005). Electrographic correlates of brain reactions to afferent stimuli in postcomatose unawareness states after severe brain-skull injury. *Fiziologiya Cheloveka (Human Physiology)*, 31(3), 5–15.
- Tkhostov, A.Sh. (2002). *Psychology of corporeality*. Moscow: Smysl. (In Russ.).
- Treisman, A.M. (1964). Selective attention in man. *British Medical Bulletin*, 20(1), 12–16.

Vygotsky, L.S. (1960). Development of higher mental functions. Moscow: Publishing house APN RSFSR. (In Russ.).
Vygotsky, L.S. (1982). Collected works: About psychological systems: in 6 vols. Vol. 1. Moscow: Pedagogy. (In Russ.).
Vygotsky, L.S., Luria, A.R. (1993). A Primitive Man and Child Essays in the History of Behavior. Moscow: Pedagogy-Press. (In Russ.).
Yu, T., Lang, S., Vogel, D., Markl, A., Müller, F., Kotchoubey, B. (2013). Patients with unresponsive wakefulness syndrome respond to the pain cries of other people. *Neurology*, 80(4), 345–352. <https://doi.org/10.1001/10.1212/WNL.0b013e31827f0846>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Анастасия Николаевна Черкасова, аспирант кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; младший научный сотрудник Института нейрореабилитации и восстановительных технологий Научного центра неврологии, Москва, Российская Федерация, cherka.sova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7019-474X>

Anastasiia N. Cherkasova, Postgraduate Student, the Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Junior Researcher, Institute of Neurorehabilitation and Recovery Technologies, Research Centre of Neurology, Moscow, Russian Federation, cherka.sova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7019-474X>

Ксения Александровна Яцко, аспирант кафедры многопрофильной клинической подготовки факультета фундаментальной медицины Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; врач-невролог консультативно-диагностического отделения Научного центра неврологии, Москва, Российская Федерация, kseniia.a.ilina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3014-4350>

Kseniia A. Yatsko, Postgraduate Student, the Department of Multidisciplinary Clinical Training, Faculty of Fundamental Medicine, Lomonosov Moscow State University; Neurologist, the Consultative and Diagnostic Department, Research Center of Neurology, Moscow, Russian Federation, kseniia.a.ilina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3014-4350>

Мария Станиславовна Ковязина, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник Института нейрореабилитации и восстановительных технологий Научного центра неврологии; заведующий лабораторией консультативной психологии и психотерапии Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, kms130766@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1795-6645>

Maria S. Kovyazina, Academy of Education Corresponding Member of the Russian, Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor at the Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Institute of Neurorehabilitation and Recovery Technologies, Research Centre of Neurology; Head of the Laboratory of Counseling Psychology and Psychotherapy, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, kms130766@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1795-6645>

Наталья Александровна Варако, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры методологии психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник Института нейрореабилитации и восстановительных технологий Научного центра неврологии; старший научный сотрудник Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, nvarako@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8310-8169>

Natalia A. Varako, Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher, the Department of Methodology of Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher, Institute of Neurorehabilitation and Recovery Technologies, Research Centre for Neurology, Senior Researcher, Federal Scientific Center for Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, nvarako@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8310-8169>

Елена Игоревна Кремнева, кандидат медицинских наук, научный сотрудник Отделения лучевой диагностики Научного центра неврологии, Москва, Российская Федерация, kremneva@neurology.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9396-6063>
Elena I. Kremneva, Cand. Sci. (Medicine), Researcher, the Department of Radiology, Research Centre of Neurology, Moscow, Russian Federation, kremneva@neurology.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9396-6063>

Юлия Валерьевна Рябинкина, доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Отделением анестезиологии-реанимации с палатами реанимации и интенсивной терапии Научного центра неврологии, Москва, Российская Федерация, ryabinkina11@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8576-9983>
Yulia V. Ryabinkina, Dr. Sci. (Medicine), Leading Researcher, Head of the Department of Anesthesiology and Intensive Care, Research Center for Neurology, Moscow, Russian Federation, ryabinkina11@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8576-9983>

Наталья Александровна Супонева, член-корреспондент РАН, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник, директор Института нейрореабилитации и восстановительных технологий Научного центра неврологии, Москва, Российская Федерация, nasu2709@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3956-6362>
Natalia A. Suponeva, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Medicine), Professor, Chief Researcher, Director, Institute of Neurorehabilitation and Recovery Technologies, Research Centre of Neurology, Moscow, Russian Federation, nasu2709@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3956-6362>

Михаил Александрович Пирадов, академик, доктор медицинских наук, профессор, вице-президент РАН, директор Научного центра неврологии, Москва, Российская Федерация, dir@neurology.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6338-0392>
Mikhail A. Piradov, Academician, Dr. Sci. (Medicine), Professor, Vice-President of the Russian Academy of Sciences, Director of the Research Centre of Neurology, Moscow, Russian Federation, dir@neurology.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6338-0392>

Поступила: 28.09.2023; получена после доработки: 23.11.2023; принята в печать: 11.04.2024.
Received: 28.09.2023; revised: 23.11.2023; accepted: 11.04.2024.

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ / CLINICAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0207>
УДК/UDC 159.9.072, 159.9.075

Медиапотребление как фактор обращения молодых женщин в клинику эстетической медицины

С.Е. Мартынов¹✉, Г.А. Арина²

¹Международный институт психосоматического здоровья, Москва, Российская Федерация

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ smart@mipz.ru

Резюме

Актуальность. Медиа среда предлагает не только эталонные образы качества жизни, но и многочисленные способы достижения этого. В настоящее время медиaprостранство рассматривается как существенный фактор психологического здоровья и благополучия, при этом образ тела в максимальной степени подвергается «давлению» медиаидеалов внешности, что создает условия для определенных моделей поведения самотрансформации, в том числе при помощи современных методов эстетической медицины.

Цель. Изучение влияния стереотипа идеальной внешности, транслируемого медиа, на желание и готовность к изменению своей внешности в клинике эстетической медицины.

Выборка. Основную группу составили 144 девушки (M = 22,5; SD = 4,4, от 18 до 30 лет), обратившиеся за медицинской помощью в Институт пластической хирургии и косметологии; контрольную группу — 164 девушки (M = 21,15; SD = 3,8, от 18 до 30 лет), не обращавшиеся в медицинскую сеть с жалобами на неудовлетворенность собственной внешностью.

Методы. Использовались методики, специально разработанные для данного исследования: опросник «Медиа-предпочтения и отношение к внешности» и опросник «Выбор процедур эстетической медицины».

Результаты. Пациентки клиники эстетической медицины характеризуются регулярным потреблением медиа на темы моды и красоты, а также склонны к сравнению и подражанию медиаидеалам внешности. Девушки, уделяющие много времени просмотру медиа на темы моды и красоты, желают уделять этому еще больше времени и отмечают, что медиа влияет на усиление их потребностей, связанных с изменением внешности.

Выводы. Макросоциальное давление, направленное на становление «Я-идеальное», обуславливает склонность молодых женщин к сравнению себя с идеалами внешности и подражанию им, что повышает желание изменить свою внешность. Девушки, ориентированные на длительное потребление медиастереотипов идеальной внешности, проявляют готовность к использованию большего количества и более широкого спектра медицинских вмешательств для коррекции своей внешности, несмотря на их риски и тяжесть.

Ключевые слова: медиапотребление, неудовлетворенность телом, мотивация, средства массовой информации, психология телесности

Для цитирования: Мартынов, С.Е., Арина, Г.А. (2024). Медиапотребление как фактор обращения молодых женщин в клинику эстетической медицины. *Национальный психологический журнал*, 19(2), 81–98. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0207>

Media Consumption as a Factor in Young Women Turning to Clinics of Aesthetic Medicine

Sergey E. Martynov¹✉, Galina A. Arina²

¹ International Institute of Psychosomatic Health, Moscow, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ smart@mipz.ru

Abstract

Background. The media environment offers not only reference images of the quality of life, but also numerous ways to achieve them. Currently, the media space is considered as a significant factor in psychological health and well-being, with body image being subject to the maximum degree of “pressure” from media ideals of appearance. This creates conditions for certain behaviour patterns of self-transformation, including the help of modern methods of aesthetic medicine.

Objectives. The aim is to study the influence of the stereotype of ideal appearance, broadcast by the media, on the desire and readiness to change one’s appearance in an aesthetic medicine clinic.

Methods. Methods specially developed for this study were used: “Media preferences and attitude towards appearance” and “Choice of aesthetic medicine procedures”.

Study Participants. The main group consisted of 144 women (M = 22.5; SD = 4.4, from 18 to 30 years old) who sought medical help at the Institute of Plastic Surgery and Cosmetology; control group involved 164 women (M = 21.15; SD = 3.8, from 18 to 30 years old) who did not contact the medical network with complaints about dissatisfaction with their own appearance.

Results. Patients of the aesthetic medicine clinic are characterized by regular consumption of media on fashion and beauty topics, and are also prone to comparison and imitation of media ideals of appearance. Girls who spend a lot of time watching media on fashion and beauty want to devote even more time to this and note that the media influences the intensification of their needs related to changing their appearance.

Conclusions. Macrosocial pressure to develop an “ideal self” evokes young women to compare themselves to and imitate ideals of appearance, which increases the desire to change their appearance. Women focused on long-term consumption of media stereotypes of ideal appearance show willingness to use more and a wider range of medical interventions to correct their appearance, despite their risks and severity.

Keywords: media consumption, body dissatisfaction, motivation, media, psychology of physicality

For citation: Martynov, S.E., Arina, G.A. (2024). Media Consumption as a Factor in Young Women Turning to Clinics of Aesthetic Medicine. *National Psychological Journal*, 19(2), 81–98. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0207>

Введение

Общество репрезентирует себя посредством медиапространства, которое, являясь частью социальной среды, оказывает определенное влияние на представления каждого человека о мире и о самом себе (Зинченко, 2011). В современном социокультурном контексте стереотип идеальной внешности, культивируемый медиа, широко представлен и оказывает влияние на удовлетворенность своей внешностью, вызывая беспокойство по ее поводу, а внешняя привлекательность подается как необходимое условие успешной жизни (Тихонова, 2015; Мухина, 2018).

Средства массовой информации, включая телевидение и журналы, транслируют нам идеализированные и стандартизированные представления о красоте и внешности, — все это формирует среду социокультурного давления в восприятии своей внешности (Рахманина, Холмогорова, 2020). Медиа внушают, что, только приближаясь к стереотипному идеалу привлекательности, можно достичь успеха и благо-

получия. Это приводит к повышенному вниманию к собственной внешности и усилению социальных сравнений себя с другими людьми в этом аспекте, что в свою очередь формирует высокие требования к своей внешности («физический перфекционизм») (Холмогорова, Рахманина, 2020). Помимо этого, социальные медиа активно продвигают идею о необходимости коррекции внешности при помощи процедур эстетической медицины для совершенствования своего внешнего вида (Ward et al., 2018), а информация об услугах эстетической медицины получает все большее распространение среди медиапотребителей (Тригорьева, 2019; Цветкова, 2020; Voен et al., 2021).

Идеал тела, стереотип идеальной внешности и культурные представления о сексуальности являются неотъемлемой частью содержания информационного потока медиа, связанного с физической привлекательностью (Тхостов, 2002; Польская, Якубовская, 2022). Восприятие этой информации может оказывать преобразующее влияние на динамику индивидуального идеала тела, а также может создавать

установку на коррекцию внешности средствами эстетической медицины из-за постоянного сравнения с идеализированными образами, которые транслирует медиа (Арина и др., 2012; Пермякова, 2022; Möri et al., 2022).

Гипотеза исследования предполагает, что роль стереотипа идеальной внешности, транслируемого медиа, реализуется в форме длительного потребления медиаобразов идеальной внешности, создавая мотивационную готовность к изменению внешности средствами эстетической медицины. Стремление соответствовать стереотипу идеальной внешности, транслируемому медиа, может быть особенно выражено у молодых женщин, склонных к длительному медиапотреблению. Они могут чувствовать, что для достижения счастья и принятия социальным окружением им необходимо изменить свою внешность и соответствовать этим стандартам.

Цель исследования состоит в изучении мотивационно-поведенческого паттерна сравнения себя со стереотипом идеальной внешности, представленным в медиа, который может повышать готовность к изменению своей внешности при помощи средств эстетической медицины.

Методы исследования

Для данного исследования были разработаны две методики: «Медиапредпочтения и отношение к внешности» и «Выбор процедур эстетической медицины». Первая методика состоит из двух частей: опросника исследования предпочтений тем телепередач (АПТ) и опросника исследования предпочтений тем журналов (АПЖ). Цель методики — оценка предпочтений при просмотре медиа и оценка частоты желания изменить свою внешность при медиапотреблении стереотипа идеальной внешности.

Вторая методика, «Выбор процедур эстетической медицины» (ВПЭМ), направлена на выявление предпочтений в выборе процедур эстетической медицины, которые участницы считают желательными и необходимыми для улучшения своей внешности. ВПЭМ фиксирует конкретный выбор процедур, их количество и степень тяжести.

При обработке результатов использовалась программа StatSoft Statistica 7. Применялись методы дескриптивной статистики. Для определения значимости различий — непараметрический коэффициент U Манна — Уитни; выявление факторной структуры проводилось при помощи метода главных компонент (вращение Varimax normalized); проверка надежности опросников осуществлялась по критерию α Кронбаха.

Выборка

В исследовании принимали участие 308 молодых женщин.

Основную (клиническую) группу составили 144 девушки, обратившиеся за медицинской помощью в Институт пластической хирургии и косметологии (ИПХиК) ($M = 22,5$; $SD = 4,4$, от 18 до 30 лет).

Критерии включения в исследование: жалобы на неудовлетворенность собственной внешностью и обращение к дерматологу или пластическому хирургу для получения процедур с целью коррекции внешности. Критерии исключения из исследования: наличие врожденных или приобретенных физических недостатков.

Контрольную группу составили 164 девушки ($M = 21,15$; $SD = 3,8$, от 18 до 30 лет), не обращавшиеся в медицинскую сеть с жалобами на неудовлетворенность собственной внешностью.

Обе группы были уравнены по возрасту, уровню образования и семейному положению.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Апробация исследовательских методик

1.1. «Медиапредпочтения и отношение к внешности»

1.1.1. Структура опросника предпочтений тем телепередач (АПТ)

Обе части методики «Медиапредпочтения и отношение к внешности» были апробированы на репрезентативной выборке в 275 человек.

Экспертами был создан список тем телепередач двух типов. Первый — где медиаобразы идеальной внешности доминируют, второй — где они практически отсутствуют. В качестве экспертов выступали 5 психологов и психотерапевтов (3 женщины и 2 мужчин), имеющие высшее психологическое образование, в чьей практике присутствует работа с девушками, неудовлетворенными собственной внешностью не менее 10 лет. Все эксперты оценили себя как компетентные в данной области.

Экспертами был предложен ряд тем телепередач, оценка которых проводилась по частоте присутствия медиаобразов идеальной внешности в визуальном ряду телепередач по 4-балльной шкале (никогда — 1 балл, иногда — 2 балла, часто — 3 балла, всегда — 4 балла). В конечный текст опросника попали те пункты, экспертные оценки которых получили определенный вес по частоте присутствия медиаобразов идеальной внешности в визуальном ряду телепередач (медиана менее 2 или более 3 баллов). Согласованность экспертных оценок по α Кронбаха составляет 0,87, что говорит об их высокой надежности. Текст опросника приведен в Приложении 1.

Помимо реального времени телепросмотра, оценивалось желаемое время, которое участницы хотели бы уделять каждой из тем телепередач. Исследование желаемого времени было необходимо для того, чтобы оценить, каким темам телепередач участницы хотят уделять больше времени, а каким — меньше, для того

чтобы исследовать мотивационные особенности основной выборки в восприятии стереотипа идеальной внешности.

По ответам на вопрос о среднесуточном времени телепросмотра ответы респондентов расположились от 0 до 660 минут (11 часов) в сутки.

Факторный анализ показателя времени просмотра телепередач определенного тематического направления (методом Principal components) выявил, что возможными являются 5-факторная структура (по критерию Кайзера), а также 3-, 4- и 5-факторные структуры по критерию отсеивания Р. Кетелла.

Было выбрано 3-факторное решение, факторная структура которого поддается содержательной интерпретации и объясняет 54,82% дисперсии данных. Модель с 5-факторной структурой позволяет объяснить большую часть дисперсии данных, однако не может быть использована нами, поскольку в ее факторную структуру попадают факторы, с количеством пунктов менее 3.

По данным исследования выделяются следующие факторы, объединяющие темы телепередач по времени просмотра (вращение Varimax normalized):

Первый — «Мода и красота». Факторные нагрузки приведены в Таблице 1.

Таблица 1
Факторные нагрузки пунктов опросника, вошедших в шкалу «Мода и красота»

Темы телепередач	Факторные нагрузки
Реклама новинок косметики и парфюмерии	0,84
Ток-шоу с участием внешне привлекательных персонажей	0,72
Показы мод, Fashion TV и подобные	0,64
Шоу о жизни богатых и знаменитых	0,58
Рекламные ролики с участием моделей	0,55

Table 1
Factor loadings of questionnaire items included in the “Fashion and Beauty” scale

TV Show Topics	Factor loadings
Advertising of new cosmetics and perfumes	0.84
Talk shows featuring visually attractive characters	0.72
Fashion shows, Fashion TV and similar	0.64
Shows about the lives of the rich and famous	0.58
Commercials featuring models	0.55

Второй — «Прагматизм». Факторные нагрузки приведены в Таблице 2.

Таблица 2
Факторные нагрузки пунктов опросника, вошедших в шкалу «Прагматизм»

Темы телепередач	Факторные нагрузки
Реалити-шоу	0,84
О новинках пластической хирургии	0,79
Ландшафтный дизайн	0,59
Квартирный вопрос	0,56

Table 2
Factor loadings of questionnaire items included in the “Pragmatism” scale

TV Show Topics	Factor loadings
Reality show	0.84
About the latest news in plastic surgery	0.79
Landscape design	0.59
Housing problem	0.56

Третий — «Информация о мире». Факторные нагрузки приведены в Таблице 3.

Таблица 3
Факторные нагрузки пунктов опросника, вошедших в шкалу «Информация о мире»

Темы телепередач	Факторные нагрузки
Научно-популярные фильмы	0,84
О природе, культуре, путешествиях	0,79
Общественно политические новости	0,64
Музыкальные клипы, Муз TV и подобные	0,50
Помогающие моему духовному росту	0,46
Дискуссии на социально-политические темы	0,45
Художественные фильмы	0,41

Table 3
Factor loadings of questionnaire items included in the “Information about the world” scale

TV Show Topics	Factor loadings
Popular science films	0.84
About nature, culture, travel	0.79
Social and political news	0.64
Music videos, Muz TV and similar	0.50
Helping my spiritual growth	0.46
Discussions on socio-political topics	0.45
Art films	0.41

В Таблице 4 приведены значения весов каждого фактора АПТ и процент общей дисперсии.

Таблица 4
Значения весов факторов и процента общей дисперсии по факторам опросника предпочтения тем телепередач

Факторы опросника предпочтения тем телепередач	Вес фактора	% общей дисперсии
Мода и красота	3,841853	24,01
Прагматизм	2,015389	17,60
Информация о мире	1,718652	13,21

Table 4
Values of factor weights and percentage of total variance by factors of the TV show topic preference questionnaire

Factors of the TV show topic preference questionnaire	Factor weight	Total variance %
Fashion and beauty	3.841853	24.01
Pragmatism	2.015389	17.60
World information	1.718652	13.21

Внутренняя валидность

Вычисленные с помощью коэффициента α Кронбаха показатели надежности для шкал АПТ «Мода и красота»; «Прагматизм»; «Информация о мире» равны соответственно 0,73; 0,65 и 0,71. Показатель α Кронбаха для шкалы «Прагматизм», в которой количество утверждений 4, составил 0,65, что допустимо для шкал с небольшим (до 4) количеством пунктов. Коэффициент надежности-согласованности α Кронбаха для АПТ в целом составляет 0,70, что говорит о высокой степени согласованности пунктов опросника. Интерференция пунктов со своей шкалой максимальна по всем шкалам (коэффициент корреляции от 0,79 до 0,91).

Тест-ретестовая валидность

Тестирование АПТ проводилось дважды с интервалом в 2 недели на выборке студенток ($N = 72$; $M = 22,3$; $SD = 2,2$).

Средние значения по шкалам АПТ по первому тестированию: мода и красота ($M = 54,22$; $SD = 118,98$); прагматизм ($M = 72,04$; $SD = 236,20$); информация о мире ($M = 395,28$; $SD = 496,20$). По второму: мода и красота ($M = 51,72$; $SD = 132,81$); прагматизм ($M = 70,29$; $SD = 261,02$); информация о мире ($M = 415,89$; $SD = 519,33$).

Коэффициент корреляции между первым и вторым замерами по всем шкалам АПТ:

«Мода и красота» $R = 0,812$; «Прагматизм» $R = 0,802$; «Информация о мире» $R = 0,791$.

Факторы АПТ имеют высокую тест-ретестовую валидность.

Таким образом, апробация АПТ продемонстрировала достаточные показатели надежности, а также тест-ретестовой валидности.

1.1.2. Структура опросника предпочтений тем журналов (АПЖ)

Экспертами был создан список тем журналов, состоящий из двух типов. Первый — темы, в которых присутствует стереотип идеальной внешности доминирует, второй — темы, где такие медиаобразы отсутствуют. Эксперты оценивали темы журналов по частоте присутствия стереотипа идеальной внешности на фотографиях в журналах по 4-балльной шкале.

В конечный текст опросника попали те пункты, экспертные оценки которых получили определенный вес по частоте присутствия медиаобразов идеальной внешности на фотографиях в журналах (медиана менее 2 или более 3 баллов). Согласованность экспертных оценок по коэффициенту α Кронбаха составляет 0,81, что говорит об их высокой надежности. Текст опросника приведен в Приложении 1.

По ответам на вопрос о среднесуточном времени чтения журналов ответы респондентов расположились от 0 до 300 минут (5 часов) в сутки.

Факторный анализ времени чтения журналов определенного тематического направления (методом Principal components¹) выявил, что возможными являются 6-факторная структура (по критерию Кайзера), а также 2-, 3-факторные структуры по критерию Р. Кетелла. Мы остановились на 3-факторном решении, факторная структура которого поддается содержательной интерпретации и объясняет 48,70% дисперсии данных. Модель с 6-факторной структурой позволяет объяснить большую часть дисперсии данных, однако не может быть использована, поскольку в ее факторную структуру попадают факторы, с количеством пунктов менее 3.

По данным исследования выделяются следующие факторы (вращение Varimax normalized):

Первый — «Мода и красота». Факторные нагрузки приведены в Таблице 5.

Таблица 5
Факторные нагрузки пунктов опросника, вошедших в фактор «Мода и красота»

Темы журналов	Факторные нагрузки
Мода и стиль	0,88
Светские хроники	0,67
Красота и здоровье	0,64
О жизни звезд	0,62

¹ Мы использовали данный метод, поскольку наши методики представляли собой опросники, о согласованности и корреляции пунктов которых мы не могли судить заранее.

Table 5
Factor loadings of questionnaire items included in the “Fashion and Beauty” factor

Magazine Topics	Factor loadings
Fashion & Style	0.88
Gossip Chronicles	0.67
beauty and health	0.64
About the life of stars	0.62

Второй — «Информация о мире». Факторные нагрузки приведены в Таблице 6.

Таблица 6
Факторные нагрузки пунктов опросника, вошедших в фактор «Информация о мире»

Темы телепередач	Факторные нагрузки
Научно-популярные	0,86
Общественно-политические новости	0,84
Искусство фотографии	0,79
Ландшафтный дизайн	0,59

Table 6
Factor loadings of questionnaire items included in the factor “Information about the world”

TV Show Topics	Factor loadings
Popular science	0.86
Socio-political news	0.84
The Art of Photography	0.79
Landscape design	0.59

Третий — «Досуг и увлечения». Факторные нагрузки приведены в Таблице 7.

Таблица 7
Факторные нагрузки пунктов опросника, вошедших в фактор «Досуг и увлечения»

Темы журналов	Факторные нагрузки
Спорт	0,80
Интерьер	0,80
Компьютеры и компьютерные игры	0,74
Семья	0,63
О природе, культуре, путешествиях	0,62
Психология	0,60
Духовно-просветительские	0,46
Афиша развлечений	0,23
Маркетинг, менеджмент, финансы	0,19

Table 7
Factor loadings of questionnaire items included in the factor “Leisure and hobbies”

Magazine Topics	Factor loadings
Sport	0.80
Interior	0.80
Computers and computer games	0.74
Family	0.63
About nature, culture, travel	0.62
Psychology	0.60
Spiritual and educational	0.46
Entertainment	0.23
Marketing, management, finance	0.19

АПЖ описывает 48,70% общей дисперсии. В Таблице 8 приведены значения весов каждого фактора АПЖ и процент общей дисперсии.

Таблица 8
Значения весов факторов и процента общей дисперсии по факторам опросника предпочтения тем журналов

Факторы опросника предпочтения тем журналов	Вес фактора	% общей дисперсии
Мода и красота	4,52	26,61
Информация о мире	2,06	12,13
Досуг и увлечения	1,69	9,96

Table 8
Values of factor weights and percentage of total variance by factors of the magazine topic preference questionnaire

Magazine Topic Preference Questionnaire Factors	Factor weight	Total variance %
Fashion and beauty	4.52	26.61
World information	2.06	12.13
Leisure and hobbies	1.69	9.96

Внутренняя валидность

Факторы АПЖ «Мода и красота»; «Информация о мире»; «Досуг и увлечения» согласованы соответственно 0,83; 0,72; 0,71. Коэффициент надежности-согласованности α Кронбаха в целом, посчитанный на контрольной выборке, составляет 0,76, что говорит о высокой степени согласованности пунктов опросника. Интерференция пунктов со своей шкалой максимальна по всем шкалам (коэффициент корреляции от 0,82 до 0,90).

Тест-ретестовая валидность

Тестирование АПЖ проводилось дважды с интервалом в 2 недели на выборке студенток (N = 72; M = 22,3; SD = 2,2).

Средние значения по шкалам АПТ по первому тестированию: мода и красота ($M = 32,59$; $SD = 56,40$); информация о мире ($M = 20,19$; $SD = 56,77$); досуг и увлечения ($M = 70,44$; $SD = 134,03$). По второму: мода и красота ($M = 30,09$; $SD = 69,17$); информация о мире ($M = 19,34$; $SD = 42,98$); досуг и увлечения ($M = 67,87$; $SD = 120,37$).

Коэффициенты корреляции между первым и вторым замерах по шкалам АПЖ для факторов «Мода и красота», «Информация о мире» и «Досуг и увлечения» равны соответственно 0,820; 0,765 и 0,788.

Приведенные данные показывают, что шкалы АПЖ имеют высокую тест-ретестовую валидность.

Таким образом, апробация АПЖ продемонстрировала достаточные показатели надежности, а также тест-ретестовой валидности.

Для изучения осознаваемого влияния просмотра медиаобразов идеальной внешности на желание изменить свою внешность 275 респондентам было предложено указать частоту возникновения желания изменить свою внешность при сравнении себя с медиаобразами идеальной внешности (Приложение 2).

1.2. Методика «Выбор процедур эстетической медицины» (ВПЭМ)

Методика ВПЭМ была апробирована на выборке из 275 человек.

Экспертами-врачами косметологического профиля был создан список процедур коррекции внешности средствами эстетической медицины, которые, в настоящее время, представлены в медицинских учреждениях г. Москвы. В итоге получился список из 41 процедуры. В качестве экспертов выступали 18 врачей ИПХиК (по 6 врачей из отделений хирургии, дерматологии и дерматокосметологии). Среди экспертов было 10 женщин и 8 мужчин, имеющих высшее медицинское образование и опыт работы в области хирургической коррекции внешности не менее 10 лет. Все эксперты оценили себя как компетентных в данной области.

Была проведена экспертная оценка тяжести процедур для здоровья: было предложено субъективно оценить степень тяжести каждой процедуры по 10-балльной шкале (0 — самая легкая процедура, 10 — самая тяжелая). Далее полученные экспертные оценки тяжести процедур усреднились и на их основании были рассчитаны коэффициенты тяжести процедур. Была выявлена надежность-согласованность оценок экспертов при α Кронбаха 0,88, что говорит о высокой согласованности экспертных оценок.

В результате был создан опросник ВПЭМ (Приложение 3).

При анализе данных суммировали количество выбранных процедур по трем видам: дерматокосметологическим, дерматологическим и хирургическим. Затем, используя коэффициенты тяжести процедур, вычисляли общую тяжесть процедур для каждого вида вмешательства по коррекции внешности, выбранных пациентами. Также были рассчитаны

общее количество выбранных процедур и общий коэффициент тяжести для каждого участника.

В Таблице 9 приведена описательная статистика для ВПЭМ.

Таблица 9
Показатели описательной статистики по выбору процедур эстетической медицины

Факторы опросника выбора процедур эстетической медицины	Количество процедур		Суммарная тяжесть процедур	
	M	SD	M	SD
Дерматокосметология	2,20	1,87	3,64	3,48
Дерматохирургия	0,85	1,17	3,82	5,97
Хирургия	0,70	1,49	4,93	10,35
Всего по процедурам эстетической медицины	3,75	3,30	12,39	15,08

Table 9
Descriptive statistics indicators for the choice of aesthetic medicine procedures

Factors in the Aesthetic Medicine Procedure Selection Questionnaire	Number of procedures		Total severity of procedures	
	M	SD	M	SD
Dermatocosmetology	2.20	1.87	3.64	3.48
Dermatosurgery	0.85	1.17	3.82	5.97
Surgery	0.70	1.49	4.93	10.35
Total for aesthetic medicine procedures	3.75	3.30	12.39	15.08

Внутренняя валидность

Надежность-согласованность шкал ВПЭМ для дерматокосметологии, дерматохирургии и хирургии при α Кронбаха соответственно 0,87; 0,82; 0,79. Коэффициент надежности-согласованности методики ВПЭМ в целом составляет 0,81, что позволяет суммировать показатели шкал в единую характеристику для каждого участника.

Тест-ретестовая валидность

Тестирование ВПЭМ проводилось дважды с интервалом в 2 недели на выборке студенток 4 курса факультета психологии МГППУ ($N = 72$; $M = 22,3$; $SD = 2,2$).

Средние значения по шкалам ВПЭМ по первому тестированию: дерматокосметология ($M = 2,37$; $SD = 1,93$); дерматохирургия ($M = 0,72$; $SD = 1,03$); хирургия ($M = 0,68$; $SD = 1,59$); всего по процедурам эстетической медицины ($M = 3,77$; $SD = 3,39$). По второму: дерматокосметология ($M = 2,19$; $SD = 1,81$); дерматохирургия ($M = 0,89$; $SD = 1,22$); хирургия ($M = 0,74$; $SD = 1,57$); всего по процедурам эстетической медицины ($M = 3,82$; $SD = 3,48$).

Коэффициент корреляции Спирмена между первым и вторым замерами для шкал дерматокосметологии, дерматохирургии и хирургии равен соответственно 0,91 ($p < 0,001$); 0,92 ($p < 0,001$); 0,97 ($p < 0,001$). Всего по процедурам эстетической медицины $r = 0,95$ ($p < 0,001$).

Приведенные данные показывают, что шкалы ВПЭМ имеют высокую тест-ретестовую валидность.

Внешняя валидность методики ВПЭМ может быть показана через сопоставление данных контрольной группы с данными группы девушек, обратившихся в ИПХиК. Из сравнения данных основной и контрольной групп, видно, что первая группа выбирает большее количество процедур медицинской коррекции внешности. Так, по дерматокосметологическим процедурам девушки клинической группы выбирают на 21% больше процедур, по дерматохирургическим процедурам на 70% больше, а в целом по ВПЭМ они выбирают на 20% больше процедур коррекции внешности. Это отличие говорит о том, что девушки основной группы обладают большей мотивационной готовностью подвергнуть коррекции собственную внешность. Эта готовность подтверждается их обращением в ИПХиК за получением процедур коррекции внешности. Можно отметить, что методика ВПЭМ позволяет достоверно определить участников, обратившихся в клинику эстетической медицины.

Таким образом, апробация ВПЭМ продемонстрировала достаточные показатели надежности, тест-ретестовой и внешней валидности. Опросник позволяет с высокой степенью достоверности оценить различия между группой девушек, обратившихся за услугами коррекции внешности и контрольной группой по предпочтениям по количеству и степени тяжести процедур эстетической медицины.

2. Медиапотребление как фактор мотивационной готовности к коррекции внешности

2.1. Особенности журнальных и телевизионных тематических предпочтений пациенток клиники эстетической медицины

Изучение тематических предпочтений и их влияния на отношение к собственной внешности проводилось с помощью методики «Медиапредпочтения и отношение к внешности» в три этапа: 1) исследование общего времени, которое девушки уделяют просмотру телепередач и чтению журналов; 2) исследование тематических предпочтений телепередач и журналов; 3) оценка девушками, как восприятие идеалов внешности влияет на их стремление к изменению собственной внешности. Результаты показали следующее:

- Основная группа согласно самоотчетам уделяет телепросмотру значительно больше времени — 118,41 минут в день, чем контрольная группа — 101,46 минут ($p < 0,05$). Среднесуточное время чтения журналов также значительно больше в основной группе —

43,41 минут в день, чем у контрольной группы — 17,06 минут ($p < 0,001$).

- Молодые женщины из основной группы предпочитают телепередачи на следующие темы: «Показы мод, Fashion TV и подобные» ($p < 0,05$), «Ток-шоу с участием внешне привлекательных персонажей» ($p < 0,05$), «Шоу о жизни богатых и знаменитых» ($p < 0,05$), «Музыкальные клипы, Муз TV и подобные» ($p < 0,05$), визуальный ряд которых насыщен медиаобразами идеальной внешности. В контрольной группе значимо больше просмотров научно-популярных программ ($p < 0,001$).
- В основной группе предпочтение отдается чтению журналов на темы: «Красота и здоровье» ($p < 0,001$), «О жизни звезд» ($p < 0,001$), «Светские хроники» ($p < 0,001$), «Мода и стиль» ($p < 0,05$), а в контрольной группе значимо больше времени уделяется чтению журналов на темы психологии ($p < 0,001$).
- Участницы основной группы, сравнивая собственную внешность с телевизионными ($p < 0,05$) и журнальными ($p < 0,05$) медиаобразами идеальной внешности, чаще отмечают у себя возникновение желания изменить свою внешность.

Таким образом, пациентки клиники эстетической медицины ежедневно находятся в макросоциальных условиях, направленных на становление «Я-идеального», и значимо больше подвержены влиянию восприимчивых медиаобразов идеальной внешности на желание корректировать внешность.

Наличие взаимосвязи телевизионных и журнальных предпочтений участников с частотой возникновения желания изменить свою внешность, при сравнении себя с медиа-образами идеальной внешности, было проверено с помощью корреляционного анализа (Таблица 10).

Таблица 10

Взаимосвязь частоты возникновения желания коррекции внешности при сравнении себя с медиа-образами идеальной внешности с фактором «Мода и красота» (Ф1) по АПТ и АПЖ для контрольной (N = 164) и основной (N = 144) выборок

Желание корректировать внешность при сравнении с медиа-образами	Контрольная		Основная	
	Ф1 АПТ	Ф1 АПЖ	Ф1 АПТ	Ф1 АПЖ
Телевизионные медиа-образы	0,37**	0,29*	0,43***	0,23*
Журнальные медиа-образы	0,27*	0,35**	0,37**	0,54***

Значимые корреляции по коэффициенту Спирмена на уровне $p < 0,05$ помечены*, корреляции на уровне $p < 0,01$ помечены**, на уровне $p < 0,001$ помечены***

У обеих групп значимые взаимосвязи получены для частоты возникновения желания корректировать внешность при сравнении себя с медиаобразами

идеальной внешности, и времени, уделяемого просмотру телепередач и чтению журналов на темы моды и красоты. Вовлеченность девушек в просмотр медиа, насыщенных образами идеальной внешности, является одним из тех факторов, которые определяют желание этих девушек изменить свою внешность.

Table 10

The relationship between the frequency of desire to correct appearance when comparing oneself with media images of ideal appearance with the factor “Fashion and Beauty” (F1) according to the QPT and QPM for the control (N = 164) and main (N = 144) samples

The desire to correct appearance when compared with media images	Control		Main	
	F1 QPT	F1 QPM	F1 QPT	F1 QPM
Television media images	0,37**	0,29*	0,43***	0,23*
Magazine media images	0,27*	0,35**	0,37**	0,54***

Significant correlations by Spearman coefficient at the $p < 0.05$ level are marked*, correlations at the $p < 0.01$ level are marked**, at the $p < 0.001$ level are marked***

2.2. Телевизионные и журнальные тематические предпочтения молодых женщин, уделяющих много времени просмотру телепередач и журналов на темы моды и красоты

Для изучения роли медиа в возникновении желания изменить внешность было проведено разделение респондентов не по критерию принадлежности к основной (клинической) или контрольной группе, а по времени, уделяемому просмотру телепередач и журналов на темы моды и красоты. Для этого была составлена общая группа (308 человек), которая была разделена на 4 квартиля по фактору «Мода и красота» методик АПТ и АПЖ. Для дальнейшего исследования были взяты наиболее различающиеся верхний и нижний квартили.

В группу, уделяющую мало времени просмотру телепередач и чтению журналов на темы моды и красоты (МинМК), вошли 74 женщины (нижний квартиль), а в группу, уделяющую много времени просмотру телепередач и чтению журналов на темы моды и красоты (МаксМК), вошли 72 женщины из основной и контрольной групп (верхний квартиль).

Исследование среднесуточного времени просмотра телепередач на все темы выявило, что группа МаксМК уделяет телепросмотру значительно больше времени — 142,67 минут в день ($SD = 82,72$, $p < 0,001$), чем группа МинМК — 66,34 минут ($SD = 64,48$, $p < 0,001$). Среднесуточное время чтения журналов значительно больше в группе МаксМК — 101,67 минут в день ($SD = 319,22$, $p < 0,001$), чем у девушек группы МинМК — 7,91 минут ($SD = 18,42$, $p < 0,001$).

Телевизионные и журнальные тематические предпочтения отражают, что группа МаксМК, помимо увлечения телепрограммами и журналами, посвященными моде и красоте, много времени уделяет просмотру телепередач, которые объединены в факторы «Прагматизм» ($M = 203,72$; $SD = 264,19$) и «Информация о мире» ($M = 970,30$; $SD = 1445,85$) и чтению журналов на темы «Информация о мире» ($M = 128,16$; $SD = 406,63$) и «Досуг и увлечения» ($M = 211,84$; $SD = 294,68$). Различия значимы на уровне $p < 0,001$.

Мотивированность обращения девушек к медиа интересующего содержания была исследована с помощью вопроса о том, сколько времени они хотели бы уделять просмотру телепередач и журналов на определенные темы. Группа МаксМК значительно больше времени хотела бы уделять просмотру телепередач на 14 из 16 тем (все темы, кроме «квартирный вопрос» и «научно-популярные фильмы», $p < 0,01$), в том числе на те темы, визуальный ряд которых наиболее насыщен медиаобразами стереотипа идеальной внешности. Так же эта группа еженедельно значительно больше времени желает уделять телепросмотру ($p < 0,001$) и значительно больше времени желает уделять чтению журналов на темы: «Красота и здоровье» ($p < 0,001$), «О жизни звезд» ($p < 0,001$), «Светские хроники» ($p < 0,001$), «Мода и стиль» ($p < 0,001$), «Спорт» ($p < 0,05$), «Афиша развлечений» ($p < 0,01$), «Семья» ($p < 0,001$).

2.3. Взаимосвязь мотивационной готовности к прохождению процедур эстетической медицины и особенностей медиапотребления

Анализ мотивационной готовности групп МаксМК и МинМК к прохождению процедур эстетической медицины произведен с помощью межгруппового сравнения количества процедур, выбранных по методике ВПЭМ (Таблица 11).

Таблица 11

Средние показатели количества выбранных процедур по опроснику выбора процедур эстетической медицины для групп МинМК (N = 74) и МаксМК (N = 72)

Шкалы опросника выбора процедур эстетической медицины	МинМК		МаксМК	
	M	SD	M	SD
Дерматокосметология	1,84	1,83	2,91***	1,96
Дерматохирургия	0,82	1,14	1,33*	1,6
Хирургия	0,42	1,03	0,98*	1,93
Всего по процедурам эстетической медицины	3,08	2,78	5,21***	4,26

Значимые различия по критерию Манна — Уитни на уровне $p < 0,05$ помечены*, значимые различия ($p < 0,001$) помечены***

Table 11
 Average indicators of the number of selected procedures according to the questionnaire for choosing aesthetic medicine procedures for the MinFB (N = 74) and MaxFB (N = 72) groups

Scales of the Questionnaire for the Choice of Aesthetic Medicine Procedures	MinFB		MaxFB	
	M	SD	M	SD
Dermatocosmetology	1.84	1.83	2.91***	1.96
Dermatosurgery	0.82	1.14	1.33*	1.6
Surgery	0.42	1.03	0.98*	1.93
Total for aesthetic medicine procedures	3.08	2.78	5.21***	4.26

Significant differences according to the Mann — Whitney test at the $p < 0.05$ level are marked*, significant differences ($p < 0.001$) are marked***

Количество дерматокосметологических, дерматохирургических, хирургических процедур и суммарное количество выбранных процедур трех типов, достоверно выше у группы МаксМК.

Результаты исследования различий групп МаксМК и МинМК по «тяжести» выбранных процедур эстетической медицины приведены в Таблице 12.

Таблица 12
 Средние показатели по степени «тяжести» процедур эстетической медицины для групп МинМК (N = 74) и МаксМК (N = 72)

Шкалы опросника выбора процедур эстетической медицины	МинМК		МаксМК	
	M	SD	M	SD
Дерматокосметология	3,05	2,96	4,46**	4,16
Дерматохирургия	3,24	5,38	6,5*	8,63
Хирургия	2,93	7,34	6,62*	13,01
Всего по процедурам эстетической медицины	9,23	11,18	17,58**	20,32

Значимые различия по критерию Манна — Уитни на уровне $p < 0,05$ помечены*, значимые различия ($p < 0,01$) помечены**

Средняя суммарная «тяжесть» выбранных процедур достоверно выше в группе МаксМК по дерматокосметологическим, дерматохирургическим и хирургическим процедурам, а также по общей тяжести процедур эстетической медицины.

Результаты показывают, что у молодых женщин, которые уделяют много времени просмотру телепередач и чтению журналов на темы моды и красоты, насыщенных медиаобразами, содержащими стереотип идеальной внешности, выявлена высокая мотивация на прохождение большого количества процедур

эстетической медицины и готовность переносить тяжелые последствия этих процедур для здоровья и социальной жизни.

Table 12
 Average indicators for the degree of “severity” of aesthetic medicine procedures for the MinFB (N = 74) and MaxFB (N = 72) groups

Scales of the Questionnaire for the Choice of Aesthetic Medicine Procedures	MinFB		MaxFB	
	M	SD	M	SD
Dermatocosmetology	3.05	2.96	4.46**	4.16
Dermatosurgery	3.24	5.38	6.5*	8.63
Surgery	2.93	7.34	6.62*	13.01
Total for aesthetic medicine procedures	9.23	11.18	17.58**	20.32

Significant differences according to the Mann — Whitney test at the $p < 0.05$ level are marked*, significant differences ($p < 0.01$) are marked**

Обсуждение результатов

Результаты исследования показали, что пациентки клиники эстетической медицины в большей мере подвержены влиянию воспринимаемых из медиа стереотипных образов идеальной внешности, сравнение с которыми приводит к повышению мотивации коррекции внешности. Доказано, что мотивационная основа обращения молодых женщин в клинику эстетической медицины подвержена влиянию стереотипа идеальной внешности, транслируемого медиа, что согласуется с данными других исследований (Тихонова, 2015; Di Gesto et al., 2022; Walker et al., 2021).

Молодые женщины, уделяющие много времени просмотру телепередач и чтению журналов на темы моды и красоты, желают уделять медиа еще больше времени. Они отмечают, что медиа влияет на усиление их потребностей, связанных с улучшением внешности. Таким образом, молодые женщины, которые склонны к просмотру телепередач и чтению журналов на темы моды и красоты сами рефлексируют и декларируют осознание влияния медиа, содержащих стереотип идеальной внешности, на их мотивацию коррекции внешности.

У девушек, которые уделяют много времени темам красоты и моды в медиа, выявлена высокая мотивация на прохождение большого количества процедур эстетической медицины и готовность переносить тяжелые последствия этих процедур для здоровья и социальной жизни. Другие исследования также согласуются с полученными данными (Fardouly et al., 2015; Wang et al., 2022).

Выводы

Мотивационная основа обращения молодых женщин в клинику эстетической медицины подвержена влиянию медиа. Сравнение со стереотипом идеальной внешности, транслируемым медиа, усиливает желание изменить свою внешность.

Для молодых женщин, ориентированных на длительное потребление стереотипов идеальной внешности, характерна готовность использовать более широкий спектр средств эстетической медицины, несмотря на риск для здоровья и тяжесть процедур.

Таким образом, медиаобразы идеальной внешности и социальное давление оказывают значительное влияние на желание женщин корректировать свою внешность и использовать процедуры эстетической медицины для достижения идеала.

Практическое применение

Результаты исследования могут быть использованы в обосновании клиничко-психологических рекомендаций по работе с пациентами клиники эстетической медицины, а также в диагностике и практике психотерапевтической работы с клиентами, имеющими черты медиазависимости.

Список литературы

- Арина, Г.А., Мартынов, С.Е. (2012). Медиапространство как фактор развития образа тела в юношеском возрасте. В: *Личность как предмет классической и неклассической психологии: Материалы XII Международных чтений памяти Л.С. Выготского* (С. 83–89): в 2 т. Т. 2. Москва: Изд-во РГГУ.
- Григорьева, К.В. (2019). Контент-анализ публикаций рубрики «Красота и здоровье» сетевого издания «SAKHADAY». *Форум молодых ученых*, 39(11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-publikatsiy-rubriki-krasota-i-zdorovie-setevogo-izdaniya-sakhaday> (дата обращения: 29.11.2022).
- Зинченко, Ю.П. (2011). Виртуализация реальности: от психологического инструментария к новой субкультуре. Человек как субъект и объект медиапсихологии. Москва: Изд-во Моск. ун-та.
- Мухина, Ю.И. (2018). Исследование взаимосвязи самооценки личности с удовлетворенностью внешним видом. *Гуманизация образования*, (4), 90–96.
- Пермякова, В.А. (2022). Красота как социальный конструкт: управление женским телом посредством пластической хирургии. *Международный научно-исследовательский журнал*, 124(10). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.124.78>
- Польская, Н.А., Якубовская, Д.К. (2022). Идеализация тела в социальных медиа. *Психологический журнал*, 43(2), 128–141. <https://doi.org/10.31857/S020595920018771-4>
- Рахманина, А.А., Холмогорова, А.Б. (2020). Апробация модифицированной методики воспринимаемого социокультурного давления. В: *Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований* (18–19 ноября 2020) (С. 319–321). Москва: Изд-во МГППУ.
- Тихонова, И.Н. (2015). Влияние СМИ на формирование внешнего облика современной девушки. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, (Спецвыпуск, ч. 2), 354–359.
- Тхостов, А.Ш. (2002). Психология телесности. Москва: Смысл.
- Холмогорова, А.Б., Рахманина, А.А. (2020). Трехфакторная шкала физического перфекционизма — новый инструмент диагностики патогенных стандартов внешности в современной культуре. *Консультативная психология и психотерапия*, 28(4), 98–117. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280406>
- Цветкова, А.Б. (2020). Современные тренды предпочтений российских и зарубежных потребителей в эстетической медицине. *Международная торговля и торговая политика*, 21(1), 107–124. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2020-1-107-124>
- Boen, M., Jerdan, K. (2021). Growing impact of social media in aesthetics: Review and debate. *Clinics in Dermatology*, 40(1), 45–48. <https://doi.org/10.1016/j.clindermatol.2021.08.011>
- Di Gesto, C., Nerini, A., Policardo, G.R., Matera, C. (2022). Predictors of acceptance of cosmetic surgery: Instagram images-based activities, appearance comparison and body dissatisfaction among women. *Aesthetic Plastic Surgery*, 46(1), 502–512. <https://doi.org/10.1007/s00266-021-02546-3>
- Fardouly, J., Diedrichs, P.C., Vartanian, L.R., Halliwell, E. (2015). Social comparisons on social media: The impact of Facebook on young women's body image concerns and mood. *Body Image*, (13), 38–45.
- Möri, M., Mongillo, F., Fahr, A. (2022). Images of bodies in mass and social media and body dissatisfaction: The role of internalization and self-discrepancy. *Frontiers in Psychology*, (13), 1009792. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1009792>
- Walker, C.E., Krumhuber, E.G., Dayan, S., Furnham, A. (2021). Effects of social media use on desire for cosmetic surgery among young women. *Current Psychology*, 40(7), 3355–3364. <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00282-1>
- Wang, Y., Fardouly, J., Vartanian, L.R., Wang, X., Lei, L. (2022). Body talk on social networking sites and cosmetic surgery consideration among Chinese young adults: A serial mediation model based on objectification theory. *Psychology of Women Quarterly*, 46(1), 99–110. <https://doi.org/10.1177/03616843211026273>
- Ward, B., Ward, M., Paskhover, B. (2018). Google trends as a resource for informing plasticsurgery marketing decisions. *Aesthetic Plastic Surgery*, 42(2), 598–602. <https://doi.org/10.1007/s00266-017-1019-4>

References

- Arina, G.A., Martynov, S.E. (2012). Media space as a factor in the development of body image in adolescence. In: Personality as a subject of classical and non-classical psychology: Materials of the XII International Readings in Memory of L.S. Vygotsky (pp. 83–89): in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Publishing house RSUH. (In Russ.).
- Boen, M., Jerdan, K. (2021). Growing impact of social media in aesthetics: Review and debate. *Clinics in Dermatology*, 40(1), 45–48. <https://doi.org/10.1016/j.clindermatol.2021.08.011>
- Di Gesto, C., Nerini, A., Policardo, G.R., Matera, C. (2022). Predictors of acceptance of cosmetic surgery: Instagram images-based activities, appearance comparison and body dissatisfaction among women. *Aesthetic Plastic Surgery*, 46(1), 502–512. <https://doi.org/10.1007/s00266-021-02546-3>
- Fardouly, J., Diedrichs, P.C., Vartanian, L.R., Halliwell, E. (2015). Social comparisons on social media: The impact of Facebook on young women's body image concerns and mood. *Body Image*, (13), 38–45.
- Grigorieva, K.V. (2019). Content analysis of publications in the “Beauty and Health” section of the online publication “SAKHADAY”. *Forum Molodykh Uchenykh (Young Scientists Forum)*, 39(11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-publikatsiy-rubriki-krasota-i-zdorovie-setevogo-izdaniya-sakhaday> (access date: 29.11.2022). (In Russ.).
- Kholmogorova, A.B., Rakhmanina, A.A. (2020). The three-factor scale of physical perfectionism is a new tool for diagnosing pathogenic standards of appearance in modern culture. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya (Counseling Psychology and Psychotherapy)*, 28(4), 98–117. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280406> (In Russ.).
- Möri, M., Mongillo, F., Fahr, A. (2022). Images of bodies in mass and social media and body dissatisfaction: The role of internalization and self-discrepancy. *Frontiers in Psychology*, (13), 1009792. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1009792>
- Mukhina, Yu.I. (2018). Study of the relationship between personal self-esteem and satisfaction with appearance. *Gumanizatsiya Obrazovaniya (Humanization of Education)*, (4), 90–96. (In Russ.).
- Permyakova, V.A. (2022). Beauty as a social construct: managing the female body through plastic surgery. *Mezhdunarodnyi Nauchno-issledovatel'skii Zhurnal (International Journal of Scientific Research)*, 124(10). (In Russ.).
- Polskaya, N.A., Yakubovskaya, D.K. (2022). Body idealization in social media. *Psikhologicheskii Zhurnal (Journal of Psychology)*, 43(2), 128–141. <https://doi.org/10.31857/S020595920018771-4> (In Russ.).
- Rakhmanina, A.A., Kholmogorova, A.B. (2020). Testing of a modified method of perceived sociocultural pressure. In: Zeigarnikov readings. Diagnostics and psychological assistance in modern clinical psychology: the problem of scientific and ethical foundations (November 18–19, 2020) (pp. 319–321). Moscow: Publishing house MSUPE. (In Russ.).
- Tikhonova, I.N. (2015). The influence of the media on the formation of the appearance of a modern girl. *Lichnost' v Menyayushchemsya Mire: Zdorov'e, Adaptatsiya, Razvitie (Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development)*, (Special issue, part 2), 354–359. (In Russ.).
- Tkhostov, A.Sh. (2002). Psychology of physicality. Moscow: Smysl. (In Russ.).
- Tsvetkova, A.B. (2020). Current trends in preferences of Russian and foreign consumers in aesthetic medicine. *Mezhdunarodnaya Torgovlya i Torgovaya Politika (International Trade and Trade Policy)*, 21(1), 107–124. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2020-1-107-124> (In Russ.).
- Walker, C.E., Krumhuber, E.G., Dayan, S., Furnham, A. (2021). Effects of social media use on desire for cosmetic surgery among young women. *Current Psychology*, 40(7), 3355–3364. <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00282-1>
- Wang, Y., Fardouly, J., Vartanian, L.R., Wang, X., Lei, L. (2022). Body talk on social networking sites and cosmetic surgery consideration among Chinese young adults: A serial mediation model based on objectification theory. *Psychology of Women Quarterly*, 46(1), 99–110. <https://doi.org/10.1177/03616843211026273>
- Ward, B., Ward, M., Paskhover, B. (2018). Google trends as a resource for informing plasticsurgery marketing decisions. *Aesthetic Plastic Surgery*, 42(2), 598–602. <https://doi.org/10.1007/s00266-017-1019-4>
- Zinchenko, Yu.P. (2011). Virtualization of reality: from psychological tools to a new subculture. Man as a subject and object of media psychology. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Сергей Егорович Мартынов, медицинский психолог, руководитель экспертного совета Международного института психосоматического здоровья, Москва, Российская Федерация, smart@mipz.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8443-6521>

Sergey E. Martynov, Medical Psychologist, Head of the Expert Council of the International Institute of Psychosomatic Health, Moscow, Russian Federation, smart@mipz.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8443-6521>

Галина Александровна Арина, старший преподаватель кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, g.a.arina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1321-9354>

Galina A. Arina, Senior Lecturer at the Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, g.a.arina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1321-9354>

Поступила: 14.12.2023; получена после доработки: 19.02.2024; принята в печать: 24.05.2024.

Received: 14.12.2023; revised: 19.02.2024; accepted: 24.05.2024.

Приложение 1

Медиапредпочтения и отношение к внешности

Сколько времени в сутки в среднем вы уделяете просмотру телевидения / чтению журналов (в часах/мин)?
Смотрите ли Вы следующие передачи / Читаете ли Вы следующие журналы?
Вспомните прошедшую неделю, или неделю, которая соответствует обычному режиму вашей жизни, и рассчитайте, сколько минут/часов именно в одну неделю(!) Вы уделяете просмотру этих передач/журналов. Рассчитайте, сколько времени Вы хотели бы им уделять. В столбце «Хотели бы уделять» отметьте время и для тех передач/журналов, которые Вы не смотрите / не читаете, а хотели бы. Пожалуйста, заполните все пункты.

Опросник предпочтений тем телепередач

Передачи	Уделяете сейчас (часы/мин)	Хотели бы уделять (часы/мин)
Общественно-политические новости		
Художественные фильмы		
Показы мод, Fashion TV и подобные		
О природе, культуре, путешествиях...		
Реалити-шоу		
Ток-шоу		
Ландшафтный дизайн		
Шоу о жизни богатых и знаменитых		
Дискуссии на социально-политические темы		
Квартирный вопрос		
Муз TV и подобные		

- Реклама новинок косметики и парфюмерии
- Рекламные ролики с участием моделей
- О новинках пластической хирургии
- Помогающие моему духовному росту
- Научно-популярные фильмы
- Свой вариант —

Опросник предпочтений тем журналов

Журналы	Уделяете сейчас (часы/мин)	Хотели бы уделять (часы/мин)
Общественно-политические		
Искусство фотографии		
Красота и здоровье		
О природе, культуре, путешествиях		
Психология		
О жизни звёзд		
Ландшафтный дизайн		
Светские хроники		
Спорт		
Интерьер		
Маркетинг, менеджмент, финансы		
Афиша развлечений		
Мода и стиль		
Компьютеры и компьютерные игры		
Семья		
Духовно-просветительские		
Научно-популярные		
Свой вариант —		

Приложение 2

Медиапредпочтения и отношение к внешности

Опросник частоты возникновения желания изменить свою внешность

Когда Вы смотрите телепередачи, в которых вы видите девушек с идеальной внешностью, как часто у Вас возникает желание исправить свое тело или лицо:

- _____ всегда
- _____ часто
- _____ иногда
- _____ никогда

Что именно Вы хотите изменить в своей внешности? _____

Когда Вы просматриваете гляцевые журналы, в которых Вы видите девушек с идеальной внешностью, как часто у Вас возникает желание исправить свое тело или лицо:

- _____ всегда
- _____ часто
- _____ иногда
- _____ никогда

Что именно Вы хотите изменить в своей внешности? _____

Приложение 3

Выбор процедур эстетической медицины

Выберите, пожалуйста, косметологические, дерматологические и хирургические процедуры, сделав которые, Вы будете более удовлетворены своей внешностью (отметьте галочкой в столбце справа)

№	Процедуры эстетической медицины	V
1	Чистка лица лечебная	
2	Чистка груди	
3	Чистка спины	
4	Массаж кожи лица жидким азотом (улучшает кровообращение кожи)	
5	Массаж кожи груди жидким азотом	
6	Массаж кожи спины жидким азотом	
7	Мезотерапия (внутрикожные инъекции) при морщинах лица, для профилактики или лечения проблемной кожи	
8	Мезотерапия (внутрикожные инъекции) области тела при морщинах, для профилактики или лечения проблем кожи	
9	Медикаментозный пилинг лица	
10	Отбеливание кожи лица	
11	Коррекция рубцов после угрей в области лица методом дермабразии (механической шлифовки кожи)	
12	Коррекция старческой атрофии кожи в области лица методом дермабразии (механической шлифовки кожи)	
13	Коррекция старческой атрофии кожи в области тела методом дермабразии (механической шлифовки кожи)	
14	Удаление расширенных сосудов кожи в области лица и тела прижиганием	
15	Удаление расширенных сосудов кожи нижних конечностей (инъекции склерозирующими препаратами)	
16	Удаление бородавки, папилломы, кисты и пр. прижиганием жидким азотом или электроприжиганием	
17	Татуаж бровей	
18	Татуаж ресничного края верхних век	
19	Татуаж ресничного края нижних век	
20	Татуаж контура красной каймы губ	
21	Татуаж губ полностью, включая контур	
22	Заполнение морщин лица препаратами «Перлайн», «Рестилайн» и др.	
23	Заполнение морщин губ препаратами «Перлайн», «Рестилайн» и др.	
24	Наполнение губ гелем или аутожиром	
25	Коррекция носогубных складок гелем или аутожиром	
26	Контурная пластика аутожиром скуловой области области подбородка или щек	
27	Разглаживание морщин с помощью препарата «Ботокс» или «Диспорт»	
28	Липосакция (удаление локального отложения жира) в области подбородка	
29	Липосакция надъягодичной области	
30	Липосакция поясничной области, области талии	
31	Липосакция внутренней поверхности бедра	
32	Липосакция наружной поверхности бедра	
33	Липосакция внутренней поверхности колена	
34	Липосакция области живота	
35	Липосакция в области спины	

36	Хирургическая коррекция (подтяжка) кожи лица и шеи
37	Хирургическая коррекция (подтяжка) кожи лица и шеи с расположением швов в элементах ушных раковин
38	Хирургическая коррекция кожи височной области
39	Хирургическая коррекция кожи щек и шеи
40	Хирургическая коррекция тканей верхних век
41	Хирургическая коррекция тканей нижних век

Appendix 1

Media preferences and attitudes towards appearance

1. How much time per day on average do you spend watching television / reading magazines (in hours/min)?
2. Do you watch the following programmes / Do you read the following magazines?

Remember the past week, or a week that corresponds to the usual routine of your life, and calculate how many minutes/hours in one week(!) you devote to watching these programmes/magazines. Calculate how much time you would like to devote to them. In the “Would you like to devote” column, mark the time for those programmes/magazines that you do not watch/read, but would like to. Please fill out all fields.

TV show topic preference questionnaire

Shows	Spending now (hours/min)	Would like to spend (hours/min)
Social and political news		
Art films		
Fashion shows, Fashion TV and similar		
About nature, culture, travel...		
Reality show		
Talk show		
Landscape design		
Show about the lives of the rich and famous		
Discussions on socio-political topics		
Housing problem		
Muz TV and similar		
Advertising of new cosmetics and perfumes		
Commercials featuring models		
About the latest in plastic surgery		
Helping my spiritual growth		
Popular science films		
Your option —		

Magazine Topic Preferences Questionnaire

Magazines	Spending now (hours/min)	Would like to spend (hours/min)
Socio-political		
The Art of Photography		
beauty and health		
About nature, culture, travel		

Psychology
About the life of stars
Landscape design
Gossip Chronicles
Sport
Interior
Marketing, management, finance
Entertainment poster
Fashion & Style
Computers and computer games
Family
Spiritual and educational
Popular science
Your own option —

Appendix 2

Media preferences and attitudes towards appearance

Frequency of desire to change your appearance questionnaire

When you watch TV shows in which you see girls with ideal appearance, how often do you have the desire to improve your body or face:

_____ always
_____ often
_____ sometimes
_____ never

What exactly do you want to change in your appearance? _____

When you look through glossy magazines in which you see girls with ideal appearance, how often do you have the desire to improve your body or face:

_____ always
_____ often
_____ sometimes
_____ never

What exactly do you want to change in your appearance? _____

Appendix 3

Selection of aesthetic medicine procedures

Please select the cosmetic, dermatological and surgical procedures that will make you more satisfied with your appearance (check the box in the column on the right)

№	Aesthetic medicine procedures	V
1	Therapeutic facial cleansing	
2	Breast cleaning	

-
- 3 Back cleaning
 - 4 Facial skin massage with liquid nitrogen (improves skin blood circulation)
 - 5 Breast skin massage with liquid nitrogen
 - 6 Back massage with liquid nitrogen
 - 7 Mesotherapy (intra dermal injections) for facial wrinkles, for the prevention or treatment of problem skin
 - 8 Mesotherapy (intra dermal injections) of body areas for wrinkles, for the prevention or treatment of skin problems
 - 9 Medicinal facial peeling
 - 10 Facial skin whitening
 - 11 Correction of acne scars in the facial area using dermabrasion (mechanical skin resurfacing)
 - 12 Correction of senile skin atrophy in the facial area using dermabrasion (mechanical skin resurfacing)
 - 13 Correction of senile skin atrophy in the body area using dermabrasion (mechanical skin resurfacing)
 - 14 Removal of dilated skin vessels in the face and body by cauterization
 - 15 Removal of dilated skin vessels of the lower extremities (injections with sclerosing agents)
 - 16 Removal of warts, papillomas, cysts, etc. by cauterization with liquid nitrogen or electric cauterization
 - 17 Eyebrow tattoo
 - 18 Tattooing of the ciliary edge of the upper eyelids
 - 19 Tattooing of the ciliary edge of the lower eyelids
 - 20 Tattooing the contour of the red border of the lips
 - 21 Full lip tattoo, including contour
 - 22 Filling facial wrinkles with Perlane, Restylane, etc.
 - 23 Filling lip wrinkles with Perlane, Restylane, etc.
 - 24 Filling lips with gel or autofat
 - 25 Correction of nasolabial folds with gel or autofat
 - 26 Contour plastic surgery using autologous fat in the zygomatic region, chin or cheeks
 - 27 Smoothing wrinkles with Botox or Dysport
 - 28 Liposuction (removal of local fat deposits) in the chin area
 - 29 Liposuction of the supragluteal region
 - 30 Liposuction of the lumbar region, waist area
 - 31 Liposuction of the inner thigh
 - 32 Liposuction of the outer thigh
 - 33 Liposuction of the inner knee
 - 34 Liposuction of the abdominal area
 - 35 Liposuction in the back area
 - 36 Surgical correction (lifting) of the skin of the face and neck
 - 37 Surgical correction (lifting) of the skin of the face and neck with sutures placed in the elements of the ears
 - 38 Surgical correction of the skin of the temporal region
 - 39 Surgical correction of the skin of the cheeks and neck
 - 40 Surgical correction of upper eyelid tissues
 - 41 Surgical correction of lower eyelid tissues
-

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ / CLINICAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0208>
УДК/UDC 159.9.01

Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в работах З. Фрейда и А. Адлера с точки зрения интегративного подхода

С.А. Капустин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 skapustin@mail.ru

Резюме

Актуальность. В настоящее время существует множество различных теорий психотерапии, которые объединяет общее положение о том, что важнейшими предпосылками проблем клиентов психотерапии являются особенности их личности, из которого следует основная цель психотерапевтической практики, заключающаяся в том, чтобы помочь клиентам устранить эти предпосылки. Однако, в них отсутствует единое, общее понимание того, в чем состоят эти предпосылки и цель психотерапии. В более ранней статье (Капустин, 2014а) в результате анализа работ Э. Фромма были сформулированы три базовых теоретических положения, составляющих основу предложенного нами интегративного подхода к пониманию личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии и ее цели, который позволяет с единой, общей позиции рассмотреть различные точки зрения по этим вопросам, содержащихся во всемирно известных теориях психотерапии З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла. Первое из них характеризует объективное свойство человеческой жизни, присущее самой ее природе, второе — типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии, третье — цель психотерапии. Однако в этой статье не были представлены какие-либо обоснования заявленных возможностей интегративного подхода.

Цель. Провести анализ представлений о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели, содержащихся в работах З. Фрейда и А. Адлера с позиций интегративного подхода, продемонстрировав на материале этих двух разных теорий его заявленные возможности.

Результаты. Показано, что теоретические представления этих авторов о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели можно рассматривать как частный вариант трех более общих базовых положений интегративного подхода.

Выводы. Представления З. Фрейда и А. Адлера о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели, несмотря на явные теоретические различия, тем не менее, допускают возможность их рассмотрения с единой, общей позиции, задаваемой тремя базовыми положениями интегративного подхода. Тем самым, интегративный подход на материале двух психотерапевтических теорий получает определенное теоретическое обоснование его заявленных возможностей.

Ключевые слова: психотерапия, интегративный подход, природа человека, экзистенциальные дихотомии, ценностная позиция

Для цитирования: Капустин, С.А. (2024). Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в работах З. Фрейда и А. Адлера с точки зрения интегративного подхода. *Национальный психологический журнал*, 19(2), 99–108. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0208>

Typical Personal Prerequisites for the Problems of Clients in psychotherapy and its Purpose in the Works of S. Freud and A. Adler from the Perspective of an Integrative Approach

Sergey A. Kapustin ✉

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ skapustin@mail.ru

Abstract

Background. Currently, there are many different theories of psychotherapy, which are united by the general position that the most important prerequisites for the problems of psychotherapy clients are their personality traits, from which the main goal of psychotherapeutic practice follows, which is to help clients eliminate these preconditions. However, they lack a single, common understanding of what these premises and the goal of psychotherapy are. In an earlier article (Kapustin, 2014a), as a result of the analysis of E. Fromm's works, three basic theoretical provisions were formulated that constitute the basis proposed by ourselves integrative approach to understanding the personal prerequisites of the problems of clients in psychotherapy and its purpose. This allows us to consider the different points of view on these issues contained in world-famous theories of psychotherapy by S. Freud, A. Adler, C. Jung, C. Rogers and V. Frankl from a unified, common position. The first of them characterizes the objective property of human life inherent in its very nature, the second is the typical personal prerequisites for the problems of clients of psychotherapy, the third is the purpose of psychotherapy. However, this article did not provide any justification for the stated capabilities of the integrative approach.

Objectives. The goal is to analyze the theoretical ideas of the typical personal prerequisites of the problems of clients in psychotherapy and its purpose contained in the works of S. Freud and A. Adler from the position of an integrative approach, demonstrating its stated capabilities on the basis of these two different theories.

Results. It is shown that the theoretical ideas of these authors about the typical personal prerequisites of the problems of clients in psychotherapy and its purpose can be considered as a special variant of three more general basic provisions of the integrative approach.

Conclusions. Ideas of S. Freud and A. Adler about the typical personal prerequisites for the problems of clients of psychotherapy and its purpose, despite obvious theoretical differences, nevertheless allow for the possibility of considering them from a unified, common position set by the three basic provisions of the integrative approach. Thus, an integrative approach on the basis of these two psychotherapeutic theories gets a certain theoretical justification for its stated capabilities.

Keywords: psychotherapy, integrative approach, human nature, existential dichotomies, value position of personality

For citation: Kapustin, S.A. (2024). Typical Personal Prerequisites for the Problems of Clients in psychotherapy and its Purpose in the Works of S. Freud and A. Adler from the Perspective of an Integrative Approach. *National Psychological Journal*, 19(2), 99–108. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0208>

Введение

В более ранней публикации (Капустин, 2024) на основе работ Э. Фромма (1990а, 1990б, 1993), в которых изложены основные идеи его психотерапевтической теории гуманистического психоанализа, были сформулированы три базовых теоретических положения, составляющих основу интегративного подхода к пониманию личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии и ее цели, который, по нашему мнению, позволяет с единой, общей позиции рассмотреть различные точки зрения по этим вопросам, содержащиеся во всемирно известных и, вместе с тем, отличающихся друг от друга теориях психотерапии З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Род-

жерса и В. Франкла. Первое из них характеризует объективное свойство человеческой жизни, присущее самой ее природе, второе — типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и третье — цель психотерапии. Суть этих положений состоит в следующем.

1. Одной из характеристик природы человека являются экзистенциальные дихотомии — объективно существующие в его жизни неискоренимые двухальтернативные противоречия между разными ее сторонами, которые предстают перед ним как проблемы, требующие разрешения.

2. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии характеризуются, во-первых, особенностями содержания их ценностной позиции

по отношению к экзистенциальным дихотомиям, и, во-вторых, особенностями ее формирования. По содержанию эта позиция не соответствует противоречивой заданности человеческой жизни в виде экзистенциальных дихотомий, признавая важным и значимым реализацию только каких-то одних ее противоречивых сторон и препятствуя реализации других, тем самым направляя клиентов на непротиворечивый, безальтернативный и, следовательно, односторонний способ жизни. Особенность формирования такой односторонней ценностной позиции заключается в том, что она возникает у клиентов на иррациональной основе, а именно, — помимо их собственного сознательного и разумного участия под влиянием внешних факторов или испытываемых ими побуждений и чувств.

3. Цель психотерапии заключается в изменении ценностной позиции личности клиентов и по содержанию, и по формированию. По содержанию она должна соответствовать объективной заданности человеческой жизни в виде экзистенциальных дихотомий, признавая важным и значимым необходимость реализации в жизни клиентов обеих ее противоречивых сторон и, следовательно, направляя их на поиск компромиссного разрешения этих экзистенциальных противоречий. Особенность формирования такой позиции характеризуется тем, что она вырабатывается клиентами самостоятельно и на рациональной основе, опираясь на собственный опыт и разум. Более конкретно, она вырабатывается на основе осознания клиентами в процессе психотерапии на собственном опыте, что именно особенности их личности способствовали возникновению у них проблем. Осознание этого факта приводит клиентов к пониманию, что решение этих проблем предполагает необходимость самостоятельного изменения непродуктивной односторонней ценностной позиции их личности на более продуктивную компромиссную.

Однако в этой статье не были представлены какие-либо обоснования заявленных возможностей интегративного подхода.

Цель настоящего исследования — провести анализ теоретических представлений о личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели, содержащихся в работах З. Фрейда и А. Адлера с позиций интегративного подхода, продемонстрировав на материале этих двух разных психотерапевтических теорий его заявленные возможности.

Результаты анализа работ З. Фрейда

Анализ работ З. Фрейда (1989а, 1989б, 1991, 2022), в которых изложены основные идеи психоаналитической терапии, следует начать с изложения его известных теоретических представлений о строении личности. Как считает З. Фрейд, личность человека состоит из трех основных структурных областей, или

инстанций, которые он обозначил терминами *Сверх-Я*, *Оно* и *Я*.

Инстанция *Сверх-Я* представляет собой систему моральных и эстетических ценностей, которыми человек руководствуется в своей жизни. Инстанцией *Оно* З. Фрейд обозначает врожденные человеку влечения, свойственные ему как биологическому существу. Среди множества врожденных биологических влечений он особо выделил сексуальное влечение как имеющее самое непосредственное отношение к личностным предпосылкам проблем клиентов психоанализа. Инстанция *Я* обращена к внешнему миру и находится с ним в непосредственном контакте. В ней представлено, прежде всего, рациональное, разумное начало в человеке. Ведущими психическими способностями *Я* являются восприятие и сознание. *Я* выполняет в жизни человека, по крайней мере, две основные функции: познавательную и регулирующую. Познавательная функция *Я* состоит в том, что человек, благодаря способностям к восприятию и сознанию, может формировать у себя представление об окружающем мире, адекватное его объективным свойствам, регулирующая — в приспособлении требований влечений *Оно* и морально-эстетических требований *Сверх-Я* к реальным условиям его жизни в этом мире.

Важнейшей характеристикой личности человека является наличие мотивационного конфликта между противоречивыми требованиями *Сверх-Я* и *Оно*, то есть конфликта между, с одной стороны, требованиями врожденных, прежде всего, инфантильных сексуальных влечений к их удовлетворению и получению от этого удовольствия, а с другой стороны, моральными и эстетическими ограничениями на объекты этих влечений и способы их удовлетворения, которые накладывает на них общество. З. Фрейд придает важное значение этому конфликту, поскольку считает, что человеческое общество и человек как его неотъемлемый представитель могут существовать только в том случае, если люди смогут в какой-то степени ограничить и обуздать требования своих биологических влечений, подчинив их требованиям общества, во имя его сохранения. Как он пишет: «К числу своих самых важных задач воспитания общество должно отнести укрощение, ограничение, подчинение сексуального влечения, когда оно внезапно появляется в виде стремления к продолжению рода, индивидуальной воле, идентичной социальному требованию. Общество заинтересовано также в том, чтобы отодвинуть его полное развитие до тех пор, пока ребенок не достигнет определенной ступени интеллектуальной зрелости, потому что с полным прорывом сексуального влечения практически приходит конец влиянию воспитания. В противном случае влечение прорвало бы все преграды и смело бы возведенное с таким трудом здание культуры. А его укрощение никогда не будет легким, оно удастся то слишком плохо, то слишком хорошо» (Фрейд, 1989а, с. 198).

В настоящей работе мы будем рассматривать конфликт между *Сверх-Я* и *Оно* как частный случай более общего конфликта между социальным и биологическим началами в человеке. Как известно, человек одновременно является и биологическим организмом, которому свойственны различные врожденные формы проявления его биологической природы, и существом социальным, т.е. членом общества, в котором его психика и поведение регулируется сознательно устанавливаемыми самими же людьми определенными общественными нормами и правилами. Врожденные формы проявления биологической природы человека, к которым относятся, прежде всего, естественные проявления его биологических влечений, эмоций и темперамента, особенно явно наблюдаются у детей младенческого возраста и возраста раннего детства. Хорошо известно, что, если младенец голоден, то он не будет терпеть это состояние, а начнет кричать, непроизвольно и неосознанно, выражая это свое состояние, если он радуется или испытывает недовольство, то его эмоции так же непосредственно будут проявляться в его поведении. Точно так же для младенца не существует никаких ограничений для естественных форм проявлений его врожденного темперамента. Когда же ребенок вырастет, то его поведение существенно изменится. В результате присвоения им общественных норм и правил, он научится подчинять естественные проявления своей биологической природы этим нормам и правилам, т.е. социальные требования наложат своего рода ограничения на эти естественные формы проявлений биологической природы человека, не позволяя им реализовываться в полной мере и порождая, тем самым, конфликт между ними. По нашему мнению, сексуальные влечения, рассматриваемые в таком более широком контексте, это всего лишь один из аспектов биологической природы человека, на материале которого З. Фрейд впервые показал, во-первых, возможность существования конфликта между социальным и биологическим началами в человеке, а во-вторых, негативные последствия неадекватного разрешения этого конфликта для его психического здоровья.

С нашей точки зрения, в работах З. Фрейда специфика личности клиентов психоанализа характеризуется, по меньшей мере, тремя главными ее особенностями: 1) степенью напряженности конфликта между объективно существующими противоречивыми моральными и эстетическими требованиями *Сверх-Я* и требованиями инфантильных сексуальных влечений *Оно*, 2) содержанием ценностной позиции инстанции *Я* по отношению к этому конфликту, 3) формированием этой позиции.

Прежде всего, личности клиентов свойственна высокая степень напряженности конфликта между *Сверх-Я* и *Оно*, которая определяется, с одной стороны, силой врожденных сексуальных влечений человека, зависящей, как считает З. Фрейд, от особенностей его сексуальной конституции, а с другой —

строгостью моральных и эстетических ограничений, которые накладывает *Сверх-Я* на объекты и способы удовлетворения инфантильных сексуальных влечений.

Ценностная позиция инстанции *Я* состоит в том, что *Я* сознательно признает для себя более ценными требования *Сверх-Я*, которыми следует руководствоваться в своей жизни, поэтому объективный конфликт между *Сверх-Я* и *Оно* субъективно разрешается для *Я* односторонне — в пользу *Сверх-Я* и в ущерб требованиям *Оно*. Такой способ разрешения конфликта между *Сверх-Я* и *Оно* З. Фрейд назвал вытеснением, в результате которого этот конфликт становится неосознаваемым, но, будучи объективным, он продолжает существовать независимо от сознательной позиции *Я* в другой структурной области психики — в области бессознательного.

Эта односторонняя ценностная позиция *Я* формируется у человека в раннем детстве при активном участии других людей, прежде всего, — его родителей, которые, как члены общества, могут быть заинтересованы в формировании у своего ребенка в большей степени просоциальной ценностной позиции. Поскольку, как считает, З. Фрейд, в период раннего детства ребенок находится в очень сильной физической и психологической зависимости от родителей, а его *Я* еще недостаточно развито для принятия самостоятельных и разумных решений, родители, пользуясь своей властью и зависимостью от них ребенка, побуждают его к присвоению своих моральных и эстетических идеалов, опираясь на поощрение или наказание, в результате чего эта односторонняя ценностная позиция *Я* присваивается ребенком в большей степени иррационально, без его собственного сознательного и разумного участия.

Указанные личностные особенности рассматриваются З. Фрейдом в качестве типичных внутренних предпосылок проблем клиентов психоанализа, среди которых преобладают неврозы. Однако, для возникновения неврозов внутренних предпосылок недостаточно, необходимы также и определенные внешние условия, которые обозначаются З. Фрейдом как условия вынужденного отказа, в которых у человека нет никаких возможностей для реального удовлетворения его сексуальных влечений. В этих условиях к внутренним препятствиям на пути реализации инфантильных сексуальных влечений, которые создаются указанными особенностями личности клиентов, добавляются также внешние препятствия, в результате чего энергия сексуальных влечений, обозначаемая термином «либидо», оказывается зажатой и стесненной со всех сторон так, что у человека нет никаких возможностей для ее разрядки. Эта накопленная и не расходуемая энергия либидо и является, по мнению З. Фрейда, основным источником формирования невротических симптомов.

Из такого понимания З. Фрейдом типичных личностных особенностей клиентов психоанализа, способствующих возникновению у них проблем, прежде

всего, — неврозов, следует основная цель психоаналитической терапии, заключающаяся в том, чтобы целенаправленно их изменить.

Для этого психоаналитик, прежде всего, должен помочь клиентам осознать вытесненный когда-то в раннем детстве конфликт между *Сверх-Я* и инфантильными влечениями *Оно*. Осознание данного конфликта является первостепенным изменением в их личности, на основе которого только и возможно устранение предпосылок невротических симптомов и, как следствие, — самих симптомов: «Мы, должно быть, приносим пользу тем, что заменяем бессознательное сознательным, переводя бессознательное в сознательное. Действительно, так оно и есть. Приближая бессознательное к сознательному, мы уничтожаем вытеснение, устраняем условия для образования симптомов, превращаем патогенный конфликт в нормальный, который каким-то образом должен найти разрешение. Мы вызываем у больного не что иное, как одно это психическое изменение: насколько оно достигнуто, настолько оказана помощь» (Фрейд, 1989а, с. 278). При этом З. Фрейд особо подчеркивает, что в существовании этого патогенного конфликта клиенты должны убедиться на собственном опыте: «Итак, что мы должны делать, чтобы заменить бессознательное у нашего пациента сознательным? Когда-то мы полагали, что это очень просто, нам нужно только угадать это бессознательное и подсказать его больному. Но теперь мы знаем, что это было недалеким заблуждением. Наше знание о бессознательном неравноценно знанию о нем больного; если мы сообщим ему наше знание, то он будет обладать им не вместо своего бессознательного, а наряду с ним, и это очень мало что меняет. Мы должны представить себе это бессознательное скорее топически, найти его в воспоминаниях больного там, где оно возникло благодаря вытеснению» (Фрейд, 1989а, с. 278).

Осознание конфликта между *Сверх-Я* и *Оно* дает клиентам возможность пересмотреть свое отношение к нему, опираясь теперь уже на рациональные основания, прежде всего, на осознание ими самими на собственном опыте того факта, что именно прежний односторонний способ разрешения этого конфликта привел к неврозу, и обусловленное этим осознанием понимание, что излечение от невроза с необходимостью предполагает нахождение лучшего способа его разрешения. Как пишет по этому поводу Э. Фрейд, психоаналитику удается «вновь оживить старый конфликт вытеснения, подвергнув пересмотру завершившийся тогда процесс. В качестве нового материала мы прибавляем, во-первых, предупреждение, что прежнее решение привело к болезни и обещание, что другое решение откроет путь к выздоровлению, во-вторых, грандиозное изменение всех обстоятельств со времени того первого вытеснения. Тогда Я было слабым, инфантильным и, может быть, имело основание запретить требование либидо как опасное. Теперь оно окрепло и приобрело опыт, а кроме того, имеет помощника в лице врача. Так что мы можем надеять-

ся, что приведем обновленный конфликт к лучшему исходу» (Фрейд, 1979а, с. 280). А поскольку конфликт между *Сверх-Я* и *Оно* является объективным и неискоренимым, то под лучшим исходом его разрешения З. Фрейд понимает изменение прежней односторонней ценностной позиции Я по отношению к этому конфликту на более компромиссную, что снижает степень его напряженности, благодаря разумному смягчению взаимных требований этих инстанций друг к другу. З. Фрейду приходится специально разъяснять эту важную особенность изменения ценностной позиции Я, так как у многих оппонентов психоанализа сложилось неверное представление о том, что психоанализ выступает радикально против любых моральных ограничений сексуальных влечений человека и призывает к безудержному их удовлетворению во имя достижения психического здоровья: «Но, уважаемые дамы и господа, кто вас так неправильно информировал? Не может быть и речи о том, чтобы совет дать волю своей сексуальности мог сыграть какую-то роль в аналитической терапии. Уже потому это не так, что мы сами объявили, что у больного имеется упорный конфликт между либидозным побуждением и сексуальным вытеснением, между чувственной и аскетической направленностями. Этот конфликт не устраняется с помощью того, что одной из направленностей помогают одержать победу над противоположной. Мы видим, что у нервнобольного аскетизм одержал верх. Следствием этого является как раз то, что подавленное сексуальное стремление находит себе выход в симптомах. Если бы мы теперь, наоборот, добились победы чувственности, то отодвинутое в сторону сексуальное вытеснение должно было бы найти себе замещение в симптомах. Ни одно из обоих решений не может уничтожить внутренний конфликт, всякий раз какая-либо одна сторона оставалась бы неудовлетворенной» (Фрейд, 1989а, с. 276). В другом месте, рассуждая о задачах воспитания, З. Фрейд пишет, что и в этой области следует искать компромиссное решение между предоставлением человеку возможностей естественного проявления его врожденных сексуальных влечений и ограничениями общества на предметы и способы их удовлетворения: «воспитание должно искать свой путь между Сциллой предоставления полной свободы действий и Харибдой запрета... Речь идет о том, чтобы решить, сколько можно запрещать, в какое время и какими средствами» (Фрейд, 1989а, с. 394).

Наконец, еще одним важным изменением в личности клиентов психоанализа является то, что эта их новая сознательная, рационально обоснованная и компромиссная ценностная позиция Я является результатом самоопределения. Как считает З. Фрейд, психоаналитик может помочь клиентам только осознать находящийся в их бессознательном мотивационный конфликт между *Сверх-Я* и *Оно* и обратить внимание на связь произошедшего когда-то в их детстве одностороннего иррационального разрешения этого конфликта с возникновением невроза,

но не разрешить этот конфликт. Окончательное его разрешение должен осуществить сам клиент, выбрав тот компромиссный вариант, который он считает для себя наиболее приемлемым. З. Фрейд специально делает акцент на этом важном положении психоаналитической терапии: «Вы неверно осведомлены, если предполагаете, что советы и руководство в житейских делах являются составной частью аналитического воздействия. Напротив, мы по возможности избегаем такой менторской роли и больше всего желаем, чтобы больной самостоятельно принимал свои решения... если они, став самостоятельными после завершения лечения, решаются по собственному разумению занять какую-то среднюю позицию между полным наслаждением жизнью и обязательным аскетизмом, мы не чувствуем угрызений совести ни за один из этих выходов. Мы говорим себе, что тот, кто с успехом выработал истинное отношение к самому себе, навсегда защищен от опасности стать безнравственным, если даже его критерий нравственности каким-то образом и отличается от принятого в обществе» (Фрейд, 1989а, с. 277).

Таким образом, проводя анализ работ З. Фрейда со ссылками на тексты, в которых содержатся его теоретические представления о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психоаналитической терапии и ее цели, мы стремились показать, что их можно рассматривать как частный вариант трех более общих базовых положений интегративного подхода:

1. Как следует из работ Э. Фрейда, важнейшим положением теории личности в психоанализе является указание на присущее человеку двухальтернативное противоречие в виде мотивационного конфликта между инстанциями его личности *Сверх-Я* и *Оно*, суть которого заключается в следующем: с одной стороны, человек, будучи биологическим существом, должен жить в соответствии со своей биологической природой, подчиняясь требованиям врожденных сексуальных влечений к их удовлетворению и получению от этого удовольствия, а с другой стороны, как член общества, он должен жить в соответствии со своей социальной природой, подчиняясь моральным и эстетическим требованиям, предъявляемым обществом к объектам этих влечений и способам их удовлетворения. Это противоречие является объективным и неискоренимым, поскольку человек по своей природе является одновременно и биологическим, и социальным существом. Указанные особенности данного противоречия позволяют квалифицировать его с точки зрения Э. Фромма как экзистенциальную дихотомию и обозначить дихотомией *Сверх-Я* — *Оно*, или более широко — дихотомией социального—биологического.

2. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психоанализа, среди которых преобладают неврозы, можно охарактеризовать с точки зрения интегративного подхода теми же самыми, особенностями содержания и формирования цен-

ностной позиции их личности, но по отношению к конкретному виду экзистенциальной дихотомии социального—биологического, а в терминологии З. Фрейда — особенностями содержания и формирования ценностных позиций их *Я* по отношению к противоречивым требованиям *Сверх-Я* и *Оно*. По содержанию ценностная позиция *Я* по отношению к этим требованиям является односторонней, в соответствии с которой *Я* признает более важным и значимым реализацию в своей жизни социальных требований *Сверх-Я*, одновременно препятствуя удовлетворению инфантильных сексуальных влечений *Оно*. Особенность формирования этой односторонней позиции *Я* заключается в том, что она возникает у клиентов в раннем возрасте на иррациональной основе, а именно, — помимо их собственного сознательного и разумного участия под влиянием других людей, главным образом, их родителей, когда они в этот период находятся в сильной физической и психологической зависимости от них, а их *Я* еще недостаточно развито для принятия самостоятельных и разумных решений.

3. Цель психотерапии в психоанализе согласуется с точкой зрения интегративного подхода. Она заключается, в изменении содержания односторонней ценностной позиции личности клиентов на более компромиссную, которая в большей степени соответствует экзистенциальной дихотомии социального—биологического, а в терминологии З. Фрейда — в изменении содержания односторонней ценностной позиции их инстанции *Я* на более компромиссную по отношению к противоречивым требованиям *Сверх-Я* и *Оно*. З. Фрейд считает, что эта компромиссная ценностная позиция *Я* должна вырабатываться клиентами самостоятельно и на рациональной основе, опираясь на собственный опыт и разум, а именно, — на основе осознания ими в процессе психотерапии на собственном опыте произошедшего когда-то в их детстве одностороннего иррационального разрешения конфликта между *Сверх-Я* и *Оно*, способствовавшего возникновению у них невроза, из которого следует понимание клиентами того, что их излечение предполагает необходимость самостоятельного изменения односторонней ценностной позиции их *Я* на более компромиссную.

Результаты анализа работ А. Адлера

Самым базовым теоретическим положением, на котором строится созданное А. Адлером направление индивидуальной психологии (1993, 1997а, 1997б, 1997в), является положение о том, что природе человеческой жизни присуща телеологичность, т.е. целевая направленность: «Индивидуальная психология как наука развивалась из настойчивого стремления постичь таинственную творческую силу жизни... Эта сила телеологическая, она проявляется в устремленности к цели, в которой все телесные и душевные

движения производятся во взаимодействии... Наш интерес к психологии развился из медицинской практики, которая обеспечила телеологический (ориентированный на цель) подход, необходимый для понимания психологических фактов» (Адлер, 1997а, с. 26–27).

Развивая это общее положение и при этом основываясь на фактах, полученных в результате анализа случаев из собственной психотерапевтической практики, А. Адлер приходит к выводу, что каждому человеку свойственны два базовых, ведущих мотива, которые задают направленность его жизни, независимо от того, осознает он это или нет.

Одним из них является мотив достижения превосходства по сравнению с другими людьми, конкретное содержание которого может быть очень разным, например, достичь превосходства в богатстве, власти, силе, красоте, известности, славе, образованности и др. Данный мотив возникает в ранние годы жизни человека как компенсаторная реакция на неизбежное чувство неполноценности, которое он испытывает в этот период. Неизбежность этого чувства обусловлена, по мнению А. Адлера, тем, что ребенок объективно является менее совершенным существом, по сравнению с окружающими его взрослыми людьми: он более беспомощный, физически более слабый, обладает меньшим запасом знаний, умений и навыков, крайне зависим от взрослых, и поэтому, невольно сравнивая себя с ними, ребенок не может не испытывать чувства неполноценности.

Часто в своих работах А. Адлер характеризует стремление к достижению превосходства по сравнению с другими людьми как стремление к фиктивной цели, подчеркивая тем самым, что данная цель не имеет никакого отношения к подлинному предназначению человека. Она является всего лишь компенсаторной реакцией на чувство неполноценности, возникшее у него в раннем детстве. А если эта цель фиктивная, то посвящать свою жизнь целиком и полностью ее достижению не имеет для человека никакого смысла. Но тем не менее, как считает А. Адлер, все люди осознанно или неосознанно все-таки стремятся к ее достижению.

Второй мотив, являющийся врожденным, А. Адлер обозначает как чувство общности. Подобно врожденному стадному чувству животных, данное чувство также побуждает людей к совместной жизни. Этот второй мотив уже не является фиктивным, поскольку он побуждает человека к реализации своего предназначения — жить вместе с другими людьми. При этом следует специально подчеркнуть, что А. Адлер ни в коем случае не рассматривает человека как исключительно биологическое существо. Напротив, он считает, что человек по своей природе является также и существом социальным — нормально жить и развиваться он может только в обществе, будучи включенным в общественные отношения и сотрудничая с другими людьми. Наличие у людей врожденного чувства общности всего лишь подчеркивает тот факт,

что общественная жизнь людей также соответствует и их биологической природе.

Как считает А. Адлер, эти два базовых, ведущих мотива, задающих направленность жизни каждого человека, находятся в отношении конфликта, поскольку их требования объективно противоречат друг другу. Это противоречие особенно заметно у его клиентов психотерапии. Свойственная им ярко выраженная направленность на достижение превосходства способствует развитию у них таких качеств личности, которые разъединяют людей, препятствуя реализации в их жизни чувства общности. Как пишет А. Адлер: «Если человек носит в себе идеал превосходства, что особенно наблюдается у невротиков, то тогда столь же часто должны обнаруживаться действия, направленные на подчинение, принижение и дискредитацию других. Такие черты характера, как нетерпимость, несговорчивость, зависть, злорадство, самомнение, хвастливость, подозрительность, жадность, — короче, все диспозиции, соответствующие состоянию борьбы, должны проявиться в значительно более высокой степени, чем это требует, например, инстинкт самосохранения и повелевает чувство общности» (Адлер, 1993, с. 14). Напротив, преобладание чувства общности способствует развитию у человека противоположных личностных качеств, направленных на его сотрудничество и совместную деятельность с другими людьми во благо интересов общества, что ослабляет действенность мотива достижения превосходства.

Вызываемые этими двумя мотивами побуждения реализуются в жизни людей разными способами. Эти способы являются для каждого человека достаточно устойчивыми и, вместе с тем, индивидуально-своеобразными, поскольку они формируются под влиянием различных особенностей условий его жизни: социального окружения, воспитания, быта, проблем, с которыми он сталкивается, и др. А. Адлер обозначает этот устойчивый и индивидуально-своеобразный способ реализации человеком в его жизни обоих побуждений термином «индивидуальный жизненный стиль». Как показывает его опыт психотерапевтической работы, индивидуальный жизненный стиль складывается у людей в раннем детстве, примерно к пяти годам, и в дальнейшем его изменить очень трудно.

С понятием индивидуального жизненного стиля у А. Адлера тесно связано понятие характера. Его можно определить как совокупность устойчивых качеств личности человека, в которых внешне проявляется и посредством которых осуществляется его индивидуальный жизненный стиль. В этом определении содержится указание на двоякого рода связь характера с индивидуальным жизненным стилем. Во-первых, по особенностям характера можно судить о специфике индивидуального жизненного стиля человека. Во-вторых, характер — это средство осуществления индивидуального жизненного стиля, и в этом состоит его основная функция.

С нашей точки зрения, основываясь на работах А. Адлера, специфику личности клиентов психотерапии можно охарактеризовать двумя главными ее особенностями: 1) содержанием ценностной позиции по отношению к объективно существующим двум противоречивым побуждениям, задаваемыми мотивом достижения превосходства и чувством общности, 2) формированием этой позиции.

По содержанию ценностная позиция личности клиентов психотерапии является односторонней. Для них наиболее важным и значимым является стремление к достижению превосходства по сравнению с другими людьми, которое настолько ярко выражено, что практически полностью препятствует возможности проявления в их жизни чувства общности. Они стремятся добиться в жизни определенных преимуществ, прежде всего, для себя лично, при этом другие люди рассматриваются как конкуренты или как средство достижения этих преимуществ. Человек с такой позицией находится в состоянии постоянной борьбы и конфронтации с обществом, он не может и не хочет сотрудничать с другими людьми, вступать с ними в близкие отношения, подчиняться требованиям общества, заниматься общественно полезной деятельностью, создавать семью, воспитывать детей.

По мнению А. Адлера эта односторонняя ценностная позиция возникает у его клиентов уже в раннем детстве в качестве компенсаторной реакции на завышенное чувство неполноценности, которое они испытывали в гораздо большей степени, чем это обычно бывает у большинства людей в детском возрасте.

А. Адлер выделяет два основных фактора, которые, как правило, способствуют усилению чувства неполноценности. Первый фактор — наличие органического дефекта, заключающегося в недоразвитии какого-либо телесного органа, физиологических функций, способностей и т.п. Второй фактор — условия воспитания. Наиболее часто чрезмерное чувство неполноценности возникает у детей, воспитывающихся в атмосфере изнеженности, избалованности или, напротив, в атмосфере эмоционального отвержения и насилия.

Такая односторонняя позиция в ряде случаев действительно может способствовать каким-то реальным личным достижениям людей: совершению научных открытий, созданию произведений искусства, развитию профессионального мастерства, достижению власти и т.п. Однако гораздо чаще она, по мнению А. Адлера, приводит к негативным последствиям: самоубийствам, совершению преступлений, неврозам и другим психическим заболеваниям.

Наиболее обстоятельно А. Адлером была изучена и показана связь этой личностной особенности с возникновением неврозов. С его точки зрения, невротические симптомы следует рассматривать как черты характера, которые сформировались у человека под влиянием завышенного стремления к конкретной цели достижения превосходства в качестве целесо-

образных средств реализации его индивидуального жизненного стиля. Тем самым, невротические симптомы, как и любые другие черты характера человека, изначально по своей природе функциональны и, следовательно, имеют смысл в контексте направленности его жизни.

Эти смыслы достаточно разнообразны. В работах А. Адлера можно найти описание, по меньшей мере, четырех наиболее часто встречаемых смыслов симптомов в жизни невротика.

Во-первых, невротические симптомы, будучи объективным свидетельством болезни человека, т.е. его определенной неполноценности, могут служить средством для его уклонения от выполнения различных обязанностей перед обществом, самим собой и близкими людьми. Во-вторых, они могут служить невротика в качестве средства самооправдания при возможных неудачах в цели достижения превосходства, что, в свою очередь, способствует компенсации чувства неполноценности без каких-либо реальных достижений. В-третьих, они способствуют повышению субъективной значимости собственных достижений каких-либо целей, поскольку эти цели были достигнуты вопреки болезни. И наконец, в-четвертых, симптомы зачастую служат невротика в качестве средств борьбы, прежде всего, с близкими людьми за достижение над ними определенного превосходства, выражающегося, например, в привлечении к себе большего внимания, получении больших привилегий, приобретении большей власти над окружающими и др.

Из такого понимания А. Адлером типичных личностных особенностей клиентов психотерапии, способствующих возникновению у них проблем, прежде всего, — неврозов, следует основная цель терапии, заключающаяся в том, чтобы целенаправленно их изменить.

Это изменение заключается в осознанном и рационально обоснованном пересмотре клиентами своей односторонней ценностной позиции на более компромиссную, который предполагает снижение значимости в их жизни стремления к достижению превосходства и, одновременно, понимание ценности и необходимости развития у себя чувства общности, а так же собственной ответственности за его развитие. Как пишет А. Адлер, целью этого пересмотра, который, по его мнению, имеет значение не только для восстановления психического здоровья клиентов психотерапии, но и в более широком смысле — для решения задач воспитания и надлежащей организации общественной жизни в целом, является «усиление чувства реальности, ответственность и замена скрытой враждебности взаимной доброжелательностью, чего, однако, можно добиться лишь через сознательное развитие чувства общности и сознательное разрушение стремления к власти» (Адлер, 1993, с. 19).

Самым важным фактором, побуждающим клиентов к такому изменению, является осознание ими

в процессе психотерапии своего индивидуального жизненного стиля как способа реализации их односторонней ценностной позиции, и его связи с возникновением невроза. При этом А. Адлер специально подчеркивает, что терапевт может помочь клиентам только осознать этот факт, из которого следует понимание необходимости изменения для избавления от невроза своего индивидуального жизненного стиля и односторонней ценностной позиции, но окончательное решение об этом изменении должны принимать только сами клиенты: *«Окончательные изменения в сущности пациента могут быть осуществлены только им самим.* Самым лучшим я считаю демонстративно сложить при этом на животе руки в твердой уверенности — и это я мог бы здесь даже произнести вслух — что как только он осознал свою жизненную линию, ничего больше от меня не узнает, чего бы он сам, как страдающий недугом, не знал лучше меня» (Адлер, 1993, с. 48).

Таким образом, проводя анализ работ А. Адлера со ссылками на тексты, в которых содержатся его теоретические представления о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психоаналитической терапии и ее цели, мы стремились показать, что их можно рассматривать как частный вариант трех более общих базовых положений интегративного подхода.

1. Одним из базовых положений индивидуальной психологии А. Адлера является положение о существовании в жизни каждого человека двухальтернативного противоречия между двумя ведущими мотивами, задающими ее направленность: мотивом достижения превосходства по сравнению с другими людьми и чувством общности. Это противоречие заключается в следующем: направленность на достижение превосходства предполагает конфронтацию и борьбу с другими людьми за получение для себя определенных преимуществ и игнорирование общественных интересов в целом, а чувство общности, напротив, побуждает человека к совместной жизни, которая предполагает сотрудничество с другими людьми и их совместную деятельность во благо интересов общества. Данное противоречие является объективным и неискоренимым, поскольку чувство общности является врожденным, а стремление к достижению превосходства неизбежно возникает у всех людей в раннем детстве как компенсаторная реакция на испытываемое ими в этот период чувство неполноценности. Исходя из указанных особенностей это противоречие можно рассматривать как экзистенциальную дихотомию в том смысле, в каком определяет ее Э. Фромм, и обозначить дихотомией превосходства—общности.

2. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии в индивидуальной психологии, среди которых преобладают неврозы, можно охарактеризовать с точки зрения интегративного подхода теми же самыми особенностями содержания и формирования ценностной позиции их личности по отношению к конкретному виду экзистенциальной дихотомии превосходства—общности. По содержанию она является односторонней, поскольку ориентирует их на важность и значимость достижения превосходства по сравнению с другими людьми, одновременно препятствуя реализации в их жизни чувства общности. Эта односторонняя ценностная позиция возникает у клиентов в раннем возрасте на иррациональной основе, а именно, — помимо их собственного сознательного и разумного участия под влиянием завышенного чувства неполноценности.

3. Цель психотерапии в индивидуальной психологии согласуется с точкой зрения интегративного подхода. Она заключается в изменении содержания односторонней ценностной позиции личности клиентов на более компромиссную, признающую важность и значимость в их жизни не только достижения превосходства, но и проявления чувства общности, что в большей степени соответствует экзистенциальной дихотомии превосходства—общности. Эта компромиссная ценностная позиция должна вырабатываться при активном участии самих клиентов на рациональной основе, опираясь на собственный опыт и разум, а именно, — на основе осознания ими в процессе психотерапии на собственном опыте своего индивидуального жизненного стиля как способа реализации односторонней ценностной позиции, способствовавшего возникновению у них невроза, из которого следует понимание клиентами того, что их излечение предполагает необходимость самостоятельного изменения их собственной односторонней ценностной позиции на более компромиссную.

Выводы

На основе проведенного анализа работ З. Фрейда и А. Адлера показано, что представления этих авторов о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели, несмотря на явные теоретические различия, тем не менее допускают возможность их рассмотрения с единой, общей позиции, задаваемой тремя базовыми положениями интегративного подхода. Тем самым интегративный подход на материале двух психотерапевтических теорий этих авторов получает определенное теоретическое обоснование его заявленных возможностей.

Список литературы

- Адлер, А. (1993). Практика и теория индивидуальной психологии. Москва: Прагма.
 Адлер, А. (1997а). Наука жить. Киев: Port-Royal.
 Адлер, А. (1997б). О нервическом характере. Санкт-Петербург: Университетская книга; Москва: АСТ.
 Адлер, А. (1997в). Понять природу человека. Санкт-Петербург: Академический проект.
 Капустин, С.А. (2024). Методологическое значение работ Э. Фромма для разработки интегративного подхода к пониманию личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии и ее цели. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 47(2). (В печати).
 Фрейд, З. (1989а). Введение в психоанализ: Лекции. Москва: Наука.
 Фрейд, З. (1989б). Психология бессознательного. Москва: Просвещение.
 Фрейд, З. (1991). Толкование сновидений. Ереван: Камар.
 Фрейд, З. (2022). Очерки по теории сексуальности. Москва: АСТ.
 Фромм, Э. (1990а). Бегство от свободы. Москва: Прогресс.
 Фромм, Э. (1990б). Иметь или быть? Москва: Прогресс.
 Фромм, Э. (1993). Психоанализ и этика. Москва: Республика.

References

- Adler, A. (1993). The practice and theory of individual psychology. Moscow: Pragma. (In Russ.).
 Adler, A. (1997a). The science of living. Kiev: Port-Royal. (In Russ.).
 Adler, A. (1997b). About the nervous character. St. Petersburg: University Book; Moscow: AST. (In Russ.).
 Adler, A. (1997v). To understand human nature. St. Petersburg: Academic project. (In Russ.).
 Freud, S. (1989a). Introduction to Psychoanalysis: Lectures. Moscow: Science. (In Russ.).
 Freud, S. (1989b). Psychology of the unconscious. Moscow: Enlightenment. (In Russ.).
 Freud, S. (1991) Interpretation of dreams. Yerevan: Kamar. (In Russ.).
 Freud, S. (2022) Essays on the theory of sexuality. Moscow: AST. (In Russ.).
 Fromm, E. (1990a). Escape from freedom. Moscow: Progress. (In Russ.).
 Fromm, E. (1990b). To have or to be? Moscow: Progress. (In Russ.).
 Fromm, E. (1993). Psychoanalysis and ethics. Moscow: Republic. (In Russ.).
 Kapustin, S.A. (2024). The methodological significance of E. Fromm's works for the development of an integrative approach to understanding the personal prerequisites of the problems of clients of psychotherapy and its purpose. *Lomonosov Psychology Journal*, 47(2). (In print). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Александрович Капустин, кандидат психологических наук, доцент кафедры методологии психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, skapustin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5110-522x>
Sergey A. Kapustin, Cand. Sci. (Psychology), Assistant Professor of the Department of Methodology of Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, skapustin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5110-522x>

Поступила: 24.05.2024; получена после доработки: 10.06.2024; принята в печать: 13.06.2024.

Received: 24.05.2024; revised: 10.06.2024; accepted: 13.06.2024.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ / METHODOLOGY AND RESEARCH METHODS IN PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0209>
УДК/UDC 159.99

Компетентность в контексте субъект-средовых взаимодействий: опыт теоретического осмысления

Ю.Г. Панюкова^{1,2} ✉, Е.С. Александрова¹

¹Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

²Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва, Российская Федерация

✉ apanukov@mail.ru

Резюме

Актуальность. Актуальность статьи обусловлена высоким интересом специалистов в области субъект-средовых взаимодействий к поиску ответов на вопросы о возможностях субъекта взаимодействовать с пространственной средой повседневной жизни с учетом психологической ресурсности этой среды, с ориентацией на потенциал пространственных условий жизненной среды для обеспечения позитивного психологического функционирования.

Цель. В статье предпринята попытка теоретического обоснования возможности использования конструкта «компетентность» с целью анализа субъект-средовых взаимодействий.

Методы. Был проведен анализ и систематизация теоретических и эмпирических исследований в области феноменологии субъект-средового взаимодействия (Г.А. Ковалев, С.К. Нартова-Бочавер, В.И. Панов и др.) с акцентом на возможность обращения к методологии ресурсного подхода в психологии (Н.Е. Водопьянова, Д.А. Леонтьев, В.И. Моросанова, Е.А. Сергиенко, В.А. Толочек, С.А. Хазова и др.), а также в области экпсихологии повседневной жизни человека (С.Э. Габидулина, Т.В. Дробышева, А.Л. Журавлева, О.А. Капцевич, С.К. Нартова-Бочавер, И.С. Самошкина, Т.В. Семенова и др.).

Результаты. Выделены теоретические подходы, в рамках которых операционализируется взаимодействие в системе «субъект-среда» с акцентом, во-первых, на потенциальные условия пространственной среды, во-вторых, на индивидуально-психологические возможности субъекта в частности его психической активности в определении ресурсности пространственной среды повседневной жизни. Проанализированы исследования в области определения конструкта «психологические ресурсы», а также связанные с описанием психологической ресурсности разных видов жизненной среды: городской, жилой, профессиональной. Определены направления исследований взаимосвязи между потенциальными условиями пространственной среды повседневной жизни и субъективными возможностями использования этих условий как психологического ресурса для оптимизации психологического функционирования. Обозначено обращение к конструкту «компетентность» как перспективное теоретическое и прикладное направление исследований в области взаимосвязи субъекта и пространственной среды повседневной жизни.

Выводы. Учитывая положения психологии среды, экпсихологии развития, психологии повседневности, а также опираясь на возможность рассматривать пространственную среду повседневной жизни как ресурс, направленный на оптимизацию психологического благополучия субъекта, предлагается определить компетентность в субъект-средовых взаимодействиях как способность субъекта преобразовывать потенциал пространственной среды повседневной жизни в психологический ресурс, необходимый для поддержания оптимального функционирования.

Ключевые слова: субъект-средовые взаимодействия, пространственная среда, психология повседневности, потенциал пространственной среды, психологические ресурсы, компетентность

Финансирование. Работа выполнена в рамках госзадания ФНЦ ПМИ FNRE-2024-0017 «Ресурсно-прогностическая детерминация личностного и профессионального развития учащихся и педагогов как субъектов непрерывного образования: психологические основы, технологии, факторы эффективности».

Для цитирования: Панюкова, Ю.Г., Александрова, Е.С. (2024). Компетентность в контексте субъект-средовых взаимодействий: опыт теоретического осмысления. *Национальный психологический журнал*, 19(2), 109–120. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0209>

Competence in the Context of Subject-Environment Interactions: Experience of Theoretical Comprehension

Julia G. Panyukova^{1,2✉}, Elena S. Alexandrova¹

¹Federal Scientific Centre for Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

²Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation

✉ apanukov@mail.ru

Abstract

Background. The relevance of this article is substantiated by the high interest of specialists in the field of subject-environment interactions in finding answers to questions about the abilities of the subject to interact with the spatial environment of everyday life, taking into account the psychological resourcefulness of this environment, with a focus on the potential of the spatial conditions of the living environment to ensure positive psychological functioning.

Objectives. The article attempts to theoretically substantiate the possibility of using the “competence” construct in order to analyze subject-environment interactions.

Methods. The analysis and systematization of theoretical and empirical research in the field of phenomenology of the subject-environment interaction was carried out (G.A. Kovalev, S.K. Nartova-Bochaver, V.I. Panov, etc.) with the focus on the possibility of referring to the methodology of the resource approach in psychology (N.E. Vodopyanova, D.A. Leontiev, V.I. Morosanova, E.A. Sergienko, V.A. Tolochek, S.A. Khazova, etc.), as well as in the field of ecopsychology of everyday life (S.E. Gabidulina, T.V. Drobysheva, A.L. Zhuravleva, O.A. Kaptsevich, S.K. Nartova-Bochaver, I.S. Samoshkina, T.V. Semenova, etc.).

Results. Theoretical approaches are singled out, within the framework of which the interaction in the “environment-subject” system is operationalized with an emphasis, firstly, on the potential conditions of the spatial environment, secondly, on the individual psychological possibilities of the subject, in particular, the ability to be the subject of mental activity in determining resourcefulness of spatial environment in everyday life. The research in the field of determining the construct of “psychological resources” was analyzed as well as research connected with the description of psychological resourcefulness for the different types of living environment: urban, living, professional. The research directions of interactions between potential conditions of spatial environment of everyday life and subjectual possibilities of using these conditions as the psychological resource for optimization of psychological functioning were determined. The appeal to the construct of “competence” as a promising theoretical and applied direction of research in the field of the relationship between the subject and the spatial environment of everyday life is indicated.

Conclusions. Considering statements of environmental psychology, ecopsychology of development, everyday life psychology, as well as being based on an opportunity to consider spatial environment of everyday life as a resource that is directed to the optimization of psychological well-being of the subject, it is proposed to consider competence in subject-environment interactions as the ability of the subject to transform conditions or potential of the spatial environment of everyday life into psychological resource, necessary to maintain optimal functioning.

Keywords: subject-environment interactions, spatial environment, everydaylife psychology, spatial environment potential, psychological resources, competence

Funding. The work was carried out within the framework of the state task of the FSC PMR FNRE-2024-0017 “Resource-prognostic determination of personal and professional development of students and teachers as subjects of lifelong education: psychological foundations, technologies, efficiency factors”.

For citation: Panyukova, J.G., Alexandrova, E.S. (2024). Competence in the Context of Subject-Environment Interactions: Experience of Theoretical Comprehension. *National Psychological Journal*, 19(2), 109–120. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0209>

Введение

Проблематика субъект-средовых взаимодействий в современной психологии представляет собой многоаспектное исследовательское пространство. Одним из таких аспектов является изучение возможностей субъекта рефлексивно относиться к жизненной среде с целью использования условий среды для собст-

венного позитивного функционирования и психологического благополучия. Об актуальности этого направления свидетельствует многообразие как теоретических академических форумов, регулярных научных конференций по экопсихологической проблематике, так и специальные выпуски ведущих психологических периодических изданий, посвященные теоретическим и прикладным исследованиям жизненных сред человека.

Методы исследования

Выбор и систематизация статей для данного теоретического исследования, проводилась с использованием поисковых систем Psycjournals и Elibrary. С учетом цели исследования мы обратились к достаточно широкому спектру ключевых слов и словосочетаний, который включал «субъект-средовые взаимодействия», «социоэкологическая система», «пространственная среда», «жизненная среда», «компетентность» и «психологические ресурсы». В обзор исследований были включены 57 статей, содержание которых позволило оформить представленный в настоящем тексте вариант осмысления компетентности в контексте субъект-средовых взаимодействий. Годы издания выбранных статей не были ограничены обращением к публикациям последних 5 лет, мы опирались на исследования, проведенные от начала оформления отечественной экопсихологии до современного этапа.

Теоретические предпосылки исследования

Субъект-средовые взаимодействия: «открытость» социоэкологической системы для субъекта

Для отечественной психологии обращение к анализу взаимодействия человека и средовых условий повседневной жизни началось в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века и было обусловлено, прежде всего, исследованиями эстонских психологов. Об актуальности этих исследований в современном, в том числе отечественном экопсихологическом дискурсе, свидетельствуют материалы публикации диссертации эстонской школы средовой психологии, посвященные «...глубинным психологическим нитям, связывающим человека с местом его обитания» (Кияненко, 2021, с. 7). Одна из первых концептуализаций отечественных психологов взаимодействия человека и среды повседневной жизни — конструкт «экопсихологической системы», введен в тезаурус психологии Г.А. Ковалевым (Ковалев, 1993). Операционализируя взаимодействие человека и жизненной среды, Г.А. Ковалев указывает на необходимость обращения исследователей к такой качественной особенности «социоэкологических» систем развития и взросления ребенка, как «открытость — закрытость». Подчеркивается специфичность «открытости» как оптимальной для развития ребенка качественной характеристики системы: «...очевидно, что параметры того или иного типа воспитательно-образовательных систем по-разному будут сказываться на процессах индивидуально-психологического развития ребенка — положительно, в случаях воздействия систем «открытого» типа, и отрицательно, когда ребенок попадает под влияние «закрытых» систем» (Ковалев, 1993, с. 18). Если ориентироваться на тезис о том, что «открытые» социоэкологические системы могут рассматриваться в качестве обеспечивающих баланс «внешнего» и

«внутреннего» контуров системы «человек — жизненная среда», подчеркивает Г.А. Ковалев, то именно это «...в конечном итоге и поддерживает процесс функционирования и саморазвития этой системы на оптимальном для работы режиме» (Ковалев, 1993, с. 17).

Субъект-средовые взаимодействия: способность быть субъектом психической активности по восприятию и преобразованию пространственной среды

Обозначенный взгляд на взаимодействие субъекта и пространственной среды жизнедеятельности, акцентирующий тему «баланса» в субъект-средовых взаимодействиях, обращает к методологическим положениям экопсихологии развития как области современной психологии, сформулированными В.И. Пановым (Панов, 2022). В.И. Панов выделяет конструкт «экопсихологические взаимодействия» и определяет, что это «...психологические взаимодействия между компонентами отношения или системы “человек — окружающая среда”, а в качестве уточняющего момента выделяются “позиции” (Панов, 2013, с. 15), в формате которых эти взаимодействия могут быть исследованы: по видам среды, по компонентам среды, в онтогенезе».

Важным является тезис о том, что «...взаимодействия рассматриваются не как характеристика отношения “человек — окружающая среда”, а как условие и даже предпосылка перехода на последующий этап становления системы «человек — окружающая среда» (Панов, 2013, с. 23). В такой интерпретации совершенно обоснованным представляется положение о том, что качественная специфика взаимодействий в системе «человек — окружающая среда» определяется не типом этих взаимодействий, а определенными условиями, характерными как для субъекта, так и для среды (в нашем варианте — для пространственной среды), позволяющими реализовать «переходы» от одного типа взаимодействия к другому.

В качестве важного обстоятельства определяется «...становление способности быть субъектом психической активности» (по В.И. Панову) и в связи с этим наличие «внутренних» возможностей преобразовать потенциал пространственной среды. В таком фокусе перспективным представляется систематизированное исследование практик взаимодействия ребенка и подростка с пространственной средой (Боцавер и др., 2017; Осорина, 1997; Парфенова, Сафонова, 2022; Пряжникова, Голубь, 2012 и др.). В смежных с психологией научных областях, ориентированных на поиск «баланса» во взаимодействии субъекта и пространственной среды, актуализировалась тема «соучастного проектирования», предполагающая изучение повседневных практик, связанных с оперированием условиями пространственной среды обыденной жизни, моделированием пространства повседневной жизни субъектами с учетом их собственных потребностей и ценностей (Антонова и др.,

2020; Башева, Ермолаева, 2020; Гамурак, 2019; Плешкевич, 2018 и др.).

Возвращаясь к методологическому положению, сформулированному В.И. Пановым об онтологической парадигме в понимании субъект-средовых взаимодействий, акцентируем внимание на положении о фиксации изменения психологического статуса взаимодействия, когда «...окружающая среда из объекта восприятия постепенно превращается в объект преобразования человеком и, тем самым, в условие и средство развития субъектности человека как компонента данной становящейся системы «человек — окружающая среда»» (Панов, 2013, с. 24). В качестве варианта интерпретации данного положения позволим себе сформулировать тезис о том, что обозначенное В.И. Пановым «превращение» окружающей среды из «объекта восприятия» в «объект преобразования» может стать предметом самостоятельного анализа, если обратить внимание, с одной стороны, на «исходные» условия пространственной среды повседневной жизни человека, а, с другой стороны, на индивидуально-психологические факторы, актуализирующие возможности субъекта рассматривать, идентифицировать пространственную среду в качестве «объекта преобразования».

Определенным основанием для планирования эмпирического формата валидации конструкта компетентности в контексте субъект-средовых взаимодействий могут стать работы в области восприятия пространственной среды повседневной жизни (Марютина, Панюкова, 2004; Панюкова, 2009; Семенова, 2020 и др.).

Можно заключить, что положение, касающееся способности быть субъектом психической активности по восприятию и преобразованию пространственной среды повседневной жизни, может рассматриваться в качестве методологической основы как для теоретического моделирования, так и для эмпирических исследований компетентности в контексте субъект-средовых взаимодействий.

Субъект-средовые взаимодействия: жизненная среда как психологический ресурс

Актуальная тенденция современных экпсихологических исследований — интерпретация пространственной среды повседневной жизни субъекта как ресурса самопомощи личности, ее восстановительного потенциала. Богатый теоретический и эмпирический материал в данном контексте накоплен в зарубежных экпсихологических исследованиях (Antonovsky, 1979; Buttazzoni et al., 2022; Mittelmark et al., 2017).

Отечественная практика теоретического осмысления жизненной среды как психологического ресурса реализуется в контексте психологии повседневности (Анцыферова, 1993; Гусельцева, 2021; Марцинковская, 2017; Нартова-Бочавер, 2019 и др.). В формате «ресурсного» подхода к повседневной жизненной среде используется конструкт «повседневная компетентность», теоретические основания оформления которого связываются с положениями психологии

повседневности. С.К. Нартова-Бочавер подчеркивает, что психология повседневности может рассматриваться в качестве конструктивного и перспективного методологического формата эмпирических исследований, поскольку актуализирует идею о «...самоорганизации субъекта, находящегося в заданном пространственно-временном контексте, со всеми вытекающими вызовами и ресурсами, стрессом и совладанием» (Нартова-Бочавер, 2019, с. 16). В психологии повседневности «компетентность» определяется как «...система навыков, обеспечивающих самообслуживание и самоподдержку человека» (Нартова-Бочавер, 2019, с. 18) в пространственно-временном контексте повседневной жизни. Следует также удерживать в фокусе внимания тезис об индивидуально-психологической обусловленности компетентности субъекта по отношению к ресурсам жизненной среды и положение, сформулированное С.К. Нартовой-Бочавер о «...возможности практического использования восстановительного потенциала основных жизненных сред при условии профилирования индивидуальности личности» (Нартова-Бочавер, 2019, с. 18).

Для актуализации целесообразности обращения к конструкту «компетентность» с целью привнесения нового смысла в интерпретацию субъект-средовых взаимодействий, мы, во-первых, предприняли анализ вариантов концептуализации понятия «ресурс» в современной психологии; во-вторых, выделили непосредственно представленные в исследованиях, а также опосредованно в них присутствующие толкования психологической ресурсности пространственной среды разных типов: городской, жилой, профессиональной и др.

Варианты концептуализации понятия «ресурс» в современной психологии

В первую очередь, речь может идти о конструкте «психологические ресурсы», который интерпретируется исследователями достаточно давно и экстраполируется на различные области психологических и междисциплинарных исследований. В целом под «ресурсами» принято понимать различные факторы, условия, возможности (природные, экономические, административные и др.), с помощью которых могут быть удовлетворены различные потребности субъекта. Систематизация исследований, основанных на ресурсном подходе, а также операционализация самого понятия «ресурсы» представлены в работах Л.А. Александровой, Н.Е. Водопьяновой, Т.Ю. Ивановой, Д.А. Леонтьева, В.И. Моросановой, Е.А. Сергиенко, С.А. Хазовой и др.

Как общепсихологический методологический конструкт, ориентированный на ресурсность психологической организации человека, Е.А. Сергиенко предлагает рассматривать «контроль поведения», который определяется как «...психологический уровень регуляции поведения, реализующий индивидуальные ресурсы психологической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей» (Сергиенко, 2018, с. 130).

В рамках ресурсного подхода в психологии личности выделяется феномен ментальных ресурсов, который интерпретируется, например, в контексте возрастной психологии. В частности, А.И. Мелехин, анализируя ментальные ресурсы в пожилом и старческом возрасте, подчеркивает, что ментальные ресурсы определяются как «...особенности социокогнитивных, интеллектуальных способностей, обеспечивающих анализ и упорядочивание внешней и внутренней среды...» (Мелехин, 2019, с. 3).

В отечественной психологии личности понятие «психологический ресурс» было концептуализировано Д.А. Леонтьевым в фокусе исследований в области психологии личности. Операционализируя феноменологию психологических ресурсов в области преодоления стрессовых ситуаций, Д.А. Леонтьев сформулировал как определение психологических ресурсов, так и выделил отдельные их виды. Под «ресурсами» исследователь, в первую очередь, понимает «...индивидуальные особенности, в зависимости от которых задачи мобилизации, адаптации к стрессовой ситуации, ее преодоления и предотвращения неблагоприятных последствий решаются легче или, напротив, труднее» (Леонтьев, 2010, с. 42). Анализ системы психологических ресурсов представлен в фундаментальном труде группы исследователей под руководством Д.А. Леонтьева, посвященном личностному потенциалу (Леонтьев, 2011). Можно уточнить, что потенциал в контексте нашей проблематики определяется как ресурс, который не актуализирован и, можно сказать, находится в «спящем режиме». В рамках методологии, разработанной Д.А. Леонтьевым для определения и систематизации психологических ресурсов последние рассматриваются как индивидуально-психологические характеристики, позволяющие субъекту специфически когнитивно-аффективно и поведенчески «взаимодействовать» с трудной ситуацией.

Авторским вариантом методологической операционализации феномена «психологические ресурсы» стала концепция осознанной саморегуляции произвольной активности, реализованная в работах В.И. Моросановой. Обозначая абстрактный, даже «метафорический» характер использования в психологии понятия «ресурсы», В.И. Моросанова подчеркивает целесообразность при использовании понятия «ресурс» определения функционального предназначения этого ресурса. Уточнение, что ресурсы — «...это психологические средства решения определенной задачи» актуализирует тезис о том, что «...употребление термина “ресурс” в психологических исследованиях имеет смысл, если указывается, ресурс решения какой задачи имеется в виду» (Моросанова, 2014, с. 64). В качестве примера исследования, реализующего такое понимание психологических ресурсов, можно привести работу И.В. Вець, посвященную анализу психологической ресурсности произвольной саморегуляции и личностных свойств в решении задач, связанных с соблюдением сроков

восстановления здоровья после операционного вмешательства (Вець, 2022).

Фундаментальные положения субъектно-ресурсного подхода, раскрывающие специфику конструкта «ресурсы» в формате проблемы профессионального выгорания, связанной с динамикой внутренних и внешних ресурсов субъекта или «ресурсной базой» представлены в исследовании Н.Е. Водопьяновой (Водопьянова, 2014). К числу таких ресурсов Н.Е. Водопьянова относит мотивационно-побуждающие ресурсы, ресурсы рефлексивно-чувственной сферы, ресурсы планирования (когнитивно-программные конструкты), поддерживающие ресурсы, ресурсы реализации и преодоления и ресурсы достижений и коррекции действий (Водопьянова, 2014, с. 19–20).

Примером исследования, базирующегося на положениях субъектно-ресурсного подхода к преодолению профессионального выгорания, является работа Ю.К. Вольвич, посвященная психологическим ресурсам устойчивости личности к стрессу в организациях разных сфер и видов «деятельности» (Вольвич, 2018). Подчеркивается, что специфика субъектно-деятельностного подхода в интерпретации психологических ресурсов заключается в инструментальной роли ресурсов для поддержки и контроля субъектно-личностной активности, в их направленности на «...сохранение оптимального личностного функционирования, которое подвергается угрозе разрушения в состоянии стресса» (Вольвич, 2018, с. 12). Согласно Ю.К. Вольвич, психологические ресурсы стрессоустойчивости — это психологические инструменты, позволяющие превратить потенциал человека как индивида в тенденцию развития его субъектности и индивидуальности.

Как самостоятельный феномен, связанный в том числе с пространственной средой, психологические ресурсы рассматриваются в исследованиях В.А. Толочек (Толочек, 2022). Анализируя психологические ресурсы профессиональной деятельности субъекта, В.А. Толочек выделяет несколько типов «ресурсов»: «...интра-, интер- и внесубъектные», которые, в свою очередь, различаются по специфике «...психологических механизмов вовлечения человека ресурсов в свою деятельность и жизнедеятельность: интрасубъектные актуализируются, интерсубъектные порождаются, внесубъектные используются» (Толочек, 2018, с. 251). Исследователь подчеркивает, что под внесубъектными ресурсами понимаются, в том числе «...ресурсы физической среды: пространство (быть близко/далеко, совпадать по месту и т.п.) и время (продолжительность, структурированность, своевременность и т.п.)» (Толочек, 2010, с. 26). Актуализация вариативности возможности «использования» внесубъектных ресурсов, к которым относятся особенности организации пространственно-предметной среды повседневной жизни субъекта, выражается в индивидуально-психологической обусловленности таких показателей, как «...спектр актуализируемых ресурсов, величина, пространство и время их

активного использования» (Толочек, 2018, с. 252). В.А. Толочек также подчеркивает, что специфика феномена «ресурсы» связана не с «...проявлением присущих человеку качеств, ...а в рефлексии условий внутренней и внешней среды, их «нового» отражения и становления новых психологических систем; ресурсы есть эффекты становления новых психологических систем» (Толочек, 2018, с. 251).

Феномен психологической ресурсности, отмечает С.А. Хазова, имеет самые разные варианты интерпретации, однако все эти варианты объединяет положение о соотносительности ресурсов с возможностью субъекта взаимодействовать с окружающей средой (Хазова, 2013).

Экскурс в область общепсихологического понимания «ресурсов» свидетельствует о существовании тенденции фиксировать момент «функциональности», «инструментальности» (по В.И. Моросановой), «рефлексивности», «нового отражения» (по А.В. Толочеку) и др., что позволяет нам, с одной стороны, обратиться к «условиям» физической/пространственной среды, которые могут быть потенциально «использованы» субъектом для решения различных задач психологического функционирования.

Ресурсы в контексте психологии жизненной среды

Учитывая классические постулаты экопсихологических исследований о взаимодействии субъекта и пространственной среды повседневной жизни, а также теоретические положения психологии повседневности относительно «ресурсности» жизненной среды, «повседневной компетентности» как практики использования системы навыков, направленных на поддержание оптимального функционирования и психологического благополучия субъекта, мы считаем целесообразным обратиться к вариантам концептуализации психологической ресурсности жизненной среды.

Начиная с середины 80-х годов прошлого века, отечественные психологи стали активно заниматься изучением особенностей восприятия человеком городской среды. В качестве примера можно привести исследование С.Э. Габидулиной (Габидулина, 1991), предметом которого стали психосемантические особенности восприятия городской среды. В современных психологических исследованиях городской среды можно выделить несколько самостоятельных направлений: социальная психология города (Дробышева, Журавлев, 2016); феномен территориальной/городской идентичности (Савина, Баранова, 2018; Самошкина, 2008 и др.), концепт «городская ментальность» (Семенова, 2007; 2020), концепция субъективной оценки реализации базисных ценностей в городской среде (Богомаз, Мацута, 2012), операционализация городской повседневности через призму конструктов «городской капитал» и «хронотоп города» (Марцинковская, 2021). Обобщая и систематизируя исследования, проведенные в России, Европе и США за последние 50 лет, О.А. Капцевич отмечает

целесообразность выделения работ, посвященных как «объективным» (природному и построенному окружению), так и субъективным («нисходящим» и «восходящим») факторам в обосновании психологических эффектов взаимодействия субъекта с визуальной городской средой. Подчеркивается, что «восходящие» процессы управляются физическими параметрами стимула, его «низкоуровневыми» визуальными характеристиками — относительно простыми, измеримыми визуальными качествами...» и далее «нисходящие» процессы определяются знаниями, ожиданиями человека, его состоянием, прошлым опытом, установками, влиянием на личность социума...» (Капцевич, 2021, с. 587).

Психологическая ресурсность пространственной среды профессиональной деятельности в современном дискурсе о субъект-средовых взаимодействиях стала предметом обсуждения сравнительно недавно, если, конечно, не рассматривать уникальный опыт отечественных эргономических исследований, реализованных под руководством В.П. Зинченко и В.М. Мунипова. Как подчеркивает В.К. Зарецкий, «...Комета под названием «эргономика» пролетела, вспыхнула и угасла, рассыпавшись миллиардами искр, оплодотворивших мышление специалистов в самых разных областях деятельности» (Зарецкий, 2021, с. 140). Сегодня появляются исследования, ориентированные на обобщение практик современной организации рабочего пространства и предлагающие направления теоретической концептуализации психологической ресурсности пространственной среды профессиональной деятельности (Иванов, Подольский, 2021). Примеров эмпирической проверки предположения о возможности использования ресурсов пространственной среды в качестве средств саморегуляции мало, однако можно привести исследование рутинных (обыденных) техник самопомощи в офисе на примере архитектурной мастерской (Павлова, Нартова-Бочавер, 2020).

Обобщая результаты обзора некоторых направлений исследований в области субъект-средовых взаимодействий с акцентом на возможности субъекта «субъективировать» среду, породить в оценке этой среды значимые для индивидуального психологически благополучного функционирования смыслы, преобразовывать среду с учетом своих ценностей и интересов, предлагаем рассмотреть целесообразность применения компетентностного подхода к анализу субъект-средовых взаимодействий.

Компетентность в субъект-средовых взаимодействиях: способность к преобразованию потенциала пространственной среды в психологический ресурс

Анализ возможности использовать конструкт «компетентность» для описания субъект-средовых взаимодействий может быть предварен короткой ремаркой относительно достаточно широкой распространенности в современном академическом дискурсе, в том числе и ориентированном на проблематику

субъект-средовых взаимодействий, использовать такие понятия как «грамотность» и «культура». Е.Н. Дзятковская и А.Н. Захлебный, анализируя исторические и содержательные аспекты развития отечественного экологического образования, подчеркивают, что одним из направлений этого развития должно стать «...придание ему (экологическому образованию) общекультурной направленности, расширение предмета познания в естественно-научно-социально-гуманитарной области как условия понимания экологического императива и целей устойчивого развития» (Дзятковская, Захлебный, 2021, с. 1). Исследователи также подчеркивают, что эффектом экологического образования может стать «...формирование эколого-культурной грамотности, культурной картины мира, экологической культуры как основы культуры устойчивого развития» (Дзятковская, Захлебный, 2021, с. 1). Нам представляется целесообразным в будущем сделать предметом специального анализа соотношение «грамотности», «культуры» и «компетентности» как квалифицирующих взаимодействие индивида и среды «уровней», однако в данной статье мы только обозначаем возможности такого фокуса интерпретации.

В ситуации, когда философы, социологи и педагоги фиксируют и анализируют возможные результаты и эффекты широкого спектра просветительских, образовательных, воспитательных и иных развивающих практик, обращенных к «...формированию эколого-культурной грамотности» как к «набору» определенных общественно необходимых знаний и навыков, психологи обращаются к концептуализации «внутренних», ментальных, аффективных и поведенческих возможностей субъекта, актуализация которых в пространственной среде повседневной жизни субъекта может рассматриваться в качестве психологического условия для развития компетентности в субъект-средовых взаимодействиях. Опираясь на классические положения С.Л. Рубинштейна об опосредовании внешних воздействий внутренними условиями, мы полагаем, что интерпретация проблемы компетентности в контексте субъект-средовых взаимодействий актуализирует интерес и к анализу «внутренних условий», определяющих индивидуально-типологические, личностные, субъектные возможности «использования» потенциала пространственной среды для оптимизации психологического функционирования.

Следуя традициям, вслед за И.А. Зимней, мы придерживаемся положения о том, что компетентность — это «...основывающаяся на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленная социально-профессиональная жизнедеятельность человека» (Зимняя, 2004, с. 13). В качестве значимого момента для понимания феномена компетентности можно акцентировать внимание на положении, которое также предложено И.А. Зимней — выделяются компетенции, «...относящиеся к самому себе — компетенции самосовершенствования, саморегуляции, саморазви-

тия, личностной и предметной рефлексии» (Зимняя, 2004, с. 34). В нашей интерпретации здесь речь идет о своего рода «внутренних» условиях, которые могут быть актуализированы человеком для оптимизации «социально-профессиональной жизнедеятельности».

В формате «ресурсного» подхода к повседневной жизненной среде используется конструкт «повседневная компетентность», теоретические основания оформления которого связываются с положениями психологии повседневности. С.К. Нартова-Бочавер подчеркивает, что психология повседневности может рассматриваться в качестве конструктивного и перспективного методологического формата эмпирических исследований, поскольку актуализирует идею о «...самоорганизации субъекта, находящегося в заданном пространственно-временном контексте, со всеми вытекающими вызовами и ресурсами, стрессом и совладанием» (Нартова-Бочавер, 2019, с. 16). В психологии повседневности «компетентность» определяется как «...система навыков, обеспечивающих самообслуживание и самоподдержку человека» (Нартова-Бочавер, 2019, с. 18) в пространственно-временном контексте повседневной жизни.

Один из вариантов современного отечественного экопсихологического взгляда на проблему компетентности как способности определять/идентифицировать и использовать ресурсы жизненной среды, может быть иллюстрирован положениями, разработанными в исследованиях В.А. Толочка. Как мы отметили выше, исследователь рассматривает интересующие нас феномены в контексте профессиональной деятельности субъекта и дифференцирует содержание понятий «задатки», «способности», «профессионально-важные качества» в контексте проблемы эволюции человека как субъекта деятельности (Толочек, 2010; 2018). Подчеркивается, что компетентности и компетентности могут определяться как «...качества, обеспечивающие успешность взаимодействия субъекта с другими субъектами в процессах совместной деятельности» (Толочек, 2018, с. 20), а также отмечается, что значимость этих качеств связана с их назначением обеспечивать «...интеграцию профессиональных и личностных качеств субъекта с условиями специфической социальной среды» (Толочек, 2018, с. 20). Мы предполагаем, что попытка рассмотреть компетентность как способность, связанную с оптимизацией взаимодействия субъекта не только с социальной средой, но с пространственной средой повседневной жизни, может быть перспективным направлением теоретических и прикладных исследований.

Выводы

1. В статье мы предприняли попытку с учетом дискурсов психологии среды, экопсихологии развития и психологии повседневности, а также междисциплинарных исследований обосновать возможность

использования конструкта «компетентность» с целью анализа субъект-средовых взаимодействий.

Обзор исследований в области взаимодействий в системе «субъект — пространственная среда», позволяет определить в качестве предмета анализа пространственную среду повседневной жизни как обладающую потенциальными возможностями для функционирования системы «человек — жизненная среда» в оптимальном режиме.

Потенциальные возможности пространственной среды повседневной жизни, позволяющие системе

«человек — жизненная среда» функционировать в оптимальном режиме, могут быть преобразованы в ресурсы, предназначенные для решения субъектом различных задач психологического функционирования.

Способность субъекта идентифицировать потенциал пространственной среды повседневной жизни и преобразовывать его в психологический ресурс может быть определена как компетентность субъекта в субъект-средовых взаимодействиях.

Список литературы

- Александрова, Л.А. (2004). Психологические ресурсы адаптации личности к условиям повышенного риска природных катастроф: автореф. дисс. канд. психол. наук. Москва.
- Антонова, Н.А., Абрамова, С.Б., Полякова, В.В. (2020). Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (3), 443–462.
- Анцыферова, Л.И. (1993). Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия. *Психологический журнал*, 14(2), 3–16.
- Башева, О.А., Ермолаева, Ю.В. (2020). Повседневные экопрактики россиян, способствующие устойчивому развитию мегаполисов. Материалы Всеросс. науч.-практич. конф. «Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2021 гг. в социальном развитии молодежи». Москва, Ялта.
- Богомаз, С.А., Мацуга, В.В. (2012). Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде. *Сибирский психологический журнал*, (46), 67–75.
- Бочавер, А.А., Корзун, А.Н., Поливанова, К.Н. (2017). Уличный досуг детей и подростков. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 14(3), 470–490.
- Бурмистрова, А.В. (2004). Личностные особенности средового поведения, направленного на реализацию границ бытийного пространства: автореф. дисс. канд. психол. наук. Краснодар.
- Вець, И.В. (2022). Осознанная саморегуляция и личностные свойства как ресурсы соблюдения сроков восстановления здоровья после операционных вмешательств. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 15(2), 28–45.
- Водопьянова, Н.Е. (2014). Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда (на примере специалистов «субъект-субъектной» профессии): автореф. дисс. докт. психол. наук. Санкт-Петербург.
- Вольвич, Ю.К. (2018). Психологические ресурсы устойчивости личности к стрессу в организациях различных сфер и видов деятельности: автореф. дисс. канд. психол. наук. Краснодар.
- Габидулина, С.Э. (1991). Психосемантика городской среды (объективные и субъективные факторы отношения горожан к элементам городского ландшафта): дисс. канд. психол. наук. Москва.
- Гамурак, А.В. (2019). Новый формат общественных пространств сквозь призму соучаствующего проектирования. *Гуманитарные исследования Центральной России*, 2(11), 58–64.
- Громова, А.С., Литвинова, О.Г. (2021). Проектирование хосписов в концепции салютогенеза. *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета*, 23(2), 9–23.
- Гусельцева, М.С. (2021). «Жизненное пространство» в контексте психологии повседневности: к 130-летию Курта Левина. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 11(1), 8–23.
- Дзятковская, Е.Н., Захлебный, А.Н. (2021). Гуманизация экологического образования как вектор его развития до 2030 г. *Непрерывное образование: XXI век*, 1(33), 1–14.
- Дмитриева, Н.С. (2015). Домашняя среда как ресурс психологического благополучия: автореф. дисс. канд. психол. наук. Москва.
- Дробышева, Т.В., Журавлев, А.Л. (2016). Город как объект исследования в социальной психологии: к истории вопроса. *Социальная и экономическая психология*, 1(1), 197–217.
- Зарецкий, В.К. (2021). К 90-летию В.П. Зинченко и В.М. Мунипова — «отцов» эргономики. *Культурно-историческая психология*, 17(4), 137–141.
- Зимняя, И.А. (2004). Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Учебное издание. Труды методологического семинара. Москва: Изд-во исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов МИСИС.
- Иванов, Д., Подольский, Д. (2021). Управление рабочей средой: современные вызовы и будущие тенденции организационной психологии. *Организационная психология*, 11(4), 190–202.
- Иванова, Т.Ю. (2016). Функциональная роль личностных ресурсов в обеспечении психологического благополучия: автореф. дисс. канд. психол. наук. Москва.
- Капчевич, О.А. (2021). Психологические эффекты визуального восприятия городской среды: систематический обзор. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(3), 575–579.
- Кияненко, К.В. (2021). «Среда и архитектура» как продолжающийся дискурс. *Архитектура и строительство в России*, 2(238), 5–8.
- Ковалев, Г.А. (1993). Психическое развитие ребенка и жизненная среда. *Вопросы психологии*, (1), 13–23.
- Леонтьев, Д.А. (2010). Психологические ресурсы преодоления стрессовых ситуаций: к уточнению базовых конструктов. В: Психология стресса и совладающего поведения: Материалы 2-й Междунар. науч.-практич. конф. Кострома.
- Леонтьев, Д.А. (Ред.). (2011). Личностный потенциал: структура и диагностика. Москва: Смысл.

- Марцинковская, Т.Д. (2017). Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии. *Психологические исследования*, 56(10). <https://doi.org/10.54359/ps.v10i56.340>
- Марцинковская, Т.Д. (2021). Городской капитал и хронотоп города: новый взгляд на городскую повседневность. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 11(4), 301–311. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.401>
- Марютина, Т.М., Панюкова, Ю.Г. (2004). Психологическая репрезентация пространственно-предметной среды. Идея системности в психологии. Коллективная монография. Под ред. В.А. Барабанщикова, К.А. Абульхановой. Серия: Труды Института Психологии. Москва: Изд-во ИП РАН.
- Мелехин, А.И. (2019). Ментальные ресурсы в пожилом и старческом возрасте: автореф. дисс. канд. психол. наук. Москва.
- Моросанова, В.И. (2014). Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 7(4), 62–78.
- Нартова-Бочавер, С.К. (2019). Жизненная среда как источник стресса и ресурс его преодоления: возвращаясь к психологии повседневности. *Психологический журнал*, 40(5), 15–26.
- Носуленко, В.Н. (2007). Психофизика восприятия естественной среды. Проблема воспринимаемого качества. Москва: Изд-во ИП РАН.
- Осорина, М.В. (1997). Секретный мир ребенка в пространстве мира взрослых. Санкт-Петербург: Питер.
- Павлова, М.В., Нартова-Бочавер, С.К. (2020). Рутинные (обыденные) техники самопомощи в офисе: на примере мастерской архитекторов. *Организационная психология*, 10(3), 164–184.
- Панов, В.И. (2013). Экопсихологические взаимодействия: виды и типология. *Социальная психология и общество*, (3), 13–27.
- Панов, В.И. (2017). От экологической психологии к субъект-средовым взаимодействиям. Субъект-средовые взаимодействия: экопсихологический подход к развитию психики: коллективная монография. Под ред. М.О. Мдивани. Москва: Перо.
- Панов, В.И. (2022). Экопсихологический подход к развитию психики: этапы, предпосылки, конструкты. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 15(3), 100–117.
- Панюкова, Ю.Г. (2009). Эмпирическое исследование структурной организации психологической репрезентации пространственно-предметной среды. *Экспериментальная психология*, 2(3), 111–122.
- Парфенова, А.Г., Сафонова, М.В. (2022). Особенности активности современных подростков и возможности ее развития посредством предметно-пространственного компонента образовательной среды. *Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. Серия: Психологические науки*, (1), 68–84.
- Плешкевич, И.Б. (2018). Повседневные практики горожан в контексте трансформации городского пространства: магистерская дисс. Томск: НИ ТГУ. Философский факультет.
- Пряжников, Е.Ю., Голубь, О.В. (2012). Роль восприятия городской среды в адаптации подростков. *Психологическая наука и образование*, 4(4). URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n4/57545.shtml (дата обращения: 13.12.2023).
- Савина, О.О., Баранова, В.А. (2017). Средовые условия в формировании городской идентичности новых жителей мегаполиса. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, 6(2А), 171–180.
- Самошкина, И.С. (2008). Территориальная идентичность как предмет социально-психологического исследования. *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*, (3), 43–53.
- Семенова, Т.В. (2007). Теоретические и прикладные аспекты социально-психологического исследования городской ментальности: дисс. докт. психол. наук. Самара.
- Семенова, Т.В. (2007). Городская ментальность: социально-психологическое исследование. Монография. Самара: Порто-принт.
- Сергиенко, Е.А. (2018). Контроль поведения как основа саморегуляции. *Южно-Российский журнал социальных наук*, 19(4), 130–146.
- Совмиз, З.Р. (2017). Психологические ресурсы личности как субъекта преодоления стресса в условиях командной деятельности: автореф. дисс. канд. психол. наук. Краснодар.
- Толочек, В.А. (2010). Профессиональная успешность: понятия «способности» и «ресурсы» в объяснении феномена. *Человек. Сообщество. Управление*, (2), 20–38.
- Толочек, В.А. (2018). Человек как субъект в континууме «задатки — компетенции». *Известия Саратовского университета. Новая Серия: Акмеология образования. Психология развития*, 7(1), 16–25.
- Толочек, В.А. (2018). Феномен «ресурсы»: топос и хронос в актуализации условий внешней среды как ресурсов. *Известия Саратовского университета. Новая Серия: Акмеология образования. Психология развития*, 7(3), 250–260.
- Толочек, В.А. (2022). Социальная успешность субъекта, окружение, ресурсы: открытые вопросы. *Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология*, 45(4), 136–158.
- Хазова, С.А. (2013). Ментальные ресурсы субъекта: проблема определения понятия. В: Идеи О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения). Материалы Всеросс. науч. конф. с иностранным участием. Москва.
- Antonovsky, A. (1979). *Health, stress and coping*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Fleury-Bahi, G., Pol, E., Navarro, O. (Eds.). (2017). *Handbook of Environmental Psychology and Quality of the Life Research*. New York: Springer.
- Buttazzoni, A., Ellard, C., Sadiora, S., Minaker, L. (2022). Toward conceptualizing “place immersion” as a spatial neuropsychosocial phenomenon: A multidisciplinary meta-review synthesis. *Journal of Environmental Psychology*, (81). <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2022.101810>
- Mittelmark, M.B., Bauer, G.F., Vaandrager, L., Pelikan, J.M., Sagy, S., Eriksson, M., Lindström, B., Meier Magistretti, C. (2017). *The Handbook of Salutogenesis*. New York: Springer.

References

- Aleksandrova, L.A. (2004). *Psikhologicheskie resursy adaptatsii lichnosti k usloviyam povyshennogo riska prirodnykh katastrof: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. (Psychological resources of personality adaptation to conditions of increased risk of natural disasters: author's abstract, dissertation). Cand. Sci. (Psychology), Moscow. (In Russ.)*

- Antonova, N.A., Abramova, S.B., Polyakova, V.V. (2020). The right to the city: everyday practices of youth and participation in the production of urban space. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny (Monitoring public opinion: economic and social changes)*, (3), 443–462. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1597> (In Russ.).
- Antonovsky, A. (1979). *Health, stress and coping*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Antsyferova, L.I. (1993). Psychology of everyday life: the life world of the individual and the “technique” of her existence. *Psikhologicheskii Zhurnal (Psychological Journal)*, 14(2), 3–16. (In Russ.).
- Basheva, O.A., Ermolaeva, Yu.V. (2020). Everyday eco-practices of Russians that contribute to the sustainable development of megacities. In: *Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference “State youth policy: national projects 2019–2021 in the social development of youth”*, Moscow, Yalta (pp. 233–237). (In Russ.).
- Bochaver, A.A., Korzun, A.N., Polivanova, K.N. (2017). Street leisure for children and adolescents. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki (Psychology. Journal of the Higher School of Economics)*, 14(3), 470–490. (In Russ.).
- Bogomaz, S.A., Matsuta, V.V. (2012). Subjective assessment of the feasibility of basic values in the urban environment. *Sibirskii Psikhologicheskii Zhurnal (Siberian Psychological Journal)*, 46, 67–75.
- Burmistrova, A.V. (2004). *Lichnostnye osobennosti sredovogo povedeniya, napravlenno na realizatsiyu granits bytiinogo prostanstva: Avtoref. diss. kand. psikh. nauk., (Personal characteristics of environmental behavior aimed at realizing the boundaries of existential space: author’s abstract, dissertation)*. Cand. Sci. (Psychology), Krasnodar. (In Russ.).
- Buttazzoni, A., Ellard, C., Sadiora, S., Minaker, L. (2022). Toward conceptualizing “place immersion” as a spatial neuropsychosocial phenomenon: A multidisciplinary meta-review synthesis. *Journal of Environmental Psychology*, (81). <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2022.101810>
- Dmitrieva, N.S. (2015). *Domashnyaya sreda kak resurs psikhologicheskogo blagopoluchiya: Avtoref. Diss. kand. psikh. nauk. (Home environment as a resource for psychological well-being: author’s abstract, dissertation)*. Cand. Sci. (Psychology), Moscow. (In Russ.).
- Drobysheva, T.V., Zhuravlev, A.L. (2016). The city as an object of research in social psychology: to the history of the issue. *Sotsial'naya i Ekonomicheskaya Psikhologiya (Social and Economic Psychology)*, 1(1), 197–217. (In Russ.).
- Dzyatkovskaya, E.N., Zakhlebnyi, A.N. (2021). Humanization of environmental education as a vector of its development until 2030. *Nepreryvnoe Obrazovanie: XXI vek (Continuous Education: XXI Century)*, 1(33), 1–14. (In Russ.).
- Gabidulina, S.E. (1991). *Psikhosemantika gorodskoi sredy (ob'ektivnye i sub'ektivnye faktory otnosheniya gorozhan k elementam gorodskogo landshafta): Diss. kand. psikh. nauk. (Psychosemantics of the urban environment (objective and subjective factors in the attitude of citizens to elements of the urban landscape): dissertation)*. Cand. Sci. (Psychology), Moscow. (In Russ.).
- Gamurak, A.V. (2019). New format of public spaces through the prism of participatory design. *Gumanitarnye Issledovaniya Tsentral'noi Rossii (Humanitarian Studies of Central Russia)*, 2(11), 58–64. (In Russ.).
- Gromova, A.S., Litvinova, O.G. (2021). Design of hospices in the concept of salutogenesis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta (Bulletin of the Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering)*, 23(2), 9–23. (In Russ.).
- Gusel'tseva, M.S. (2021). “Living space” in the context of everyday psychology: to the 130th anniversary of Kurt Lewin. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya (Bulletin of St. Petersburg University. Psychology)*, 11(1), 8–23. (In Russ.).
- Fleury-Bahi, G., Pol, E., Navarro, O. (Eds.). (2017). *Handbook of Environmental Psychology and Quality of the Life Research*. New York: Springer.
- Ivanov, D., Podolskii, D. (2021). Managing the work environment: current challenges and future trends in organizational psychology. *Organizatsionnaya Psikhologiya (Organizational Psychology)*, 11(4), 190–202. (In Russ.).
- Ivanova, T.Yu. (2016). *Funktsional'naya rol' lichnostnykh resursov v obespechenii psikhologicheskogo blagopoluchiya: Avtoref. diss. kand. psikh. nauk. (The functional role of personal resources in ensuring psychological well-being: abstract, dissertation)*. Cand. Sci. (Psychology), Moscow. (In Russ.).
- Kaptsevich, O.A. (2021). Psychological effects of visual perception of the urban environment: a systematic review. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki (Psychology. Journal of the Higher School of Economics)*, 18(3), 575–579. (In Russ.).
- Khazova, S.A. (2013). Mental resources of the subject: the problem of defining the concept. In: *Ideas O.K. Tikhomirov and A.V. Brushlinsky and fundamental problems of psychology (on the occasion of his 80th birthday)*. Materials of the All-Russian Scientific Conference with Foreign Participation (pp. 148–151). (In Russ.).
- Kiyanencko, K.V. (2021). “Environment and Architecture” as an ongoing discourse. *Arkhitektura i stroitel'stvo v Rossii (Architecture and construction in Russia)*, 2(238), 5–8. (In Russ.).
- Kovalev, G.A. (1993). Child’s mental development and living environment. *Voprosy psikhologii*, (1), 13–23. (In Russ.).
- Leont'ev, D.A. (2010). Psychological resources for overcoming stressful situations: towards clarifying basic constructs. In: *Psychology of stress and coping behavior*. Materials of the Second International Scientific and Practical Conference (pp. 40–42). Kostroma. (In Russ.).
- Leont'ev, D.A. (Ed.). (2011). *Personal potential: structure and diagnostics*. Moscow: Smysl. (In Russ.).
- Martsinkovskaya, T.D. (2017). Psychology of everyday life: an oxymoron or a new trend in psychology. *Psikhologicheskie Issledovaniya (Psychological Research)*, 56(10). <https://doi.org/10.54359/ps.v10i56.340> (In Russ.).
- Martsinkovskaya, T.D. (2021). Urban capital and the chronotope of the city: a new look at urban everyday life. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya (Bulletin of St. Petersburg University. Psychology)*, 11(4), 301–311. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.401> (In Russ.).
- Maryutina, T.M., Panyukova, Yu.G. (2004). Psychological representation of the spatial-subject environment. The idea of systematicity in psychology. Collective monograph. In: *V.A. Barabanshchikova, K.A. Abulkhanova (Eds.)*. Series: Proceedings of the Institute of Psychology (pp. 469–491). Moscow: Publishing house IP RAN. (In Russ.).
- Melekhin, A.I. (2019). *Mental'nye resursy v pozhilom i staryeskom vozraste: Avtoref. diss. kand. psikh. nauk. (Mental resources in old and senile age: author’s abstract, dissertation)*. Cand. Sci. (Psychology), Moscow. (In Russ.).

- Mittelmark, M.B., Bauer, G.F., Vaandrager, L., Pelikan, J.M., Sagy, S., Eriksson, M., Lindström, B., Meier Magistretti, C. (2017). *The Handbook of Salutogenesis*. New York: Springer.
- Morosanova, V.I. (2014). Conscious self-regulation of a person's voluntary activity as a psychological resource for achieving goals. *Theoretical and Experimental Psychology*, 7(4), 62–78. (In Russ.).
- Nartova-Bochaver, S.K. (2019). Living environment as a source of stress and a resource for overcoming it: returning to the psychology of everyday life. *Psikhologicheskii Zhurnal (Psychological Journal)*, 40(5), 15–26. (In Russ.).
- Nosulenko, V.N. (2007). *Psychophysics of perception of the natural environment. The problem of perceived quality*. Moscow: Publishing house IP RAN. (In Russ.).
- Osorina, M.V. (1997). *The secret world of a child in the space of the world of adults*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Panov, V.I. (2013). Ecopsychological interactions: types and typology. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo (Social Psychology and Society)*, (3), 13–27. (In Russ.).
- Panov V.I. (2017). From ecological psychology to subject-environmental interactions. Subject-environmental interactions: an ecopsychological approach to the development of the psyche: a collective monograph. In: M.O. Mdivani (Ed.) (pp. 4–13). Moscow: Pero. (In Russ.).
- Panov, V.I. (2022). Ecopsychological approach to mental development: stages, prerequisites, constructs. *Theoretical and Experimental Psychology*, 15(3), 100–117. (In Russ.).
- Panyukova, Yu.G. (2009). Empirical study of the structural organization of psychological representation of the spatial-objective environment. *Eksperimental'naya Psikhologiya (Experimental Psychology)*, 2(3), 111–122. (In Russ.).
- Parfenova, A.G., Safonova, M.V. (2022). Features of the activity of modern adolescents and the possibility of its development through the subject-spatial component of the educational environment. *Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva. Seriya: Psikhologicheskie nauki. (Bulletin KSPU im. V.P. Astafieva. Series: Psychological Sciences)*, (1), 68–84. (In Russ.).
- Pavlova, M.V., Nartova-Bochaver, S.K. (2020). Routine (everyday) self-help techniques in the office: the example of an architects' workshop. *Organizatsionnaya Psikhologiya (Organizational Psychology)*, 10(3), 164–184. (In Russ.).
- Pleshkevich, I.B. (2018). *Povsednevnye praktiki gorozhan v kontekste transformatsii gorodskogo prostranstva. Magisterskaya dissertatsiya. Everyday practices of citizens in the context of the transformation of urban space*. Master's dissertation. Tomsk: NI TGU. Faculty of Philosophy. (In Russ.).
- Pryazhnikova, E.Yu., Golub', O.V. (2012). The role of perception of the urban environment in the adaptation of adolescents. *Psikhologicheskaya Nauka i Obrazovanie (Psychological Science and Education)*. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n4/57545.shtml (access date: 13.12.2022). (In Russ.).
- Samoshkina, I.S. (2008). Territorial identity as a subject of socio-psychological research. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie (Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy. Education)*, (3), 43–53.
- Savina, O.O., Baranova, V.A. (2017). Environmental conditions in the formation of urban identity of new residents of the metropolis. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya (Psychology. Historical-critical reviews and modern studies)*, 6(2A), 171–180. (In Russ.).
- Semenova, T.V. (2007). *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya gorodskoi mental'nosti: Diss. Doct. psikhol. nauk. (Theoretical and applied aspects of socio-psychological research of urban mentality: dissertation)*. Dr. Sci. (Psychology), Samara. (In Russ.).
- Semenova, T.V. (2020). *Urban mentality: a socio-psychological study*. Monograph. Samara: Porto-print. (In Russ.).
- Sergienko, E.A. (2018). Behavior control as the basis of self-regulation. *South Russian Journal of Social Sciences. Yuzhno-Rossiiskii zhurnal Sotsial'nykh Nauk (South Russian Journal of Social Sciences)*, 19(4), 130–146. (In Russ.).
- Sovmiz, Z.R. (2017). *Psikhologicheskie resursy lichnosti kak sub'ekta preodoleniya stressa v usloviyakh komandnoi deyatel'nosti: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. (Psychological resources of the individual as a subject of overcoming stress in a team environment: author's abstract, dissertation)*. Cand. Sci. (Psychology), Krasnodar. (In Russ.).
- Tolochek, V.A. (2010). Professional success: the concepts of “abilities” and “resources” in explaining the phenomenon. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie (Man. Community. Management)*, (2), 20–38. (In Russ.).
- Tolochek, V.A. (2018). Man as a subject in the continuum of “inclinations — competencies”. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya (News of Saratov University Series: Acmeology of Education. Developmental Psychology)*, 7(1), 16–25. (In Russ.).
- Tolochek, V.A. (2018). The phenomenon of “resources”: topos and chronos in the actualization of environmental conditions as resources. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya (News of Saratov University Series: Acmeology of Education. Developmental Psychology)*, 7(3), 250–260. (In Russ.).
- Tolochek, V.A. (2022). Social success of the subject, environment, resources: open questions. *Lomonosov Psychology Journal*, 45(4), 136–158. (In Russ.).
- Vets', I.V. (2022). Conscious self-regulation and personal properties as resources for meeting the deadlines for health restoration after surgical interventions. *Theoretical and Experimental Psychology*, 15(2), 28–45. (In Russ.).
- Vodopyanova, N.E. (2014). *Resursnoe obespechenie protivodeistviya professional'nomu vygoraniyu sub'ektov truda (na primere spetsialistov "sub'ekt-sub'ektnoi" professii): Avtoref. diss. doct. psikhol. nauk. (Resource provision to counteract professional burnout of labor subjects (using the example of specialists in the "subject-subject" profession): abstract of thesis)*. Dr. Sci. (Psychology), St. Petersburg. (In Russ.).
- Vol'vich, Yu.K. (2018). *Psikhologicheskie resursy ustoychivosti lichnosti k stressu v organizatsiyakh razlichnykh sfer i vidov deyatel'nosti: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. (Psychological resources of personality resistance to stress in organizations of various spheres and types of activity: author's abstract, dissertation)*. Cand. Sci. (Psychology), Krasnodar. (In Russ.).
- Zaretskii, V.K. (2021). To the 90th anniversary of V.P. Zinchenko and V.M. Munipov — the “fathers” of ergonomics. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya (Cultural-Historical Psychology)*, 17(4), 137–141. <https://doi.org/10.17759/chp.2021170415>. (In Russ.).
- Zimnyaya, I.A. (2004). Key competencies as a result-target basis of a competency-based approach in education. — Educational edition. Proceedings of the methodological seminar. Moscow. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Юлия Геннадьевна Панюкова, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории экопсихологии развития и психодидактики Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований; профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования гуманитарно-педагогического факультета Российского государственного аграрного университета — МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва, Российская Федерация, apanukov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1840-4559>

Julia G. Panukova, Dr. Sci. (Psychology), Leading Researcher at the Laboratory of Ecopsychology of Development and Psychodidactics, Federal Scientific Center for Psychological and Multidisciplinary Research; Professor at the Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, Faculty of Humanities and Pedagogy, Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation, apanukov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1840-4559>

Елена Сергеевна Александрова, старший научный сотрудник лаборатории экопсихологии развития и психодидактики Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, sedova.el@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6986-7759>

Elena S. Alexandrova, Senior Researcher at the Laboratory of Ecopsychology of Development and Psychodidactics, Federal Scientific Center for Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, sedova.el@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6986-7759>

Поступила: 19.12.2022; получена после доработки: 17.03.2023; принята в печать: 06.05.2024.

Received: 19.12.2022; revised: 17.03.2023; accepted: 06.05.2024.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ / METHODOLOGY AND RESEARCH METHODS IN PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0210>
УДК/UDC 159.9, 316.6

Жизнестойкость личности и факторы «Большой пятерки»

М.И. Постникова^{1,2} ✉, В.И. Пищик², Н.В. Сиврикова³, А.В. Микляева⁴

¹ Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация

² Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

³ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Российская Федерация

⁴ Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ post-margarita@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Поиск личностных черт, выступающих предикторами жизнестойкости, является широко распространенной исследовательской задачей, однако результаты многочисленных исследований оказываются трудно сопоставимыми друг с другом в силу разнообразия изучаемых личностных характеристик. Преодоление этой ситуации предполагает использование универсальных моделей личностных черт, к числу которых относится модель «Большой пятерки».

Цель. Изучение взаимосвязи черт «Большой пятерки» и уровня жизнестойкости личности.

Выборка. Выборку составили 808 респондентов (46,2% мужчин и 53,8% женщин) в возрасте от 17 до 82 лет.

Методы. Для сбора эмпирических данных применялись: опросник «Hardiness Survey» в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой; краткий опросник «Большой пятерки» (КОБП) в адаптации А.С. Сергеевой, Б.А. Кириллова, А.Ф. Джумагуловой. Математическая обработка результатов исследования включала методы описательной статистики, корреляционный, регрессионный и однофакторный дисперсионный анализ.

Результаты. Обнаружены взаимосвязи между показателем жизнестойкости и ее отдельными компонентами и четырьмя чертами «Большой пятерки», такими как экстраверсия, добросовестность, эмоциональная стабильность и открытость опыту; помимо этого, показатель вовлеченности продемонстрировал взаимосвязи с согласием как фактором «Большой пятерки» ($p \leq 0,05$). Регрессионный анализ ($R^2 = 0,28$) позволил констатировать, что значимыми предикторами жизнестойкости являются экстраверсия ($\beta = 0,17$), эмоциональная стабильность ($\beta = 0,19$) и добросовестность ($\beta = 0,20$).

Выводы. Результаты исследования могут использоваться при разработке программ психологического вмешательства, направленных на содействие повышению стрессоустойчивости молодежи, взрослых и пожилых людей. Перспективы исследования связаны с детальным изучением взаимосвязей между жизнестойкостью и факторами «Большой пятерки» с учетом различных социально-демографических факторов.

Ключевые слова: жизнестойкость, предикторы жизнестойкости, «Большая пятерка», эмоциональная стабильность, экстраверсия, добросовестность

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00520.

Для цитирования: Постникова, М.И., Пищик, В.И., Сиврикова, Н.В., Микляева, А.В. (2024). Жизнестойкость личности и факторы «Большой пятерки». *Национальный психологический журнал*, 19(2), 121–130. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0210>

Hardness of Personality and the Big Five Traits

Margarita I. Postnikova^{1,2}✉, Vlada I. Pishchik², Nadezhda V. Sivrikova³,
Anastasia V. Miklyaeva⁴

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation

² Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

³ South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

⁴ Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Federation

✉ post-margarita@yandex.ru

Abstract

Background. The search for personality traits that are outstanding predictors of hardness is a widespread research task. However, research results are difficult to access due to the variety of personality characteristics studied. Overcoming this situation involves the use of universal models of personality traits, which include the Big Five model.

Objective. Analysis of the relationship between the traits of the Big Five and the hardness level of a person.

Study Participants. The sample consisted of 808 respondents (46.2% men and 53.8% women) aged 17 to 82.

Methods. The empirical data were collected by: the questionnaire “Hardiness Survey” adapted by D.A. Leontiev and E.I. Rasskazova; the short questionnaire of the Big Five adapted by A.S. Sergeeva, B.A. Kirillov, and A.F. Dzhumagulova. Mathematical processing of the research results included methods of descriptive statistics, correlation analysis, regression analysis and one-factor analysis of variance.

Results. Correlations were found between the total index of hardness and its components and four traits of the Big Five, such as extroversion, conscientiousness, emotional stability and openness. In addition, the indicator of commitment demonstrated the relationship with agreeableness as a factor of the Big Five ($p \leq 0.05$). Regression analysis ($R^2 = 0.28$) allowed us to state that significant predictors of hardness are extraversion ($\beta = 0.17$), emotional stability ($\beta = 0.19$) and conscientiousness ($\beta = 0.20$).

Conclusions. The results of the study can be used in the development of psychological intervention programmes aimed at promoting the stress resistance of young people, adults and the elderly. The prospects of the study are associated with a detailed study of the relationship between resilience and the factors of the Big Five, taking into account various socio-demographic factors.

Keywords: hardness, predictors of hardness, Big Five, emotional stability, extraversion, conscientiousness

Funding. The study has been supported by Russian Science Foundation, project No. 22-28-00520.

For citation: Postnikova, M.I., Pishchik, V.I., Sivrikova, N.V., Miklyaeva, A.V. (2024). Hardness of Personality and the Big Five Traits. *National Psychological Journal*, 19(2), 121–130. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0210>

Введение

Рост числа стрессоров и их интенсивность, внимание к человеческому капиталу как фактору конкурентоспособности требуют от научного сообщества поиска ресурсов, обеспечивающих эффективное функционирование личности в любых условиях. В современной психологии в качестве одного из важнейших ресурсов личности рассматривается жизнестойкость. Концепция жизнестойкости (hardiness) была предложена С. Мадди и С. Кобейса (Kobasa et al., 1982) для обозначения особого набора черт личности, которые обеспечивают стрессоустойчивость личности, составляя внутренние ресурсы, связанные с особым восприятием кризисной ситуации и опосредующие воздействие стрессора.

Жизнестойкость представляет собой комплекс убеждений о себе, об окружающем мире, об отношениях с ним, включающий три автономных элемента: вовлеченность (активное участие во всем,

что происходит), контроль (убежденность в том, что путем борьбы можно влиять на последствия происходящих событий) и принятие риска (стремление пережить собственный опыт, будь он позитивным или негативным) (Maddi, 2017). Три установки жизнестойкости дополняют друг друга, вместе образуя диспозицию, которая помогает снижать и легче переносить онтологическую тревогу, связанную с выбором будущего, превращая стрессовые обстоятельства из потенциальных катастроф в факторы личностного роста (Maddi, 2020). Выраженность компонентов жизнестойкости препятствует созданию внутреннего напряжения, возникающего в стрессовых ситуациях, за счет устойчивого противодействия стрессам и восприятия их как менее значимых (Леонтьев, Рассказова, 2006). Жизнестойкость является защитным механизмом, который запускается при столкновении с негативными жизненными событиями или неблагоприятными условиями жизни (Виничук, 2020; Yaprak et al., 2018).

При этом жизнестойкость обеспечивает личности в стрессовых ситуациях возможность зрелой саморегуляции, тем самым способствуя отказу от сохранения личностью себя прежней и ее стремлению к самоизменению, что позволяет рассматривать ее как важнейшую составляющую личностного потенциала (Леонтьев, Рассказова, 2011).

К сегодняшнему дню описаны взаимосвязи жизнестойкости с различными чертами личности. Установлена прямая взаимосвязь между жизнестойкостью и экстраверсией (Наливайко, 2018; Шерешкова, 2019; Zhang, 2011), обратные корреляции обнаружены между жизнестойкостью и интроверсией (Наливайко, 2018), тревожностью (Наливайко, 2018; Шерешкова, 2019; Samoilov, Aleshicheva, 2022), ригидностью (Наливайко, 2018; Наливайко, 2010; Осин, Рассказова, 2013), эмоциональной возбудимостью (Осин, Рассказова, 2013), агрессивностью (Кузнецова, Таранова, 2021; Омарова, 2018; Чухрова и др., 2018; Samoilov, Aleshicheva, 2022; Rathee, Kaushik, 2022), внутренней конфликтностью (Наливайко, 2018), осознанностью (Subramanian et al., 2013).

Отметим, что при всем многообразии сведений о взаимосвязях между жизнестойкостью и личностными чертами результаты соответствующих исследований трудно сопоставимы друг с другом в силу отсутствия единого методологического основания исследования личности. Представляют особый интерес использование в контексте подобных исследований универсальных личностных моделей, таких как модель «Большой пятерки», которая предполагает, что вариативность черт личности связана с изменчивостью пяти независимых измерений: экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, эмоциональная стабильность, открытость опыту (Alegre et al., 2019). Данная модель является независимой от языка и других культурных аспектов людей, кросскультурные исследования на шести континентах подтверждают идею о том, что модель «Большой пятерки» личностных черт является универсальной конструкцией (Радюк и др., 2016; Gurven et al., 2013; Bartone et al., 2009; Zhang, 2011; Zhang, et al., 2022; Steyn, Ndofigepi, 2022), что делает ее удобным основанием для сравнительного анализа результатов исследований, раскрывающих взаимосвязи характеристик личностных ресурсов и черт личности (Bakker et al., 2006; Agbaria, Mokh, 2022; Rammstedt et al., 2022; Chen et al., 2022; Zacher, Rudolph, 2021), и в частности, жизнестойкости.

В зарубежной психологии имеется достаточно большое количество работ, посвященных взаимосвязям черт «Большой пятерки» и жизнестойкости. Установлено, что жизнестойкость положительно связана с экстраверсией, добросовестностью и открытостью опыту, и отрицательно с нейротизмом (Ramanaiah et al., 1999). С. Мадди доказал, что жизнестойкость отрицательно связана с нейротизмом и положительно с остальными чертами «Большой пятерки» (Maddi et al., 2002). В работе китайских иссле-

дователей представлены результаты регрессионного анализа, которые позволяют отметить экстраверсию, добросовестность и открытость опыту в качестве положительных предикторов жизнестойкости и нейротизм в качестве отрицательного (Zhang, 2011). Существенный вклад эмоциональной стабильности (как противоположного полюса нейротизма) в показатели жизнестойкости показали норвежские исследователи (Risan et al., 2022). В целом, эти исследования описывают общую тенденцию положительных взаимосвязей между жизнестойкостью и четырьмя составляющими «Большой пятерки», такими как экстраверсия, открытость опыту, согласие и добросовестность, на фоне ее отрицательной взаимосвязи с нейротизмом. В то же время, возможно, эти взаимосвязи не являются кросскультурно-универсальными, поскольку в некоторых исследованиях они не находят полного подтверждения. Так, например, в исследовании иранских коллег показано, что жизнестойкость положительно связана с экстраверсией, согласием и добросовестностью, однако при этом зафиксированы ее отрицательные корреляции с нейротизмом и с открытостью опыту (Fouladi, Shahidi, 2020).

В рамках представленного исследования особого внимания заслуживает тот факт, что отечественные исследователи не используют модель «Большой пятерки» для определения взаимосвязи личностных черт с уровнем жизнестойкости. Учитывая достоинства данной модели, подчеркиваемые зарубежными авторами, подобная тенденция представляется существенным пробелом в исследованиях отечественных авторов. Вместе с тем исследователями признается, что решение подобных задач позволит более эффективно организовывать вмешательства при работе с людьми, оказавшимися в трудных жизненных ситуациях. Мы посчитали необходимым восполнить этот пробел.

Цель исследования — изучение взаимосвязи конструкта жизнестойкости и черт «Большой пятерки». **Гипотеза** — жизнестойкость определяется чертами личности, составляющими «Большую пятерку».

Методы и методики

Для определения уровня жизнестойкости использовалась русскоязычная версия опросника «Hardiness Survey» (Maddi, 1998) в адаптации (Леонтьев, Рассказова, 2006). Опросник включает 45 высказываний. Для исследования черт личности использовался краткий опросник «Большой пятерки» (TIPI) (Gosling et al., 2003) в адаптации (Сергеева и др., 2016), для которой в открытом доступе представлены наиболее полные, в сравнении с аналогами (Егорова, Паршикова, 2016; Корнилова, Чумакова, 2016) психометрические характеристики. Для математической обработки результатов исследования использовались методы описательной статистики,

корреляционный (r_s), регрессионный (β) и однофакторный дисперсионный (F) анализ. Расчеты проводились с помощью пакета статистических программ IBM SPSS Statistics 23.

Выборка

В исследовании приняли участие 808 человек (46,2% мужчин и 53,8% женщин), проживающих в разных регионах России в возрасте от 17 до 82 лет. Сбор данных проводился в индивидуальной форме. Для каждого участника были подготовлены тексты опросников, который они заполняли самостоятельно. Интервьюеры объясняли цель исследования и отвечали на вопросы, связанные с процедурой заполнения стандартных бланков.

Таблица 1

Описательные статистики (Тест жизнестойкости и КОБП)

Показатели	Выборки респондентов						F
	17–32 года		33–60 лет		61 год и старше		
	M	S	M	S	M	S	
Жизнестойкость	79,74	21,25	80,11	18,54	78,45	18,52	0,33
Вовлеченность	32,34	10,87	33,12	10,39	32,44	9,91	0,43
Контроль	28,93	8,03	28,87	8,00	28,91	9,38	0,01
Принятие риска	18,47	5,85	18,11	4,96	17,13	5,99	1,43
Экстраверсия	8,41	2,58	8,27	2,53	7,34	2,29	8,07**
Согласие	9,22	2,29	9,55	2,19	9,38	2,48	1,33
Добросовестность	10,79	2,26	11,30	1,92	10,70	2,40	5,59**
Эмоциональная стабильность	8,54	2,95	8,52	2,64	8,70	2,40	0,23
Открытость опыту	10,08	2,28	9,49	2,48	8,96	2,40	8,96**

** — $p \leq 0,01$

Table 1

Descriptive statistics (Hardiness test and Big Five)

Parameters	Samples (age)						F
	17–32		33–60		>61		
	M	S	M	S	M	S	
Hardiness	79.74	21.25	80.11	18.54	78.45	18.52	0.33
Commitment	32.34	10.87	33.12	10.39	32.44	9.91	0.43
Control	28.93	8.03	28.87	8.00	28.91	9.38	0.01
Challenge	18.47	5.85	18.11	4.96	17.13	5.99	1.43
Extraversion	8.41	2.58	8.27	2.53	7.34	2.29	8.07**
Agreeableness	9.22	2.29	9.55	2.19	9.38	2.48	1.33
Conscientiousness	10.79	2.26	11.30	1.92	10.70	2.40	5.59**
Emotional stability	8.54	2.95	8.52	2.64	8.70	2.40	0.23
Openness	10.08	2.28	9.49	2.48	8.96	2.40	8.96**

** — $p \leq 0.01$

Однофакторный дисперсионный анализ позволил выявить различия между возрастными группами по показателям экстраверсии и открытости опыту, которые последовательно снижаются от более молодого к более старшим возрастам. Открытость опыту наряду с согласием довольно ярко представлены в личностных профилях респондентов независимо от возраста, тогда как значения показателей эмоциональной стабильности и экстраверсии в личностных профилях всех возрастных групп занимают четвертое и пятое место соответственно. В целом, можно констатировать схожесть личностных профилей респондентов разных воз-

растных групп, несмотря на отдельные количественные различия показателей, что позволяет осуществлять последующий анализ влияния факторов «Большой пятерки» на показатели жизнестойкости без учета возрастных различий.

По результатам корреляционного анализа (Таблица 2), все исследуемые параметры жизнестойкости взаимосвязаны с четырьмя чертами личности из модели «Большой пятерки»: экстраверсия, добросовестность, эмоциональная стабильность и открытость опыту. Со всеми пятью факторами «Большой пятерки» оказался взаимосвязан только такой компонент жизнестойкости, как «вовлеченность».

Таблица 2
Корреляции между жизнестойкостью и чертами личности

Показатели	Экстраверсия	Согласие	Добросовестность	Эмоциональная стабильность	Открытость опыту
Жизнестойкость	0,216***	0,069	0,225***	0,246***	0,147***
Вовлеченность	0,190***	0,131***	0,200***	0,207***	0,100**
Контроль	0,183***	0,049	0,207***	0,247***	0,141***
Принятие риска	0,175***	0,082*	0,165***	0,162***	0,142***

* — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; *** — $p \leq 0,01$

Table 2
Correlations between hardiness and personality traits

Parameters	Extraversion	Agreeableness	Conscientiousness	Emotional stability	Openness
Hardiness	0.216***	0.069	0.225***	0.246***	0.147***
Commitment	0.190***	0.131***	0.200***	0.207***	0.100**
Control	0.183***	0.049	0.207***	0.247***	0.141***
Challenge	0.175***	0.082*	0.165***	0.162***	0.142***

* — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; *** — $p \leq 0,001$

На основе результатов регрессионного анализа (Таблица 3) можно отметить, что среди показателей «Большой пятерки» наиболее надежным, независи-

мым от возраста респондентов предиктором жизнестойкости является добросовестность, эмоциональная стабильность и экстраверсия.

Таблица 3
Результаты регрессионного анализа (множественная регрессия с пошаговым включением переменных, $R^2 = 0,28$)

Предикторы жизнестойкости	БЕТА	Ст.Ош. БЕТА	В	Ст.Ош. В	t	p
Свободный член			82,80	1,56	53,18	0,00
Экстраверсия	0,17	0,07	0,53	0,22	2,37	0,02
Эмоциональная стабильность	0,19	0,09	0,61	0,27	2,26	0,02
Добросовестность	0,20	0,09	0,63	0,30	2,07	0,04

Table 3
Regression analysis results (multiple regression with step-by-step inclusion of variables, R² = 0.28)

Hardiness predictors	Beta	Std.Err. of beta	B	Std.Err. of B	t	p
Intercept			82.80	1.56	53.18	0.00
Extraversion	0.17	0.07	0.53	0.22	2.37	0.02
Emotional stability	0.19	0.09	0.61	0.27	2.26	0.02
Conscientiousness	0.20	0.09	0.63	0.30	2.07	0.04

Обсуждение результатов

Цель нашего исследования заключалась в анализе взаимосвязей между жизнестойкостью и личностными факторами «Большой пятерки». Отсутствие статистически значимых различий между показателями жизнестойкости, а также схожесть личностных профилей респондентов разных возрастных групп, несмотря на отдельные количественные различия показателей, позволили нам осуществлять анализ влияния факторов «Большой пятерки» на показатели жизнестойкости на материале совокупной выборки, без учета возрастных различий. Полученные с помощью корреляционного и регрессионного анализа данные соответствуют результатам исследований, проведенных зарубежными авторами. В частности, ранее было установлено, что связь жизнестойкости с экстраверсией, добросовестностью, открытостью опыту и эмоциональной стабильностью носит прямой характер.

Наиболее часто в исследованиях из всех факторов «Большой пятерки» с жизнестойкостью оказывалась связана такая черта личности, как эмоциональная стабильность (противоположность нейротизму) (Maddi et al., 2002; Ramanaiah et al., 1999; Risan et al., 2022; Zhang, 2011). Эти данные подтверждают существенный вклад эмоциональной стабильности в формирование способности человека выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутренний баланс и успешность деятельности, что, вероятно, определяется значимостью эмоциональной стабильности для становления экзистенциальной отваги, которая предполагает готовность действовать вопреки онтологической тревоге, тревоге потери смысла, вопреки чувству одиночества и безысходности (Леонтьев, Рассказова, 2006).

Другая черта личности, которая, согласно нашим данным, вносит вклад в жизнестойкость — экстраверсия. Аналогичные данные были получены и в других исследованиях (Maddi et al., 2002; Ramanaiah et al., 1999; Zhang, 2011). Связь жизнестойкости с экстраверсией может быть объяснена сопряженностью экстраверсии с оптимистичностью и способностью к положительной переоценке проблемной ситуации, а также с использова-

нием рациональных стратегий, направленных на решение проблем и на поиск социальной поддержки (Bakker et al., 2006).

Наше исследование также отражает связь контроля и добросовестности, как это было показано и в исследованиях других авторов (Maddi et al., 2002; Ramanaiah et al., 1999; Zhang, 2011). Влияние добросовестности на уровень жизнестойкости можно объяснить тем, что эта черта личности связана с постоянством, сознательностью и самодисциплиной (Bakker et al., 2006). Вероятно, именно эти качества способствуют формированию установки на контроль, которая является компонентом жизнестойкости.

Параметр открытости опыту, хотя и оказался взаимосвязанным с показателями жизнестойкости, не вошел в регрессионную модель, что противоречит некоторым ранее опубликованным результатам, согласно которым открытость опыту является положительным предиктором жизнестойкости (Zhang, 2011). Учитывая, что в некоторых исследованиях этот параметр демонстрирует отрицательные взаимосвязи с жизнестойкостью (Fouladi, Shahidi, 2020), можно предполагать, что его вклад в жизнестойкость более культурно-специфичен, в сравнении с эмоциональной устойчивостью, экстраверсией и добросовестностью. То же самое можно отметить в отношении параметра «согласие», который в нашем исследовании оказался наиболее слабым коррелятом жизнестойкости и не вошел в итоговую регрессионную модель. Одно из возможных объяснений этих фактов связано с относительно низкой согласованностью данных шкал (в сравнении с другими шкалами), которая характерна как для российских, так и для зарубежных кратких версий опросника «Большой пятерки» (Сергеева и др., 2016; Егорова, Паршикова, 2016; Корнилова, Чумакова, 2016).

Таким образом, результаты, полученные на российской выборке, подтверждают универсальный характер вклада в жизнестойкость эмоциональной стабильности, экстраверсии и добросовестности как ее положительных предикторов, вне зависимости от национального контекста, в то время как данные о вкладе в показатели жизнестойкости открытости опыту и согласию в нашем исследовании не нашли подтверждения.

Следует отметить ряд ограничений представленного исследования. Во-первых, относительно небольшой объем выборки не позволил нам провести более подробный анализ влияния социально-демографических факторов (пола, уровня образования и др.) на взаимосвязи между уровнем жизнестойкости и факторами «Большой пятерки». Во-вторых, ограничение исследования связаны с тем, что для определения обеих исследуемых переменных использовались самоотчеты респондентов, которые могли быть подвержены факторам социальной желательности. Кроме того, нами использовалась краткая версия Опросника «Большой пятерки», которая может быть менее чувствительной к измеряемым переменным, чем полная. Однако сопоставление полученных данных с результатами других исследований, а также их критический анализ позволяют существенно снизить перечисленные недостатки исследования.

Перспективы исследования связаны с более детальным изучением взаимосвязей между жизнестойкостью и факторами «Большой пятерки», предполагающим учет широкого спектра социально-демографических факторов.

Выводы

Результаты исследования частично подтвердили гипотезу о том, что жизнестойкость определяется чертами личности, составляющими «Большую пятерку». Значимыми предикторами жизнестойкости оказались эмоциональная стабильность, экстраверсия и добросовестность. Соответствие полученных в нашем исследовании результатов данным исследований, проведенных в других странах, позволяет отметить универсальный, независимый от национального контекста характер взаимосвязей между жизнестойкостью и такими факторами «Большой пятерки», как эмоциональная стабильность, экстраверсия и добросовестность. Это позволяет рекомендовать при планировании программ по преодолению трудных жизненных ситуаций рассматривать интровертов и людей с высоким уровнем нейротизма как группу риска. Также при разработке программ вмешательств, направленных на формирование жизнестойкости, полезно будет использовать описанные данные для разработки блоков, связанных с личностным ростом и самосовершенствованием.

Список литературы

- Виничук, Н.В. (2020). Выраженность жизнестойкости у молодых людей России и Израиля в ситуации самоизоляции периода распространения коронавируса. *Национальный психологический журнал*, 13(3), 22–29.
- Егорова, М.С., Паршикова, О.В. (2016). Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (Б510). *Психологические исследования*, 9(45), 9. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.492>
- Корнилова, Т.В., Чумакова, М.А. (2016). Апробация краткого опросника Большой пятерки (TIPI, КОБТ). *Психологические исследования*, 9(46), 5. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i46.480>
- Кузнецова, С.О., Таранова, В.А. (2021). Взаимосвязь уровня агрессивности и жизнестойкости у старших подростков. *Психологические исследования*, 14(80). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i80.110>
- Леонтьев, Д.А., Рассказова, Е.И. (2006). Тест жизнестойкости. Москва: Смысл.
- Леонтьев, Д.А., Рассказова, Е.И. (2011). Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала. Личностный потенциал: структура и диагностика. Москва: Смысл.
- Наливайко, Т.В. (2010). Жизнестойкость и ее связь со свойствами личности. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ.
- Наливайко, Т.В. (2018). Связь жизнестойкости со стилевой саморегуляцией поведения у студентов, обучающихся в малом и большом городах. *Вестник ЮУрГУ. Серия Психология*, 11(2), 117–123. <https://doi.org/10.14529/psy180213>
- Омарова, М.К. (2018). Жизнестойкость в ее взаимосвязи с отдельными характеристиками личности. *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки*, 33(1), 95–100. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2018-33-1-95-100>
- Осин, Е.Н., Рассказова, Е.И. (2013). Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 36(2), 147–165.
- Радюк, О.М., Басинская, И.В., Воронкова, Я.Ю. (2016). «Большая пятёрка» личностных особенностей. В сборнике: 2-й Международ. съезд Ассоциации когнитивно-поведенческой психотерапии. Сборник научных статей (С. 92–104). Санкт-Петербург: СИНЭЛ.
- Сергеева, А.С., Кириллов, Б.А., Джумагулова, А.Ф. (2016). Перевод и адаптация краткого пятифакторного опросника личности (TIPI-RU): оценка конвергентной валидности, внутренней согласованности и тест-ретестовой надежности. *Экспериментальная психология*, 9(3), 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311>
- Чухрова, М.Г., Митрофанова, О.Е., Филь, Т.А., Пронин, С.В., Александрова, А.А. (2018). Анализ жизнестойкости в контексте агрессивности личности. *Мир науки, культуры, образования*, 72(5), 359–362.
- Шерешкова, Е.А. (2019). Взаимосвязь личностных свойств и жизнестойкости будущих педагогов. *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*, 1(41), 112–120.
- Agbaria, Q., Mokh, A.A. (2022). Coping with stress during the coronavirus outbreak: The contribution of big five personality traits and social support. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 20(3), 1854–1872. <https://doi.org/10.1007/s11469-021-00486-2>
- Alegre, A., Perez-Escoda, N., Lopez-Cassa, E. (2019). The relationship between trait emotional intelligence and personality. Is trait EI really anchored within the Big Five, Big Two and Big One frameworks? *Frontiers in Psychology*, (10), 866. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00866>

Bakker, A.B., Van Der Zee, K.I., Lewig, K.A., Dollard, M.F. (2006). The Relationship Between the Big Five Personality Factors and Burnout: A Study Among Volunteer Counselors. *The Journal of Social Psychology*, 146(1), 31–50. <https://doi.org/10.3200/SOCP.146.1.31-50>

Bartone, P.T., Eid, J., Johnsen, B.H., Laberg, J.C., Snook, S.A. (2009). Big five personality factors, hardiness, and social judgment as predictors of leader performance. *Leadership & Organization Development Journal*, 30(6), 498–521. <https://doi.org/10.1108/01437730910981908>

Chen, L., Qu, L., Hong, R.Y. (2022). Pathways linking the big five to psychological distress: Exploring the mediating roles of stress mindset and coping flexibility. *Journal of Clinical Medicine*, 11(9), 2272. <http://dx.doi.org/10.3390/jcm11092272>

Fouladi, N., Shahidi, E. (2017). The Role of Personality Traits and Life Expectancy in Predicting Psychological Hardiness in Students Regarding Sexuality. *Clinical Psychology and Personality*, 15(1), 93–101.

Gosling, S.D., Rentfrow, P.J., Swann, W.B. (2003). A very brief measure of the big-five personality domains. *Journal of Research in Personality*, 37(6), 504–528.

Curven, M.C., von Rueden, C., Massenkoff, M., Kaplan, H., Lero, V.M. (2013). How universal is the Big Five? Testing the five-factor model of personality variation among forager–farmers in the Bolivian Amazon. *Journal of Personality and Social Psychology*, 104(2), 354–370. <https://doi.org/10.1037/a0030841>

Kobasa, S.C., Maddi, S.R., Kahn, S. (1982). Hardiness and health: A prospective study. *Journal of Personality and Social Psychology*, 42(1), 168–177. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.42.1.168>

Maddi, S.R. (2017). Hardiness as a pathway to resilience under stress. In: U. Kumar (Ed.). *Routledge international handbook of psychosocial resilience* (pp. 104–110). Oxford: Routledge.

Maddi, S.R. (2020). Personality Hardiness. *The Wiley Encyclopedia of Health Psychology*. Hoboken: Wiley-Blackwell.

Maddi, S.R., Khoshaba, D.M., Persico, M., Lu, J., Harvey, R., Bleecker, F. (2002). The personality construct of hardiness, II: Relationships with comprehensive tests of personality and psychopathology. *Journal of Research in Personality*, 36(1), 72–85.

Ramanaiah, N.V., Sharpe, J.P., Byravan, A. (1999). Hardiness and major personality factors. *Psychological Reports*, 84(2), 497–500.

Rammstedt, B., Lechner, C.M., Weib, B. (2022). Does personality predict responses to the COVID-19 crisis? Evidence from a prospective large-scale study. *European Journal of Personality*, 36(1), 47–60.

Rathee, R., Kaushik, N. (2022). A Correlational Study of Aggression and Hardiness among Adolescents. *International Journal of Education and Management Studies*, 12(4), 331–333.

Risan, P., Skoglund, T.H., Sandvik, A.M., Milne, R. (2022). Personality and hardiness among police students: An evaluative pilot study. *Nordic Journal of Studies in Policing*, 1(1), 1–11. <https://doi.org/10.18261/njsp.9.1.9>

Samoilov, N.G., Aleshicheva, A.V. (2023). Correlation between hardiness and negative personal states in athletic activities. *Sport Sciences for Health*, 19(2), 679–689.

Steyn, R., Ndofirepi, T.M. (2022). Structural validity and measurement invariance of the short version of the Big Five Inventory (BFI-10) in selected countries. *Cogent Psychology*, 9(1), 2095035. <https://doi.org/10.1080/23311908.2022.2095035>

Subramanian, S., Velayudhan, A., Vinothkumar, M. (2013). Hardiness and Personality as Predictors of Military Enlistment Intention among the Indian. *Psychological Studies*, 58(1), 66–72. <https://doi.org/10.1007/s12646-012-0162-x>

Yaprak, P., Guclu, M.T., Durhan, T.A. (2018). The Happiness, Hardiness, and Humor Styles of Students with a Bachelor's Degree in Sport Sciences. *Behavioral Science*, 8(9), 82. <https://doi.org/10.3390/bs8090082>

Zacher, H., Rudolph, C.W. (2021). Big Five traits as predictors of perceived stressfulness of the COVID-19 pandemic. *Personality and Individual Differences*, 175, 110694. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110694>

Zhang, B., Li, Y.M., Li, J., Luo, J., Ye, Y., Yin, L., Chen, Z., Soto, C.J., John, O.P. (2022). The big five inventory–2 in China: A comprehensive psychometric evaluation in four diverse samples. *Assessment*, 29(6), 1262–1284. <https://doi.org/10.1177/10731911211008245>

Zhang, L. (2011). Hardiness and the Big Five personality traits among Chinese university students. *Learning and Individual Differences*, 21(1), 109–113. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2010.05.006>

References

Agbaria, Q., Mokh, A.A. (2022). Coping with stress during the coronavirus outbreak: The contribution of big five personality traits and social support. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 20(3), 1854–1872.

Alegre, A., Perez-Escoda N., Lopez-Cassa, E. (2019). The relationship between trait emotional intelligence and personality. Is trait EI really anchored within the Big Five, Big Two and Big One frameworks? *Frontiers in Psychology*, 10(10), 866. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00866>

Bakker, A.B., Van Der Zee, K.I., Lewig, K.A., Dollard, M.F. (2006). The Relationship Between the Big Five Personality Factors and Burnout: A Study Among Volunteer Counselors. *The Journal of Social Psychology*, 146(1), 31–50. <https://doi.org/10.3200/SOCP.146.1.31-50>

Bartone, P.T., Eid, J., Johnsen, B.H., Laberg, J.C., Snook, S.A. (2009). Big five personality factors, hardiness, and social judgment as predictors of leader performance. *Leadership & Organization Development Journal*, 30(6), 498–521. <https://doi.org/10.1108/01437730910981908>

Chen, L., Qu, L., Hong, R.Y. (2022). Pathways linking the big five to psychological distress: Exploring the mediating roles of stress mindset and coping flexibility. *Journal of Clinical Medicine*, 11(9), 2272. <https://doi.org/10.3390/jcm11092272>

Chuxrova, M.G., Mitrofanova, O.E., Fil', T.A., Pronin, S.V., Aleksandrova, A.A. (2018). Analysis of resilience in the context of personality aggressiveness. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya (The World of Science, Culture and Education)*, 72(5), 359–362. (In Russ.).

Egorova, M.S., Parshikova, O.V. (2016). Psychometric properties of the Big Five Short Portrait Inventory (B510). *Psikhologicheskoe Issledovaniye (Psychological Studies)*, 9(45), 9. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.492> (In Russ.).

Fouladi, N., Shahidi, E. (2017). The Role of Personality Traits and Life Expectancy in Predicting Psychological Hardiness in Students Regarding Sexuality. *Clinical Psychology and Personality*, 15(1), 93–101.

Gosling, S.D., Rentfrow, P.J., Swann, W.B. (2003). A very brief measure of the big-five personality domains. *Journal of Research in Personality*, 37(6), 504–528.

- Gurven, M.C., von Rueden, C., Massenkoff, M., Kaplan, H., Lero, V.M. (2013). How universal is the Big Five? Testing the five-factor model of personality variation among forager–farmers in the Bolivian Amazon. *Journal of Personality and Social Psychology*, 104(2), 354–370. <https://doi.org/10.1037/a0030841>
- Kobasa, S.C., Maddi, S.R., Kahn, S. (1982). Hardiness and health: A prospective study. *Journal of Personality and Social Psychology*, 42(1), 168–177. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.42.1.168>
- Kornilova, T.V., Chumakova, M.A. (2016). Testing of the Brief Big Five Inventory (TIPI, COBT). *Psikhologicheskie Issledovaniya (Psychological Studies)*, 9(46), 5. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i46.480> (In Russ.).
- Kuzneczova, S.O., Taranova, V.A. (2021). The relationship between the level of aggressiveness and resilience in older adolescents. *Psikhologicheskie Issledovaniya (Psychological Studies)*, 14(80). <https://doi.org/10.54359/ps.v14i80.110> (In Russ.).
- Leont'ev, D.A., Rasskazova, E.I. (2006). Test of hardiness. Moscow: Smysl. (In Russ.).
- Leont'ev, D.A., Rasskazova, E.I. (2011). Vitality as a component of personal potential. Personal potential: structure and diagnostics. Moscow: Smysl. (In Russ.).
- Maddi, S.R. (2017). Hardiness as a pathway to resilience under stress. In: U. Kumar (Ed.). *Routledge international handbook of psychosocial resilience* (pp. 104–110). Oxford: Routledge.
- Maddi, S.R. (2020). Personality Hardiness. *The Wiley Encyclopedia of Health Psychology*. Hoboken: Wiley-Blackwell.
- Maddi, S.R., Khoshaba, D.M., Persico, M., Lu, J., Harvey, R., Bleecker, F. (2002). The personality construct of hardiness, II: Relationships with comprehensive tests of personality and psychopathology. *Journal of Research in Personality*, 36(1), 72–85.
- Nalivaiko, T.V. (2010). Hardiness and its connection with personality traits. Chelyabinsk: SUSU Publ. Center. (In Russ.).
- Nalivaiko, T.V. (2018). Association between hardiness and style self-direction of behavior of students in small towns and big cities. *Vestnik YuUrGU. Seriya Psikhologiya (Bulletin of the SUSU. Series Psychology)*, 11(2), 117–123. <https://doi.org/10.14529/psy180213> (In Russ.).
- Nalivaiko, T.V., Shakurova, Z.A. (2010). Features of the manifestation of hardiness in the structure of socio-psychological properties of students' personality. *Vestnik YuUrGU. Seriya Psikhologiya (Bulletin of SUSU. Series Psychology)*, 27(1), 44–49. URL: <http://dspace.susu.ac.ru/handle/0001.74/3085> (access date: 10.02.2023). (In Russ.).
- Omarova, M.K. (2018). Hardiness in its relationship with individual personality characteristics. *Vestnik Dagestanskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki (Bulletin of Dagestan State University. Series 2. Humanities)*, 33(1), 95–100. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2018-33-1-95-100> (In Russ.).
- Osin, E.N., Rasskazova, E.I. (2013). A short version of the hardiness test: psychometric characteristics and application in an organizational context. *Lomonosov Psychology Journal*, 36(2), 147–165. (In Russ.).
- Radyuk, O.M., Basinskaya, I.V., Voronkova, Ya.Yu. (2016). “Big five” personality traits. In the Collection of the 2nd International Congress of the Association of Cognitive Behavioral Psychotherapy (pp. 92–104). St. Petersburg: SYNEL. (In Russ.).
- Ramanaiah, N.V., Sharpe, J.P., Byravan, A. (1999). Hardiness and major personality factors. *Psychological Reports*, 84(2), 497–500.
- Rammstedt, B., Lechner, C.M., Weib, B. (2022). Does personality predict responses to the COVID-19 crisis? Evidence from a prospective large-scale study. *European Journal of Personality*, 36(1), 47–60.
- Rathee, R., Kaushik, N. (2022). A Correlational Study of Aggression and Hardiness among Adolescents. *International Journal of Education and Management Studies*, 12(4), 331–333.
- Risan, P., Skoglund, T.H., Sandvik, A.M., Milne, R. (2022). Personality and hardiness among police students: An evaluative pilot study. *Nordic Journal of Studies in Policing*, 1(1), 1–11. <https://doi.org/10.18261/njsp.9.1.9>
- Samoilov, N.G., Aleshicheva, A.V. (2023). Correlation between hardiness and negative personal states in athletic activities. *Sport Sciences for Health*, 19(2), 679–689.
- Sergeeva, A.S., Kirillov, B.A., Dzhumagulova, A.F. (2016). Translation and adaptation of a short five-factor personality questionnaire (TIPI-RU): assessment of convergent validity, internal consistency and test-retest reliability. *Ekspperimental'naya Psikhologiya (Experimental Psychology)*, 9(3), 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311> (In Russ.).
- Shereshkova, E.A. (2019). Interrelation of personal properties and hardiness of future teachers. *Vestnik Shadrinskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta (Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University)*, 1(41), 112–120. (In Russ.).
- Steyn, R., Ndofirepi, T.M. (2022). Structural validity and measurement invariance of the short version of the Big Five Inventory (BFI-10) in selected countries. *Cogent Psychology*, 9(1), 2095035. <https://doi.org/10.1080/23311908.2022.2095035>
- Subramanian, S., Velayudhan, A., Vinothkumar, M. (2013). Hardiness and Personality as Predictors of Military Enlistment Intention among the Indian. *Psychological Studies*, 58(1), 66–72. <https://doi.org/10.10507/s12646-012-0162-x>
- Vinichuk, N.V. (2020). Severity of hardiness in young people in Russia and Israel in the situation of self-isolation of the period of prevailing coronavirus. *National Psychological Journal*, 13(3), 22–29. (In Russ.).
- Yaprak, P., Guclu, M.T., Durhan, T.A. (2018). The Happiness, Hardiness, and Humor Styles of Students with a Bachelor's Degree in Sport Sciences. *Behavioral Science*, 8(9), 82. <https://doi.org/10.3390/bs8090082>
- Zacher, H., Rudolph, C.W. (2021). Big Five traits as predictors of perceived stressfulness of the COVID-19 pandemic. *Personality and Individual Differences*, 175, 110694. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110694>
- Zhang, B., Li, Y.M., Li, J., Luo, J., Ye, Y., Yin, L., Chen, Z., Soto, C.J., John, O.P. (2022). The big five inventory–2 in China: A comprehensive psychometric evaluation in four diverse samples. *Assessment*, 29(6), 1262–1284. <https://doi.org/10.1177/10731911211008245>
- Zhang, L. (2011). Hardiness and the Big Five personality traits among Chinese university students. *Learning and Individual Differences*, 21(1), 109–113. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2010.05.006>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Маргарита Игоревна Постникова, доктор психологических наук, доцент, профессор Высшей школы педагогики, психологии и физической культуры Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация; главный научный сотрудник Управления научных исследований Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, post-margarita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2546-8430>

Margarita I. Postnikova, Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor at the Higher School of Pedagogy, Psychology and Physical Culture of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation; Chief Researcher at the Directorate of Scientific Research of Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation, post-margarita@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2546-8430>

Влада Игоревна Пищик, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и организационной психологии Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, vladaph@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3909-3895>

Vlada I. Pischik, Dr. Sci. (Psychology), Professor at the Department Psychology of Education and Organizational Psychology of Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation, vladaph@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3909-3895>

Надежда Валерьевна Сиврикова, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Российская Федерация, bobnv79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9757-8113>

Nadezhda V. Sivrikova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Social Work, Pedagogy and Psychology, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation, bobnv79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9757-8113>

Анастасия Владимировна Микляева, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и социальной психологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.miklyaeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>

Anastasia V. Miklyaeva, Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor at the Department of General and Social Psychology of the Herzen State Pedagogical University of Russia, a.miklyaeva@gmail.com, St. Petersburg, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>

Поступила: 10.03.2023; получена после доработки: 23.05.2023; принята в печать: 02.05.2024.

Received: 10.03.2023; revised: 23.05.2023; accepted: 02.05.2024.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ / METHODOLOGY AND RESEARCH METHODS IN PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0211>
УДК/UDC 159.9.072

Адаптация Комплексной шкалы интеллектуальной скромности: психометрические характеристики русскоязычной версии

Ю.А. Жданова¹✉, С.А. Щебетенко^{1,2}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

²Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация

✉ juliia.martin67@gmail.com

Резюме

Актуальность. Интеллектуальная скромность (ИС) определяется как способность индивида признавать личные убеждения ошибочными без ощущения, что его Эго подвергается угрозе. Исходя из этого понимания, ранее была разработана Комплексная шкала интеллектуальной скромности (The Comprehensive Intellectual Humility Scale, CIHS; Krumrei-Mancuso, Rouse, 2016), измеряющая четыре аспекта: открытость к пересмотру личных убеждений, отсутствие интеллектуальной самоуверенности, независимость интеллекта от Эго и уважительное отношение к альтернативным точкам зрения.

Цель. Исследование направлено на адаптацию CIHS на русскоязычной выборке.

Выборка. В исследовании участвовало 300 респондентов (186 женщин и 144 мужчины) в возрасте от 18 до 70 лет.

Методы. В процессе адаптации CIHS был выполнен перевод пунктов шкалы с английского на русский язык двухэтапным методом Брислина (Brislin, 1986). Для проверки валидности субшкал CIHS дополнительно использовалась методика HEXACO-PI-R, оценивающая выраженность шести базовых черт личности.

Результаты. По результатам оценки числа факторов посредством метода мультимерной апостериорной вероятности Велисера оптимальным оказалось четырехфакторное решение, что соответствовало теоретическим ожиданиям. Метод главных компонент свидетельствовал в пользу структуры оригинальной версии модели. Внутренняя согласованность была приемлемой как у русскоязычной версии шкалы CIHS ($\alpha = 0,72$), так и у ее субшкал ($0,65 < \alpha < 0,82$). Субшкалы позитивно коррелировали с добросовестностью, доброжелательностью, открытостью опыту и честностью-скромностью, измеренными HEXACO-PI-R, что свидетельствует о конвергентной валидности теста.

Выводы. По предварительной оценке, русскоязычная адаптация CIHS имеет удовлетворительные психометрические свойства, что открывает перспективу для ее использования в исследовательских целях и дальнейшего изучения ее прикладных возможностей.

Ключевые слова: интеллектуальная скромность, психометрика, HEXACO-PI-R, черты личности

Для цитирования: Жданова, Ю.А., Щебетенко, С.А. (2024). Адаптация Комплексной шкалы интеллектуальной скромности: психометрические характеристики русскоязычной версии. *Национальный психологический журнал*, 19(2), 131–142. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0211>

Psychometric Properties of a Russian Version of the Comprehensive Scale of Intellectual Humility

Yulia A. Zhdanova¹✉, Sergei A. Shchebetenko^{1,2}

¹HSE University, Moscow, Russian Federation

²Perm State University, Perm, Russian Federation

✉ juliia.martin67@gmail.com

Abstract

Background. Intellectual humility (IH) can be defined as an awareness of one's intellectual fallacy that does not threaten the Ego. The Comprehensive Scale of Intellectual Humility (CIHS; Krumrei-Mancuso & Rouse, 2016) measures four aspects of IH: Openness to Revising One's Viewpoint, Lack of Intellectual Overconfidence, Independence of Intellect and Ego, and Respect for Others' Viewpoints.

Objectives. The purpose of this study was to develop and evaluate psychometric properties of a Russian version of CIHS.

Study Participants. The participants were 300 respondents, including 186 women and 144 men aged 18 to 70 years.

Methods. The items of CIHS were translated from English to Russian using the back-translation method. We next examined the CIHS factor structure, its internal consistency, and a nomological network of CIHS assessing its correlations with the HEXACO-PI-R, which measures six basic personality traits.

Results. The Velicer's minimum average partial index revealed a four-factor solution turned out to be optimal, which corresponded to our theoretical expectations. Principal component analysis supported a four-component structure suited to the original IH model. CIHS ($\alpha = 0.72$) and its subscales ($0.65 < \alpha < 0.82$) showed acceptable internal consistency. The subscales were positively correlated with HEXACO's Conscientiousness, Agreeableness (vs. Anger), Openness to Experience, and Honesty-Humility, evidencing convergent validity of the test.

Conclusions. As a preliminary corollary, the Russian adaptation of CIHS has shown satisfactory psychometric properties, which makes the questionnaire acceptable for research purposes and for further testing its practical implications.

Keywords: intellectual humility, personality traits, psychometric analysis, HEXACO-PI-R

For citation: Zhdanova, Yu.A., Shchebetenko, S.A. (2024). Psychometric Properties of a Russian Version of the Comprehensive Scale of Intellectual Humility. *National Psychological Journal*, 19(2), 131–142. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0211>

Введение

Изучение интеллектуальной скромности (ИС) в психологии, с одной стороны, актуально за счет возможности предсказания поведения, ориентированного на приобретение компетентности (Haggard et al., 2018; Leary et al., 2017). С другой стороны, ИС способствует установлению мирных и уважительных отношений с другими людьми и препятствует дискриминации (Davis et al., 2015). В исследованиях ИС придается особое значение в оценке эффективности лидерства. Известно, что ИС лидеров повышает удовлетворенность подчиненных своей работой, их степень доверия и уважения к руководителю, а также их готовность простить лидеру его ошибки (Cojuharenco, Karelaia, 2020; Hook et al., 2015; Krumrei-Mancuso, Rowatt, 2023; McElroy et al., 2014). В этом плане учет ИС может быть важным при решении широкого круга прикладных задач — от образовательного контекста до отбора и развития персонала. Этим и обусловлена необходимость разработки инструментов измерения ИС.

ИС характеризуется особым обхождением индивида с собственными знаниями, которое выражается в способности признавать свои убеждения ошибочными или обоснованно допускать такую вероятность. Помимо интрапсихического элемента черты, часть авторов присваивают ИС интерпсихический аспект, который заключается в восприятии альтернативных или противоположных точек зрения как равных своим взглядам (Krumrei-Mancuso, Rouse, 2016; Porter, Schumann, 2018). Исследователи настаивают на том, что ИС не является пассивной, угнетенной или слабой позицией. Распространенной является идея о том, что признание собственных ограничений и занятие «мирной» стороны оказывается активным действием, требующим готовности выдержать конфликтную ситуацию для воплощения личных ценностей (Krumrei-Mancuso, Begim, 2022; Tangney, 2000).

В соответствии с рекомендациями по разработке тестов, был проведен содержательный анализ концептуализаций ИС (Батулин, Мельникова, 2009). Согласно обзору С.М. Боуз и ее коллег (Bowes et al., 2023) большая часть авторов присваивает конструкту две

основные характеристики: открытость к пересмотру своих убеждений и признание того, что знания и познавательные способности индивида не совершенны. В остальных случаях в понятие вносятся авторские добавления. Например, критическое отношение к достоверности информации (Leary et al., 2017), любовь к обучению (Haggard et al., 2018) и независимость интеллекта от Эго как способность индивида воспринимать противоречивые взгляды без обиды (Krumrei-Mancuso, Rouse, 2016; McElroy et al., 2014). Различия в операционализации конструкта отражаются в содержании методик, что приводит к несогласованным результатам эмпирических исследований. Данная ситуация, в свою очередь, препятствует лучшему пониманию феномена ИС.

Преобладание когнитивного компонента в черте ИС выражается в открытости к информации и готовности пересматривать важные личные установки. ИС связана с предпочтением новой и разносторонней аргументации (Leary et al., 2017) и положительно коррелирует с интеллектом, когнитивной гибкостью, низким догматизмом и критическим мышлением (Danovitch et al., 2019; Leary et al., 2017). Эмоциональная составляющая черты демонстрирует отрицательные связи с негативными эмоциями в ситуациях, когда убеждения подвергаются сомнению, что говорит о сниженной оборонительной позиции в дискуссиях (Krumrei-Mancuso, Newman, 2020). Положительная корреляция ИС возникает с альтруистическими ценностями, эмпатией и благодарностью (Krumrei-Mancuso, 2017). Поведенческим проявлениям ИС исследователи присваивают разные мотивы. В их число входит мотивация к познанию (Krumrei-Mancuso et al., 2020; Leary et al., 2017), мотивация к преодолению интеллектуальных ограничений (Haggard et al., 2018) и стремление к развитию компетенций (Porter et al., 2020). Отрицательные связи ИС наблюдаются с чертами Темной Триады (Cannon et al., 2020).

Насколько нам известно, исследования ИС в России не проводились. Поэтому адаптация и апробация шкалы для диагностики ИС расширяет проблемное поле психологии и предоставляет возможности, связанные с практическим применением нового метода. Для реализации этой цели была выбрана «Комплексная шкала интеллектуальной скромности» (The Comprehensive Scale of Intellectual Humility, CINS), разработанная Э.Дж. Крумрей-Манкузо и С.В. Роуз (Krumrei-Mancuso, Rouse, 2016). В отличие от шкал ИС из обзора З. Кроплеwski и его коллег (Kroplewski et al., 2022), CINS обладает четырехфакторной структурой, благодаря чему учитывается многомерное строение ИС. Психометрические характеристики, изученные на нескольких выборках, имели допустимые показатели внутренней согласованности ($0,70 < \alpha < 0,89$) и ретестовой надежности (ретестовая корреляция $r = 0,75$ спустя один месяц, $r = 0,70$ после трех месяцев). В плане конструктивной валидности ИС положительно коррелировала с существующей шкалой того

же конструкта — Шкалой Интеллектуальной Скромности ($r = 0,52, p < 0,001$; The Intellectual Humility Scale, IHS; McElroy et al., 2014) и не имело значимой связи с самооценкой ($r = -0,04, p = 0,32$). В настоящее время, помимо англоязычной версии, существует польская адаптация CINS (Kroplewski et al., 2022). Она демонстрирует хорошие показатели внутренней согласованности по общей шкале ($\alpha = 0,86$) и субшкалам ($0,63 < \alpha < 0,85$).

Цель исследования и гипотезы

Настоящее исследование направлено на адаптацию CINS.

Для оценки конструктивной валидности CINS был выбран HEXACO-PI-R, включающий субшкалу честность-скромность, с которой ИС имеет семантическое пересечение. Кроме того, ИС как позиция непредвзятого отношения к альтернативным точкам зрения предполагает теоретическую связность с чертой открытости опыту, что подтверждается эмпирически (Davis et al., 2015). Помимо гипотез о положительной связи ИС с честностью-скромностью и открытостью опыту предполагалась положительная корреляция ИС с доброжелательностью и добросовестностью (McElroy et al., 2014). Субшкала CINS «независимость интеллекта от Эго» описывает способность индивида эмоционально дистанцироваться от личных или чужих убеждений в конфликтных ситуациях, поэтому ожидается отсутствие связи ИС с эмоциональностью. Также выдвигается гипотеза, что ИС статистически не связана с экстраверсией (Meagher, 2022). Ожидается, что шкала CINS будет обладать четырехфакторной структурой с фактором более высокого порядка, который будет отражать общий уровень ИС. Это предположение основано на теоретических представлениях авторов оригинальной методики (Krumrei-Mancuso, Rouse, 2016).

Выборка

Добровольное участие в онлайн-исследовании, объявление о котором было опубликовано в апреле 2023 года в социальной сети «ВКонтакте», приняло 300 пользователей. Их возраст варьировал от 18 до 70 лет ($M = 21, SD = 5,92$). Доля женщин в выборке — 62%.

Обоснование объема выборки

Определение объема выборки осуществлялось через анализ мощности в программе G*Power (Faul et al., 2007). При размере эффекта $f^2 = 0,2$ требовалось 258 участников для достижения 90% мощности и 5% уровня значимости.

Процедура

Автором оригинальной версии шкалы Э.Дж. Крумрей-Манкузо было дано разрешение в личной переписке на адаптацию русскоязычного варианта методики CINS. Шкала переводилась на русский язык двухэтапным методом Брислина (Brislin, 1986; Fenn et al., 2020) с привлечением двух независимых экспертов-билингвов. После обратного перевода мы сравнили полученные утверждения с оригинальными пунктами и оценили их соответствие. В случае несогласования проводилось обсуждение с участием экспертов и исследователей настоящей работы, затем вносились корректировки, и процедура перевода проводилась повторно.

Методы и методики

Методики

Каждый участник заполнял гугл-форму, включающую информированное согласие, социально-демографические вопросы и тесты, приведенные ниже.

Для оценки выраженности ИС у респондентов использовалась переведенная на русский язык Комплексная шкала интеллектуальной скромности от Э.Дж. Крумрей-Манкузо и С.В. Роуз (Krumrei-Mancuso, Rouse, 2016), включающая 4 шкалы из 22 утверждений. Методика содержит следующие шкалы: *Независимость интеллекта* от Эго (например, реверсивный пункт: «Когда кто-то противоречит моим самым важным убеждениям, это похоже на личную атаку»), *Открытость к пересмотру своих убеждений* («Сталкиваясь с новой информацией, я всегда открыт для пересмотра своих важных убеждений»), *Уважение чужих убеждений* («Я могу относиться к человеку с большим уважением, даже если мы расходимся во взглядах на важные темы») и *Отсутствие интеллектуальной самоуверенности* («По большей части, скорее другим есть чему поучиться у меня, чем мне у них»). Утверждения оцениваются по 5-балльной шкале Ликерта от 1 («полностью не согласен») до 5 («полностью согласен»). В оригинальной англоязычной версии методики α -Кронбаха субшкал составляет $0,82 < \alpha < 0,88$.

В целях исследования конструктивной валидности Комплексной шкалы интеллектуальной скромности использовался Шестифакторный личностный опросник HEXACO-PI-R (Ashton, Lee, 2009) в его русскоязычной 60-пунктной версии HEXACO-60 (Егорова и др., 2019). Шесть компонентов отражают следующие черты личности: добросовестность, доброжелательность, открытость опыту, честность-скромность, экстраверсия и эмоциональность. Внутренняя

согласованность субшкал русскоязычной версии варьируется в диапазоне $0,74 < \alpha < 0,85$.

Результаты исследования

Статистическая обработка данных проводилась в среде R Studio с использованием пакета psych (Revelle, 2024).

Факторная валидность. По статистическому критерию мультимерной апостериорной вероятности Велисера (Velicer's Multidimensional A posteriori Probability, MAP; Velicer, 1976) данные указывали в пользу четырехкомпонентной структуры. Оценка структуры осуществлялась посредством метода главных компонент с вращением варимакс. Ни один из пунктов не был удален ввиду достаточных значений по факторным нагрузкам ($> 0,30$) и общностям ($h^2 > 0,15$).

Однофакторная модель по результатам конфирматорного факторного анализа (КФА) продемонстрировала наиболее слабое соответствие модели данным: $\chi^2(209) = 1222,009$, $p < 0,001$; TLI = 0,389; CFI = 0,447; RMSEA = 0,127 [0,120–0,134].

Четырехфакторная модель не достигала конвенциональных значений по метрикам: $\chi^2(231) = 2062,465$, $p < 0,001$; TLI = 0,804; CFI = 0,828; RMSEA = 0,072 [0,064–0,080], однако значимо больше соответствовала данным в сравнении с 1-факторной моделью $\Delta\chi^2(6) = 704,32$, $p < 0,001$. На основании процедуры модификации индексов (функция modindices в пакете lavaan) была добавлена связь между пунктами 1 («Обычно мои идеи лучше, чем идеи других людей») и 2 («По большей части, скорее другим есть чему поучиться у меня, чем мне у них»), что увеличило соответствие модели данным, $\Delta\chi^2(1) = 14,962$, $p < 0,001$, $\chi^2(202) = 502,731$, $p < 0,001$; TLI = 0,812; CFI = 0,836; RMSEA = 0,070 [0,063–0,078].

Четырехфакторная модель с фактором второго порядка имела индексы соответствия модели данным, которые были похожи на индексы четырехфакторной модели: $\chi^2(205) = 520,498$, $p < 0,001$; TLI = 0,806; CFI = 0,828; RMSEA = 0,072 [0,064–0,079]. Разница с четырехфакторной моделью по хи-квадрату была незначимой $\chi^2\Delta(2) = 2,8057$, $p = 0,2459$. Более того, фактор, соответствующий субшкале «Уважение к альтернативным точкам зрения», имел отрицательную оценку дисперсии ошибки, что является признаком ошибки спецификации модели (так называемый «случай Хейвуда» (Heywood case; Heywood, 1931). В этой ситуации в Модель 3 было добавлено ограничение дисперсии 4-го фактора ≥ 0 (Farooq, 2022). На рисунке 1 представлена факторная структура русскоязычной адаптации CINS, подтверждающая факторную валидность этой версии шкалы.

Таблица 1
Факторные нагрузки пунктов Комплексной Шкалы
Интеллектуальной Скромности

Пункты	Факторные нагрузки				Общности h ²
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	
1				0,71	0,58
2				0,72	0,56
3				0,46	0,29
4				0,62	0,41
5				0,46	0,26
6			0,66		0,46
7			0,72		0,63
8			0,57		0,49
9			0,68		0,52
10			0,70		0,50
11	0,56				0,45
12				0,55	0,39
13	0,47				0,29
14	0,74				0,60
15	0,69				0,53
16		0,77			0,64
17		0,72			0,56
18		0,78			0,64
19	0,67				0,47
20	0,68				0,52
21		0,72			0,54
22		0,75			0,60

Примечание: Пункты 11, 13, 14, 15, 19, 20 относятся к субшкале «уважительное отношение к альтернативным точкам зрения», пункты 16, 17, 18, 21, 22 — к субшкале «независимость интеллекта от Эго», пункты 6, 7, 8, 9, 10 — к субшкале «открытость к пересмотру своих убеждений», пункты 1, 2, 3, 4, 5, 12 — к субшкале «отсутствие интеллектуальной самоуверенности»

Таблица 2
Корреляции между ИС и переменными HEXACO-PI-R

Переменная	Интеллектуальная скромность
Доброжелательность	0,25 ^a
Честность-скромность	0,30 ^a
Эмоциональность	-0,06
Экстраверсия	-0,03
Добросовестность	0,19 ^b
Открытость опыту	0,31 ^a

Примечание: p^a < 0,001; b < 0,01; c < 0,05

Table 1
Factor loadings for the Comprehensive Scale of Intellectual
Humility items

Items	Factor loadings				Communa- lities h ²
	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	
1				0.71	0.58
2				0.72	0.56
3				0.46	0.29
4				0.62	0.41
5				0.46	0.26
6			0.66		0.46
7			0.72		0.63
8			0.57		0.49
9			0.68		0.52
10			0.70		0.50
11	0.56				0.45
12				0.55	0.39
13	0.47				0.29
14	0.74				0.60
15	0.69				0.53
16		0.77			0.64
17		0.72			0.56
18		0.78			0.64
19	0.67				0.47
20	0.68				0.52
21		0.72			0.54
22		0.75			0.60

Note: Items 11, 13, 14, 15, 19, 20 refer to “Respect for Others’ Viewpoints”; items 16, 17, 18, 21, 22 refer to “Independence of Intellect and Ego”; items 6, 7, 8, 9, 10 correspond to “Openness to Revising One’s Viewpoint”; items 1, 2, 3, 4, 5, 12 relate to “Lack of Intellectual Overconfidence”

Table 2
Correlations between IH and HEXACO-PI-R

Variables	Intellectual humility
Agreeableness	0.25 ^a
Honesty-Humility	0.30 ^a
Emotionality	-0.06
Extraversion	-0.03
Conscientiousness	0.19 ^b
Openness to Experience	0.31 ^a

Note: p^a < 0.001; b < 0.01; c < 0.05

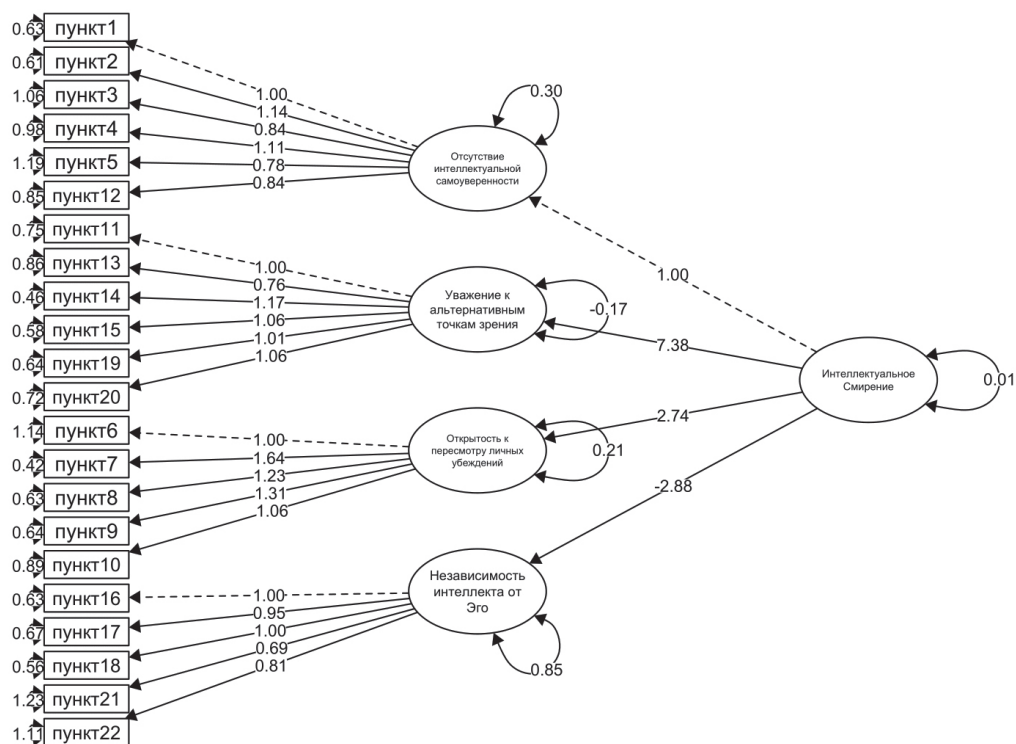

Рисунок 1
Оценка параметров четырехфакторной модели с фактором второго порядка

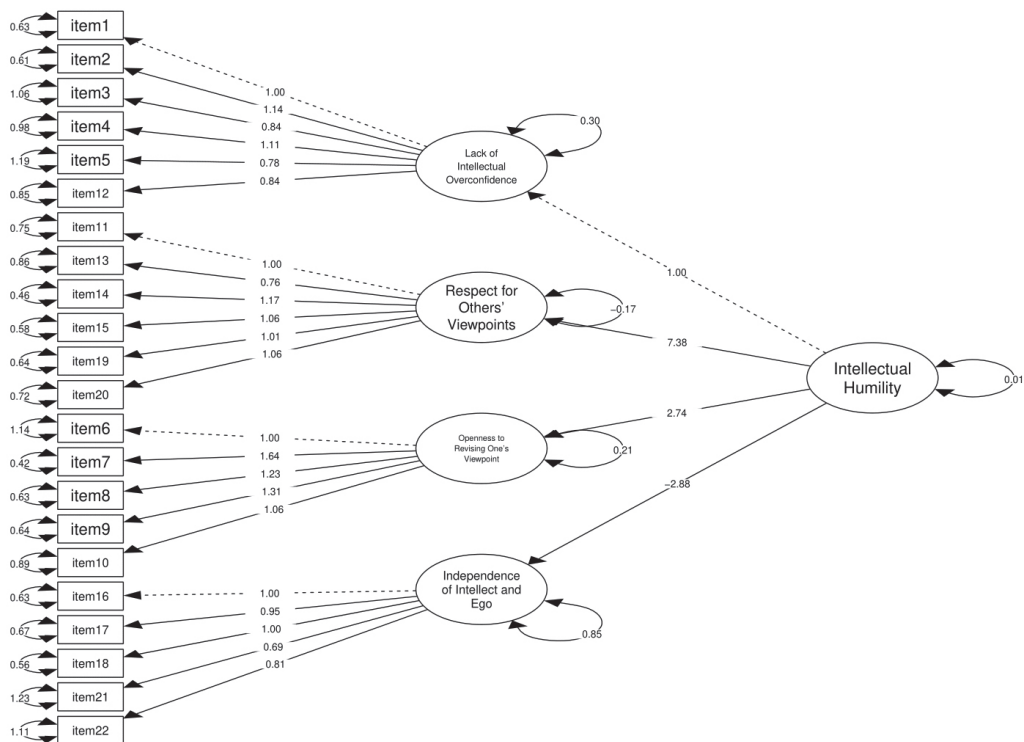

Figure 1
Parameter estimation in a four-factor model with a higher order factor

Надежность. Внутренняя согласованность русскоязычной версии CIHS имела приемлемое значение, $\alpha = 0,72$, а для всех четырех субшкал методики она входила в диапазон допустимых значений $0,65 < \alpha < 0,82$.

Валидность. ИС положительно коррелировала с доброжелательностью, добросовестностью, открытостью опыту и честностью-скромностью. С эмоциональностью и экстраверсией значимых связей не наблюдалось.

Анализ половых различий. Между мужчинами и женщинами не было статистически значимых различий по показателям независимости интеллекта от Эго ($t = -1,122, p = 0,263, d = 0,143$), отсутствия интеллектуальной самоуверенности ($t = 0,049, p = 0,961, d = 0,025$), открытости к пересмотру своих убеждений ($t = -1,045, p = 0,297, d = 0,127$) и уважительного отношения к альтернативным точкам зрения ($t = 1,288, p = 0,199, d = 0,221$).

Обсуждение результатов

В настоящей работе изучались структура, надежность и конструктивная валидность русской версии Комплексной шкалы интеллектуальной скромности (Krumrei-Mancuso, Rouse, 2016). Четыре фактора, полученные в настоящем исследовании, на теоретическом уровне подтверждают компоненты интеллектуальной скромности (ИС) в представлении Э.Дж. Крумрей-Манкузо и С.В. Роуз (Krumrei-Mancuso, Rouse, 2016): открытость к пересмотру личных убеждений, отсутствие интеллектуальной самоуверенности, независимость интеллекта от Эго и уважительное отношение к альтернативным точкам зрения. Такая факторная структура поддерживается результатами польской адаптации шкалы (Kroplewski et al., 2022). В частности, распределение пунктов по субшкалам русскоязычной и польской CIHS не отличаются от оригинального.

Хотя в англоязычной и польской версиях шкалы четырехфакторная модель с фактором более высокого порядка имеет хорошее соответствие данных, в нашем случае результаты КФА свидетельствуют в пользу умеренного соответствия. Возможно, на снижение значений индексов соответствия в нашем случае повлиял порядок предъявления пунктов, относящихся к разным субшкалам.

Считается, что ошибка в данных, связанная с отрицательной дисперсией по одному из факторов, возникает в связи с недостаточным объемом выборки, малым количеством пунктов на конструкт. В настоящем исследовании возникновение «случая Хейвуда» предположительно является следствием дублирующихся условий — ковариации четырех субшкал и фактора второго уровня (Farooq, 2022).

Настоящая адаптация имеет для общей шкалы показатель внутренней согласованности $\alpha = 0,72$, который несколько ниже англоязычной версии $\alpha = 0,88$. Значения по субшкалам также оказываются ниже по

сравнению с оригиналом, что в свою очередь повторяет результаты польской адаптации. Наиболее низкая степень согласованности наблюдается у субшкалы Отсутствие интеллектуальной самоуверенности в настоящей адаптации ($\alpha = 0,62$), польской версии ($\alpha = 0,63$), авторской версии шкалы ($\alpha = 0,82$) и в одном из исследований с использованием CIHS ($\alpha = 0,76$; Meagher, 2022).

Русскоязычная версия шкалы показала в настоящем исследовании достаточную конвергентную и дивергентную валидность. ИС значимо положительно коррелировала с доброжелательностью и открытостью опыту, измеренному HEXACO-PI-R, что говорит как об адекватности теоретических описаний эмпирическим данным, так и о сходстве восприятия черты в англоязычном и русскоязычном контекстах (Leary et al., 2017). Следует отметить, что положительная связь ИС с добросовестностью в настоящем исследовании совпадает лишь с частью англоязычных данных. К примеру, связь с добросовестностью прослеживается при измерении ИС шкалой Интеллектуальной скромности от М. Хаггарда и его коллег (Haggard et al., 2018), но не возникает при измерении ИС через CIHS (Meagher, 2022). Умеренная положительная связь ИС с честностью-скромностью, поддерживаемая результатами исследования Д.Е. Дэвиса и его коллег (Davis et al., 2015), показывает, что данные конструкты отличаются друг от друга, хотя и имеют общее основание. Отсутствие связи ИС с эмоциональностью и экстраверсией на изучаемой выборке говорит в пользу независимости отношений между этими феноменами, что в свою очередь позволяет сделать заключение о валидности адаптации.

Наконец, отсутствие значимых различий в выраженности ИС по мужской и женской выборкам поддерживает результаты оригинальной версии CIHS (Krumrei-Mancuso, Rouse, 2016).

В перспективе дальнейших исследований необходимо провести оценку инкрементной и содержательной валидности, а также ретестовой надежности теста. Кроме того, рекомендуется изменить способ предъявления пунктов субшкал, смешивая их в случайном порядке, чтобы уменьшить влияние позиционных эффектов на результаты оценки теста. Это позволит получить более объективные и надежные данные, что имеет важное значение для практического применения теста.

Выводы

В настоящем исследовании была проведена оценка психометрических характеристик русскоязычной версии Комплексной Шкалы Интеллектуальной Скромности (the Comprehensive Scale of Intellectual Humility, CIHS). Данные свидетельствуют в пользу конструктивной валидности шкалы, а также показывают, что размерность адаптируемого теста согласуется

с оригинальной версией методики. Показатели внутренней согласованности шкалы имеют удовлетворительные значения. Все это, в свою очередь,

говорит о потенциале конкретного инструмента и необходимости проведения дальнейших психометрических испытаний.

Список литературы

- Батурин, Н.А., Мельникова, Н.Н. (2009). Технология разработки тестов: часть II. *Психология. Психофизиология*, 42(175), 11–25.
- Егорова, М.С., Паршикова, О.В., Митина, О.В. Структура российского варианта шестифакторного личностного опросника HEXACO-PI-R. *Вопросы психологии*, (5), 33–48.
- Bowes, S.M., Strother, A., Ammirati, R.J., Litzman, R.D. (2023). Intellectual Humility: Definitions, Questions, and Scott O. Lilienfeld as a Case Example. In: *Toward a Science of Clinical Psychology: A Tribute to the Life and Works of Scott O. Lilienfeld* (pp. 105–122). Cham: Springer International Publishing.
- Brislin, R.W. (1986). The wording and translation of research instruments. In: W.L. Lonner, J.W. Berry (Eds.) *Field methods in cross-cultural research* (pp. 137–164). Newbury Park: Sage.
- Cannon, M., Vedel, A., Jonason, P.K. (2020). The dark and not so humble: School-type effects on the Dark Triad traits and intellectual humility. *Personality and Individual Differences*, (163), 110068. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110068>
- Cojuharenco, I., Karelaia, N. (2020). When leaders ask questions: Can humility premiums buffer the effects of competence penalties? *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, (156), 113–134. <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2019.12.001>
- Danovitch, J.H., Fisher, M., Schroder, H., Hambrick, D.Z., Moser, J. (2019). Intelligence and neurophysiological markers of error monitoring relate to children's intellectual humility. *Child Development*, 90(3), 924–939. <https://doi.org/10.1111/cdev.12960>
- Davis, D.E., Rice, K., McElroy, S., DeBlaere, C., Choe, E., Van Tongeren, D.R., Hook, J.N. (2015). Distinguishing intellectual humility and general humility. *The Journal of Positive Psychology*, 11(3), 215–224. <http://doi.org/10.1080/17439760.2015.1048818>
- Farooq, R. (2022). Heywood cases: Possible causes and solutions. *International Journal of Data Analysis Techniques and Strategies*, 14(1), 79–88. <https://doi.org/10.1504/IJDATS.2022.10045654>
- Faul, F., Erdfelder, E., Lang, A. G., Buchner, A. (2007). G* Power 3: A flexible statistical power analysis program for the social, behavioral, and biomedical sciences. *Behavior Research Methods*, 39(2), 175–191. <http://doi.org/10.3758/bf03193146>
- Fenn, J., Tan, C.S., George, S. (2020). Development, validation and translation of psychological tests. *BJPsych Advances*, 26(5), 306–315. <http://doi.org/10.1192/bja.2020.33>
- Haggard, M., Rowatt, W.C., Leman, J.C., Meagher, B., Moore, C., Fergus, T., Whitcomb, B., Battaly, H., Baehr, J., Howard-Snyder, D. (2018). Finding middle ground between intellectual arrogance and intellectual servility: Development and assessment of the limitations-owning intellectual humility scale. *Personality and Individual Differences*, (124), 184–193. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.12.014>
- Heywood, H.B. (1931). On finite sequences of real numbers. *Proceedings of the Royal Society of London. Series A, Containing Papers of a Mathematical and Physical Character*, 134(824), 486–501. <https://doi.org/10.1098/rspa.1931.0209>
- Hook, J.N., Davis, D.E., Van Tongeren, D.R., Hill, P.C., Worthington Jr.E.L., Farrell, J.E., Dieke, P. (2015). Intellectual humility and forgiveness of religious leaders. *The Journal of Positive Psychology*, 10(6), 499–506. <https://doi.org/10.1080/17439760.2015.1004554>
- Kroplewski, Z., Krumrei-Mancuso, E.J., Bielecka, G., Szcześniak, M. (2022). A Preliminary Validation of the Polish Version of the Comprehensive Intellectual Humility Scale (CIHS). *Psychology Research and Behavior Management*, 3627–3638. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S380470>
- Krumrei-Mancuso, E.J., Newman, B. (2020). Intellectual humility in the sociopolitical domain. *Self and Identity*, 19(8), 989–1016. <https://doi.org/10.1080/15298868.2020.1714711>
- Krumrei-Mancuso, E.J. (2017). Intellectual humility and prosocial values: Direct and mediated effects. *The Journal of Positive Psychology*, 12(1), 13–28. <http://doi.org/10.1080/17439760.2016.1167938>
- Krumrei-Mancuso, E.J., Begin, M.R. (2022). Cultivating Intellectual Humility in Leaders: Potential Benefits, Risks, and Practical Tools. *American Journal of Health Promotion*, 36(8), 1404–1411. <https://doi.org/10.1177/08901171221125326c>
- Krumrei-Mancuso, E.J., Haggard, M.C., LaBouff, J.P., Rowatt, W.C. (2020). Links between intellectual humility and acquiring knowledge. *The Journal of Positive Psychology*, (15), 155–170. <https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1579359>
- Krumrei-Mancuso, E.J., Rouse, S.V. (2016). The development and validation of the comprehensive intellectual humility scale. *Journal of Personality Assessment*, 98(2), 209–221. <https://doi.org/10.1080/00223891.2015.1068174>
- Krumrei-Mancuso, E.J., Rowatt, W.C. (2023). Humility in novice leaders: links to servant leadership and followers' satisfaction with leadership. *The Journal of Positive Psychology*, 18(1), 154–166. <https://doi.org/10.1080/17439760.2021.1952647>
- Leary, M.R., Diebels, K.J., Davison, E.K., Jongman-Sereno, K.P., Isherwood, J.C., Raimi, K.T., Deffler, S.A., Hoyle, R.H. (2017). Cognitive and interpersonal features of intellectual humility. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 43(6), 793–813. <https://doi.org/10.1177/0146167217697695>
- McElroy, S.E., Rice, K.G., Davis, D.E., Hook, J.N., Hill, P.C., Worthington, Jr.E.L., Van Tongeren, D.R. (2014). Intellectual humility: Scale development and theoretical elaborations in the context of religious leadership. *Journal of Psychology and Theology*, 42(1), 19–30. <https://doi.org/10.1177/009164711404200103>
- Meagher, B.R. (2022). An assessment of self and informant data for measuring intellectual humility. *Personality and Individual Differences*, (184), 111218. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111218>
- Porter, T., Schumann, K. (2018). Intellectual humility and openness to the opposing view. *Self and Identity*, (17), 139–162. <https://doi.org/10.1080/15298868.2017.1361861>
- Porter, T., Schumann, K., Selmezy, D., Trzesniewski, K. (2020). Intellectual humility predicts mastery behaviors when learning. *Learning and Individual Differences*, (80). <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2020.101888>
- Revelle, W. (2024). *psych: Procedures for Psychological, Psychometric, and Personality Research*. Northwestern University, Evanston, Illinois. R package version 2.4.3. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=psych> (access date: 20.07.2023).
- Tangney, J.P. (2000). Humility: Theoretical perspectives, empirical findings and directions for future research. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 19(1), 70–82. <https://doi.org/10.1521/jsocp.2000.19.1.70>

Velicer, W.F. (1976). Determining the number of components from the matrix of partial correlations. *Psychometrika*, 41(3), 321–327. <http://doi.org/10.1007/bf02293557>

References

- Baturin, N.A., Melnikova, N.N. (2009). Test development technology: part II. *Psihologiya. Psihofiziologiya (Psychology. Psychophysiology)*, 42(175), 11–25. (In Russ.).
- Bowes, S.M., Strother, A., Ammirati, R.J., Latzman, R.D. (2023). Intellectual Humility: Definitions, Questions, and Scott O. Lilienfeld as a Case Example. In: *Toward a Science of Clinical Psychology: A Tribute to the Life and Works of Scott O. Lilienfeld* (pp. 105–122). Cham: Springer International Publishing.
- Brislin, R.W. (1986). The wording and translation of research instruments. In: W.L. Lonner, J.W. Berry (Eds.) *Field methods in cross-cultural research* (pp. 137–164). Newbury Park: Sage.
- Cannon, M., Vedel, A., Jonason, P.K. (2020). The dark and not so humble: School-type effects on the Dark Triad traits and intellectual humility. *Personality and Individual Differences*, (163), 110068. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110068>
- Cojuharenco, I., Karelaia, N. (2020). When leaders ask questions: Can humility premiums buffer the effects of competence penalties? *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, (156), 113–134. <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2019.12.001>
- Danovitch, J.H., Fisher, M., Schroder, H., Hambrick, D.Z., Moser, J. (2019). Intelligence and neurophysiological markers of error monitoring relate to children's intellectual humility. *Child Development*, 90(3), 924–939. <https://doi.org/10.1111/cdev.12960>
- Davis, D.E., Rice, K., McElroy, S., DeBlare, C., Choe, E., Van Tongeren, D.R., Hook, J.N. (2015). Distinguishing intellectual humility and general humility. *The Journal of Positive Psychology*, 11(3), 215–224. <http://doi.org/10.1080/17439760.2015.1048818>
- Egorova, M.S., Parshikova, O.V., Mitina, O.V. (2019). Structure of the Russian version on the six-factor personality questionnaire HEXACO-PI-R. *Voprosi Psihologii (Issues in Psychology)*, (5), 33–48. (In Russ.).
- Farooq, R. (2022). Heywood cases: Possible causes and solutions. *International Journal of Data Analysis Techniques and Strategies*, 14(1), 79–88. <https://doi.org/10.1504/IJDATS.2022.10045654>
- Faul, F., Erdfelder, E., Lang, A.G., Buchner, A. (2007). G* Power 3: A flexible statistical power analysis program for the social, behavioral, and biomedical sciences. *Behavior Research Methods*, 39(2), 175–191. <http://doi.org/10.3758/bf03193146>
- Fenn, J., Tan, C.S., George, S. (2020). Development, validation and translation of psychological tests. *BJPsych Advances*, 26(5), 306–315. <http://doi.org/10.1192/bja.2020.33>
- Haggard, M., Rowatt, W.C., Leman, J.C., Meagher, B., Moore, C., Fergus, T., Whitcomb, B., Battaly, H., Baehr, J., Howard-Snyder, D. (2018). Finding middle ground between intellectual arrogance and intellectual servility: Development and assessment of the limitations-owning intellectual humility scale. *Personality and Individual Differences*, (124), 184–193. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.12.014>
- Heywood, H.B. (1931). On finite sequences of real numbers. *Proceedings of the Royal Society of London. Series A, Containing Papers of a Mathematical and Physical Character*, 134(824), 486–501. <https://doi.org/10.1098/rspa.1931.0209>
- Hook, J.N., Davis, D.E., Van Tongeren, D.R., Hill, P.C., Worthington Jr.E.L., Farrell, J.E., Dieke, P. (2015). Intellectual humility and forgiveness of religious leaders. *The Journal of Positive Psychology*, 10(6), 499–506. <https://doi.org/10.1080/17439760.2015.1004554>
- Kropiewski, Z., Krumrei-Mancuso, E.J., Bielecka, G., Szcześniak, M. (2022). A Preliminary Validation of the Polish Version of the Comprehensive Intellectual Humility Scale (CIHS). *Psychology Research and Behavior Management*, 3627–3638. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S380470>
- Krumrei-Mancuso, E.J., Newman, B. (2020). Intellectual humility in the sociopolitical domain. *Self and Identity*, 19(8), 989–1016. <https://doi.org/10.1080/15298868.2020.1714711>
- Krumrei-Mancuso, E.J. (2017). Intellectual humility and prosocial values: Direct and mediated effects. *The Journal of Positive Psychology*, 12(1), 13–28. <http://doi.org/10.1080/17439760.2016.1167938>
- Krumrei-Mancuso, E.J., Begin, M.R. (2022). Cultivating Intellectual Humility in Leaders: Potential Benefits, Risks, and Practical Tools. *American Journal of Health Promotion*, 36(8), 1404–1411. <https://doi.org/10.1177/08901171221125326c>
- Krumrei-Mancuso, E.J., Haggard, M.C., LaBouff, J.P., Rowatt, W.C. (2020). Links between intellectual humility and acquiring knowledge. *The Journal of Positive Psychology*, (15), 155–170. <https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1579359>
- Krumrei-Mancuso, E.J., Rouse, S.V. (2016). The development and validation of the comprehensive intellectual humility scale. *Journal of Personality Assessment*, 98(2), 209–221. <https://doi.org/10.1080/00223891.2015.1068174>
- Krumrei-Mancuso, E.J., Rowatt, W.C. (2023). Humility in novice leaders: links to servant leadership and followers' satisfaction with leadership. *The Journal of Positive Psychology*, 18(1), 154–166. <https://doi.org/10.1080/17439760.2021.1952647>
- Leary, M.R., Diebels, K.J., Davisson, E.K., Jongman-Sereno, K.P., Isherwood, J.C., Raimi, K.T., Deffler, S.A., Hoyle, R.H. (2017). Cognitive and interpersonal features of intellectual humility. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 43(6), 793–813. <https://doi.org/10.1177/0146167217697695>
- McElroy, S.E., Rice, K.G., Davis, D.E., Hook, J.N., Hill, P.C., Worthington, Jr.E.L., Van Tongeren, D.R. (2014). Intellectual humility: Scale development and theoretical elaborations in the context of religious leadership. *Journal of Psychology and Theology*, 42(1), 19–30. <https://doi.org/10.1177/009164711404200103>
- Meagher, B.R. (2022). An assessment of self and informant data for measuring intellectual humility. *Personality and Individual Differences*, (184), 111218. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111218>
- Porter, T., Schumann, K. (2018). Intellectual humility and openness to the opposing view. *Self and Identity*, (17), 139–162. <https://doi.org/10.1080/15298868.2017.1361861>
- Porter, T., Schumann, K., Selmeczy, D., Trzesniewski, K. (2020). Intellectual humility predicts mastery behaviors when learning. *Learning and Individual Differences*, (80). <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2020.101888>
- Revelle, W. (2024). *psych: Procedures for Psychological, Psychometric, and Personality Research*. Northwestern University, Evanston, Illinois. R package version 2.4.3. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=psych> (access date: 20.07.2023).
- Tangney, J.P. (2000). Humility: Theoretical perspectives, empirical findings and directions for future research. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 19(1), 70–82. <https://doi.org/10.1521/jscp.2000.19.1.70>
- Velicer, W.F. (1976). Determining the number of components from the matrix of partial correlations. *Psychometrika*, 41(3), 321–327. <http://doi.org/10.1007/bf02293557>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Юлия Артуровна Жданова, выпускница департамента психологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, juliia.martin67@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-5962-6671>

Yulia A. Zhdanova, Graduate of the School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russian Federation, juliia.martin67@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-5962-6671>

Сергей Александрович Щебетенко, доктор психологических наук, доцент, профессор департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация; профессор кафедры психологии развития Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация, [sshchebetenko@hse.ru](mailto:sshebetenko@hse.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5790-9731>

Sergei A. Shchebetenko, Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor of the School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russian Federation; Professor of the Department of Developmental Psychology, Perm State University, Perm, Russian Federation, [sshchebetenko@hse.ru](mailto:sshebetenko@hse.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5790-9731>

Поступила: 28.08.2023; получена после доработки: 18.11.2023; принята в печать: 07.05.2024.

Received: 28.08.2023; revised: 18.11.2023; accepted: 07.05.2024.

Приложение

Бланк методики Комплексная шкала интеллектуальной скромности (The Comprehensive Scale of Intellectual Humility, CIHS)

Инструкция: Прочитайте утверждения и укажите, в какой степени они верны в отношении Вас.

Шкала оценки:

- 1 — полностью не согласен
- 2 — скорее не согласен
- 3 — ни согласен, ни не согласен
- 4 — скорее согласен
- 5 — полностью согласен

1. Обычно мои идеи лучше, чем идеи других людей	1	2	3	4	5
2. По большей части, скорее другим есть чему поучиться у меня, чем мне у них	1	2	3	4	5
3. Когда я по-настоящему уверен в своем мнении, вероятность того, что оно неверное, крайне мала	1	2	3	4	5
4. По большинству предметов я буду полагаться на свои собственные знания, а не обращаться за помощью к другим	1	2	3	4	5
5. По важным вопросам я вряд ли поддамся влиянию чужого мнения	1	2	3	4	5
6. Временами, когда мне показывали, что я не прав, я мог изменить даже важные для меня убеждения	1	2	3	4	5
7. Я готов изменить свою точку зрения по важному вопросу, если на то есть весомые аргументы	1	2	3	4	5
8. Сталкиваясь с новой информацией, я всегда открыт для пересмотра своих важных убеждений	1	2	3	4	5
9. Я готов изменить свои взгляды, если на то есть веские причины					
10. Я готов изменить свое мнение по важной теме, даже если оно уже было сформировано	1	2	3	4	5
11. Я уважаю способы принятия важных решений, даже если они отличаются от моих	1	2	3	4	5
12. Мои убеждения по важным вопросам редко меняются, когда я слышу другие точки зрения	1	2	3	4	5
13. Я принимаю разные точки зрения на важные для меня темы	1	2	3	4	5
14. Я могу относиться к человеку с большим уважением, даже если мы расходимся во взглядах на важные темы	1	2	3	4	5
15. Я могу признать, что у других людей есть здравые мысли, даже если в целом с ними не согласен	1	2	3	4	5
16. Когда кто-то не согласен с важными для меня идеями, это ощущается как будто бы на меня напали	1	2	3	4	5
17. Когда кто-то противоречит моим самым важным убеждениям, это похоже на личную атаку	1	2	3	4	5
18. Я склонен чувствовать угрозу, когда другие люди не соглашаются со мной по темам, которые очень для меня важны	1	2	3	4	5
19. Я могу уважать других людей, даже если я не согласен с ними по важным вопросам	1	2	3	4	5
20. Я готов услышать других, даже если я не согласен с ними	1	2	3	4	5
21. Когда кто-то не соглашается с важными для меня идеями, я чувствую себя незначительным	1	2	3	4	5
22. Я чувствую себя ничтожным, когда другие не соглашаются со мной по важным для меня темам	1	2	3	4	5

Обработка результатов. Реверсивные пункты обозначены звездочкой. Для подсчета общего балла суммируются все пункты шкалы. Возможно суммирование по отдельным субшкалам (см. ниже).

Открытость к пересмотру личных убеждений: 6, 7, 8, 9, 10.

Отсутствие интеллектуальной самоуверенности: 1*, 2*, 3*, 4*, 5*, 12*.

Независимость интеллекта от Эго: 16*, 17*, 18*, 21*, 22*.

Уважение к альтернативным точкам зрения: 11, 13, 14, 15, 19, 20.

Appendix

The Comprehensive Intellectual Humility Scale, CIHS

Instructions: Read the statements and indicate to what extent they are true of you.

Rating scale:

- 1 — completely disagree
- 2 — rather disagree
- 3 — neither agree nor disagree
- 4 — rather agree
- 5 — completely agree

1. My ideas are usually better than other people's ideas	1	2	3	4	5
2. For the most part, others have more to learn from me than I do from them.	1	2	3	4	5
3. When I am truly confident in my opinion, the likelihood that it is wrong is extremely small	1	2	3	4	5
4. For most subjects I will rely on my own knowledge rather than seeking help from others	1	2	3	4	5
5. On important issues, I am unlikely to be influenced by other people's opinions	1	2	3	4	5
6. At times, when I was shown that I was wrong, I could change even the beliefs that were important to me	1	2	3	4	5
7. I am ready to change my point of view on an important issue if there are compelling arguments for it	1	2	3	4	5
8. When confronted with new information, I am always open to challenging my important beliefs	1	2	3	4	5
9. I am ready to change my views if there are good reasons for doing so	1	2	3	4	5
10. I am ready to change my opinion on an important topic, even if it has already been formed	1	2	3	4	5
11. I respect the ways in which important decisions are made, even if they differ from my own	1	2	3	4	5
12. My beliefs on important issues rarely change when I hear other points of view	1	2	3	4	5
13. I accept different points of view on topics that are important to me	1	2	3	4	5
14. I can treat a person with great respect even if we disagree on important topics	1	2	3	4	5
15. I can accept that other people have valid ideas even if I generally disagree with them	1	2	3	4	5
16. When someone disagrees with ideas that are important to me, it feels like I'm being attacked	1	2	3	4	5
17. When someone contradicts my most important beliefs, it feels like a personal attack	1	2	3	4	5
18. I tend to feel threatened when other people disagree with me on topics that are very important to me	1	2	3	4	5
19. I can respect other people even if I disagree with them on important issues	1	2	3	4	5
20. I am ready to listen to others, even if I don't agree with them	1	2	3	4	5
21. When someone disagrees with ideas that are important to me, I feel insignificant	1	2	3	4	5
22. I feel insignificant when others disagree with me on topics that are important to me	1	2	3	4	5

Processing the results. Reversible points are indicated with an asterisk. To calculate the total score, all points on the scale are summed up. Summing for individual subscales is possible (see below).

- Openness to revision of personal beliefs: 6, 7, 8, 9, 10.
- Lack of intellectual self-confidence: 1*, 2*, 3*, 4*, 5*, 12*.
- Independence of the intellect from the Ego: 16*, 17*, 18*, 21*, 22*.
- Respect for alternative points of view: 11, 13, 14, 15, 19, 20.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ / METHODOLOGY AND RESEARCH METHODS IN PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0212>
УДК/UDC 159.922.1, 159.9.075

Гендерные различия во взаимосвязях эмпатических тенденций и черт Темной триады с чертами личности у студентов-актеров

В.С. Собкин^{1, 2}, Н.Л. Савченко¹✉, М.В. Сиян¹, М.А. Яковлева¹

¹Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

²Институт управления образованием РАО, Москва, Российская Федерация

✉ savchenko.ni.leo@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В результатах исследований актерской деятельности присутствует противоречие: эмпатия играет важную роль в процессе художественного перевоплощения, однако некоторые антиэмпатические по своей природе черты, такие как нарциссизм и макиавеллизм, могут также быть полезны для сценической деятельности. Особый интерес при рассмотрении этих личностных характеристик в контексте профессионального становления студентов-актеров представляет выявление гендерной специфики.

Цель. Изучение гендерных различий во взаимосвязях аспектов эмпатии и черт Темной триады с чертами личности у студентов-актеров.

Выборка. В исследовании приняли участие 43 студента второго курса (21 юноша, 22 девушки) направления «Актерское мастерство» в возрасте от 19 до 29 лет.

Методы. Короткий портретный опросник Большой пятерки «Б5-10» М.С. Егоровой и О.В. Паршиковой, Короткий опросник Темной триады в адаптации М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой, О.В. Паршиковой, опросник эмпатии А.А. Меграбяна в адаптации Э.Ф. Зеера и О.Н. Шахматовой.

Результаты. В данном исследовании было выявлено, что открытость к новому опыту у студентов-актеров связана с нарциссизмом, а нейротизм — с эмоциональной эмпатией, которая проявляется в понимании чужих эмоций. При этом в специфике взаимосвязей эмпатических тенденций с чертами личности обнаружены гендерные различия. У юношей действенная эмпатия, направленная на проявление поддержки и помощи, связана с экстраверсией, в то время как у девушек данная корреляция отсутствует. У девушек же нейротизм связан с макиавеллизмом, что несвойственно юношам.

Выводы. Предлагается несколько интерпретаций полученных связей. Открытые новому опыту и экспериментам в создании образов актеры могут быть нарциссичны, так как не имеют пока сформированного «чувства правды», и поэтому вынуждены в большей степени ориентироваться на внешнюю оценку. Также студенты-актеры по сравнению со сверстниками могут чувствовать себя в некоторой степени исключительными в силу опыта, полученного благодаря своей профессиональной деятельности. Связь эмоционального уровня эмпатии у студентов-актеров обоих полов с нейротизмом объясняется тем, что хорошей социальной проницательности сопутствует повышенная тревожность. Специфические гендерные связи (макиавеллизма с нейротизмом у девушек и действенной эмпатии с экстраверсией у юношей) могут отражать избираемые стратегии в проработке эмоциональной составляющей образа, а также в выстраивании отношений в коллективе.

Ключевые слова: обучение актеров, психология актера, Большая пятерка, Темная триада, эмпатия

Для цитирования: Собкин, В.С., Савченко, Н.Л., Сиян, М.В., Яковлева, М.А. (2024). Гендерные различия во взаимосвязях эмпатических тенденций и черт Темной триады с чертами личности у студентов-актеров. *Национальный психологический журнал*, 19(2), 143–149. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0212>

Gender Differences in the Relationships Between Empathic Tendencies, Dark Triad Traits and Personality Traits in Student Actors

Vladimir S. Sobkin^{1,2}, Nina L. Savchenko¹✉, Marina V. Siyan¹, Marina A. Yakovleva¹

¹Federal Scientific Center for Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

²The Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Management of Education of The Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation

✉ savchenko.ni.leo@yandex.ru

Abstract

Background. There is a contradiction in the results of acting research: empathy plays an important role in the process of artistic transformation, but some anti-empathic traits, such as narcissism and machiavellianism, may also be useful for stage performance. The identification of gender specificity is particularly interesting when examining these personal features in the context of student actors' professional growth.

Objectives. The focus is on exploring gender differences in the relationships of empathy and Dark Triad traits with personality traits in student actors.

Study Participants. The study involved 43 second-year students of the Acting major, aged 19 to 29 years (21 men, 22 women).

Methods. Short Portrait Big Five Questionnaire by M.S. Egorova and O.V. Parshikova, Short questionnaire of the Dark Triad adapted by M.S. Egorova, M.A. Sitnikova, O.V. Parshikova Empathy Questionnaire by A.A. Mehrabian adapted by E.F. Zeer and O.N. Shakhmatova

Results. Openness to experience among student actors is associated with narcissism, and neuroticism is associated with emotional empathy, which describes the ability to understand other people's emotions. At the same time, gender differences were found in the specific relationships between empathic tendencies and personality traits. In boys, behavioral empathy, aimed at showing support and help, is associated with extraversion, while in girls, neuroticism is associated with machiavellianism.

Conclusions. Several interpretations of the results are presented. Actors who are open to new experiences and experiments in creating images can be narcissistic, since they do not yet have a formed "sense of truth", and therefore are forced to focus more on external assessment. Also, student actors may feel somewhat exceptional compared to their peers due to the experience gained through their professional activities. The connection between the emotional level of empathy in student actors of both sexes and neuroticism is explained by the fact that good social insight is accompanied by increased anxiety. Gender specific correlations (Machiavellianism with neuroticism in girls and behavioral empathy with extraversion in boys) may reflect the chosen strategies in developing the emotional component of the image, as well as in building relationships in a team.

Keywords: Actor training, actor psychology, Big Five, Dark Triad, empathy

For citation: Sobkin, V.S., Savchenko, N.L., Siyan, M.V., Yakovleva, M.A. (2024). Gender Differences in the Relationships Between Empathic Tendencies, Dark Triad Traits and Personality Traits in Student Actors. *National Psychological Journal*, 19(2), 143–149. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0212>

Введение

Краеугольным в театральной педагогике является вопрос о сущности актерской игры: следует ли актеру проживать эмоции своего героя или достаточно лишь мастерски изобразить их, без погружения (Выготский, 1984). Искусство переживания, по Станиславскому, требует от актера не имитации, а подлинного чувства на сцене, воссоздания внутренней жизни героя, к которой актер должен приспособить собственные человеческие чувства (Станиславский, 2008). Перевоплощение в образ предполагает умение чутко воспринимать и эмоционально реагировать на жизненные и предлагаемые обстоятельства, тонко чувствовать другого человека.

По мнению Н.Л. Бенеш, эмпатия в профессиональной творческой деятельности актера играет ключевую роль: художественное перевоплощение начинается именно с умения воспринимать состояние субъекта, которое необходимо изобразить. За эмпатическим видением следует процесс вхождения в эмоциональное состояние, соответствующее сценическому образу, который невозможен без таких механизмов эмпатии, как идентификация, подражание, заражение (Бенеш, 2007).

Однако некоторые антиэмпатические по своей природе черты также могут быть полезны в актерской деятельности. Высокий уровень конкуренции и профессиональная необходимость постоянно впечатлять окружающих может способствовать развитию так

называемых черт Темной триады: так, например, манипулятивность может помочь актеру лучше понять, как вызвать у зрителя нужную эмоциональную реакцию, а нарциссизм, подразумевающий чрезмерную сосредоточенность на себе, может позволить создать яркий, запоминающийся образ.

Так, представляется интересным изучение особенностей проявления у актеров различных аспектов как эмпатии, так и Темной триады. Последние объединяет отсутствие сочувствия (Егорова и др., 2015), что, с одной стороны, может мешать искреннему переживанию, а с другой — способствовать хладнокровной манипуляции эмоциями и впечатлениями зрителей.

Вполне вероятно, что как эмпатичные, так и антиэмпатичные люди находят возможности для построения актерской карьеры, но можно предположить, что в обоих случаях им требуется приспособляться к определенному стилю актерской игры. Успешность этого приспособления может зависеть от выраженности определенных личностных черт.

В связи с этим целью данного исследования выступает анализ взаимосвязей эмпатических и антиэмпатических тенденций с личностными чертами у студентов-актеров.

Методы исследования

В исследовании использовались три методики:

1. Короткий портретный опросник Большой пятерки «Б5-10» М.С. Егоровой и О.В. Паршиковой.
2. Короткий опросник Темной триады в адаптации М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой, О.В. Паршиковой.
3. Опросник эмпатии А.А. Меграбяна в адаптации Э.Ф. Зеера и О.Н. Шахматовой.

В то время как в русскоязычных исследованиях личности актеров сложилась традиция применения Многофакторного личностного опросника Р. Кеттелла 16 PF (Собкин, 1984; Собкин, Лыкова, 2014, 2015, 2019; Гройсман, 2007; Рождественская, 2005), в зарубежных исследованиях более популярен анализ пятифакторной модели личности на актерской выборке. Эта модель получила широкое признание в зарубежных исследованиях благодаря своей простоте и способности обобщать основные аспекты личности (Егорова, Паршикова, 2016). Использование опросника Большой пятерки может предложить свежий взгляд на личность студента-актера и позволить выявить выраженность у студентов актеров таких устойчивых черт, как экстраверсия, сознательность, доброжелательность, нейротизм и открытость новому опыту.

Короткий опросник Темной триады в адаптации М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой, О.В. Паршиковой объединяет три психологические черты — макиавеллизм, нарциссизм и психопатию.

Макиавеллизм является своего рода «анти-эмпатией», в которой способность к пониманию других реализуется в использовании чужих чувств. Шкалу психопатии можно рассматривать как показатель нечувствительности к чужим эмоциям, что может вызывать проблемы в понимании ролей, создании образа и взаимодействия на сцене. Данные по шкале нарциссизма интересны с точки зрения неотделимого от актерской деятельности желания вызвать у других любование собой. Согласно зарубежным данным, студенты-актеры проявляют тенденцию к нарциссическому восхищению собой, но не проявляют нарциссической тенденции к принижению других, что может привести к трудностям с созданием личного реалистичного образа (Dufner et al., 2014).

Опросник эмпатии А.А. Меграбяна в адаптации Э.Ф. Зеера и О.Н. Шахматовой включает две шкалы: эмпатической тенденции (эмоциональной эмпатии) как способности к идентификации чужих эмоций, а также тенденции к присоединению (действенной эмпатии) как способности к проявлению тепла, дружелюбия, поддержки, оказания помощи. Первая шкала важна для исследования студентов-актеров ввиду предполагаемой значимости в актерской профессии, умения идентифицировать состояния другого. Вторая шкала интересна в связи с потребностью искреннего сопереживания героям, а также взаимодействия с партнерами на сцене. Обе шкалы могут быть рассмотрены в оппозиции к шкалам Темной триады.

Выборка

В исследовании участвовали студенты 2 курса московского вуза в возрасте от 19 до 29 лет (N = 43, 21 юноша, 22 девушки), обучающиеся по программе «Актерское мастерство».

Результаты

Корреляционный анализ шкал опросника эмпатии А.А. Меграбяна и шкал «Короткого портретного опросника Большой пятерки» показал, что у всех респондентов обнаружена связь между уровнем нейротизма и эмпатической тенденцией (Таблица 1). Таким образом, эмоционально нестабильные студенты-актеры с выраженной тревожностью имеют более развитую способность идентифицировать состояния другого.

Помимо этого на мужской части выборки обнаружена связь экстраверсии и стремления к присоединению. Юноши студенты-актеры с высокой экстраверсией — общительные и активные — более ориентированы на действенную эмпатию, выражающуюся в способности к проявлению дружелюбия, поддержки и оказанию помощи, в то время как у девушек аналогичной тенденции не наблюдается.

Таблица 1
Корреляции шкал Большой пятерки и опросника эмпатии А.А. Меграбяна

Шкалы опросника	Пол	Эмпатическая тенденция	Тенденция к присоединению
Экстраверсия (Б5)	Юноши	-	0,60**
	Девушки	-	-
Нейротизм (Б5)	Юноши	0,68**	-
	Девушки	0,63**	-

Примечание: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$

Table 1
Correlations of the Big Five scales and the A.A. Mehrabian empathy questionnaire

Scales	Gender	Emotional empathy	Behavioral empathy
Extraversion (Big Five)	Boys	-	0.60**
	Girls	-	-
Neuroticism (Big Five)	Boys	0.68**	-
	Girls	0.63**	-

Note: * — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$

Далее рассмотрим результаты корреляционно-го анализа шкал Короткого портретного опросника Большой пятерки и Короткого опросника Темной триады. Выявлено, что макиавеллизм у юношей отрицательно связан с доброжелательностью, а у девушек — положительно связан с нейротизмом. Более того, у всех студентов открытость новому опыту положительно коррелирует с нарциссизмом (Таблица 2).

Таблица 2
Корреляции шкал Большой пятерки и Темной триады

Шкалы опросника	Пол	Макиавеллизм	Нарциссизм
Доброжелательность (Б5)	Юноши	-0,47*	-
	Девушки	-	-
Открытость новому опыту (Б5)	Юноши	-	0,57**
	Девушки	-	0,63**
Нейротизм (Б5)	Юноши	-	-
	Девушки	0,52*	-

Примечание: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$

Table 2
Correlations of the Big Five and Dark Triad scales

Scales	Gender	Machiavellianism	Narcissism
Agreeableness (Big Five)	Boys	-0.47*	-
	Girls	-	-
Openness to experience (Big Five)	Boys	-	0.57**
	Girls	-	0.63**
Neuroticism (Big Five)	Boys	-	-
	Girls	0.52*	-

Note: * — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$

Обсуждение результатов

Предложим содержательную интерпретацию полученным результатам. Прежде всего рассмотрим связь нарциссизма и открытости новому опыту. Она демонстрирует, что в профессиональной творческой деятельности актеры, для которых крайне значимо признание со стороны окружающих, готовы рисковать и пробовать новое.

Наличие открытости становится ступенькой к обретению чувства правды, для которого необходимы «сильно развитое воображение, детская наивность и доверчивость, артистическая чуткость к правде и к правдоподобию в своей душе и своем теле» (Станиславский, 1988, с. 381). Однако чувство правды, которое лежит в основе творческого самочувствия, в себе нужно развивать. Пока же будущие артисты только овладевают премудростью настоящего актерского искусства, можно предположить, что чаще им присуще более распространенное и повседневное, по мнению К.С. Станиславского, «актерское самочувствие» (там же, с. 374). Оно естественно для артиста, находящегося на сцене (перед зрителями или же перед педагогом и однокурсниками), и характеризуется обязанностью произвести впечатление и показать внешне чувство, которого нет внутри. Этим можно объяснить связь с нарциссизмом: студенты открыты для создания новых образов, но пока не чувствуют их изнутри, не могут войти в поток творческого самочувствия и вынуждены ориентироваться на внешнюю оценку и сами смотрят как бы со стороны, похоже ли то, что они делают, на то, что от них требуется.

Второе объяснение связи открытости новому опыту и нарциссизма более непосредственное: студенты-актеры в процессе обучения часто находятся в нестандартных ситуациях, примеряют на себя множество ролей, хорошо овладевают своим голосом, своим телом, работают с эмоциональной сферой. С ними интересно, они могут разнообразить обстановку и произвести на собеседника желаемый эффект, и поэтому справедливо могут чувствовать себя в некоторой

степени исключительными, отличающимися от своих сверстников из других вузов, не обладающих актерскими техниками.

Как было замечено в продолжительном исследовании В.С. Собкина и Т.А. Лыковой, у студентов-актеров в конце второго курса формируется комплекс черт, условно названный авторами «нарциссизмом» и объединяющий такие шкалы опросника Р. Кеттелла, как А «общительность», I «чувствительность» и Q2 «нонконформизм» (Собкин и др., 2021, с. 63). Так, отмечается, что наряду со «стремлением эмоционально воздействовать на других» у студентов закрепляется личностная структура, ориентированная на «привлечение к себе внимания, вызов позитивной реакции на себя» (там же, с. 63). Меняется социальная ситуация: внимание обучающихся начинает концентрироваться на особых отношениях со зрителем, их организации, что требует активного эмоционального участия.

Следующий результат касается связи эмоционального уровня эмпатии с нейротизмом у всех опрошенных студентов-актеров. Хотя данная корреляция может быть обоснована содержанием конструктов, в актерской профессии такое сочетание черт может способствовать постижению чувств героя (персонажа): студенты-актеры, имеющие высокую возбудимость и эмоциональную неустойчивость могут легче воспринимать и понимать чужие переживания. В некотором смысле можно сказать, что нейротизм и эмпатия представляют собой единый конструкт общей чувствительности и восприимчивости в социальных отношениях. Он особенно важен для актеров ввиду необходимости погружаться в образ и взаимодействовать с партнерами по сцене. В другом исследовании было показано, что тревожности, возбудимости, склонности к эмоциональным реакциям у актеров часто также сопутствует высокопродуктивное творческое воображение (Dikiy et al., 2018). Заметим, что общую картину результатов нашего исследования дополняют специфические тенденции у представителей разного пола.

У девушек эмоциональная нестабильность также связана со склонностью просчитывать последствия своего поведения с целью достижения собственной выгоды (макиавеллизм). Это может помогать им при работе над ролью: именно тревожные актрисы могут стараться с большей осторожностью и расчетливостью подходить к созданию образа с целью наибольшего воздействия на зрителя. Заметим, что в уже упомянутом исследовании был выявлен ряд характеристик, отличающих студентов-актеров, продолживших обучение после первого курса, от отчисленных. Среди этих качеств наблюдается интересный комплекс взаимодополняющих черт L «подозрительность» и N «дипломатичность». Более высокие баллы по этим шкалам у студентов, продолживших обучение актерскому мастерству, говорят о наличии у них своеобразной социальной проницательности (Собкин и др., 2021). Высокая дипломатичность, понимаемая как «полус Макиавелли», в сочетании с высокой

настороженностью, а значит и внимательностью по отношению к другим людям, бесспорно, помогает при анализе роли и предлагаемых обстоятельств, а также может быть полезной в условиях высокой конкуренции.

Юноши же не проявляют подобной направленности. У них, напротив, есть тенденция быть более приверженными группе с возрастанием общительности, что кажется естественным для большинства людей. Помимо этого у дружелюбных юношей наблюдается низкий макиавеллизм, исключающий сочувствие, что отражает сущность данных конструктов. Таким образом, у актеров мужского пола отсутствуют специфические связи между личностными качествами и особенностями эмпатии, выявляемые у девушек исследуемой группы.

Выводы

Выявленная в результате исследования связь открытости новому опыту с нарциссизмом может иметь несколько интерпретаций. Во-первых, студенты, открытые для создания новых образов, могут быть вынуждены в большей степени ориентироваться на внешнюю оценку из-за несформированности собственной чувствительности к «правде». Во-вторых, студенты-актеры могут чувствовать себя в некоторой степени исключительными, по сравнению со сверстниками, так как в силу профессиональной деятельности примеряют на себя множество новых ролей и могут легко произвести на собеседника впечатление.

Эмоциональный уровень эмпатии связан у студентов-актеров обоих полов с нейротизмом: хорошей социальной проницательности сопутствует повышенная эмоциональная нестабильность. Возможно, что сочетание тревожности и эмпатической тенденции у актеров реализуется как некий единый конструкт, отвечающий за восприимчивость и чувствительность.

Связь макиавеллизма и нейротизма, отражающая особую социальную проницательность, свойственна лишь студенткам в актерской профессии, в то время как юношам свойственна более типичная отрицательная связь макиавеллизма с доброжелательностью, а также положительная корреляция общительности с действенной эмпатией. Проявление именно таких связей у студентов-актеров разного пола может отражать избираемые стратегии в проработке эмоциональной составляющей образа, а также в выстраивании отношений в коллективе.

Практическое применение

Результаты данного исследования могут служить материалом для рефлексии собственной деятельности педагогов, обучающих студентов-актеров, а также самих студентов, выбравших актерскую деятельность в качестве профессионального пути.

Список литературы

- Бенеш, Н.Л. (2007). Значение эмпатии в творчестве актера (режиссера). *Альманах современной науки и образования*, 1(1), 47–49.
- Выготский, Л.С. (1984). К вопросу о психологии творчества актера. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Научное наследство (С. 319–328). Москва: Педагогика.
- Гройсман, А.Л. (2007). Психология успешности профессионального обучения и творческой деятельности актера. Москва: Когито-Центр.
- Егорова, М.С., Ситникова, М.А., Паршикова, О.В. (2015). Адаптация Короткого опросника Темной триады. *Психологические исследования*, 8(43). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>
- Егорова, М.С., Паршикова, О.В. (2016). Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятёрки (B5-10). *Психологические исследования*, 9(45). <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.492>
- Собкин, В.С. (1984). Опыт исследования личностных характеристик студентов-актеров. В: Психолого-педагогические аспекты обучения студентов творческих вузов: Межвуз. сб. науч. тр. Под ред. А.Л. Гройсман (С. 22–37). Москва: ГИТИС.
- Собкин, В.С., Лыкова, Т.А. (2014). Личностные особенности при профессиональном отборе студентов-актеров: гендерный аспект. *Национальный психологический журнал*, (3), 74–83.
- Собкин, В.С., Лыкова, Т.А. (2015). Психотехники развития одаренности в театральной педагогике. *Психологические исследования*, 8(40). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.559>
- Собкин, В.С., Лыкова, Т.А. (2019). К вопросу о психологических особенностях развития личности актера: опыт типологического анализа. *Консультативная психология и психотерапия*, 27(2), 129–146. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270209>
- Собкин, В.С., Лыкова, Т.А., Собкина, А.В. (2021). Психология актера: начало профессионального пути. Москва: Институт управления образованием РАО.
- Станиславский, К.С. (2008). Работа актера над собой в творческом процессе переживания. Дневник ученика. Санкт-Петербург: Прайм Еврознак.
- Станиславский, К.С. (1988). Собраний сочинений: в 9 т. Т. 1. Моя жизнь в искусстве. Москва: Искусство.
- Рождественская, Н.В. (2005). Диагностика актерских способностей. Санкт-Петербург: Речь.
- Dikiy, I., Dikaya, L., Karpova, V., Lavreshina, A., Kagramanyan, M. (2018). Psychological characteristics of art specialists with a highly productive creative imagination. *Psychology of Russia: State of Art*, 11(2), 134–147.
- Dufner, M., Egloff, B., Hausmann, C., Wendland, L.-M., Neyer, F., Back, M. (2014). Narcissistic Tendencies Among Actors: Craving for Admiration, But Not at the Cost of Others. *Social Psychology and Personality Science*, 6(4), 447–454. <https://doi.org/10.1177/1948550614564224>

References

- Benesh, N.L. (2007). The importance of empathy in the actor's (director's) creativity. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya (Almanac of Modern Science and Education)*, 1(1), 47–49. (In Russ.).
- Dikiy, I., Dikaya, L., Karpova, V., Lavreshina, A., Kagramanyan, M. (2018). Psychological characteristics of art specialists with a highly productive creative imagination. *Psychology of Russia: State of Art*, 11(2), 134–147.
- Dufner, M., Egloff, B., Hausmann, C., Wendland, L.-M., Neyer, F., Back, M. (2014). Narcissistic Tendencies Among Actors: Craving for Admiration, But Not at the Cost of Others. *Social Psychology and Personality Science*, 6(4), 447–454. <https://doi.org/10.1177/1948550614564224>
- Egorova, M.S., Sitnikova, M.A., Parshikova, O.V. (2015). An adaptation of the Dark Triad Short Questionnaire. *Psikhologicheskoe Issledovaniya (Psychological Research)*, 8(43). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052> (In Russ.).
- Egorova, M.S., Parshikova, O.V. (2016). Psychometric characteristics of the Big Five Short Portrait Questionnaire (B5-10). *Psikhologicheskoe Issledovaniya (Psychological Research)*, 9(45). <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.492> (In Russ.).
- Groisman, A.L. (2007). Psychology of success of professional training and creative activity of an actor. Moscow: Cogito Center. (In Russ.).
- Rozhdestvenskaya, N.V. (2005). Diagnostics of acting abilities. St. Petersburg: Rech.
- Sobkin, V.S. (1984). Psychological and pedagogical aspects of training students of creative universities. In: A.L. Groisman (Ed.), Experience in the study of personality characteristics of student-actors (pp. 22–37). Moscow: GITIS.
- Sobkin, V.S., Lykova, T.A. (2014). Personal characteristics in the professional selection of student-actors: gender aspect. *National Psychological Journal*, (3), 74–83. (In Russ.).
- Sobkin, V.S., Lykova, T.A. (2015). Psychotechniques of giftedness development in theater pedagogy. *Psikhologicheskoe Issledovaniya (Psychological Research)*, 8(40). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.559> (In Russ.).
- Sobkin, V.S., Lykova, T.A. (2019). To the question of psychological features of the actor's personality development: the experience of typological analysis. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya (Counseling Psychology and Psychotherapy)*, 27(2), 129–146. <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270209> (In Russ.).
- Sobkin, V.S., Lykova, T.A., Sobkina, A.V. (2021). Psychology of the actor: the beginning of the professional path. Moscow: Institute of Education Management RAE. (In Russ.).
- Stanislavsky, K.S. (2008). The actor's work on himself in the creative process of experiencing. Diary of a pupil. Saint-Petersburg: Prime Euroznak. (In Russ.).
- Stanislavsky, K.S. (1988). Collected works: in 9 vols. Vol. 1. My life in art. Moscow: Art. (In Russ.).
- Vygotsky, L.S. (1984). To the question of the psychology of the actor's creativity. Collected works: in 6 vols. Vol. 6. Scientific inheritance (pp. 319–328). Moscow: Pedagogy. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владимир Самуилович Собкин, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, руководитель Центра социологии образования Института управления образованием РАО; руководитель Центра социокультурных проблем современного образования Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, sobkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2339-9080>

Vladimir S. Sobkin, Academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Center for the Sociology of Education, The Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Management of Education of The Russian Academy of Education; Head of the Center for Socio-Cultural Educational Affairs, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, sobkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2339-9080>

Нина Леонидовна Савченко, младший научный сотрудник Центра социокультурных проблем современного образования Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, savchenko.ni.leo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8250-9254>

Nina L. Savchenko, Junior Researcher at the Center for Socio-Cultural Educational Affairs, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, savchenko.ni.leo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8250-9254>

Марина Валерьевна Сиян, младший научный сотрудник Центра социокультурных проблем современного образования Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, siyan.marina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1680-6896>

Marina V. Siyan, Junior Researcher at the Center for Socio-Cultural Educational Affairs, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, siyan.marina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1680-6896>

Марина Алексеевна Яковлева, лаборант Центра социокультурных проблем современного образования Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация, marina2099@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6748-3308>

Marina A. Yakovleva, Research Assistant at the Center for Socio-Cultural Educational Affairs, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, marina2099@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6748-3308>

Поступила: 23.04.2024; получена после доработки: 14.05.2024; принята в печать: 27.05.2024.

Received: 23.04.2024; revised: 14.05.2024; accepted: 27.05.2024.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0213>
УДК/UDC 159.9.075, 159.922.8

Культурный жизненный сценарий поколений: эмпирический опыт изучения «изменяющегося в неизменном»

А.М. Рикель¹✉, Е.А. Дорохов^{1,2}

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

²Центральный Банк Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

✉ a.m.rikel@gmail.com

Резюме

Актуальность. Увеличение внимания в обществе к проблеме расширяющихся противоречий в социальных установках у молодого и старшего поколения и как следствие возможного конфликта поколений вызывает рост количества исследований межпоколенческих различий в социальной психологии. При этом большинство этих исследований не стремятся разграничить фактор принадлежности к поколенческой и возрастным группам, что вызывает методологическую путаницу в результатах.

Цель. Выявить и описать роль фактора принадлежности к поколению в культурных жизненных сценариях (КЖС) разных поколений современных россиян относительно фактора возраста.

Методы. Эмпирическое исследование (N = 951 чел.) проводилось с помощью модифицированной методики «Линия жизни», а обработка результатов, позволяющая показать различия между факторами поколения и возраста — с помощью Age-Period-Cohort (APC)-анализа.

Результаты. Были подробно описаны выявленные особенности КЖС четырех поколенческих групп и проанализированы возможности исследования КЖС в контексте поколенческого и возрастно-психологического фактора. В частности, было отмечено, что именно так называемое поколение Z продемонстрировало наибольшее число отличий КЖС от других поколений, а также тренд на индивидуализацию жизненных сценариев.

Выводы. Был сделан и математически обоснован вывод о важности продолжения изучения поколений в их социально-психологическом понимании (отдельно от возрастного фактора). Было вынесено теоретическое предложение о пересмотре границ поколений с последующим делением поколений на подгруппы.

Ключевые слова: жизненный сценарий, культурный жизненный сценарий, поколения, классификация поколений, «Линия жизни», поколение Z, зумеры, APC-анализ

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00230, тема проекта «Предикторы психологической адаптации личности в ситуации глобальных рисков цифрового мира: межпоколенный и гендерный анализ».

Для цитирования: Рикель, А.М., Дорохов, Е.А. (2024). Культурный жизненный сценарий поколений: эмпирический опыт изучения «изменяющегося в неизменном». *Национальный психологический журнал*, 19(2), 150–162. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0213>

Cultural Life Scenario in Generations: an Instrument to Study “the Changing in the Unchanged”

Alexander M. Rikel¹✉, Egor A. Dorokhov^{1, 2}

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Central Bank of Russian Federation (Bank of Russia), Moscow, Russian Federation

✉ a.m.rikel@gmail.com

Abstract

Background. Increasing social attention to the problem of expanding contradictions in social attitudes among the younger and older generations and, as a consequence of a possible generational conflict, causes an increase in the number of social-psychological studies of intergenerational differences. However, most of these studies do not seek to distinguish between the factor of belonging to generational and age groups, which causes methodological confusion in the results.

Objectives. The aim is to identify and describe the role of the factor of belonging to a generation in the cultural life scenarios (CLS) in different generations of modern Russians in relation to the age factor.

Methods. An empirical study (N = 951) was carried out using a modified ‘Lifeline’ technique. The Age-Period-Cohort (APC) analysis was applied to process results showing differences between generation and age factors.

Results. The revealed features of CLS in four generational groups were described in detail. Also, the possibilities of studying CLS in the context of generational and age-psychological factors were analyzed. In particular, it was noted that it was the so-called generation Z that demonstrated the greatest number of differences in CLS from other generations, as well as a trend towards individualization of life scenarios.

Conclusions. A conclusion was made and mathematically substantiated about the importance of continuing the study of generations in their socio-psychological understanding (separately from the age factor). A theoretical proposal was made to revise the boundaries of generations with the subsequent division of generations into subgroups.

Keywords: life script, cultural life script, generations, generation classification, ‘Life line’ method, zoomers, generation Z, APC analysis

Funding. The study has been supported by Russian Science Foundation (RSF), project No. 22-18-00230, title of the project ‘Predictors of psychological adaptation of the individual in the situation of global risks of the digital world: intergenerational and gender analyses’.

For citation: Rikel, A.M., Dorokhov, E.A. (2024). Cultural Life Scenario in Generations: an Instrument to Study “the Changing in the Unchanged”. *National Psychological Journal*, 19(2), 150–162. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0213>

Введение

Культурный жизненный сценарий (КЖС) различных поколений как объект исследования был выбран нами как комплексная система установок относительно жизненного пути: так, именно сравнение установок является частой целью межпоколенческих психологических исследований (Тихомандрицкая, Рикель, 2022). Очевидно, что, сами по себе, установки подлежат изменениям в течение жизненного пути и жестко привязаны к социальному контексту, однако КЖС позволяет (а) рассмотреть установки в совокупности относительно всей жизни в целом и, что еще более важно (б) рассматривает лишь те установки, которые касаются событий — объективно зафиксированных во времени, свершившихся фактов биографии (например, рождения детей или времени начала и окончания процесса обучения) (Гришина, 2019). Время наступления и характер наполнения таких событий могут считаться объективными переменными, которые можно легче сравнить у нескольких

поколенческих групп без опасения быть обвиненными в отсутствии учета возрастных и иных психологических факторов.

Поколения в данном исследовании нам были интересны в их социально-психологической трактовке как общность людей, объединенных совместным пережитым культурно-историческим опытом и как следствие сформировавших уникальную когорту с уникальным психологическим портретом. В таком ключе поколения понимаются в современной социологии (Левада, 2011; Howe, Strauss, 2018; Радаев, 2020; White, 2013) и социальной психологии (Марцинковская, Полева, 2017; Розин, 2017; Сиврикова и др., 2019; Lyons et al., 2019; Rikel, 2019). В данном исследовании использовалась классификация В. Радаева, которая была выбрана нами в силу ее частой апробации в эмпирических исследованиях. В. Радаев выделяет четыре поколения ныне живущих россиян: (1) Поколение Застоя (родилось в послевоенный период (1947–1967 гг.)); (2) Реформенное Поколение (1968–1981 гг.) (родилось в период застойного социализма, а во взрослую жизнь входило в период Перестройки);

(3) Миллениалы (родилось в 1982–2000 гг., но их взросление пришлось на относительно благополучный период); (4) Поколение Z (годы рождения — 2001 и позднее) (Радаев, 2018).

Сам *жизненный сценарий* в психологии операционализируется принципиально различно: (а) через неосознаваемое влияние родителей или автоматизированные заложенные «скрипты» (Life Scripts, 2010), (б) через создаваемую человеком по ходу его жизни систему смыслов, через его нарративы, (в) через творческое структурирование событийной последовательности жизни (Костромина и др., 2018). Подход к жизненному сценарию в русле классического детерминизма «идеологически» лишает человека свободы и субъектности, предполагая примат прошлого над настоящим. С другой стороны, даже исходя из сценария предопределенности, ни один из авторов методологически не «прописывает» механизм передачи трансгенерационного опыта, тем самым «расшатывая» научную основу данной концепции.

В этом контексте именно *культурный* жизненный сценарий, напротив, выступает не как результат пассивного усвоения, а как результат социального конструирования, своеобразное коллективное социальное представление (С. Московиси). Он усваивается и интериоризируется на основании значительного количества факторов, состоящих из личного, семейного, культурного опыта среды и иных факторов.

КЖС может быть исследован, в том числе, в дискретно-событийном ключе (количественный анализ прошедших событий), что реализуется либо в виде вербального самоотчета, либо с помощью графической экспликации / схематизации, либо в виде опросной методики (как в данном исследовании). Любопытно, что КЖС в его проспективной версии отражает не столько типичную, сколько еще и идеализированную будущую жизнь респондента, в том числе играя мотивирующую роль в его развитии.

Методически КЖС делят на ядро (события, указанные более 20% выборки), периферию (4–19%) и несценарные события (менее 4%) (в данном случае к «ядру» относятся сами события, а не представители того или иного поколения, как было описано в обзоре ранее) (Stepankova et al., 2020). Любопытно, что «ядерный» КЖС согласован в рамках некоего универсального межкультурного сценарного минимума: схожие результаты демонстрируют страны как с европейским типом культуры (Россия, Германия, Нидерланды, Дания и пр.), так и с иной ментальностью (Китай, Япония, Мексика, Австралия) (Нуркова, 2018; Jansen et al., 2014; Scherman et al., 2017; Wilkinson, Dunlop, 2022). Так, в универсальное «ядро» КЖС входят «рождение детей» (76,28%), «брак» (64,16%), «поступление в школу» (62,29%), «влюбленность» (37,63%), «получение образования» (32,34%), «смерть родителей» (31,06%) и «первая работа» (29,27%) (Нуркова, 2018).

При этом взрослые россияне, отвечая на вопросы о самых важных жизненных событиях в их жизни, воспроизводят в 80% случаях именно событие из КЖС

(Nourkova, Dnestrovskaya, 2011), и любопытно, что уже 15-летние подростки включают в события своей будущей жизни до 60–70% содержания КЖС.

Большинство исследований, как пишут С.Н. Костромина и коллеги, посвящены связям психологических характеристик личности и особенностям его жизненного сценария (Костромина и др., 2018), при этом удивительно, что влиянию социального контекста на трансформацию КЖС у разных поколений посвящено значительно меньше работ. Наличие факторов, влияющих на формирование КЖС, делает его изучение в контексте поколений особенно интересным; мнения исследователей тут расходятся: некоторые утверждают, что мы можем говорить о ЖС поколения на основе доминирующих ценностных ориентаций (Полюшкевич, 2020), а некоторые — говорят о его стабильной трансгенерационной неизменности (Berntsen, Rubin, 2004).

Нам представляется важным отметить, что если содержание самого перечня событий КЖС и вправду может оставаться неизменным у многих поколений, то отнесение того или иного события к определенному возрасту, его эмоциональное наполнение и главное — отношение к нему — варьируется. Таким образом, КЖС претендует на то, чтобы стать одним из основных объектов для валидного межпоколенческого анализа: ведь изучая КЖС, мы изучаем *изменяющимся в неизменном* — межпоколенческие различия в установках и представлениях относительно стабильной и фундаментальной последовательности событий в жизни человека.

Сам КЖС, рассматриваемый как набор объективно зафиксированных событий является изначально традиционным объектом для исследования в русле социологии, и наиболее стандартные методики его изучения (например, «Линия жизни») так же могут быть отнесены к социологическому инструментарию, однако, существует ряд веских аргументов, позволяющих исследовать КЖС именно как объект социальной психологии.

Во-первых, КЖС может быть изучен не просто как набор событий в рамках жизненного пути, а как система социально-психологических установок, подразумевающих, согласно В.А. Ядову, тесную взаимосвязь с социальными представлениями, диспозициями и ценностными ориентациями.

Во-вторых, методология изучения КЖС подразумевает, в том числе, классический психологический инструментарий (например, анализ нарративов, используемый нами в ряде других исследований).

В-третьих, КЖС может быть встроен в традиционную для психологии школу изучения жизненного пути, жизненных стратегий, жизненных моделей, в разное время изучавшихся К.А. Абульхановой-Славской, Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой, В.В. Нурковой.

Цель описываемого здесь исследования — выявить и описать роль фактора принадлежности к поколе-

нию в КЖС относительно фактора возраста. Методический инструмент достижения данной цели — апробация методологии анализа APC (Age-Period-Cohort), позволяющей разграничить роль фактора возраста и принадлежности к поколению.

В этом смысле исследование подразумевало две последовательно реализуемые **группы задач**:

1. На эмпирическом уровне — описать культурные жизненные сценарии современных поколений россиян, и затем
2. На общеметодологическом уровне — выделить особенности культурных жизненных сценариев поколений на пересечении поколенческого (социального) и возрастано-психологического факторов и, как следствие
3. Сделать вывод о корректности существующей классификации поколений.

Выборка

В исследовании приняли участие 951 человек (66% женщин, 34% мужчин), средний возраст 38,8 лет ($SD = 14,84$), из них 139 человек — представители поколения Застой (старше 54 лет), 315 представителей Реформенного поколения (от 41 до 54 лет), 307 миллениалов (от 22 до 40 лет) и 183 участника поколения Z (от 16 до 21 года).

Метод привлечения респондентов к участию

Выборка привлекалась методом снежного кома с помощью онлайн-анкетирования и ограничивалась людьми, проживающими на территории Российской Федерации.

Методы и методика

Метод исследования

Авторская методика исследования КЖС представляла собой письменную онлайн-версию опросника «Линия жизни», где респонденту предлагалось написать не менее 7 (но не более 12) «важных событий в жизни типичного человека». В нашей модификации опросника мы дополняли эту стандартную формулировку словами «из вашего поколения», а также просили написать типичный возраст наступления этого события. Помимо этого, респонденту предлагалось охарактеризовать каждое событие как скорее, хорошее или плохое (по 7-балльной шкале), а также оценить это же событие глазами своих родителей (как более хорошее или более плохое и как наступающее раньше или позже, чем у своего поколения).

Метод математической обработки

Суть используемого метода APC-анализа заключается в сравнении между собой нескольких регрессионных моделей, в которых учитывается влияния факторов возраста, поколения и времени проведения оценки независимо друг от друга и в различных

сочетаниях между собой (Keyes, Li, 2012). В нашем исследовании для каждого участника были известны только 2 фактора — его возраст и принадлежность к той или иной группе поколения участников, фактор времени проведения исследования был одинаковым для всех участников.

Для оценки значимости учета фактора поколения в изменении той или иной переменной в исследовании использовался результат сравнительного дисперсионного анализа (ANOVA), оценивающий значимость различий двух регрессионных моделей: модели № 1, в которой предиктором описываемой переменной является только возраст участника, а фактор поколения является сопутствующей переменной (Linear Mixed-Effects Models) и модели № 2, где фактор поколения также вводится как предиктор (Generalized Linear Model). В случае если сравнительный дисперсионный анализ показывал значимое различие описанных моделей, учет влияния фактора принадлежности участника к тому или иному поколению признавался значимым — увеличивающим объяснительную способность модели. Если же разница моделей была незначимой, то для оценки связи изучаемой переменной с возрастом использовался корреляционный анализ.

В качестве показателя связи изучаемых параметров с возрастом использовался коэффициент корреляции Пирсона, все указанные далее коэффициенты корреляции значимы на уровне $p < 0,05$.

Метод анализа результатов

Все ответы участников на методику КЖС были отнесены к общим содержательным категориям (общим группам событий по сфере жизни, описываемой в ответе участника) и более частным группам событий по содержанию. К той или иной общей категории событий (Семья, Дружеско-романтическая сфера, Профессионально-карьерное развитие, Армия, Образование) были отнесены 3789 ответов участников из 7201 (52%), а к той или иной частной группе событий — 68%. Для каждой содержательной группы событий были описаны следующие параметры:

1. Фактуальность события — описывает ли ответ участника факт реальной жизни или, напротив, субъективное состояние.
2. Субъект события — кто является главным действующим лицом события — сам отвечающий, его близкие или ответ описывает событие, происходящее в мире без участия субъекта.
3. Эмоциональная валентность события по содержанию — является ли описываемое событие негативным, нейтральным или позитивным с точки зрения общих социальных представлений о событии в культуре.

Результаты

В среднем, каждый участник исследования указал от 7 до 12 событий ($M = 7,83$, $SD = 1,54$). В Таблице 1

представлен частотный анализ событий, перечисленных респондентами (темно-серым цветом в таблице представлено «ядро» сценария, светло-серым — периферия).

«Рождение ребенка» — событие, занимающее первое место по частотности у всех поколений, кроме поколения Z (у «зумеров» рождение ребенка на IV месте). Это можно объяснить юным возрастом респондентов, но любопытно, что и у миллениалов (несмотря на I место этого события в рейтинге) — 31% его все равно не называют. Возможная интерпретация этого факта — отдаленность этого события от момента опроса, а также мода на чайлдфри-настроения в обществе. При этом на первом месте у поколения Z — «появление первых романтических отношений» (59%), у остальных поколений — значимость этого пункта значительно ниже (не выше 23%) и естественным образом обратно пропорциональна возрасту. На втором месте у всех опрошенных — «Свадьба / создание семьи»: этот пункт у всех поколений набирает больше 50%, но меньше всего — у поколения Z (57%), а больше всего — у реформенного (71%). На III месте у всех поколений, кроме миллениалов — «поступление в вуз/ссуз», причем, у миллениалов это событие находится на IV месте (при этом не сильно «отставая» от III места). «Большую покупку» чаще других вспоминают миллениалы (45%) и значительно реже (за пределами «ядра» — поколение Z (что может быть логично объяснено возрастом экономической активности)). «Поход в первый класс» («начало обучения в школе» у всех поколенческих групп (кроме поколения Застоя) находится в ядре (у этого поколения — близко к ядру (19%), причем предсказуемо — у поколения зумеров значения этого события выше (41%). Окончание школы как значимое событие вспоминают все поколения, причем чаще всего реформенное поколение (37%). Устройство на работу более важно для более молодых поколений (33% у Z и 36% у миллениалов), чем для

старших (24% для реформенного поколения и 16% — для поколения Застоя), что можно вновь объяснить близостью актуального опыта или карьерными ценностными ориентациями. Любопытно, что «Смерть близкого человека» упоминается практически каждым пятым респондентом без ярких значимых отличий между поколениями. Из других, интересных, значимых для конкретных поколенческих групп, событий можно назвать рождение внуков (38%) или выход на пенсию (15%) у представителей поколения Застоя и события, связанные с независимостью от родителей (26%), первый сексуальный опыт (11%) или посещение детского сада (16%) у зумеров. Любопытно, что выбор профессии и первая работа также встречаются у поколения Z значимо чаще, чем у старших поколений.

Что касается оценки эмоциональной валентности события, было выявлено, что доля упоминания событий, имеющих положительную оценку, прямо связана с возрастом участников исследования (старшие указывают больше положительных событий: 23% у поколения Z, 16% — миллениалы, 10% — реформенное поколение, 8% — поколение застоя), ($r = 0,23$), а количество нейтрально оцениваемых событий, напротив, выше у более молодых участников (68% у поколения Z, 76% — миллениалы, 82% — реформенное поколение, 81% — поколение застоя) ($r = 0,31$). При этом для обеих закономерностей значимое влияние оказывает и информация о поколении, к которому принадлежит участник (для первой закономерности $\chi^2 = 47,21$, для второй — $\chi^2 = 87,56$, все $p < 0,01$).

Респонденты в целом, рассказывая свой жизненный сценарий, упоминают, в основном, положительные события (от 68% до 82% в разных поколенческих группах) или положительные и нейтральные события (от 89% до 92% в разных поколенческих группах), что соотнобразуется с более ранними полученными данными (Нуркова, 2018).

Таблица 1

Доля участников исследования каждого поколения, указавших событие того или иного содержания, от общего числа участников исследования того или иного поколения

Содержание события	Поколение			
	Застой	Реформенное	Миллениалы	Z
Дети — рождение	84%	91%	69%	45%
Свадьба, создание семьи	65%	71%	68%	57%
Поступление в вуз/ссуз	43%	47%	40%	53%
Большая покупка	21%	36%	45%	12%
Первый класс, первый поход в школу	19%	29%	24%	41%
Окончание школы (9 или 11 классов)	24%	37%	28%	21%

Примечание: В таблице цветом выделены проценты, соответствующие определению «ядра» (темно-серым) и «периферии» (светло-серым) события для того или иного поколения по классификации Зарагоза (Zaragoza, 2017)

Table 1

The proportion of study participants of each generation who indicated an event of a particular content, out of the total number of study participants in a given generation

Event Description	Generation			
	Stagnation	Reform	Millenials	Z
Birth of children	84%	91%	69%	45%
Marriage	65%	71%	68%	57%
University Admission	43%	47%	40%	53%
Big Purchases	21%	36%	45%	12%
School Admission	19%	29%	24%	41%
School Finishing	24%	37%	28%	21%

Note: In the table, the percentages corresponding to the definition of “core” (dark gray) and “periphery” (light gray) of an event for a particular generation according to the classification by Zaragoza are highlighted in color (Zaragoza, 2017)

По содержанию описываемых событий, более молодые участники исследования чаще описывали события дружеско-романтической сферы (связь с возрастом $r = -0,33$) и карьерно-профессионального развития ($r = -0,19$) (Таблица 3). Старшие участники, напротив, чаще указывали события, связанные с построением и развитием семьи ($r = 0,34$). Для каждой из указанных закономерностей дополнительным значимым фактором является и учет поколения участника (оценки моделей: $\chi^2_1 = 158,61$, $\chi^2_2 = 39,26$,

$\chi^2_3 = 112,33$, все $p < 0,01$). Отметим при этом, что для событий профессионально-карьерного развития наблюдается не полностью линейная связь частоты упоминания таких событий с поколением — участники поколения Застоя и Реформенного поколения указывают их реже (5% и 6%, соответственно), чем участники из поколения Миллениалов и поколения Z (12% и 11%), при этом внутри указанных пар различия в частоте упоминаний не такие значительные (в рамках 1%).

Таблица 2

Средняя доля событий, относящихся к содержательным категориям, от общего числа описанных в одном протоколе участника исследования

Категория описываемого события	Поколение			
	Застой	Реформенное	Миллениалы	Поколение Z
Дружеско-романтическая сфера	3%	5%	9%	22%
Образовательно-карьерное развитие	5%	6%	12%	11%
Семья	62%	55%	47%	33%
Субъективное состояние	3%	3%	5%	17%

Table 2

Average proportion of events related to content categories out of the total number described in one protocol of a study participant

The category of an event	Generation			
	Stagnation	Reform	Millenials	Z
Friendship / Romance	3%	5%	9%	22%
Education / Career	5%	6%	12%	11%
Family	62%	55%	47%	33%
Subjective State	3%	3%	5%	17%

Молодые участники также чаще дают ответы, описывающие субъективные состояния, а не объективные события ($r = -0,31$). При этом учет фактора поколения также дает дополнительную оценку значимости ($\chi^2 = 166,16$, $p < 0,01$) — представители поколения Z описывают значительно больше субъективных состояний, чем представители других поколений (даже близкие к ним по возрасту участники-миллениалы).

События собственной жизни чаще описывают более молодые участники ($r = -0,4$), а события жизни близких — старшие ($r = 0,39$). При этом фактор поколения не дает значимого прироста в объяснении данных переменных ($p > 0,05$).

Существует несколько содержательных групп событий, для которых значим учет только фактора поколения, а возраст участника не имеет значимой связи с частотой упоминания события: (1) события, описывающие большие покупки, значительно чаще упоминаются представителями поколения Миллениалов ($\chi^2 = 66,73$, $p < 0,01$); (2) окончание школы детьми чаще описывают представители реформенного поколения ($\chi^2 = 8,46$, $p < 0,01$); (3) значительно реже описывают событие окончания вуза ($\chi^2 = 5,85$, $p < 0,01$) и события, связанные с участием в выездных практиках/туристических поездках ($\chi^2 = 1,82$, $p < 0,01$) участники из поколения Z. (4) События, связанные со службой в армии, чаще описывают представители поколения Застоя и Миллениалы ($\chi^2 = 13,03$, $p < 0,01$). События, объясняемые лишь фактором поколения и не фактором возраста, не попадают в «ядерную» зону сценария и часто оказываются даже вне периферии, что интерпретируется нами ниже.

Напротив, существуют и такие содержательные группы событий, для которых значимым является только возраст участника, а не то, к какому поколению он относится: старшие участники чаще описывают в ряду событий вступление в коммунистическую партию ($r = 0,16$) и свадьбу детей ($r = 0,11$), а младшие — появление домашних питомцев ($r = -0,16$), получение первой работы ($r = -0,07$) и первого заработка ($r = -0,07$), а также первый поцелуй ($r = -0,08$). Больше всего закономерностей упоминания событий из той или иной содержательной группы указывают на важность учета как фактора возраста участников, так и их отношения к тому или иному поколению. Напомним, что положительная связь с возрастом свидетельствует о большей частоте упоминания этих событий старшими участниками исследования, а отрицательная — младшими участниками.

Помимо этого, старшие участники склонны описывать восприятие разных событий своими родителями как «более положительные» ($r = 0,12$) и реже отмечать их оценку как «такую же, как у моего поколения» ($r = -0,1$). При этом склонность воспринимать описываемые события как оцениваемые своими родителями как «более отрицательные» не имеет значимой

связи с возрастом, при этом значимо связана с фактором поколения участника исследования ($\chi^2 = 7,45$, $p < 0,05$). Чаще всего оценивают события как «более отрицательные» для родителей представители поколения Z (средняя частота 12%), реже всего — представители Реформенного поколения (8%), остальные представители оценивают так в среднем 11% описываемых событий.

Главный вопрос данного исследования — **о соотношении факторов поколения и возраста в оценке событий**, и для удобства визуализации и анализа этих результатов все события были разделены нами на четыре группы (Таблица 3): (1) Группа событий, для которой значимую связь имеет как фактор возраста, так и фактор поколения участника исследования; (2) Группа, в которой частота упоминания события значимо связана только с фактором возраста участника; (3) Группа, в которой частота упоминания значимо связана только с фактором поколения участника; (4) Группа, частота упоминания событий в которой не имеет значимой связи ни с возрастом, ни с поколением участника.

Анализ соотношения факторов поколения и возраста в КЖС респондентов показывает:

(А) **Фактор поколений** отдельно от возраста **объясняет очень малое количество событий**: в ядре поколенческих сценариев — только «большие покупки» (недвижимость, автомобили) у миллениалов. Этот результат лишь на первый взгляд кажется уменьшающим значимость выделения поколений как социальных групп. С одной стороны, он в целом говорит о неразрывной связи возраста и поколений и невозможности полного отделения этих переменных. С другой стороны, этот результат может быть проинтерпретирован с позиции необходимости пересмотра границ поколенческих групп, о чем будет сказано ниже.

(Б) Среди событий, где и поколение, и возраст показывают значимые межпоколенческие различия, бросаются в глаза **яркие отличия «зумеров»** по сравнению с другими поколенческими группами: они значимо отличаются по 8 параметрам из 13, что позволяет предположить, что отличия поколения Z от других трех поколений больше, чем отличия этих поколений между собой. При этом содержательно эти отличия касаются как дружеско-романтической, так и профессионально-карьерной и семейной сфер.

(В) Любопытно, что **упоминание конвенционально негативных событий**, таких как расставание, развод, смерть близкого человека (а также попавших в этот перечень «военных действий», перечисление которых свидетельствует о нетипичном понимании инструкции к методике) — все **не подлежат ни возрастному, ни поколенческому влиянию**. Как упоминалось ранее, негативные события в целом редко попадают в ядро КЖС (Нуркова, 2018) (кроме смерти близких людей) и при этом в целом одинаково оцениваются всеми поколениями, включая молодое поколение Z, чаще перечисляющее события своей

жизни, а не жизни близких (в отличие от старших поколений). Отказ от индивидуалистических паттернов в этом вопросе показывает универсальность

значимости вопросов жизни и смерти, роли близких и их утраты вне зависимости от поколенческой принадлежности.

Таблица 3

Распределение категорий событий по их содержанию по значимости связи с частотой их упоминания факторов возраста и поколения участников исследования

	Фактор поколения участника значимо связан с частотой упоминания события	Фактор поколения участника значимо НЕ связан с частотой упоминания события
Фактор возраста участника значимо связан с частотой упоминания события	<p>Первая любовь, первые отношения (Z) Независимость от родителей (Z) <i>Дружба, первый друг (Z)</i> <i>Первый сексуальный опыт (Z, миллениалы)</i> Устройство на работу, работа (Z, миллениалы) <i>Сдача экзаменов (Z)</i> <i>Детский сад (Z)</i> <i>Выбор профессии (Z)</i> <i>Выход на пенсию (Застой)</i> <i>Дети — поступление в вуз/ссуз (Реформенное)</i> Внуки — рождение (Застой) Дети — рождение (Застой, Реформенное)</p>	<p><i>Вступление в коммунистическую социализационную структуру (старший возраст)</i> <i>Дети — свадьба (старший возраст)</i> <i>Домашний питомец (младший возраст)</i> <i>Первая работа (младший возраст)</i> <i>Первый поцелуй (младший возраст)</i></p>
Фактор возраста участника значимо НЕ связан с частотой упоминания события	<p>Большая покупка (Миллениалы)</p>	<p><i>Военные действия в мире</i> Окончание школы (9 или 11 классов) Поступление в вуз/ссуз <i>Развод, расставание</i> Смерть близкого человека, родственника</p>

Примечание: Указаны только события, попавшие в ядро или на периферию жизненных сценариев респондентов хотя бы у одного поколения (ядро — жирным шрифтом, периферия — курсивом). В скобках указано поколение, для которого данное событие оказалось наиболее значимым

Table 3

Distribution of categories of events according to the significance of the relationship with the frequency of their mentioning factors of age and generation of the study participants

	Generation factor is significantly related to the frequency of mentioning the event	Generation factor is NOT significantly related to the frequency of mentioning the event
Age factor is significantly related to the frequency of mentioning the event	<p>First Love (Z) Independence from Parents (Z) <i>First Friendship (Z)</i> <i>First Sex (Z, millennials)</i> First Job (Z, millennials) <i>Exams (Z)</i> <i>Kindergarten (Z)</i> <i>Profession Choice (Z)</i> <i>Retirement (Stagnation Gen.)</i> <i>Kids' University Admission (Reform Gen.)</i> Grandchildren Birth (Stagnation Gen.) Birth of Children (Reform, Stagnation Gens.)</p>	<p><i>Communist Organization Entry (older people)</i> <i>Kids' marriage (older people)</i> <i>Getting a pet (younger people)</i> <i>First Job (younger people)</i> <i>First Kiss (younger people)</i></p>
Age factor is NOT significantly related to the frequency of mentioning the event	<p>Big Purchase (Millennials)</p>	<p><i>Hostilities</i> School Finishing University Admission <i>Divorce</i> Close People / Relatives Death</p>

Note: Only events that fell into the core or periphery of respondents' life scenarios for at least one generation are indicated (core — in bold, periphery — in italics). The generation for which this event was most significant is indicated in brackets

Интерпретация результатов

В интерпретации результатов последовательно представлены (1) особенности КЖС описанных поколенческих групп и (2) анализ возможности исследования КЖС в контексте поколенческого и возрастного-психологического фактора.

Особенности КЖС разных поколенческих групп

1. Полученные в описываемом здесь исследовании данные **соответствуют общей событийной картине КЖС**, полученной в российских и европейских исследованиях ранее (Нуркова, 2018; Bohn, Bundgaard-Nielsen, 2021): в «ядро» сценария входят события из области семейной сферы (рождение детей, заключение брака, смерть родителей), образовательной и профессионально-карьерной области (поступление в вуз или школу, первая работа), дружеско-романтической сферы (влюбленность). При беглом анализе поколенческие и возрастные отличия внутри выборки можно как будто бы проигнорировать в силу кажущейся однообразности сценария. Так, все поколения выделяют, в основном, только положительные события, отрицательные — практически не упоминаются. Первые два события в рейтинге у всех поколений тоже одинаковые — это «рождение детей» и «заключение брака» (семейная сфера), III место в рейтинге — практически у всех поколений — про получение образования.

Однако тезис некоторых исследователей об отсутствии поколенческих отличий внутри КЖС (Berntsen, Rubin, 2004) опровергается уже на поверхностной стадии анализа. Даже в восприятии базовых событий наблюдаются различия: старшее поколение (Застоя) отправляет «влюбленность» на периферию КЖС, а среди зумеров это событие называет почти 60% опрошенных. «Первая работа» у всех четырех поколений находится на периферии КЖС, но если у поколения Застоя — она практически попадает во внесценарные события (5%), то у зумеров «Первая работа» называется в два раза чаще.

2. Некоторые, важные для КЖС, особенности связаны **и с возрастом, и с принадлежностью к поколенческой группе**.

Во-первых, респонденты склонны чаще называть близкие по времени происшествия события: например, поколение Z чаще называет «первый сексуальный контакт» и «начало обучения в школе», а поколение Застоя — «выход на пенсию» и «рождение внуков». Это показывает, что КЖС как комплексная социальная установка естественным образом оказывается подвержена и влиянию памяти, и свежести эмоциональной реакции по отношению к тому или иному событию.

Во-вторых, описываемые респондентами события легко объединяются в группы событий и показывают

яркие поколенческие отличия: поколение миллениалов и в особенности поколение Z чаще воспроизводят события из дружеско-романтической и образовательно-карьерной сфер, а поколение Застоя и в особенности реформенное поколение — из области семейных отношений.

В-третьих, молодежь чаще вспоминает про события своей жизни, а более старшие поколения — события жизни других, что красиво отображает и возрастную трансформацию ценностных ориентаций, и поколенческие особенности. Так, отмечалось, что старшие поколения (в особенности, поколения Застоя) в нашей стране больше ориентировано на коллективистические ценности, а младшие (зумеры и миллениалы) — на индивидуалистические (Рикель, Доренская, 2017).

В-четвертых, молодое поколение убеждено, что аналогичные события (например, рождение детей) в жизни их родителей наступали раньше, чем у них. Эта закономерность кажется логичной и подтверждающей стереотипы и аутостереотипы о так называемой инфантилизации и растягивании периода взросления у представителей молодого поколения начала XXI века (Тихомандрицкая, Рикель, 2022), что также можно рассмотреть и в возрастном, и в поколенческом разрезе.

В-пятых, чем старше поколение — тем больше его представители воспроизводят событий, которые они считают положительными, и тем меньше — нейтральных. Для младших поколений тенденция обратная. Этот факт любопытен и может быть проинтерпретирован с позиции возрастных изменений в русле, по сути, психоаналитической позиции: с возрастом человеку, возможно, свойственно активнее использовать защитные механизмы и обращать внимание лишь на положительные события в своей жизни. Возможно, своеобразное подведение «итогов» жизни также требует реконструкции по большей части положительного опыта. «Поколенческая» интерпретация этого факта подразумевает рациональность и «антироманτικότητα» молодого поколения (зумеров и отчасти миллениалов) в современном российском обществе (Рикель, Дорохов, 2023), которые подразумевают свободный и иногда критический взгляд на различные события. Не противоречит это и «возрастному» объяснению: возраст современных зумеров подразумевает юношеский максимализм и радикальные эмоциональные оценки.

3. Если говорить о конкретных поколенческих группах, то можно кратко составить следующую характеристику, опираясь исключительно на те события, которые показали либо только важность поколенческого фактора, либо значимость, как поколенческого, так и возрастного фактора одновременно.

Поколение Застоя значительно чаще называет рождение внуков и выход на пенсию в числе значимых событий, при этом свое рождение вспоминают в среднем в два раза реже, чем представители других поколений. Логично, что именно эта социальная группа

редко, но все же вспоминает вступление в коммунистические организации (пионерия, комсомол), чаще говорит о службе в армии (в 2–5 раз), чаще (вопреки инструкции) вспоминает о войнах (в 2–3 раза). Анализ поколенческого и возрастного фактора показывает, что события в жизни других людей (чаще семьи, но иногда общества) оказываются более значимым для поколения Застоя, чем для всех других поколенческих групп, что подтверждает аналогичные результаты в зарубежных исследованиях (Grysmán, Dimakis, 2018).

Для **реформенного поколения** «рождение детей» и «свадьба / брак» гораздо более «ядерные» категории, чем для других поколенческих групп. При наличии столь ярко выраженных семейных ценностей упоминаемые ими события в основном характеризуют их собственную жизнь, а не жизнь других людей (хотя они значимо чаще вспоминают окончание школы, возможно потому, что это событие близко поколению их детей).

Миллениалы — это поколение, у которых у 31% опрошенных в списке важных событий нет рождения ребенка. У зумеров это событие не вспоминают до 55% опрошенных, однако, результат миллениалов представляется более любопытным: ведь этим людям сейчас от 22 до 40 лет, что могло бы приблизить их к мысли о деторождении. Тот факт, что это не происходит, может говорить о существующем чайлд-фри-тренде среди представителей более молодых поколений. Если поколение Застоя не вспоминает «устройство на работу» и «выбор профессии», а реформенное поколение делает это редко, то для миллениалов устройство на работу входит в топ-5 событий, что лишним раз подтверждает как возрастную актуальность карьерных стратегий для этого поколения, так и индивидуалистические ценности, о которых говорилось выше.

Наконец, **зумеры** — наиболее отличающееся от трех других групп поколение (по количеству значимо отличающихся групп событий). На первое место они ставят «Первую любовь / первые отношения», среди значимых событий выделяют «первый поцелуй» и «сексуальный контакт». Они реже всех поколений вспоминают «рождение детей» (но при этом, как и другие, ставят на второе место «создание семьи»), чаще упоминают «выбор профессии» и «первую работу». Все эти события очевидным образом близки им во временном континууме, однако есть три параметра, на которые необходимо обратить отдельное внимание.

(1) Поколение Z значимо чаще называют субъективные психологические состояния в качестве событий («влюбленность», «утрата» и пр.), что можно объяснить нормативным для этого поколения, вниманием к себе, ориентацией на свои чувства, выраженной рефлексией (Twenge et al., 2012; Puchkova et al., 2017).

(2) В этом же смысле именно поколение Z приводит больше всего событий из своей собственной жизни и меньше всего — из жизни близких людей, лишним раз подтверждая выраженность индивидуалистических ценностных ориентаций (Рикель, Доренская, 2017).

(3) Наконец, именно поколение Z ярче всего демонстрирует часто упоминаемый в исследованиях тренд (Костромина и др., 2018) на индивидуализацию жизненных сценариев, то есть наблюдающееся по всему миру снижение параметров единообразия и обязательности последовательностей реализации жизненного пути. Все традиционные жизненные этапы становятся более сложными, витиеватыми, традиционные рамки возрастных этапов (например, взросления) размываются и дешаблонизируются (Arnett, Tanner, 2016). На примере описываемого здесь исследования и результатов поколения этот факт можно показать математически: у зумеров нет ни одного события, набирающего в совокупности более 59% (у миллениалов единогодушие по отдельным событиям достигает 69%, у реформенного поколения — 91%, у поколения Застоя — 84%); при этом среднее значение упоминания пяти самых частотных событий у зумеров составляет 42%, что ниже, чем у оставшихся поколенческих групп). В связи с этим возникает риторический вопрос: насколько сценарий, разделяемый в среднем 42% выборки можно называть культурным жизненным?

Выводы

1. Главным **выводом** данного исследования можно назвать ответ на вопрос, насколько оправдано выделение поколенческих групп для изучения психологических паттернов, или достаточно исследовать возрастной фактор. Так, выше было показано, что не менее тринадцати групп событий подпадают под влияние как возрастных, так и поколенческих переменных, что свидетельствует о том, что, **отказываясь от понятия «поколение», мы теряем** не просто удобный способ стратификации, но и **принцип объяснения**, основанный на влиянии социально-психологического контекста.

2. При этом как быть с тем эмпирическим фактом, что, взятый отдельно, только поколенческий фактор (без возрастного) объясняет всего одну группу событий? Нам представляется, что этого результата можно избежать в случае **пересмотра границ поколений**. Упомянутая выше определенная искусственность в их установлении, а также слишком значительный возрастной разброс внутри одной поколенческой группы (18–20 лет) должны заставить исследователей принять методологически компромиссное решение между радикальным отказом от стратификации и существующим ныне, изучением громоздких поколенческих групп. В качестве такого решения авторам представляется логичным **дробление каждого из поколений на подгруппы**. Устаревшая и неактуальная для социально-психологического контекста, но все еще господствующая привязка к 18–20 летним промежуткам, видимо, связанная с демографической традицией связывать рамки поколения с возрастом деторождения, мешает корректной современной

научной трактовке понятия. Представляется, что чем большую дифференциацию получают «новые» поколения внутри существующих поколенческих групп — тем четче можно будет описать как контекст социализации, так и особенности психологического портрета. При этом излишнее дробление не пойдет на пользу научному знанию, ибо лишит классификацию прикладного смысла.

Тем не менее, несмотря на то, что этот анализ предвратителен, нам кажется, что выделение *квази*поколений позволит: (1) лучше отслеживать динамику того или иного тренда межпоколенческого взаимодействия, (2) создать более четкий психологический портрет конкретного поколения, (3) выделить больше характеристик, подлежащих именно поколенческому, а не возрастному влиянию.

Список литературы

- Гришина, Н.В. (Ред.). (2019). Психология личности: Пребывание в изменении. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Костромина, С.Н., Гришина, Н.В., Зиновьева, Е.В., Москвичева, Н.Л. (2018). Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 8(4), 341–357. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.403>
- Левада, Ю.А. (2011). Сочинения: избранное: социологические очерки, 2000–2005. Москва: Издатель Карпов Е.В.
- Марцинковская, Т.Д., Полева, Н.С. (2017). Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение. *Мир Психологии*, 89(1), 24–37.
- Нуркова, В.В. (2018). Жизнь — инструкция по применению: результаты графической экспликации культурного жизненного сценария. *Международный журнал исследований культуры*, 30(1), 55–73.
- Полушкевич, О.А. (2020). Жизненный сценарий поколений. *Социология*, (3), 28–45.
- Радаев, В.В. (2018). Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. *Социологические исследования*, (3), 15–33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>
- Радаев, В.В. (2020). Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть). *Социологический журнал*, 26(3), 30–63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395>
- Рикель, А.М., Доренская, С.В. (2017). Социально-психологическая модель ценностей различных поколений современного российского общества. *Российский психологический журнал*, 14(4), 15–25.
- Рикель, А.М., Дорохов, Е.А. (2023). Поколение как предмет социальной психологии: исследовать нельзя отказаться? *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 46(3), 143–165.
- Розин, В.М. (2017). Как можно помыслить представление о будущих поколениях. *Мир Психологии*, 89(1), 78–88.
- Сиврикова, Н.В., Постникова, М.И., Солдатова, Е.Л., Пташко, Т.Г., Черникова, Е.Г., Шевченко, А.А. (2019). Сравнительный анализ жизнестойкости представителей разных поколений современной России. *Российский психологический журнал*, 16(1), 144–165. <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.7>
- Тихомандрицкая, О.А., Рикель, А.М. (2022). (Не)взрослое поколение: модель исследования поколенческой относительности оценки зрелости. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Психология и педагогика*, 19(2), 209–232.
- Arnett, J.J., Tanner, J.L. (2016). The Emergence of “Emerging Adulthood.” *Handbook of Youth and Young Adulthood*: 2nd ed. London: Routledge.
- Berntsen, D., Rubin, D.C. (2004). Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory. *Memory and Cognition*, 32(3), 427–443.
- Bohn, A., Bundgaard-Nielsen, R.L. (2021). Not “weird” but truly different: Cultural life scripts and autobiographical memory in indigenous Australia. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 10(1), 85–94. <https://doi.org/10.1037/h0101788>
- Erskine, R.G. (Ed.). (2010). *Life Scripts: A transactional analysis of unconscious relational patterns*. London: Karnac Books.
- Grysmann, A., Dimakis, S. (2018). Later adults’ cultural life scripts of middle and later adulthood. *Aging, Neuropsychology, and Cognition*, 25(3), 406–426. <https://doi.org/10.1080/13825585.2017.1319458>
- Howe, N., Strauss, W. (2018). *Millennials Rising: The Next Generation*. New York: Vintage Books.
- Janssen, S., Haque, S. (2018). The transmission and stability of cultural life scripts: A cross-cultural study. *Memory*, 26(1), 131–143. <https://doi.org/10.1080/09658211.2017.1335327>
- Janssen, S.M., Uemiyama, A., Naka, M. (2014). Age and gender effects in the cultural life script of Japanese adults. *Journal of Cognitive Psychology*, 26(3), 307–321.
- Keyes, K.M., Li, G. (2012). Age-period-cohort modeling. *Injury Research: Theories, Methods, and Approaches*. Boston: Springer.
- Lyons, S.T., Schweitzer, L., Urick, M.J., Kuron, L. (2019). A dynamic social-ecological model of generational identity in the workplace. *Journal of Intergenerational Relationships*, 17(1), 1–24. <https://doi.org/10.1080/15350770.2018.1500332>
- Puchkova, E., Sukhovshina, Yu., Temnova, L. (2017). A study of Generation Z’s involvement in virtual reality. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(4), 134–143.
- Rikel, A.M. (2019). Generation as a social-psychological research object: playing at home or an away match? *Social Policy and Society*, 10(2), 9–18.
- Scherman, A.Z., Salgado, S., Shao, Z., Berntsen, D. (2017). Life script events and autobiographical memories of important life story events in Mexico, Greenland, China, and Denmark. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 6(1), 60–73.
- Stepankova, L., Kadlickova, D., Zaragoza, S. (2020). Czech and Slovak life scripts: the rare case of two countries that used to be one. *Memory*, 28(10), 1204–1218. <https://doi.org/10.1080/09658211.2020.1828476>

- Twenge, J.M., Campbell, W.K., Gentile, B. (2012). Generational increases in agentic self-evaluations among American college students, 1966–2009. *Self and Identity*, 11(4), 409–427.
- White, J. (2013). ‘Thinking Generations’. *British Journal of Sociology*, 64(2), 216–247.
- Wilkinson, D., Dunlop, W. (2022). Ethnic-Racial Life Scripts: Relations with Ethnic-Racial Identity and Psychological Health. *Emerging Adulthood*, 10(2), 402–419. <https://doi.org/10.1177/2167696820968691>

References

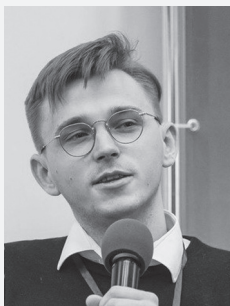
- Arnett, J.J., Tanner, J.L. (2016). The Emergence of “Emerging Adulthood.” *Handbook of Youth and Young Adulthood*: 2nd ed. London: Routledge.
- Berntsen, D., Rubin, D.C. (2004). Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory. *Memory and Cognition*, 32(3), 427–443.
- Bohn, A., Bundgaard-Nielsen, R.L. (2021). Not “weird” but truly different: Cultural life scripts and autobiographical memory in indigenous Australia. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 10(1), 85–94. <https://doi.org/10.1037/h0101788>
- Erskine, R.G. (Ed.). (2010). *Life Scripts: A transactional analysis of unconscious relational patterns*. London: Karnac Books.
- Grishina, N.V. (Ed.). (2019). *Personality psychology: Staying in change*. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Publishing house. (In Russ.).
- Grysmán, A., Dimakis, S. (2018). Later adults’ cultural life scripts of middle and later adulthood. *Aging, Neuropsychology, and Cognition*, 25(3), 406–426. <https://doi.org/10.1080/13825585.2017.1319458>
- Howe, N., Strauss, W. (2018). *Millennials Rising: The Next Generation*. In *Small Business and the City*. New York: Vintage Books.
- Janssen, S., Haque, S. (2018). The transmission and stability of cultural life scripts: A cross-cultural study. *Memory*, 26(1), 131–143. <https://doi.org/10.1080/09658211.2017.1335327>
- Janssen, S.M., Uemiyá, A., Naka, M. (2014). Age and gender effects in the cultural life script of Japanese adults. *Journal of Cognitive Psychology*, 26(3), 307–321.
- Keyes, K.M., Li, G. (2012). *Age-period-cohort modeling. Injury Research: Theories, Methods, and Approaches*. Boston: Springer.
- Kostromina, S.N., Grishina, N.V., Zinovieva, E.V., Moskvicheva, N.L. (2018). Life model as a construct for studying the life scenario of an individual. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologija (Bulletin of St. Petersburg University. Psychology)*, 8(4), 341–357. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.403> (In Russ.).
- Levada, Yu.A. (2011). *Writings: Selected: Sociological Essays, 2000–2005*. Moscow: Publisher Karpov E.V. (In Russ.).
- Lyons, S.T., Schweitzer, L., Urick, M.J., Kuron, L. (2019). A dynamic social-ecological model of generational identity in the workplace. *Journal of Intergenerational Relationships*, 17(1), 1–24. <https://doi.org/10.1080/15350770.2018.1500332>
- Martsinkovskaya, T.D., Poleva, N.S. (2017). Generations of the era of transitivity: values, identity, communication. *Mir Psihologii (World of Psychology)*, 89(1), 24–37. (In Russ.).
- Nurkova, V.V. (2018). Life — instructions for use: the results of a graphic explication of a cultural life scenario. *Mezhdunarodny zhurnal issledovanií kul'tury (International Journal of Cultural Studies)*, 30(1), 55–73. (In Russ.).
- Polyushkevich, O.A. (2020). Life scenario of generations. *Sociologija (Sociology)*, (3), 28–45. (In Russ.).
- Puchkova, E., Sukhovershina, Yu., Temnova, L. (2017). A study of Generation Z’s involvement in virtual reality. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(4), 134–143.
- Radaev, V.V. (2018). Millennials compared to previous generations: An empirical analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniya (Sociological research)*, (3), 15–33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>
- Radaev, V.V. (2020). The divide among the millennial generation: Historical and empirical justifications. (Part one). *Sotsiologicheskii Zhurnal (Sociological journal)*, 26(3), 30–63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395>
- Rickel, A.M., Dorokhov, E.A. (2023). Generation as a subject of social psychology: one cannot refuse to study? *Lomonosov Psychology Journal*, 46(3), 143–165. (In Russ.).
- Rikel, A.M. (2019). Generation as a social-psychological research object: playing at home or an away match? *Social Policy and Society*, 10(2), 9–18.
- Rikel, A.M., Dorenskaya, S.V. (2017). Socio-psychological model of values of different generations of modern Russian society. *Rossiiskii Psihologicheskii Zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 14(4), 15–25. (In Russ.).
- Rozin, V.M. (2017). How can one conceive the idea of future generations. *Mir Psihologii (World of Psychology)*, 89(1), 78–88.
- Scherman, A.Z., Salgado, S., Shao, Z., Berntsen, D. (2017). Life script events and autobiographical memories of important life story events in Mexico, Greenland, China, and Denmark. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 6(1), 60–73.
- Sivrikova, N.V., Postnikova, M.I., Soldatova, E.L., Ptashko, T.G., Chernikova, E.G., Shevchenko, A.A. (2019). Comparative analysis of the resilience of representatives of different generations of modern Russia. *Rossiiskii Psihologicheskii Zhurnal (Russian Psychological Journal)*, 16(1), 144–165. <https://doi.org/10.21702/rpj.2019.1.7> (In Russ.).
- Stepankova, L., Kadlcikova, D., Zaragoza, S. (2020). Czech and Slovak life scripts: the rare case of two countries that used to be one. *Memory*, 28(10), 1204–1218. <https://doi.org/10.1080/09658211.2020.1828476>
- Tikhomandritskaya, O.A., Rikel, A.M. (2022). The (non-)adult generation: a model for studying generational relativity in assessing adulthood. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija Psihologija i Pedagogika (Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series Psychology and Education)*, 19(2), 209–232. (In Russ.).
- Twenge, J.M., Campbell, W.K., Gentile, B. (2012). Generational increases in agentic self-evaluations among American college students, 1966–2009. *Self and Identity*, 11(4), 409–427.
- White, J. (2013). ‘Thinking Generations’. *British Journal of Sociology*, 64(2), 216–247.
- Wilkinson, D., Dunlop, W. (2022). Ethnic-Racial Life Scripts: Relations with Ethnic-Racial Identity and Psychological Health. *Emerging Adulthood*, 10(2), 402–419. <https://doi.org/10.1177/2167696820968691>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Александр Маркович Рикель, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, a.m.rikel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>

Alexander M. Rikel, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, a.m.rikel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>

Егор Андреевич Дорохов, аспирант кафедры психологии личности факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; консультант Управления оценки персонала Университета Банка России, Москва, Российская Федерация, dorohov.e@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7433-2046>

Egor A. Dorokhov, Graduate Student in Psychology at the Department of Psychology of Personality, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Consultant at the Bank of Russia, Moscow, Russian Federation, dorohov.e@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7433-2046>

Поступила: 15.02.2023; получена после доработки: 26.04.2023; принята в печать: 15.04.2024.

Received: 15.02.2023; revised: 26.04.2023; accepted: 15.04.2024.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0214>
УДК/UDC 159.9

Адаптация методики мультикультурных стилей идентичности на русский язык¹

В.В. Вербная ✉, З.Х. Лепшокова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

✉ vladislava.verbnaya@gmail.com

Резюме

Актуальность. Интеграция в исследованиях показала себя как наиболее адаптивная стратегия аккультурации для этнических меньшинств и иммигрантов. Тем не менее, есть недостаток понимания, как именно индивид управляет своими культурными идентичностями в процессе интеграции, и как это влияет на адаптацию. Согласно концепции мультикультурных стилей идентичности (Ward et al., 2018) человек может управлять своими культурными идентичностями либо соединяя их в единую непротиворечивую идентичность (гибридный стиль идентичности), либо переключаясь между идентичностями в зависимости от социального контекста (чередующийся стиль идентичности). Такой подход является многообещающим в исследованиях аккультурации, а перевод и адаптация соответствующей методики позволит использовать ее в исследованиях адаптации русскоязычных иммигрантов и этнических меньшинств.

Цель. Адаптация методики мультикультурных стилей идентичности на русский язык.

Методы. Авторами были произведены прямой и обратный перевод методики на русский язык и коррекция пунктов после анализа результатов когнитивных интервью. Затем на базе проведенного социально-психологического исследования на выборке 197 российских евреев была произведена оценка факторной структуры опросника, его надежности и конструктивной валидности. В исследовании была использована методика мультикультурных стилей идентичностей (Ward et al., 2018). Для оценки ее конструктивной валидности были использованы шкала интеграции методики оценки аккультурационных стратегий Дж. Берри из опросника проекта MIRIPS (Взаимные межкультурные отношения в поликультурных обществах) (Berry, 2017), вопросы для измерения воспринимаемой этно- и религиозно-национальной несовместимости идентичностей (Verkuyten, Martinovic, 2012) и методика для измерения воспринимаемой культурной дистанции (Galchenko, Van de Vijver, 2007).

Результаты. Адаптированная методика мультикультурных стилей идентичности показала двухфакторную структуру (наличие гибридного и чередующегося стилей), что соответствует оригинальной методике, высокую надежность шкал опросника и конструктивную валидность, подтвержденную корреляциями шкал опросника с другими методиками и дискриминантной валидностью относительно шкалы интеграции.

Выводы. Методика мультикультурных стилей идентичности была успешно адаптирована на русский язык и может быть использована в исследованиях адаптации русскоязычных иммигрантов и этнических меньшинств.

Ключевые слова: мультикультурные стили идентичности, гибридный стиль идентичности, чередующийся стиль идентичности, интеграция, психологическая адаптация

Благодарности. Авторы статьи благодарят Московскую еврейскую религиозную общину, еврейскую общину «Дор Ревии», Воронежскую Еврейскую общину, Еврейскую общину Башкортостана, онлайн-комьюнити «Цимес», Еврейский клуб НИУ ВШЭ и Еврейский молодежный клуб «Бэйт Гилель» Ижевска за помощь в поиске респондентов для исследования.

Для цитирования: Вербная, В.В., Лепшокова, З.Х. (2024). Адаптация методики мультикультурных стилей идентичности на русский язык. *Национальный психологический журнал*, 19(2), 163–174. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0214>

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Adaptation of the Multicultural Identity Styles Scale into Russian²

Vladislava V. Verbnaya ✉, Zarina Kh. Lepshokova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

✉ vladislava.verbnaya@gmail.com

Abstract

Background. Integration has been shown as the most adaptive acculturation strategy for ethnic minorities and immigrants. Still, there is a lack of understanding of how exactly an individual manages cultural identities in the process of integration and how this affects the success of adaptation. According to the concept of multicultural identity styles (Ward et al., 2018), an individual can manage their cultural identities either by blending them into a single consistent identity (hybrid identity style) or by switching between identities depending on social context (alternating identity style). This approach is promising in acculturation research and the translation and adaptation of the relevant methodology will allow its use in studies of the adaptation of Russian-speaking immigrants and ethnic minorities.

Objectives. The goal is to adapt the Multicultural Identity Styles Scale into Russian.

Methods. The authors made a direct and reverse translation of the methodology into Russian and the correction of items after the analysis of cognitive interviews. Then the authors assessed the factor structure of the questionnaire, its reliability, and construct validity based on the socio-psychological study conducted on a sample of 197 Russian Jews.

The study was based on the Multicultural Identity Style Scale (Ward et al., 2018). To assess its construct validity, the research utilized several measures: the Integration subscale of Acculturation attitudes scale from the MIRIPS (Mutual Intercultural Relations in Multicultural Societies) questionnaire (Berry, 2017), items to measure perceived ethno-national and religious-national identity incompatibility (Verkuyten, Martinovic, 2012) and a technique to measure perceived cultural distance (Galchenko, Van de Vijver, 2007).

Results. The adapted version of the Multicultural Identity Styles Scale showed a two-factor structure (hybrid and alternating identity styles), which corresponds to the original scale. The study also confirmed the reliability of the subscales and the scale construct validity, as demonstrated by correlations of the questionnaire subscales with other measures and discriminant validity relative to the integration scale.

Conclusions. The Multicultural Identity Styles Scale has been successfully adapted into the Russian language and can be used in the studies of adaptation in Russian-speaking immigrants and ethnic minorities.

Keywords: multicultural identity styles, hybrid identity style, alternating identity style, integration, psychological adaptation

Acknowledgments. The authors are grateful to the Moscow Jewish Religious Community, the “Dor Revi” Jewish Community, the Voronezh Jewish Community, the Jewish Community of Bashkortostan, the “Tzimmes” online community, the HSE JEWS Club, and the “Beit Hillel” Jewish Youth Club of Izhevsk for help in collecting respondents for the study.

For citation: Verbnaya, V.V., Lepshokova, Z.Kh. (2024). Adaptation of the Multicultural Identity Styles Scale into Russian. *National Psychological Journal*, 19(2), 163–174. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0214>

Введение

Аккультурационная стратегия интеграции, предполагающая сохранение оригинальной культуры при взаимодействии с представителями принимающей/доминирующей культуры, в большинстве исследований последних десятилетий была связана с лучшей психологической и социокультурной адаптацией иммигрантов и этнических меньшинств (Berry, 1997; Berry, Sam, 1997; Berry, 2005; Berry et al., 2022). Бикультурализм как измерение интеграции на уровне идентичности также связывают с лучшими результатами адаптации (Nguyen, Benet-Martínez, 2013).

В обзорной работе К. Уорд в 2013 году (Ward, 2013) было сделано предположение, что одним из факторов, влияющих на успешную интеграцию, является то, каким образом она достигается, то есть через какие стратегии человек согласует свои идентичности в процессе аккультурации. В связи с этим авторы поставили вопрос о создании инструментария, оценивающего процессуальный аспект мультикультурной идентичности. Методика мультикультурных стилей идентичности (ММСИ) была разработана на базе процессуального подхода к стилям идентичности М. Берзонски (Berzonsky, 1989) и результатов качественного исследования молодых иммигрантов-

² This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Programme at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

мусульман в Новой Зеландии, использовавшего открытые вопросы и метод картирования идентичности и позволившего обнаружить схожие паттерны в том, через какие стратегии участники достигали «баланса» между своими социальными идентичностями (Stuard, Ward, 2011). Первые эмпирические результаты тестирования методики были представлены К. Уорд и ее коллегами в 2018 году (Ward et al., 2018).

Итоговый опросник ММСИ включает две шкалы — шкалу гибридного стиля идентичности (ГСИ) и шкалу чередующегося стиля идентичности (ЧСИ) по 7 пунктов в каждой. Гибридный стиль идентичности основан на выборе желательных элементов двух или более культур и их смешивании в одну уникальную непротиворечивую комбинацию. В то время как чередующийся стиль идентичности отражает способ согласования идентичностей, в котором человек чередует свои культурные идентичности в зависимости от социального контекста / ситуации (Ward et al., 2018).

Исследование структуры опросника выявило двухфакторное решение с однозначным разделением весов на гибридный и чередующийся стиль идентичности. Факторная структура опросника оставалась одинаковой во всех исследуемых выборках мавританских индусов, креолов и мусульман, новозеландских греков и китайцев, а также израильских арабов (Ward et al., 2018). Исследования также выявили хорошие показатели надежности шкал опросника ММСИ в разных культурных выборках (Ward et al., 2018) и дискриминантную валидность относительно шкалы интеграции бикультурной идентичности (BIS-2, Huynh et al., 2018; Szabó et al., 2020)

Стили идентичности представляют собой динамические стратегии того, как люди управляют своими культурно-связанными идентичностями, иными словами, мультикультурная идентичность может быть достигнута с помощью двух стилей управления идентичностью (Ward et al., 2018). В исследовании К. Уорд и коллег было показано, что как чередующийся, так и гибридный стили идентичности положительно коррелируют с мотивацией к интеграции (Ward et al., 2018). При этом гибридный стиль идентичности был связан с более гармоничным объединением культурных идентичностей, что вело к более высокому уровню психологического благополучия, в то время как чередующийся стиль идентичности был связан с конфликтом идентичностей и психологическими проблемами (Ward et al., 2018). Эта взаимосвязь была одинаковой во всех исследуемых выборках, несмотря на культурные различия между ними.

Таким образом, концепция мультикультурных стилей идентичности может быть многообещающей для дальнейшего исследования как возможный механизм, описывающий согласование культурных идентичностей при реализации стратегии интеграции в инокультурной среде. При этом опросник ММСИ представляет собой надежный и валидный инструмент для оценки мультикультурных стилей иден-

тичности и может быть использован для проведения кросс-культурных исследований. Адаптация методики на другие языки позволит оценить кросс-культурные сходства и различия в antecedентах и последствиях стилей мультикультурной идентичности. Стоит отметить, что методика, переведенная на арабский язык, была использована в рамках оригинального исследования (Ward et al., 2018), однако полноценная валидизация на иностранный язык производится впервые.

Цель и гипотеза

Целью настоящего исследования являлась адаптация методики мультикультурных стилей идентичности (ММСИ) на русский язык для дальнейшего использования в исследованиях русскоязычных этнических меньшинств и иммигрантов. Адаптация проводилась на выборке российских евреев.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза, согласно которой адаптированная методика будет иметь факторную структуру, повторяющую структуру опросника в оригинальном исследовании (Ward et al., 2018), шкалы методики будут иметь высокую надежность и конструктивную валидность.

Перевод методики на русский язык

На первом этапе был сделан прямой (на русский язык) и обратный (на английский язык) перевод опросника ММСИ профессиональным сторонним переводчиком. Обратный перевод сравнили с оригиналом и скорректировали пункты шкал опросника.

На втором этапе были проведены 5 когнитивных интервью методом think-aloud («размышления вслух») с евреями, проживающими в России, с целью оценить, соответствует ли понимание вопросов респондентами оцениваемым конструктам, и являются ли вопросы однозначно трактуемыми и ясными. После анализа результатов интервью некоторые пункты были исправлены, чтобы лучше соответствовать содержанию исследуемого конструкта.

Выборка

Анкета была размещена в сети Интернет, в частности, на страницах в социальных сетях (например, ВКонтакте) еврейских общин России, еврейских интернет-сообществ и др. Участие было полностью добровольным, анонимным и не оплачивалось.

Итоговая выборка составила 197 человек: 120 женщин (60,9%) и 77 мужчин (39,1%) в возрасте от 18 до 73 лет ($M = 35,27$ лет, $SD = 12,016$). Доля участников, идентифицировавших себя как «еврей», составила 51,8%, в то время как 48,2% идентифицировали себя как «наполовину/четверть/частично еврей». Высшее образование указали 74,6% участников, 11,7% указали незаконченное высшее образование, 5,6% — ученую степень, 4,6% — среднее специальное образование и 1,5% — незаконченное среднее специальное образование.

Методы исследования

Стили идентичности оценивались с помощью методики ММСИ (Ward et al., 2018), состоящей из двух шкал — шкалы ГСИ и ЧСИ по 7 пунктов в каждой. Пункты оценивались по шкале Ликерта от 1 (абсолютно не согласен) до 5 (абсолютно согласен).

Аккультурационная стратегия интеграции измерялась с помощью шкалы интеграции методики оценки аккультурационных стратегий Дж. Берри из исследования MIRIPS (Berry, 2017; адаптация Лебедева, Тарко, 2009). Пример пункта: «Я считаю, что евреи, живущие в России, должны как придерживаться собственных культурных традиций, так и усваивать русские традиции». Пункты оценивались по шкале Ликерта от 1 (абсолютно не согласен) до 5 (абсолютно согласен).

Этнонациональная несовместимость идентичностей измерялась с помощью вопроса: «В какой степени Вы чувствуете, что быть россиянином несовместимо с тем, чтобы быть евреем?». Несовместимость религиозной и национальной (гражданской) идентичностей оценивалась вопросом: «В какой степени Вы чувствуете, что быть россиянином несовместимо с тем, чтобы быть иудеем?» (Verkuyten, Martinovic, 2012; адаптация Lepshokova et al., 2018). Пункты оценивались по шкале Ликерта от 1 (абсолютно совместимо) до 5 (абсолютно несовместимо).

Воспринимаемая культурная дистанция оценивалась с помощью сокращенной русскоязычной версии соответствующей методики (Galchenko, Van de Vijver, 2007). Участникам предлагалось оценить «Насколько похожими или отличными для русских и евреев являются следующие показатели: прием пищи, отношения в семье, воспитание детей» и т.д. Шкала состояла из 12 вопросов, которые оценивались по шкале Ликерта от 1 (очень похожи) до 5 (очень непохожи).

Результаты исследования и их обсуждение

Надежность шкал

Для оценки внутренней согласованности шкал был проанализирован показатель α Кронбаха, который составил $\alpha = 0,87$ для шкалы ГСИ и $\alpha = 0,78$ для шкалы ЧСИ, что указывает на приемлемый уровень внутренней согласованности шкал ($\alpha > 0,70$) (Наследов, 2007).

Структура опросника

Факторный анализ методом главных компонент показал приемлемые результаты тестов адекватности выборки Кайзера — Мейера — Олкина и теста сферичности Бартлетта (КМО = 0,816; $\chi^2 = 1264,837$, $df = 91$, $p < 0,001$), что указывает на возможность проведения факторного анализа (Hair, 2010). Анализ методом главных компонент с собственными значениями показал четырехфакторную структуру, но на

третий и четвертый фактор было распределено по два и одному вопросу соответственно.

Чтобы проверить количество факторов, которые нужно оставить, мы применили параллельный анализ Хорна (Horn, 1965). Сравнение собственных значений смоделированных данных и фактических данных приводит к выводу о двухфакторном решении, которое согласуется с количеством факторов в исходном исследовании (Ward et al., 2018).

После ограничения числа факторов мы повторно провели анализ методом главных компонент с двумя фиксированными факторами и применили вращение корреляционной матрицы по типу Варимакс. Общая объясненная дисперсия составила 52,097%: 32,4% для первого фактора — ГСИ и 19,6% для второго фактора — ЧСИ.

Для оценки пригодности факторной структуры, наблюдаемой на предыдущем этапе, был проведен конфирматорный факторный анализ с помощью приложения AMOS version 22 (Arbuckle, 2013). В процессе анализа оценивались три варианта модели: двухфакторная, модифицированная двухфакторная с удалением пункта с недостаточной факторной нагрузкой и модифицированная двухфакторная с ковариацией ошибок.

Соответствие модели оценивалась по критериям: $1 < \chi^2 / df < 3$; CFI $> 0,90$; RMSEA $< 0,10$; SRMR $< 0,09$ (Hu, Bentler, 1999). Результаты представлены в Таблице 1, и, согласно индексам соответствия модели, исходная двухфакторная модель с ковариацией ошибки демонстрирует наилучшие показатели (Модель 3).

Модель 1 показала, что все факторные нагрузки были значимыми и составляли от 0,42 до 0,89 для ГСИ и от 0,16 до 0,93 для ЧСИ (Рисунок 1). Факторная нагрузка на вопрос «В некоторых ситуациях сложно одновременно быть евреем и россиянином» оставалась низкой (0,16). Мы протестировали модель, удалив этот пункт (Модель 2). Так как показатели соответствия модели, а также α Кронбаха шкалы ЧСИ снизились, и в оригинальном исследовании в арабско-израильской выборке на этот вопрос также приходился наименьший вес (Ward et al., 2018), мы решили не удалять этот пункт и модифицировать исходную Модель 1.

Для достижения приемлемых показателей модели мы использовали индексы модификации, которые показали ковариацию ошибок, связанную с вопросами 10 и 14, что может указывать на дополнительный ненаблюдаемый фактор, и может быть объяснено тем, что вопрос 14 «Дома я еврей, а на работе / учебе я россиянин» является частным случаем вопроса 10 «В личной жизни я еврей, а в публичной жизни я россиянин». Добавление ковариации ошибок улучшило индексы соответствия модели до приемлемого уровня. Итоговые показатели соответствия модели (Модель 3), следующие: $\chi^2 = 162,368$, $df = 75$; $\chi^2 / df = 2,165$; CFI = 0,928; RMSEA = 0,077; SRMR = 0,0723, AIC = 222,368. Результаты КФА представлены на Рисунке 1.

Таблица 1

Параметры моделей для шкалы ММСИ по результатам конфирматорного факторного анализа

Модель	χ^2	df	χ^2/df	CFI	RMSEA	SRMR	AIC
Модель 1 (2 фактора)	231,131	76	3,041	0,872	0,102	0,0828	289,131
Модель 2 (2 фактора, модель с удаленным пунктом)	214,016	64	3,344	0,875	0,109	0,0844	268,016
Модель 3 (2 фактора, модифицированная модель 1 с ковариацией ошибок)	162,368	75	2,165	0,928	0,077	0,0723	222,368

Условные обозначения: χ^2 — значение статистики хи-квадрат; df — число степеней свободы; CFI — сравнительный индекс соответствия Бентлера, RMSEA — корень среднеквадратической ошибки аппроксимации, SRMR — стандартизованный корень среднеквадратического остатка, AIC — информационный критерий Акаике

Table 1

Model parameters for MISS by results of confirmatory factor analysis

Model	χ^2	df	χ^2/df	CFI	RMSEA	SRMR	AIC
Model 1 (2 factors)	231.131	76	3.041	0.872	0.102	0.0828	289.131
Model 2 (2 factors, with item deleted)	214.016	64	3.344	0.875	0.109	0.0844	268.016
Model 3 (2 factors, model 1 with the covariance of errors)	162.368	75	2.165	0.928	0.077	0.0723	222.368

χ^2 — chi-square statistic; df — number of degrees of freedom; CFI — Bentler Comparative Fit Index, RMSEA — root mean square error of approximation, SRMR — standardized root mean square residual, AIC — Akaike Information Criterion

Таким образом, структура адаптированной методики повторяет структуру опросника в оригинальном исследовании и представляет собой методику, состоящую из двух коррелирующих, но отдельных шкал, оценивающих две стратегии достижения интеграции. Как и в оригинальном исследовании, шкалы опросника следует считать отдельно, так как они не образуют единой шкалы, и у индивида в определенный момент времени может превалировать либо тот, либо иной стиль идентичности.

Конструктивная валидность

Чтобы оценить конструктивную валидность ММСИ, мы оценили корреляцию с измерением стратегии интеграции, а также с другими логически связанными психологическими феноменами.

В результате как ГСИ ($r = 0,53, p < 0,01$), так и ЧСИ ($r = 0,20, p < 0,01$) показали значимую корреляцию с аккультурационной стратегией интеграции (Таблица 2), что соответствует оригинальному исследованию, в котором оба стиля коррелировали с мотивацией к интеграции (Ward et al., 2018).

Корреляции с другими шкалами выявили логически предсказуемые взаимосвязи с другими психологическими конструктами. Так, ГСИ показал значимую негативную корреляцию с воспринимаемой этнонациональной несовместимостью идентичностей ($r = -0,47, p < 0,01$), а также с религиозно-национальной несовместимостью идентичностей ($r = -0,36, p < 0,01$). Этот результат соответствует предыдущим исследованиям, показавшим, что несовместимость идентичностей отрицательно связана со стратегией интеграции (Lepshokova et al., 2018). Таким образом, достижение интеграции с помощью ГСИ как способа смешения всех культурных идентичностей в одну уникальную непротиворечивую комбинацию (Ward et al., 2018), возможно, если идентичности воспринимаются индивидом как совместимые.

Идентичности могут восприниматься человеком как несовместимые, когда он воспринимает их как конфликтующий набор норм и ценностей (Martinovic, Verkuyten, 2012). Воспринимаемая культурная дистанция как понятие, которое оценивает степень отличия своих культурных убеждений, норм

и традиций от культурных норм и традиций другой культурной группы (Babiker, Cox, Miller, 1980), в настоящем исследовании была также негативно связана с ГСИ ($r = -0,33, p < 0,01$). Это ожидаемо, так как, чем более различными воспринимаются культуры, тем сложнее совместить их в единой непротиворечивой идентичности. Это согласуется с результатами других исследований, которые выявили, что большая культурная дистанция влияет на психологическую адаптацию иммигрантов (Suanet, Van De Vijver, 2009) и иностранных студентов (Galchenko, Van de Vijver, 2007) и может стать причиной трудностей в понимании принимающей культуры. Таким образом, воспринимаемая культурная дистанция может влиять на восприятие идентичностей как несовместимых, что, в свою очередь, может препятствовать гибридному

стилю идентичности наиболее благоприятному для адаптации.

С другой стороны, не было выявлено позитивной взаимосвязи ЧСИ с воспринимаемой этнонациональной ($r = 0,00, p > 0,1$) и религиозно-национальной ($r = 0,06, p > 0,1$) несовместимостью идентичностей и воспринимаемой культурной дистанцией ($r = 0,02, p > 0,1$), что может быть связано с тем, что ЧСИ также является стратегией достижения интеграции, то есть предполагает достаточный уровень совместимости идентичности и воспринимаемой близости культур, чтобы была возможна интеграция, хотя и путем чередования идентичностей. Тем не менее, чем более совместимыми и близкими воспринимаются культурные идентичности индивида, тем ему доступнее гибридная стратегия совмещения идентичности.

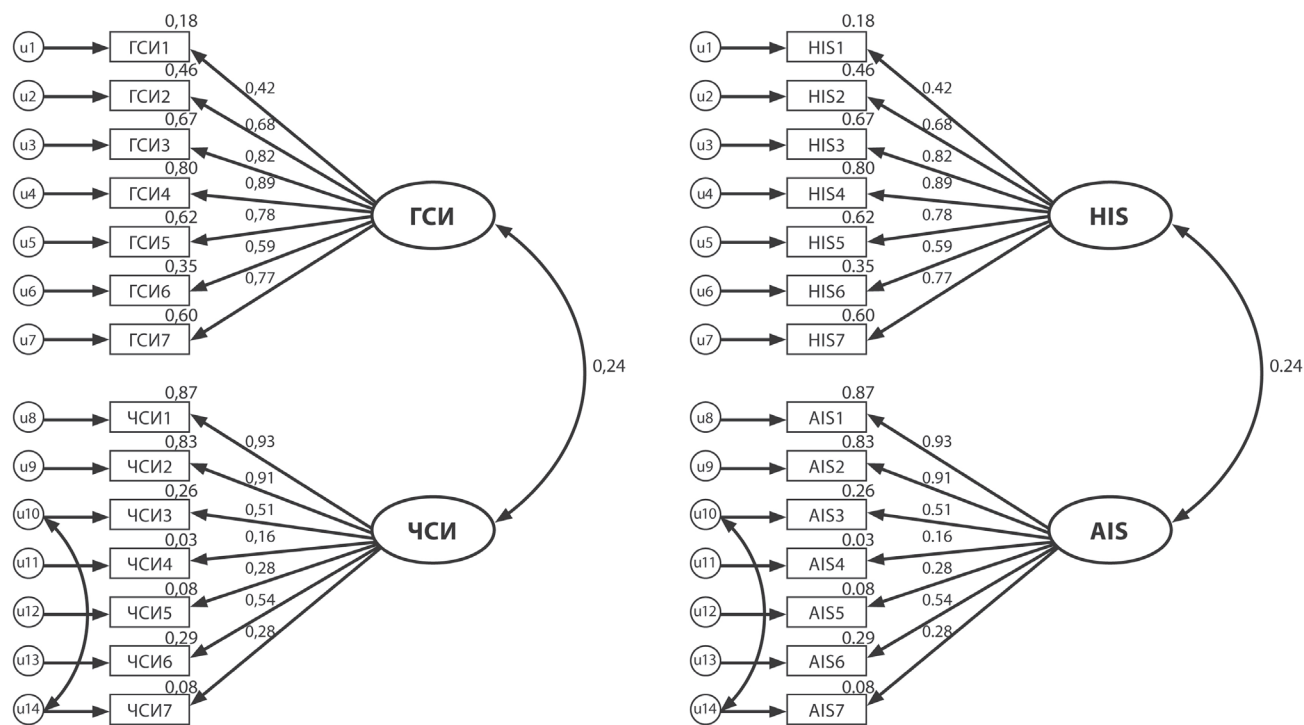

Рисунок 1

Результаты конфирматорного факторного анализа для методики мультикультурных стилей идентичности

$\chi^2 = 162,368, df = 75; \chi^2/df = 2,165; CFI = 0,928; RMSEA = 0,077; SRMR = 0,0723, AIC = 222,368$. ГСИ — гибридный стиль идентичности, ЧСИ — чередующийся стиль идентичности. Все пути значимы на уровне $p < 0,05$

Figure 1

Confirmatory Factor Analysis Results for the Multicultural Identity Style Scale

$\chi^2 = 162.368, df = 75; \chi^2/df = 2.165; CFI = 0.928; RMSEA = 0.077; SRMR = 0.0723, AIC = 222.368$. Note: HIS — hybrid identity style, AIS — alternating identity style. All paths are significant at the 5% level

Таблица 2

Корреляции шкал опросника ММСИ между собой и с другими опросниками

	1	2	3	4	5	6
1. Чередующийся стиль идентичности	1,00					
2. Гибридный стиль идентичности	0,22**	1,00				
3. Аккультурационная стратегия интеграции	0,20**	0,53**	1,00			
4. Воспринимаемая культурная дистанция	0,02	-0,33**	-0,33**	1,00		
5. Воспринимаемая этнонациональная несовместимость идентичностей	0,00	-0,47**	-0,34**	0,38**	1,00	
6. Воспринимаемая религиозно-национальная несовместимость идентичностей	0,06	-0,36**	-0,23**	0,28**	0,67**	1,00

** — $p \leq 0,01$

Table 2

Correlations of MISS subscales with each other and other measures

	1	2	3	4	5	6
1. Alternating identity style	1.00					
2. Hybrid identity style	0.22**	1.00				
3. Integration acculturation strategy	0.20**	0.53**	1.00			
4. Perceived cultural distance	0.02	-0.33**	-0.33**	1.00		
5. Perceived ethno-national identity incompatibility	0.00	-0.47**	-0.34**	0.38**	1.00	
6. Perceived religious-national identity incompatibility	0.06	-0.36**	-0.23**	0.28**	0.67**	1.00

** — $p \leq 0.01$

Для оценки дискриминантной валидности методики относительно шкалы интеграции мы использовали конфирматорный факторный анализ, рекомендованный для этой цели Д. Кенни (2016). Мы сравнили две модели: а) трехфакторную модель, где ГСИ, ЧСИ и интеграция формируют три отдельных коррелированных фактора и б) однофакторная модель, в которую входят все пункты шкалы ММСИ и шкалы интеграции. Соответствие моделей оценивалось по критериям: $1 < \chi^2 / df < 3$; CFI > 0,90; RMSEA < 0,10; SRMR < 0,09 (Hu, Bentler, 1999). Для того чтобы сделать выводы о лучшей пригодности моделей, мы сравнили их показатели CFI. В результате первая модель показала почти приемлемые показатели: $\chi^2 = 324,191$, $df = 116$; $\chi^2 / df = 2,795$; CFI = 0,850; RMSEA = 0,096; SRMR = 0,0824, AIC = 398,191. Добавление двух ковариаций ошибок³ на основании индексов модификации улучшило показатели модели до допустимых: $\chi^2 = 236,404$, $df = 114$; $\chi^2 / df = 2,074$; CFI = 0,912; RMSEA = 0,074; SRMR = 0,0724, AIC = 314,404.

Показатели однофакторной модели были сильно ниже допустимых: $\chi^2 = 728,529$, $df = 119$;

³ Ковариации ошибок были добавлены между пунктами: (а) «В личной жизни я еврей, а в публичной жизни я россиянин» и «Дома я еврей, а на работе / учебе я — россиянин» и (б) «То, кем я являюсь — россиянином или евреем, зависит от социального окружения» и «Дома я еврей, а на работе / учебе я — россиянин».

$\chi^2 / df = 6,122$; CFI = 0,560; RMSEA = 0,162; SRMR = 0,1429, AIC = 796,529, $\Delta CFI = 0,29$. После добавления тех же ковариаций ошибок показатели все еще оставались недостаточными для утверждения соответствия модели данным и были значительно хуже показателей трехфакторной модели: $\chi^2 = 628,789$, $df = 117$; $\chi^2 / df = 5,374$; CFI = 0,630; RMSEA = 0,149; SRMR = 0,1320, AIC = 700,789, $\Delta CFI = 0,28$. Результаты КФА указывают на дискриминантную валидность шкалы мультикультурных стилей идентичности относительно шкалы интеграции, следовательно, стили идентичности хоть и близко связаны с аккультурационной стратегией интеграции, но не являются ее частью, а являются отдельными феноменами, а именно, способами достижения интеграции (Ward et al., 2018).

Межгрупповые различия

Также мы оценили межгрупповые различия для женщин и мужчин, но не обнаружили значимых различий по обоим шкалам: ($t = 0,129$, $p = 0,897$) для ЧСИ и ($t = 1,278$, $p = 0,203$) для ГСИ. Межгрупповых различий между участниками, идентифицирующими себя как «еврей(ка)» и «на половину/четверть/частично еврей(ка)» также не было обнаружено: ($t = -1,854$, $p = 0,065$) для ЧСИ, ($t = -1,723$, $p = 0,087$) для ГСИ.

Межгрупповые различия были обнаружены между исповедующими иудаизм и не исповедующими никакой религии. Для людей, не исповедующих рели-

гию, были более высокие показатели по шкале ГСИ ($M = 3,74$, $SD = 0,86$), чем для исповедующих иудаизм ($M = 3,42$, $SD = 0,91$; $t = 2,211$, $p = 0,028$, $d = 0,339$). Для шкалы ЧСИ различий между этими группами обнаружено не было ($t = 1,544$, $p = 0,124$). Из этого следует, что люди, не исповедующие религию, более склонны к гибриднему стилю идентичности, чем те, кто исповедует иудаизм. Это может быть связано со сложностью совмещать иудейский образ жизни как следование набору норм, ценностей и традиций (например, соблюдение шаббата и кашрута, создание семьи с иудеями), и российский образ жизни.

Ограничения

Работа имеет некоторые ограничения. Например, не был проведен анализ ретестовой надежности, так как ретест методики на той же выборке спустя время мог показать значительное расхождение с изначальным временным срезом в связи с тем, что стили идентичности являются динамическим конструктом и могут меняться со временем в зависимости, например, от уровня культурной компетенции (Szabó, Ward, 2020).

Также присутствуют ограничения, связанные с опасностями для генерализации результатов. Во-первых, исследуемая выборка имела смещение в сторону женщин. Тем не менее, анализ межгрупповых различий не выявил влияния пола на результаты опросника. Превалирование респондентов с высшим образованием, также является угрозой для генерализации результатов.

Другим ограничением для внешней валидности исследования является его проведение на единичной этнической выборке российских евреев, что является частым ограничением в исследованиях аккультурации (Ward, 2013). Действительно, российские евреи имеют особенности, связанные как с этнической группой (например, очень тесная связь этничности и религии) так и с национальным контекстом (например, история гонений и вынужденной ассимиляции, редкое знание иврита (идиша) как языка этнической группы, т.е. отсутствие билингвизма). Однако, репли-

цируемость результатов в рамках оригинального исследования на трех различных культурных выборках и двух языках (Ward et al., 2018), высокие показатели валидности, выявленные в настоящем исследовании, в том числе повторение структуры опросника и его связи с интеграцией, а также универсальность формулировок пунктов опросника позволяют использовать методику на выборках других русскоязычных этнических меньшинств.

Выводы

Опросник мультикультурных стилей идентичности был успешно адаптирован на русский язык на выборке российских евреев. Исследование факторной структуры методики показало соответствие оригинальной структуре опросника. Исследование надежности показало достаточно высокие значения внутренней согласованности шкал опросника, а корреляции с другими опросниками и анализ дискриминантной валидности подтвердили конструктивную валидность исследуемой методики.

Переведенная и адаптированная методика мультикультурных стилей идентичности (приложение) является валидным инструментом для исследования мультикультурного стиля идентичности, и может быть использована для его оценки на выборке русскоязычных иммигрантов и этнических меньшинств. Использование русскоязычной методики на других русскоязычных этнических выборках может быть полезно для дальнейшей оценки корректности работы методики.

Мультикультурный стиль идентичности является важным концептом для понимания того, как именно личность управляет своими культурными идентичностями в процессе интеграции. Дальнейшие исследования мультикультурных стилей идентичности помогут расширить понимание процесса аккультурации и причин успеха или неудачи в достижении интеграции и психологической адаптации этнических меньшинств и иммигрантов.

Список литературы

- Лебедева, Н.М., Татарко, А.Н. (2009). Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. Москва: Изд-во РУДН.
- Наследов, А.Д. (2007). SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. Санкт-Петербург: Питер.
- Arbuckle, J.L. (2013). Amos 22 user's guide. Chicago: SPSS.
- Babiker, I.E., Cox, J.L., Miller, P.M. (1980). The Measurement of Cultural Distance and Its Relationship to Medical Consultations, Symptomatology and Examination Performance of Overseas Students at Edinburgh University. *Social Psychiatry*, (15), 109–116. <https://doi.org/10.1007/BF00578141>
- Benet-Martínez, V., Leu, J., Lee, F., Morris, M.W. (2002). Negotiating Biculturalism: Cultural Frame Switching in Biculturals with Oppositional Versus Compatible Cultural Identities. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 33(5), 492–516. <https://doi.org/10.1177/0022022102033005005>
- Berry, J.W. (1997). Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, (46), 5–68.
- Berry, J.W. (2005). Acculturation: Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 29(6), 697–712. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.07.013>
- Berry, J.W. (2017). MIRIPS Questionnaire. In: J. Berry (Ed.), *Mutual Intercultural Relations* (pp. 375–387). Cambridge: Cambridge Univ. Press. <https://doi.org/10.1017/9781316875032>

- Berry, J.W., Lepshokova, Z., Mirips, C., Galyapina, V.N., Lebedeva, N., Ryabichenko, T., Tatarko, A., Grigoryev, D. (2022). How shall we all live together?: Meta-analytical review of the Mutual Intercultural Relations in Plural Societies project. *Applied Psychology: An International Review*, 71(3), 1014–1041. <https://doi.org/10.1111/apps.12332>
- Berry, J.W., Sam, D. (1997). Acculturation and adaptation. In: J.W. Berry, M.H. Segall, C. Kagitcibasi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology*, Vol. 3: Social behavior and applications (pp. 291–326). Boston: Allyn and Bacon.
- Berzonsky, M.D. (1989). Identity style: conceptualization and measurement. *Journal of Adolescent Research*, (4), 268–282. <https://doi.org/10.1177/074355488943002>
- Galchenko, I., van de Vijver, F.J.R. (2007). The role of perceived cultural distance in the acculturation of exchange students in Russia. *International Journal of Intercultural Relations*, 31(2), 181–197. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.03.004>
- Hair, J.F., Black, W.C., Babin, B.J., Anderson, R.E. (2010). *Multivariate Data Analysis*. Prentice Hall.
- Hewstone, M., Rubín, M., Willis, H. (2002). Intergroup Bias. *Annual Review of Psychology*, 53(1), 575–604. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135109>
- Horn, J.L. (1965). A rationale and test for the number of factors in factor analysis. *Psychometrika*, 30(2), 179–185. <https://doi.org/10.1007/BF02289447>
- Hu, L., Bentler, P.M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 6(1), 1–55. <https://doi.org/10.1080/10705519909540118>
- Huynh, Q.L., Benet-Martínez, V., Nguyen, A.M.D. (2018). Measuring variations in bicultural identity across U.S. ethnic and generational groups: Development and validation of the Bicultural Identity Integration Scale — Version 2 (BIIS-2). *Psychological Assessment*, (30), 1581–1596. <https://doi.org/10.1037/pas000068>
- Kenny, D.A. (2016). Multiple latent variable models: Confirmatory factor analysis. URL: <http://davidakenny.net/cm/mfactor.htm> (access date: 10.05.2023).
- Lepshokova, Z., Lebedeva, N., van de Vijver, F.J.R. (2018). The mediating role of identity incompatibility in the relationship between perceived discrimination and acculturation preferences in two generations of the ethnic Russian minority in the North Caucasus. *European Journal of Developmental Psychology*, 15(1), 99–114. <https://doi.org/10.1080/17405629.2017.1336433>
- Martinovic, B., Verkuyten, M. (2012). Host national and religious identification among Turkish Muslims in Western Europe: The role of in-group norms perceived discrimination and value incompatibility. *European Journal of Social Psychology*, (42), 893–903. <https://doi.org/10.1002/ejsp.1900>
- Ng Tseung-Wong, C., Ward, C., Szabó, G. (2019). Dual identification, multicultural identity styles, and intergroup evaluations: Some preliminary findings. *International Journal of Intercultural Relations*, (72), 122–128. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.07.009>
- Nguyen, A.-M.D., Benet-Martínez, V. (2013). Biculturalism and adjustment: A meta-analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 44, 122–159. <https://doi.org/10.1177/0022022111435097>
- Stuart, J., Ward, C. (2011). A question of balance: Exploring the acculturation, integration and adaptation of Muslim immigrant youth. *Psychosocial Intervention*, (20), 255–267. <https://doi.org/10.5093/in2011v20n3a3>
- Szabó, Á., Ward, C. (2020). The relationship between intercultural abilities and cultural identity styles: A longitudinal cross-lagged analysis. *International Journal of Psychology*, 55(3), 465–471. <https://doi.org/10.1002/ijop.12592>
- Szabó, Á., Ward, C., Meca, A., Schwartz, S.J. (2020). Testing the construct validity and empirical distinctiveness of the Multicultural Identity Styles Scale (MISS) and the bicultural identity integration scale (BIIS-2). *Psychological Assessment*, 32(7), 705–712. <https://doi.org/10.1037/pas0000825>
- Verkuyten, M., Martinovic, B. (2012). Social identity complexity and immigrants' attitude toward the host nation: The intersection of ethnic and religious group identification. *Personality and Social Psychology Bulletin*, (38), 1165–1177. <https://doi.org/10.1177/0146167212446164>
- Ward, C. (2013). Probing identity, integration and adaptation: Big questions, little answers. *International Journal of Intercultural Relations*, 37(4), 391–404. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.04.001>
- Ward, C., Ng Tseung-Wong, C., Szabo, A., Qumseya, T., Bhowon, U. (2018). Hybrid and Alternating Identity Styles as Strategies for Managing Multicultural Identities. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 49(9), 1402–1439. <https://doi.org/10.1177/0022022118782641>

References

- Arbuckle, J.L. (2013). *Amos 22 user's guide*. Chicago: SPSS.
- Babiker, I.E., Cox, J.L., Miller, P.M. (1980). The Measurement of Cultural Distance and Its Relationship to Medical Consultations, Symptomatology and Examination Performance of Overseas Students at Edinburgh University. *Social Psychiatry*, (15), 109–116. <https://doi.org/10.1007/BF00578141>
- Benet-Martínez, V., Leu, J., Lee, F., Morris, M.W. (2002). Negotiating Biculturalism: Cultural Frame Switching in Biculturals with Oppositional Versus Compatible Cultural Identities. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 33(5), 492–516. <https://doi.org/10.1177/0022022102033005005>
- Berry, J.W. (1997). Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 46, 5–68.
- Berry, J.W. (2005). Acculturation: Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 29(6), 697–712. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.07.013>
- Berry, J.W. (2017). MIRIPS Questionnaire. In: J. Berry (Ed.), *Mutual Intercultural Relations* (pp. 375–387). Cambridge: Cambridge Univ. Press. <https://doi.org/10.1017/9781316875032>
- Berry, J.W., Lepshokova, Z., Mirips, C., Galyapina, V.N., Lebedeva, N., Ryabichenko, T., Tatarko, A., Grigoryev, D. (2022). How shall we all live together?: Meta-analytical review of the Mutual Intercultural Relations in Plural Societies project. *Applied Psychology: An International Review*, 71(3), 1014–1041. <https://doi.org/10.1111/apps.12332>
- Berry, J.W., Sam, D. (1997). Acculturation and adaptation. In: J.W. Berry, M.H. Segall, C. Kagitcibasi (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology*, Vol. 3: Social behavior and applications (pp. 291–326). Boston: Allyn and Bacon.
- Berzonsky, M.D. (1989). Identity style: conceptualization and measurement. *Journal of Adolescent Research*, (4), 268–282. <https://doi.org/10.1177/074355488943002>

- Galchenko, I., van de Vijver, F.J.R. (2007). The role of perceived cultural distance in the acculturation of exchange students in Russia. *International Journal of Intercultural Relations*, 31(2), 181–197. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2006.03.004>
- Hair, J.F., Black, W.C., Babin, B.J., Anderson, R.E. (2010). *Multivariate Data Analysis*. Prentice Hall.
- Hewstone, M., Rubin, M., Willis, H. (2002). Intergroup Bias. *Annual Review of Psychology*, 53(1), 575–604. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135109>
- Horn, J.L. (1965). A rationale and test for the number of factors in factor analysis. *Psychometrika*, 30(2), 179–185. <https://doi.org/10.1007/BF02289447>
- Hu, L., Bentler, P.M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 6(1), 1–55. <https://doi.org/10.1080/10705519909540118>
- Huynh, Q.L., Benet-Martínez, V., Nguyen, A.M.D. (2018). Measuring variations in bicultural identity across U.S. ethnic and generational groups: Development and validation of the Bicultural Identity Integration Scale — Version 2 (BIIS-2). *Psychological Assessment*, 30, 1581–1596. <https://doi.org/10.1037/pas000068>
- Kenny, D.A. (2016). Multiple latent variable models: Confirmatory factor analysis. URL: <http://davidakenny.net/cm/mfactor.htm> (access date: 10.05.2023).
- Lebedeva, N.M., Tatarko, A.N. (2009). Strategies of intercultural interaction between migrants and the Russian population. Collection of scientific articles. Moscow: Publishing house RUDN. (In Russ.).
- Lepshokova, Z., Lebedeva, N., van de Vijver, F.J.R. (2018). The mediating role of identity incompatibility in the relationship between perceived discrimination and acculturation preferences in two generations of the ethnic Russian minority in the North Caucasus. *European Journal of Developmental Psychology*, 15(1), 99–114. <https://doi.org/10.1080/17405629.2017.1336433>
- Martinovic, B., Verkuyten, M. (2012). Host national and religious identification among Turkish Muslims in Western Europe: The role of in-group norms perceived discrimination and value incompatibility. *European Journal of Social Psychology*, 42, 893–903. <https://doi.org/10.1002/ejsp.1900>
- Nasledov, A.D. (2007). SPSS: the Computer analysis of data in psychology and the social sciences. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Ng Tseung-Wong, C., Ward, C., Szabó, G. (2019). Dual identification, multicultural identity styles, and intergroup evaluations: Some preliminary findings. *International Journal of Intercultural Relations*, 72, 122–128. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.07.009>
- Nguyen, A.-M.D., Benet-Martínez, V. (2013). Biculturalism and adjustment: A meta-analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 44, 122–159. <https://doi.org/10.1177/0022022111435097>
- Stuart, J., Ward, C. (2011). A question of balance: Exploring the acculturation, integration and adaptation of Muslim immigrant youth. *Psychosocial Intervention*, 20, 255–267. <https://doi.org/10.5093/in2011v20n3a3>
- Szabó, Á., Ward, C. (2020). The relationship between intercultural abilities and cultural identity styles: A longitudinal cross-lagged analysis. *International Journal of Psychology*, 55(3), 465–471. <https://doi.org/10.1002/ijop.12592>
- Szabó, Á., Ward, C., Meca, A., Schwartz, S.J. (2020). Testing the construct validity and empirical distinctiveness of the Multicultural Identity Styles Scale (MISS) and the bicultural identity integration scale (BIIS-2). *Psychological Assessment*, 32(7), 705–712. <https://doi.org/10.1037/pas0000825>
- Verkuyten, M., Martinovic, B. (2012). Social identity complexity and immigrants' attitude toward the host nation: The intersection of ethnic and religious group identification. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 38, 1165–1177. <https://doi.org/10.1177/0146167212446164>
- Ward, C. (2013). Probing identity, integration and adaptation: Big questions, little answers. *International Journal of Intercultural Relations*, 37(4), 391–404. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.04.001>
- Ward, C., Ng Tseung-Wong, C., Szabo, A., Qumseya, T., Bhowon, U. (2018). Hybrid and Alternating Identity Styles as Strategies for Managing Multicultural Identities. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 49(9), 1402–1439. <https://doi.org/10.1177/0022022118782641>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владислава Владимировна Вербная, магистр психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, vladislava.verbnaya@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0671-1630>

Vladislava V. Verbnaya, Master in Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, vladislava.verbnaya@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0671-1630>

Зарина Хизировна Лепшокова, кандидат психологических наук, доцент Департамента психологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, taimiris@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>

Zarina Kh. Lepshokova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Chief Researcher at the Centre for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics, taimiris@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>

Поступила: 17.07.2023; получена после доработки: 12.10.2023; принята в печать: 07.04.2024.

Received: 17.07.2023; revised: 12.10.2023; accepted: 07.04.2024.

Приложение

Методика мультикультурных стилей идентичности

Следующие утверждения касаются вашей идентичности, то есть того, кем вы себя ощущаете, в частности, касаясь вашей этнической и гражданской (национальной) принадлежности. Укажите, пожалуйста, степень Вашего согласия с каждым из следующих утверждений. 1 = Абсолютно не согласен; 2 = Скорее не согласен; 3 = Отчасти согласен, отчасти не согласен; 4 = Скорее согласен; 5 = Абсолютно согласен.

1. Быть (*евреем*)¹ и быть (*россиянином*)² для меня — связанные понятия
2. Я считаю себя уникальной в культурном отношении комбинацией (*еврейского*) и (*российского*)
3. Я представляю собой смесь (*российского*) и (*еврейского*)
4. (*Еврей*) и (*россиянин*) во мне образуют одно целое: (*российского еврея*)
5. Я органично сочетаю в себе (*российское*) и (*еврейское*)
6. Я (*еврей*), поддерживающий (*российский*) образ жизни
7. (*Еврей*) и (*россиянин*) соединяются во мне особенным культурным образом
8. Я чередую, кто я: (*еврей*) или (*россиянин*), в зависимости от обстоятельств
9. В зависимости от ситуации я могу быть (*евреем*) или (*россиянином*)
10. В личной жизни я (*еврей*), а в публичной жизни я (*россиянин*)
11. В некоторых ситуациях сложно одновременно быть (*евреем*) и (*россиянином*)
12. В окружении (*евреев*) я больше ощущаю себя (*евреем*), чем в окружении (*россиян неевреев*)
13. То, кем я являюсь — (*россиянином*) или (*евреем*), зависит от социального окружения
14. Дома я (*еврей*), а на работе / учебе я (*россиянин*)

Ключ. Гибридный стиль идентичности (1–7), Чередующийся стиль идентичности (8–14).

Анализ. Для определения стиля идентичности конкретного респондента нужно сравнить его средний балл по шкале ГСИ и средний балл по шкале ЧСИ. Большой средний балл будет указывать на стиль идентичности респондента. Более наглядный результат можно получить, предварительно центрировав средние баллы по шкалам.

¹ Название этнической группы, указанное в скобках, может быть заменено на другое, например, на «татарин», «ингуш», «армянин» и др.

² Название национальной группы (гражданская принадлежность), указанное в скобках, может быть заменено на другое, например, на «американец», «казахстанец», «узбекистанец» и др.

Appendix

The Multicultural Identity Styles Scale

The items relate to your identity—how you see yourself, particularly in relation to your cultural or ethnic background. Please indicate the extent to which you agree with each of the following items.

1 = Strongly disagree; 2 = Somewhat disagree; 3 = Neither agree nor disagree; 4 = Somewhat agree; 5 = Absolutely agree.

1. For me, being (*Jew*)¹ and being a (*Russian*)² are intermingled
2. I see myself as a culturally unique mixture of (*Jew*) and (*Russian*)
3. I am a “*mélange*” of (*Russian*) and (*Jew*)
4. The (*Jew*) and (*Russian*) in me form one: (*Russian Jew*)
5. I am a blend of (*Jew*) and (*Russian*)
6. I am (*Jew*) in a (*Russian*) way
7. For me, being (*Jew*) and being (*Russian*) come together in a culturally novel way
8. I alternate between being (*Jew*) and (*Russian*) depending on the circumstances
9. I can be (*Jew*) or (*Russian*) depending on the situation
10. I have a (*Jew*) private self and a (*Russian*) public self
11. Some situations make it hard to be (*Jew*) and (*Russian*) at the same time
12. I am very (*Jew*) with my family compared with other people
13. Who I am depends on the social context
14. I am (*Jew*) at home and (*Russian*) at school / work

Key. Hybrid identity style (1–7), Alternating identity style (8–14).

Analysis. To determine the identity style of a particular respondent, you need to compare the participant’s average score on the HIS subscale and the average score on the AIS subscale. A higher average score will indicate the respondent’s identity style. More illustrative results can be obtained by first centering the average scores on the subscales.

¹ The name of the ethnic group indicated in brackets may be replaced by another, for example, “Tatar”, “Ingush”, “Armenian”, etc.

² The name of the national group (citizenship), indicated in brackets, can be replaced by another, for example, “American”, “Kazakhstani”, “Uzbekistani”, etc.

ПСИХОЛОГИЯ СПОРТА / PSYCHOLOGY OF SPORT

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0215>
УДК/UDC 159.9.072, 159.9.075

Изучение связи личностного потенциала с направленностью целей у спортсменов командных и индивидуальных видов спорта

З.А. Сагова , Р.Р. Шаяфетдинова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 zas-msu@mail.ru

Резюме

Актуальность. Психология спорта активно изучает характеристики и потенциальные ресурсы спортсменов высокого класса, позволяющие эффективно осуществлять профессиональную деятельность. Одним из универсальных способов решения данной задачи является работа с параметрами характера и направленности целеполагания.

Цель. Изучение связи ряда компонентов личностного потенциала и целевой направленности у спортсменов разных видов спорта.

Выборка. В исследовании приняли участие 143 спортсмена ($M_{\text{возраст}} = 18$; 96 мужчин, 47 женщин) из командных и индивидуальных видов спорта, имеющие спортивные разряды/звания от юношеского до мастера спорта международного класса.

Методы. В исследовании применялись следующие методики: «Тест жизнестойкости», «Опросник толерантности к неопределенности», «Шкала удовлетворенности жизнью», «Шкала социальной желательности», «Универсальный тест профессиональной мотивации» и составленный авторами перечень вопросов для выявления направленности целевых установок спортсменов. Для обработки количественных данных использовались корреляционный анализ, U-критерий Манна — Уитни, дисперсионный анализ Краскелла — Уоллиса.

Результаты. Выявлено, что у спортсменов степень выраженности характеристик, составляющих личностный потенциал, различается в соответствии с направленностью их целей. Наблюдается неравномерное распределение целей по их направленности между представителями индивидуальных и командных видов спорта. Оценка различий по полу показала значимые различия между мужчинами и женщинами по целому ряду характеристик, что объясняет некоторые особенности их отношения к профессиональной спортивной деятельности. Обнаружены значимые различия в выраженности характеристик личностного потенциала по параметрам возраста, стажа и разряда/звания спортсменов. Представлены корреляции и различия исследуемых параметров.

Выводы. Представлены направления для дальнейшего изучения данной проблематики, касающиеся, в частности, расширения и углубления представлений о некоторых составляющих личностного потенциала, способствующих достижению значимых спортивных результатов.

Ключевые слова: личностный потенциал, направленность целей, эффективность профессиональной деятельности

Для цитирования: Сагова, З.А., Шаяфетдинова, Р.Р. (2024). Изучение связи личностного потенциала с направленностью целей у спортсменов командных и индивидуальных видов спорта. *Национальный психологический журнал*, 19(2), 175–188. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0215>

Relationship between Personal Potential and the Goal Orientation in Athletes of Team and Individual Sports

Zurida A. Sagova✉, Rimma R. Shaiafetdinova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ zas-msu@mail.ru

Abstract

Background. Sports psychology is actively studying the characteristics and potential resources of high-class athletes that allow them to effectively carry out professional activities. One of the universal ways to solve this problem is to work with the parameters of the nature and direction of goal setting.

Objectives. The aim is to study the relationship between a number of components of personal potential and target orientation in athletes of different sports.

Study Participants. The study involved 143 athletes ($M_{age} = 18$; 96 men, 47 women) from team and individual sports, with sports categories/titles from junior to international master of sports.

Methods. The following methods were used in the study: “Resilience Test”, “Tolerance to Uncertainty Questionnaire”, “Life Satisfaction Scale”, “Social Desirability Scale”, «Universal Test of Professional Motivation», a list of questions compiled by the authors to identify the direction of athletes’ goals. To process quantitative data we used correlation analysis, Mann — Whitney U test, Kruskal — Wallis analysis of variance.

Results. It was revealed that the degree of expression of the characteristics that make up personal potential among athletes differs in accordance with the direction of their goals. There is an uneven distribution of goals according to their focus between representatives of individual and team sports. An assessment of differences by gender showed significant differences between men and women in a number of characteristics, which explains some of the peculiarities of their attitude to professional sports activities. Significant differences were revealed in the severity of characteristics of personal potential according to the parameters of age, experience and category/rank of athletes. The correlations and differences of the studied indicators are presented.

Conclusions. Directions for further research into this issue are presented, concerning, in particular, the expansion and deepening of ideas about some components of personal potential that contribute to the achievement of significant sports results.

Keywords: personal potential, goal orientation, professional activity efficiency

For citation: Sagova, Z.A., Shaiafetdinova, R.R. (2024). Relationship between Personal Potential and the Goal Orientation in Athletes of Team and Individual Sports. *National Psychological Journal*, 19(2), 175–188. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0215>

Введение

Спорт чаще всего воспринимается как область побед и поражений, вместе с тем истинной мерой успешности является то, насколько спортсмен смог выложиться в решающий момент, ведь спортсмены — это «герои конкретного времени, и их успех мимолетен» (Schloder, McGuire, 2007, р. 87). Такая особенность спортивной деятельности создает условия для перетренированности спортсменов и злоупотребления психоактивными препаратами, что ведет к изменению мотивации и снижению субъективного благополучия. Все это подкрепляется динамичностью современной жизни, в которой становится нормой безотлагательный характер постановки и решения задач, стремление к немедленному удовлетворению потребностей; усиливается ориентацией спортсменов исключительно на превосходство и по-

стоянное сравнение своих результатов с достижениями соперников.

Результаты исследований показывают, что ряд личностных особенностей спортсменов способствуют успешному преодолению проблем, возникающих в их профессиональной жизни; наиболее часто упоминаются выраженные способности концентрации внимания, уверенность в себе и оптимизм, жизнестойкость, как значимые психологические характеристики, отличающие спортсменов высокого уровня (Gould et al., 2002; Jones et al., 2002; Mallett, Hanrahan, 2004). В соответствии с мнением ученых (Е.Ф. Зеер и др.), упомянутые личностные качества представляют два основных фактора, образующих потенциал личности (Будакова, Мацута, 2016). Первый из факторов включает физические, интеллектуальные и психологические ресурсы, основой для реализации которых служит психофизиологическая составляющая и квалификация индивида. Второй фактор является

продуктом социокультурного опыта индивида и касается особенностей его мировоззрения, ориентации на значимых других, самооценки, уверенности в себе.

Для более полного описания личностного потенциала В.Н. Косырев вводит третий фактор — «стремление к развитию и расширению своих возможностей» (Косырев, 2011, с. 28); вероятно, предложенный фактор по смыслу схож со стремлением к самоактуализации по А. Маслоу. Соответственно, в структуре личностного потенциала можно выделить еще один уровень — субъективную оценку успешности деятельности индивида. В результате В.Н. Косырев определяет личностный потенциал как «собственные возможности индивида, которые тот получает в ходе онтогенеза и которые способствуют достижению субъективно значимых результатов в его жизни» (Косырев, 2011, с. 359).

Существует целый ряд определений личностного потенциала с выделением разных аспектов личности и деятельности (А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Е.Ф. Зеер, В.Н. Марков, В.И. Носков, А.М. Павлова, Т.П. Скрипкина и др.). При этом в настоящее время в научной литературе отсутствует его единое и общепринятое определение, несмотря на то что понятие личностного потенциала не является новым, но в то же время — актуальным. Следует выделить значимый вклад Д.А. Леонтьева в разработку данного понятия. Считая личностный потенциал фактором зрелости личности, автор определяет его как устойчивый набор личностных качеств, накопленных человеком в процессе его деятельности и «определяющих его возможность к осуществлению деятельности в оптимальном режиме. Также он показывает способность преодоления трудностей на пути к поставленной цели с помощью преодоления личностью собственных установок, которые мешают достижению поставленной цели» (Леонтьев и др., 2007, с. 17). Личностный потенциал также связан с способностью человека поддерживать четкие ориентиры в своей жизни и эффективную деятельность, адекватно реагируя на изменения внешних и внутренних обстоятельств.

Д.А. Леонтьев уточняет суть данного феномена как то, «что человек делает из себя. ... Личность — это глобальная высшая психическая функция прогрессивного овладения собственным поведением и введения новых высших закономерностей в процессы взаимодействия с миром и саморазвития на основе социального опыта, почерпнутого из мира, и той биологической основы, из которой мы приходим в этот мир» (Леонтьев, 2011, с. 32). Учитывая специфику сферы спорта и его субъектов, вероятно, определение и рассуждения Д.А. Леонтьева наиболее близки логике и содержанию нашего исследования. Ведь спорт — это уникальный инструмент, с помощью которого человек добровольно создает и решает различные проблемы, действуя в рамках согласованных правил и получая обратную связь в результате этих действий. Большое количество проблем и препятствий на профессиональном пути спортсменов, конкуренция,

стрессогенность и непродолжительность спортивной карьеры усиливают интерес к индивидуальным особенностям и личностному потенциалу «героев конкретного времени». Поскольку потенциал относится к способностям, которые человеку еще предстоит реализовать, то личностный потенциал тесно связан с процессом развития и становления личности, с вероятностью и пределами возможного. Соответственно, в структуру личностного потенциала входят переменные, связанные с эффективностью профессиональной деятельности и психологическим благополучием; успешностью выбора и реализации целей в ситуациях внешнего давления, неопределенности и риска; жизнестойкостью в преодолении сложных жизненных и профессиональных ситуаций.

Психология спорта активно изучает характеристики и потенциальные ресурсы спортсменов высокого класса, и как показывают исследования, развитые способности концентрации, жизнестойкость, оптимизм и уверенность в себе являются значимыми качествами, отличающими спортсменов высокого уровня от их коллег средней категории профессионализма (Gould et al., 2002; Jones et al., 2002; Mallett, Hanrahan, 2004). Часто в исследованиях выделяется жизнестойкость как психологический конструкт, определяющий спортивные достижения (Maddi, Hess, 1992; Nezhad, Besharat, 2010). Было показано, что футболисты с высоким уровнем жизнестойкости испытывали меньше тревоги (Hanton et al., 2003), эффективнее справлялись со стрессорами (Goss, 1994; Nezhad, Besharat, 2010), обладали большей способностью противостоять выгоранию, легче справлялись с задачами выбора целей и своевременной их коррекции при необходимости (Hendrix et al., 2000; Gould et al., 2002).

Способность выбирать четкие ориентиры и цели в своей жизни и деятельности вопреки давлению и меняющимся внешним условиям связана с самыми высокими достижениями в спорте. Осознание цели участия в соревновании, умение создать рабочий настрой на преодоление трудностей, формирование позитивной установки на соревнование, все это — составляющие структуры целеполагания в спорте (Ильин, 2012). Правильно заданные цели способствуют более успешной реализации потенциала спортсмена, повышает производительность и побуждает выбирать новые, более сложные задачи.

Согласно концепции достижения цели Дж. Николлса, эффективность деятельности зависит от характера выбираемых целей; значимую роль играет также направленность целей, представленная в двух формах: эго-целевая ориентация (ego goal orientation) и целевая ориентация на задачу (task goal orientation) (Nicholls, 1984). В исследованиях ряда авторов (Ames, 1992; Nicholls, 1984; Dweck, 1986) показано, что люди с эго-ориентацией целей склонны демонстрировать окружающим свои силы, знания и умения, противопоставлять себя коллегам и соперникам. Эго-ориентация целей связана с неадаптивными мотивами действий и в целом следует считать неадаптивным

способом деятельности, ведущей к ее неэффективности (Ntoumanis, 2001; Xiang, Lee, 2002).

Целевая ориентация на задачу основывается на более глубоких процессах осмысления пути, связана с тщательным сравнительным анализом своих возможностей в прошлом и настоящем. Человек испытывает более глубокий внутренний интерес к деятельности, сравнивает себя вчерашнего с собой сегодняшним, выбирает сложные задачи для выполнения, тем самым достигая прогресса в своей деятельности (Hamidi, 2005).

Дж. Эйди и его коллеги (Adie et al., 2008) показали, что спортсмены с эго-ориентированными установками стремятся прежде всего превзойти других соревнующихся, что не всегда возможно. Вследствие этого они сильно подвержены чувству тревоги и страху проиграть, которые усиливаются с приближением соревнований, воспринимают предстоящие соревнования как угрозу их успеху.

Д. Дуда (Duda, 2001), анализируя утверждения, характеризующие две направленности целей, приводит их преимущества и недостатки. Согласно мнению автора, нереалистичное представление о своих спортивных способностях или их преувеличение нередко может играть позитивную роль, способствуя повышению самооценки и уверенности в себе. Вместе с тем такие цели также могут вести к разочарованию и последующему спаду уверенности в себе, негативно влияя на психологическое благополучие и способность к адаптации к жизненным требованиям.

А. Эллиот (Elliot, 1999) дает описание взаимосвязи самооценки человека и характера выбираемых целей как значимого показателя когнитивной оценки стрессовой ситуации. В спортивной деятельности такая оценка формирует восприятие стрессового события как угрозы или как вызов, влияет на эмоциональную устойчивость спортсмена.

Упомянутые выше три исследования (Adie et al., 2008, Duda, 2001, Elliot, 1999), отражают эмоциональные состояния и переживания спортсменов, влияющие на их отношение к деятельности, коллегам и соперникам, к собственным достижениям и личностному развитию, и непосредственно формирующие характер и направленность целей. В связи с этим содержание и результаты этих работ явились для нас значимой основой для формирования перечня вопросов участникам исследования.

Опираясь на суждения и выводы в проанализированной литературе, мы ставили целью нашего исследования изучение связи таких параметров личностного потенциала, как жизнестойкость, толерантность к неопределенности, удовлетворенность жизнью, социальная желательность и профессиональная мотивация, и целевой направленности у спортсменов разных видов спорта. Выбранные параметры, по нашему мнению, могут дать всестороннее и наиболее полное описание личностного потенциала участников нашего исследования.

Мы предполагали, что степень выраженности характеристик, составляющих личностный потенциал

спортсменов (жизнестойкость, толерантность к неопределенности, удовлетворенность жизнью, социальная желательность, профессиональная мотивация), будет различаться в соответствии с направленностью их целей; вместе с тем выраженность характеристик, составляющих личностный потенциал спортсменов, зависит от индивидуальных параметров спортсменов (пол, возраст, стаж, разряд).

Методы исследования

Исследование проводилось в онлайн-формате, выбранном в связи с удаленностью части респондентов и установленными ограничениями во взаимодействии из-за эпидемии коронавирусной инфекции на момент проведения исследования.

В исследовании использованы методики: Тест жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, сокр. версия Е.И. Рассказовой) (Леонтьев, Рассказова, 2006); Опросник толерантности к неопределенности (Корнилова, 2010); Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера, адаптированная Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиным (Diener et al., 1985; Осин, Леонтьев, 2020); Шкала социальной желательности Кроуна — Марлоу в адаптации Ю. Ханина (Ханин, 1976); Универсальный тест профессиональной мотивации (Sheldon et al., 2017); вопросы для выявления направленности целевых установок спортсменов, составленные нами в соответствии с исследованиями авторов теории достижения цели.

Для статистического анализа данных использовалась программа SPSS, корреляционный анализ, U-критерий Манна — Уитни, дисперсионный анализ Краскелла — Уоллиса.

Выборка

В исследовании участвовали 143 спортсмена из командных (N = 78) и индивидуальных (N = 65) видов спорта, имеющие спортивные разряды/звания от юношеского до мастера спорта международного класса, и регулярно принимающие участие в соревнованиях различного уровня; из них: 96 мужчин и 47 женщин, средний возраст — 18 лет. Результативность (спортивные достижения) спортсменов измерялась в соответствии с спортивным разрядом/званием.

Результаты исследования и их обсуждение

Для проверки основной гипотезы о существовании различий в выраженности некоторых характеристик, составляющих личностный потенциал спортсменов индивидуальных и командных видов спорта, в соответствии с направленностью их целей, был рассчитан коэффициент корреляции r Спирмена. Результаты отражены в нижеследующих Таблицах 1 и 2 (представлены только значимые корреляции).

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа задача-ориентированных целевых установок и составляющих личностного потенциала спортсменов (по видам спорта)

	Интроецированная негативная мотивация	Социальная желательность
Коэффициент корреляции	-0,405**	0,257*
Значимость (двухсторонняя)	0,001	0,023
Индивидуальные виды спорта	65	
Командные виды спорта		78

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$

Table 1

Results of correlation analysis of task-oriented goals and components of athletes' personal potential (by sports)

	Introjected negative motivation	Social desirability
Correlation coefficient	-0.405**	0.257*
Significance	0.001	0.023
Individual sports	65	
Team sports		78

* $p < 0.05$; ** $p < 0.01$

Интроецированная регуляция как разновидность внешней мотивации, отражает интериоризированные требования, которые проявляются в ощущении вины и стыда за качество выполненной работы (Гордеева, 2014). В соответствии с полученными данными можно предположить, что спортсмены индивидуальных видов спорта с задача-ориентированными целевыми установками в подготовке к значимым спортивным событиям с умеренной осознанностью несут ответственность за процесс и результаты своих действий, что снижает или даже устраняет чувство вины за качество выполненной работы. Такие рассуждения согласуются с выводами Р. Хамиди о том, что спортсмены с ориентацией целей на задачу проявляют готовность демонстрировать во время соревнований свои умения и навыки, которые им удалось развить в тренировочный период, поэтому исход соревнования, даже если он хуже ожиданий, воспринимается как стимул к дальнейшей работе (Hamidi, 2005).

Социальная желательность оказалась слабо и положительно связанной с ориентацией целей на задачу у представителей командных видов спорта. Наличие такой связи можно считать некоторым признаком приверженности команде и стремления ее членов к прогрессу собственных показателей в общегрупповой деятельности. Итогом такого стремления часто становится сплоченность и успешность команды в целом. Таким образом, может наблюдаться положительное влияние социальной желательности на спортивную идентичность и, как следствие, повышение спортивной результативности.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа эго-ориентированных целевых установок и составляющих личностного потенциала спортсменов

	Толерантность к неопределенности
Коэффициент корреляции	-0,260*
Значимость (двухсторонняя)	0,036
Индивидуальные виды спорта	65

* $p < 0,05$

Table 2

Results of correlation analysis of ego-oriented goals and components of personal potential of athletes

	Tolerance to uncertainty
Correlation coefficient	-0.260*
Significance	0.036
Individual sports	65

* $p < 0.05$

У спортсменов индивидуальных видов спорта выявлена отрицательная слабая связь эго-ориентированных целевых установок с толерантностью к неопределенности, которую следует понимать как личностное свойство. Согласно Т.В. Корниловой, толерантность к неопределенности означает стремление к изменениям, новизне и оригинальности, го-

товность к новому и неисследованному, стремление к самостоятельности и возможности выхода за рамки принятых ограничений (Корнилова, 2010). Соответственно, можно предположить, что у спортсменов с эго-ориентированными целями слабо проявлены перечисленные характеристики; они предпочитают действовать уже опробованными методами тренировок, избегают сложные задачи, предпочитая им более легкие, решение которых может дать ощущение успеха. Похожие суждения находим в выводах N. Ntoumanis, согласно которым спортсмены с эго-направленностью целей склонны выбирать более легкие задачи в своей деятельности, что ослабляет их внутреннюю мотивацию и усиливает внешнюю (Ntoumanis, 2001). Полученные результаты также могут указывать на присутствие повышенной напряженности и неуверенности в себе, что сопоставимо с выводами специалистов о связи эго-ориентации целей спортсменов с усилением тревожности и страха неудачи в ответственных мероприятиях (Adie et al., 2008). Повышенные требования к человеку в ситуации нестабильности, неизвестности и риска (характерные для спортивных состязаний), могут затруднять гибкость мышления и поведения, формировать неоптимальное поведение, в большей степени воспроизводящее прошлый опыт и не соответствующее новым условиям изменившейся ситуации (Budner, 1962). В связи с тем, что спортсмены с эго-ориентированными целями чаще склонны к сравнению своих способностей, возможностей, состояний и готовности к предстоящим событиям с этими же параметрами своих соперников, можно говорить о снижении их способности к восприятию неопределенных ситуаций как трудных, но не кризисных.

В командных видах спорта у спортсменов с эго-целевой ориентацией значимые корреляционные связи

с параметрами личностного потенциала не обнаружены.

Таким образом, в соответствии с распределением полученных данных об ориентации целей респондентов можно заключить, что степень выраженности некоторых характеристик, входящих в структуру личностного потенциала спортсменов, различается в соответствии с направленностью их целей, и это подтверждает первую часть наших предположений.

Согласно анализу распределения целей по их направленности, между представителями индивидуальных и командных видов спорта наблюдается неравномерное распределение целевых ориентаций на задачу и эго. В командных видах спорта у 62 респондентов обнаружена целевая ориентация на задачу, у 16 респондентов — эго-ориентация целей; в индивидуальных видах спорта у 50 респондентов наблюдается целевая ориентация на задачу, у остальных 16 — эго-ориентация. В целом мы получили преобладание целей с задача-ориентированной направленностью над целями с эго-ориентацией: 111 и 32 соответственно.

Для проверки дополнительной гипотезы о зависимости степени выраженности характеристик, составляющих личностный потенциал спортсменов, от их индивидуальных характеристик (пола, возраста, стажа, разряда) использованы U-критерий Манна — Уитни (для оценки различий между двумя выборками) и односторонний дисперсионный анализ Краскелла — Уоллиса (для оценки различий между N независимыми выборками, $N > 2$). Для оценки корреляционных связей мы применили непараметрический коэффициент корреляции Спирмена.

Оценка различий по признаку пола показала значимые различия между мужчинами и женщинами по целому ряду характеристик, указанных в нижеследующей Таблице 3.

Таблица 3

Различия составляющих личностного потенциала спортсменов по гендерному признаку (U-критерий Манна — Уитни)

	Пол	N	Вовлеченность	Жизнестойкость	Интолерантность	Социальн. желательность	Внутренняя мотивация	Интроецир. негативная мотивация	Экстернальная мотивация
Средние знач.	Жен.	47	24,9	56,5	67,1	10,7	19,2	11,1	8,9
	Муж.	96	22,5	52,9	62,4	9,1	18,7	8,9	7,4
Асимп. знач. P			0,001	0,03	0,01	0,01	0,05	0,006	0,016

Table 3

Differences in the components of personal potential of athletes by gender (Mann — Whitney U-test)

	Gender	N	Involvement	Resilience	Intolerance	Social desirability	Intrinsic motivation	Introjected negative motivation	External motivation
Average values	W	47	24.9	56.5	67.1	10.7	19.2	11.1	8.9
	M	96	22.5	52.9	62.4	9.1	18.7	8.9	7.4
Asymp. sig. P			0.001	0.03	0.01	0.01	0.05	0.006	0.016

Данные свидетельствуют о более высоком проявлении показателей вовлеченности и жизнестойкости у мужчин по сравнению с женщинами, что согласуется с другими исследованиями (Быстрова, 2016; Рябко, 2017), согласно которым у мужчин в разных жизненных и профессиональных ситуациях фиксируется более высокий уровень жизнестойкости и отдельных ее показателей по сравнению с женщинами. У большинства мужчин в нашей работе наблюдается высокая вовлеченность: стремление и способность получать удовольствие от выполняемой деятельности, при этом признавая ее как стрессовую и не снижая успешность; вовлеченность в процесс повышает их интерес к делу. У женщин — напротив, подобные тенденции отсутствуют, что может способствовать порождению чувства отвергнутости, ощущения себя «вне жизни» согласно авторам теста жизнестойкости (Леонтьев, Рассказова, 2006). Вместе с тем недостаток приятных чувств, предоставляемых профессиональной деятельностью, ведет к формированию негативного отношения к ней и ко всему, что с ней связано: своим обязанностям, коллегам, достижениям; резко повышает риск завершения спортивной карьеры.

Общий уровень жизнестойкости у мужчин существенно выше по сравнению с женщинами. Вероятно, мужчины лучше, чем женщины способны оценить свои способности и готовность активно и гибко действовать в ситуации стресса и трудностей. Также это может свидетельствовать о способности адекватно принимать реальную действительность и находить смысл в различных жизненных ситуациях; способности придерживаться определенной системы жизненных ценностей и импровизировать, находить непривычные или неочевидные методы решения проблем, не выходя за рамки собственных возможностей.

Более высокие значения по показателю интолерантности отмечаются у спортсменов по сравнению со спортсменками, что, вероятно, следует понимать как стремление к ясности и упорядоченности в профессиональной деятельности. Спорт требует от спортсменов необходимости соблюдения многочисленных правил (игры, соревнований, моделей взаимодействия и т.д.) и вносит в их жизнь и деятельность упорядоченность, умение действовать по установленным правилам и принципам. В то же время интолерантность означает дихотомическое мировоззрение и неприятие неопределенности, что сложнее объяснить и требует дополнительного изучения, т.к. неопределенность и многозначность — неизбежные элементы профессиональной спортивной деятельности.

У мужчин наблюдается более высокий уровень показателя социальной желательности по сравнению с женщинами. В соответствии со шкалой социальной желательности Кроуна — Марлоу, данный показатель свидетельствует о мотивации к одобрению, готовности предстать перед другими как полностью соответствующий социальным нормам. Также это — показатель беспокойства по поводу социального одобрения

и соответствия существующим традициям. В рамках нашего исследования, возможно, следует говорить о большей приверженности мужчин спортивной деятельности и всего, что связано со спортом (правилам, традициям, атрибутам). Ведь не секрет, что спорт оставляет мало времени и возможностей для других сфер и аспектов жизни человека. У огромного числа спортсменов образ и распорядок жизни, круг друзей и знакомых, предпочтения в еде и одежде и т.д. полностью подчинены спортивным занятиям. Вместе с тем спортсменки при тех же условиях и ограничениях склонны сохранять стремления к эмоциональным связям, созданию семьи, рождению и воспитанию детей, что их существенно отличает от спортсменов мужчин. Вероятно, этим обстоятельством можно объяснить полученные различия.

Согласно авторам универсального теста профессиональной мотивации К.М. Шелдон, Т.О. Гордеевой и др. (Sheldon et al., 2017), интроецированная негативная мотивация поддерживает заданную фрустрацией потребность в автономии и проявляется в переживании чувства долга и стыда. В нашем исследовании это качество более свойственно мужчинам, чем женщинам. Видимо, это связано с тем, что спортивная деятельность и победы дают возможность почувствовать гордость за свои достижения и высокую самооценку, а поражения — наоборот, заставляют чувствовать вину и стыд за недостаточно качественную работу. Впрочем, то же самое относится и к спортсменкам, хотя следует подчеркнуть, что интересы женщин часто выходят за пределы спорта, как было отмечено выше, чем и объясняются наблюдаемые различия по данному параметру. Такими рассуждениями можно обосновать и более высокую внутреннюю мотивированность мужчин к занятиям спортом. Ведь именно у мужчин часто и ярко проявляются стремление оправдать ожидания значимых людей, желание заслужить признание и одобрение, необходимость зарабатывать на жизнь, нередко — и отсутствие альтернатив в выборе способов достижения этих целей. В такой ситуации спорт предоставляет большие возможности для их осуществления.

Такие предположения подтверждает и высокий уровень экстернальной мотивации мужчин, указывающий на то, что мотивами занятия спортом являются факторы, не всегда напрямую связанные с содержанием основной деятельности. Здесь можно указать такие факторы, как полная внешняя заданность требований и контроля, высокая вероятность наград при соответствующем уровне достижений (с сопутствующим повышением социального статуса и возможностей), но в то же время — и наказаний в разных формах — материальной, психологической.

Таким образом, степень выраженности некоторых характеристик, составляющих личностный потенциал спортсменов, имеет половые различия, что подтверждает нашу дополнительную гипотезу, касающуюся параметра пола.

Таблица 4

Различия составляющих личностного потенциала спортсменов по возрасту (H-критерий Краскелла — Уоллиса) (указаны значимые данные)

	Возрастные группы	Вовлеченность	Интолерантность	Социальная желательность	Экстернальная мотивация
	10–14 лет	27,7	67,5	9,4	9,1
	15 лет	24,1	64,8	11,7	8,0
Средние знач.	16–19 лет	23,1	65,1	9,8	8,5
	20–24 года	25,6	62,9	10,1	8,1
	25–52 года	20,9	60,8	8,7	8,8
Асимп. знач. P		0,001	0,047	0,014	0,057

Table 4

Differences in the components of the personal potential of athletes by age (H Kruskal — Wallis test) (significant data are indicated)

	Age groups (years)	Engagement	Intolerance	Social desirability	External motivation
	10–14	27.7	67.5	9.4	9.1
	15	24.1	64.8	11.7	8.0
Average values	16–19	23.1	65.1	9.8	8.5
	20–24	25.6	62.9	10.1	8.1
	25–52	20.9	60.8	8.7	8.8
Asymp. sig. P		0.001	0.047	0.014	0.057

Следует добавить некоторые пояснения к таблице 4, учитывая определенную неравномерность распределения выборки по возрастным группам. В этом плане здесь наиболее заметные группы — 15 лет и 25–52 года. В первом случае все спортсмены данной возрастной категории являются членами футбольных команд, и мы выделили их в отдельную группу, основываясь на следующих суждениях. Согласно Л.С. Выготскому, особенности возраста определяются через социальную ситуацию развития, представляющую собой специфическое отношение между ребенком и окружающей его действительностью, прежде всего социальной. В подростковом возрасте учебная деятельность является актуальной, вместе с тем ведущей деятельностью является общение со сверстниками, позволяющее удовлетворить важную потребность данного периода — чувство собственной значимости и ценности своей личности. Ощущение себя частью команды, совместная работа, общие цели, победы и поражения, ответственность перед тренером и членами команды — все это способствует формированию у юных футболистов осознания своей роли в социально значимой деятельности и создает ощущение определенной возрастной грани между подростковым и юношеским возрастом.

Респонденты 25–52 лет объединены в одну группу в связи со спецификой спортивной карьеры. В спорте, как правило, имеет место раннее начало специализации и карьеры, раннее достижение пика карьеры,

и неопределенность ее окончания. Завершение спортивной карьеры зависит не только от возраста, но и от состояния здоровья, накопленных травм и спортивных результатов. Например, в сложнокоординационных видах спорта выступления часто заканчиваются около 20 лет, в циклических — ближе к 30 годам, а в единоборствах можно найти немало легендарных борцов в возрасте выше 40 лет. Хотя коммерциализация в современном спорте стимулирует спортсменов к поиску способов, позволяющих продлить конкурентоспособность, в целом в большинстве видов спорта после 25 лет спортсмена можно считать «зрелым», наблюдается остановка или снижение его результативности и подготовка к уходу из спорта. Обозначенный возрастной диапазон 25–52 года выбран как период завершения спортивной карьеры или подготовки к ней.

Согласно данным Таблицы 4 между возрастными группами участников исследования существуют значимые различия по показателям: вовлеченность, интолерантность, социальная желательность, экстернальная мотивация. Явно выделяются спортсмены 10–14 лет с самыми высокими по отношению к другим возрастным группам показателями вовлеченности, интолерантности, экстернальной мотивации.

Вовлеченность как поглощенность деятельностью, получение от нее удовольствия, соответствие собственных ценностей требованиям среды, у подростков 10–14 лет проявляется ярче, чем у других

респондентов. Как правило, занятия спортом в этом возрасте особенно значимы в связи с тем, что это — один из способов самореализации и самоутверждения подростков, наиболее привлекательных и социально одобряемых. Спортивные достижения являются показателем зрелости и значимости подростка. Вовлеченность позволяет компенсировать многие проблемы подросткового возраста и удовлетворить актуальные потребности. Такие результаты соотносятся с данными исследования коллег (Потанина, Моросанова, 2023), согласно которым «высоко вовлеченные» подростки наиболее успешны в достижении учебных целей, отличаются познавательной активностью и высокой мотивацией достижения в разных сферах жизни.

Интолерантность

Подростки 10–14 лет и здесь выделяются из других возрастных групп, но в этом случае в соответствии с данным понятием следует говорить о таких характеристиках, как нетерпимость к мнению других, неприятие взглядов и убеждений, отличных от их собственных, агрессия внешняя и внутренняя. Однако необходимо уточнить, что в подростковом возрасте феномен интолерантности является закономерным и даже необходимым этапом в развитии личности. В период выстраивания социальных отношений с окружающими отсутствие у подростка разделения на «своих» и «чужих» может быть связано с проблемами самоидентификации, искажением личностного развития, целым комплексом внутренних конфликтов. На это указывает и исследование коллег (Golovey et al., 2021), которое выявило среди подростков широкую распространенность внутриличностных конфликтов по разным показателям, при этом повышенный уровень таких конфликтов сочетался с их высоким стремлением к личностному росту. Вместе с тем регулярные активные спортивные занятия вносят в жизнь подростков определенную упорядоченность через необходимость соблюдения правил поведения во время тренировок и соревнований, приучает к конструктивным моделям взаимодействия с окружающими.

Экстернальная мотивация

Возрастную группу 10–14 лет снова выделяет высокий уровень данного показателя, в соответствии с которым поведение подростков регулируется внешним контролем, а также обещаниями наград и наказаний. В жизни юных спортсменов неизбежно присутствуют такие факторы, как полная внешняя заданность требований и контроля со стороны тренера, высокая вероятность наград при соответствующем уровне достижений, но в то же время — и наказаний в разных формах. В этом случае важнейшей задачей тренера (и родителей) является повышение степени автономии юных атлетов, предполагающей понимание ими важности выполнения предъявляемых требований для достижения профессиональной успешности.

Таким образом, высокие показатели по уровню вовлеченности, интолерантности, экстернальной мотивации

у спортсменов 10–14 лет имеют закономерный характер, соответствуют особенностям личностного развития в данном возрастном периоде и могут указывать на возможности успешной социализации подростков.

Высоким уровнем социальной желательности выделяются спортсмены возрастной группы 15 лет. Как известно, мальчики в этом возрасте стремятся равняться на наиболее ярких и успешных товарищей или кумиров, у них наблюдается повышенная потребность одобрения; желание выглядеть перед значимыми другими (товарищами по команде, тренером) как соответствующие определенным нормам (хотя эти нормы не всегда могут быть тождественны общепринятым). Как мы писали выше — в рамках нашего исследования, возможно, следует говорить также о высокой приверженности юных футболистов спорту и всему, что с ним связано (правилам, традициям, атрибутам).

К изложенной информации следует добавить, что выявлена умеренная положительная и значимая связь с параметром возраста эго-ориентации целей у спортсменов индивидуальных видов спорта ($r = 0,301$, $p = 0,015$). Очевидно, чем старше спортсмены, тем чаще они склонны сравнивать свои возможности в плане выполнения важных для их вида спорта техник, а также возможности высоких достижений с потенциалом оппонентов.

Таблица 5

Различия составляющих личностного потенциала спортсменов по стажу спортивной деятельности (Н-критерий Краскелла — Уоллиса) (указаны значимые данные)

	Группы по стажу	Социальная желательность	Внутренняя мотивация
Средние знач.	1–4 года	5,8	20,0
	5–9 лет	8,9	19,2
	10–13 лет	8,3	20,5
	14–40 лет	8,0	19,0
Асимп. знач. P		0,03	0,05

Table 5

Differences in the components of the personal potential of athletes according to the experience of sports activity (Kruskal — Wallis H criterion) (significant data are indicated)

	Groups by experience (years)	Social desirability	Intrinsic motivation
Average values	1–4	5.8	20.0
	5–9	8.9	19.2
	10–13	8.3	20.5
	14–40	8.0	19.0
Asymp. sig. P		0.03	0.05

Уточним, что группа «14–40 лет» сформирована согласно мнению некоторых специалистов (Ильин, 2012) о том, что при длительности спортивной деятельности около 14 лет у спортсменов наблюдаются близкие по своим проявлениям изменения ряда психологических и физиологических показателей. Следствием этих изменений часто являются, в частности, преобразование мотивационной сферы и уровня притязаний, снижение результативности.

В соответствии со шкалой социальной желательности спортсмены со стажем 5–9 лет в большей степени склонны к мотивации одобрения по сравнению с другими группами. Во многих видах спорта с такой продолжительностью занятий спортом связывают начало максимальных достижений и мотивации. Вместе с тем наблюдается естественное стремление атлетов оправдать ожидания значимого круга людей, заслужить их признание и одобрение, продемонстрировать развитые умения и навыки. Наиболее низкие показатели социальной желательности соответствуют стажу до 4 лет, что связано с особенностями начального этапа спортивной карьеры, характеризующейся неопределенностью и неустойчивостью интересов, зависимостью начала занятий спортом от

внешних обстоятельств (желание родителей, занятие друзей этим спортом и др.).

Внутренняя мотивация наиболее высока у спортсменов со стажем 10–13 лет, рядом с ними группа со стажем 1–4 года. В первом случае многие из этой группы спортсменов, вероятно, находятся на пике спортивных достижений и, соответственно, уровень мотивации самый высокий за всю спортивную карьеру; в этот период атлеты под влиянием повышенной внутренней мотивации испытывают максимальную психическую напряженность и потребность в удержании достигнутых позиций. Во втором случае спортсмены находятся в начале своего спортивного пути, и несмотря на трудности, чаще всего им приносит удовольствие сама двигательная активность, возможность играть, общаться со сверстниками. Именно на начальном этапе спортивной карьеры тренеру и родителям важно формировать и развивать внутреннюю мотивацию, т.к. в этом случае поэтапное повышение объема спортивных нагрузок и требований будут гармонично соответствовать постепенному развитию необходимых способностей. Как следствие, продлевается удовлетворение от занятий спортом и продолжительность профессиональной карьеры.

Таблица 6

Различия составляющих личностного потенциала спортсменов по спортивному разряду (званию) (H-критерий Краскелла — Уоллиса) (указаны значимые данные)

Группы / спортивный разряд (звание)	Интолерантность	Социальная желательность	Внутренняя мотивация
1 группа / нет разрядов (или не указан)	62,6	9,0	18,6
2 группа / 1 юношеский и 3 взрослый разряды	69,5	9,3	19,8
Средние знач. 3 группа / 1 взрослый и 2 взрослый разряды	66,0	10,9	19,3
4 группа / кандидат в мастера спорта (КМС)	65,7	9,6	18,6
5 группа / мастер спорта (МС)	66,5	10,4	18,7
6 группа / мастер спорта международного класса (МСМК)	63,0	11,9	18,6
Асимп. знач. P	0,05	0,012	0,05

Table 6

Differences in the components of the personal potential of athletes by sports category (rank) (Kruskal — Wallis H criterion) (significant data are indicated)

Groups / sports category (rank)	Intolerance	Social desirability	Intrinsic motivation
Group 1 / no ranks (or not specified)	62.6	9.0	18.6
Group 2 / 1st youth and 3rd adult categories	69.5	9.3	19.8
Average values Group 3 / 1 adult and 2 adult categories	66.0	10.9	19.3
Group 4 / candidate master of sports (CMS)	65.7	9.6	18.6
Group 5 / master of sports (MS)	66.5	10.4	18.7
Group 6 / master of sports of international class (MSIC)	63.0	11.9	18.6
Asymp. sig. P	0.05	0.012	0.05

Между группами, дифференцированными в соответствии с разрядами/званиями, существуют значимые различия по показателям: интолерантность, социальная желательность, внутренняя мотивация.

Показатель интолерантности наиболее ярко и значимо выражен у спортсменов 2 группы (1 юношеский и 3 взрослый разряды), что позволяет предполагать у них склонность к тревожным реакциям в ситуации неопределенности и риска, категоричность и дихотомичный характер суждений, соответствующие феномену интолерантности. Кроме того, обозначенные характеристики традиционно присущи подростковому переходному возрасту, к которому чаще всего относятся разряды 2 группы (юношеские и взрослые разряды могут быть присвоены с 10-летнего возраста). Следовательно, такие результаты можно считать вполне ожидаемыми и закономерными.

Вместе с тем высокая выраженность внутренней мотивации у представителей 2 группы указывает на заинтересованность в спортивной деятельности, умении и желании получать положительные эмоции в процессе занятий спортом. Эти данные подтверждают выше описанные результаты по показателю внутренней мотивации у спортсменов со стажем 1–4 года, к которым, вероятно, относятся атлеты из детско-юношеского спорта.

У спортсменов 6 группы (МСМК) более выражен показатель социальной желательности по сравнению с другими группами. Видимо, это связано с тем, что по достижению достаточно высокого уровня результативности спортсменам, как правило, необходимо прикладывать усилия для удержания достигнутых позиций, не меньшие, чем на этапе продвижения к ним; в этот период профессиональной карьеры для атлетов важно оправдать ожидания значимого круга людей, коллег, болельщиков, сохранить завоеванное признание.

Таким образом, наблюдается наличие зависимости выраженности характеристик, составляющих личностный потенциал спортсменов, от их спортивного разряда (звания), что подтверждает наши предположения. В целом следует отметить, что имеются значимые различия индивидуальных характеристик спортсменов (пол, возраст, стаж, разряд) в выраженности характеристик личностного потенциала, но при этом они связаны лишь с частью его компонентов, изучаемых в нашей работе.

Выводы

В рамках нашего исследования выявлено, что у спортсменов индивидуальных и командных видов спорта, придерживающихся разной направленно-

сти целей, различается степень выраженности ряда характеристик личностного потенциала: интроецированной негативной мотивации, социальной желательности, толерантности к неопределенности. Обнаружена зависимость выраженности характеристик, составляющих личностный потенциал спортсменов, от их индивидуальных характеристик.

Следует отметить некоторые ограничения исследования. В первую очередь они касаются оправданности применения некоторых методик на подростковой части выборки, что объясняется особенностями таких респондентов. Раннее включение в многообразные социально-психологические отношения и углубленное, по сути профессиональное совершенствование неизбежно отражается на личностном развитии спортсменов. Высокие физические и психические нагрузки, травмоопасность, острая конкуренция, необходимость соблюдать особый режим питания и придерживаться жесткого графика тренировок и соревнований — все это предполагает множество профессиональных и жизненных ситуаций, способствующих изменению проявления возрастных закономерностей социализации подростков и их раннему взрослению. Соответственно, вопросы применяемых методик понятны спортсменам-подросткам и отражают их эмоциональные состояния и переживания.

Кроме того, сбор данных проводился в онлайн-формате, что имеет очевидные недостатки, связанные с отсутствием контроля за процессом работы с методиками, вероятностью искажения информации и, как следствие, создаются условия для искажения результатов исследования.

Практическое применение

Несмотря на ограничения, исследование привело к интересным выводам и пониманию того, что обсуждаемая тема требует дальнейшей разработки в связи с появлением новых вопросов и задач, для решения которых требуются дополнительные данные. Для дальнейшего изучения проблемы необходимы исследования, которые позволят расширить и углубить представления о некоторых составляющих личностного потенциала атлетов, способствующих достижению значимых результатов деятельности и субъективного благополучия.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы в практике психологического консультирования спортсменов по вопросам личностного потенциала, целевых ориентаций, профессиональной успешности; при подготовке специалистов в области психологии спорта.

Список литературы

- Будакова, А.В., Мацуга, В.В. (2016). Различия в показателях личностного потенциала у высокоинтеллектуальных студентов. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*, 6(6), 17–30. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.02>
- Быстрова, Т.В. (2016). Особенности проявления жизнестойкости осужденными мужского и женского пола. *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*, 14(3), 101–103.
- Ильин, Е.П. (2012). Психология спорта. Санкт-Петербург: Питер.
- Корнилова, Т.В. (2010). Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности. *Психологический журнал*, 31(1), 74–86.
- Корнилова, Т.В. (2010). Интеллектуально-личностный потенциал человека в стратегиях совладания. *Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология*, 33(1), 46–57.
- Косырев, В.Н. (2011). Методология, состояние и перспективы исследования проблемы личностного потенциала. *Социально-экономические явления и процессы*, 5(6), 356–361.
- Леонтьев, Д.А. (2011). Личностный потенциал: структура и диагностика. Москва: Смысл.
- Леонтьев, Д.А., Мандрикова, Е.Ю., Осин, Е.Н., Плотнокова, А.В., Рассказова, Е.И. (2007). Опыт структурной диагностики личностного потенциала. *Психологическая диагностика*, (1), 8–32.
- Леонтьев, Д.А., Рассказова, Е.И. (2006). Тест жизнестойкости. Москва: Смысл.
- Осин, Е.Н., Леонтьев, Д.А. (2020). Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, (1), 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
- Потанина, А.М., Моросанова, В.И. (2023). Дифференциальные аспекты регуляторных и личностных ресурсов успеваемости учащихся с различными профилями школьной вовлеченности. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 16(4), 218–239.
- Рябко, Т.В. (2017). Гендерные различия мотивационной сферы, жизнестойкости и эмоционального интеллекта у сотрудников полиции — психологов. *Общество: социология, психология, педагогика*, (8), 85–88.
- Ханин, Ю.Л. (1976). Шкала Марлоу — Кроуна для исследования мотивации одобрения. Ленинград: НИИ физической культуры.
- Adie, J.W., Duda, J.L., Ntoumanis, N. (2008). Achievement Goals, Competition Appraisals, and the Psychological and Emotional Welfare of Sport Participants. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, (30), 302–322.
- Ames, C. (1992). Classrooms: Goals, structures, and student motivation. *Journal of Educational Psychology*, (84), 261–271.
- Budner, S. (1962). Intolerance of Ambiguity as a Personality Variable. *Journal of Personality*, (30), 29–50.
- Diener, E.D., Emmons, R.A., Larsen, R.J., Griffin, S. (1985). The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13
- Duda, J.L. (2001). Achievement goal research in sport: Pushing the boundaries and clarifying some misunderstandings. In: G.C. Roberts (Ed.). *Advances in motivation in sport and exercise* (pp. 129–182). Leeds: Human Kinetics.
- Dweck, C.S. (1986). Motivational processes affecting learning. *American Psychologist*, 41(10), 1040–1048. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.41.10.1040>
- Elliot, A.J. (1999). Approach and avoidance motivation and achievement goals. *Educational Psychologist*, 34, 169–189.
- Golovey, L.A., Danilova, M.V., Gruzdeva, I.A., Rykman, L.V. (2021). Psychological Well-Being and Intra-personal Conflicts in Adolescence. *Psychology in Russia: State of the Art*, 14(3), 132–146.
- Goss, J. (1994). Hardiness and mood disturbances in swimmers while overtraining. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, (16), 135–149.
- Gould, D., Dieffenbach, K., Moffett, A. (2002). Psychological characteristics and their development in Olympic champions. *Journal of Applied Sport Psychology*, (14), 172–204.
- Hamidi, R. (2005). Thesis, Tarbiat Moallem University. Tehran: w.p.
- Hanton, S., Evans, L., Neil, R. (2003). Hardiness and the competitive trait anxiety response. *Anxiety, Stress, and Coping*, (16), 167–184.
- Hendrix, A.E., Acevedo, E.O., Hebert, E. (2000). An examination of stress and burnout in certified athletic trainers at Division I-A universities. *Journal of Athletic Training*, (35), 139–144.
- Jones, G., Hanton, S., Connaughton, D. (2002). What is this thing called mental toughness? An investigation of elite sport performers. *Journal of Applied Sport Psychology*, (14), 205–218.
- Maddi, S.R., Hess, M.J. (1992). Personality hardiness and success in basketball. *International Journal of Sport Psychology*, (23), 360–368.
- Mallett, C.J., Hanrahan, S.J. (2004). Elite athletes: Why does the 'fire' burn so brightly? *Psychology of Sport and Exercise*, (5), 183–200.
- Molenaar, B., Willems, C., Verbunt, J., Goossens, M. (2021). Achievement Goals, Fear of Failure and Self-Handicapping in Young Elite Athletes with and without Chronic Pain. *Children*, (8), 591. <https://doi.org/10.3390/children8070591>
- Nezhad, M., Besharat, M. (2010). Relations of resilience and hardiness with sport achievement and mental health in a sample of athletes. *Procedia: Social and Behavioral Sciences*, (5), 757–763. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2010.07.180>
- Nicholls, J.G. (1984). Achievement motivation: Conceptions of ability, subjective experience, task choice and performance. *Psychological Review*, (91), 328–346.
- Ntoumanis, N. (2001). Empirical links between achievement goal theory and self-determination theory in sport. *Journal of Sport Science*, 19(6), 397–419. <https://doi.org/10.1080/026404101300149357>
- Scholder, M.E., McGuire, R.T. (2007). *Coaching athletes. A foundation for success*. Los Angeles: LA84 Foundation.
- Sheldon, K.M., Osin, E.N., Gordeeva, T.O., Suchkov, D.D., Sychev, O.A. (2017). Evaluating the Dimensionality of Self-Determination Theory's Relative Autonomy Continuum. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 43(9), 1215–1238.
- Xiang, P., Lee, A. (2002). Achievement goals, perceived motivational climate, and student's self-reported mastery behaviours. *Research Quarterly Exercise Sport*, 73(1), 58–65. <https://doi.org/10.1080/02701367.2002.10608992>

References

- Adie, J.W., Duda, J.L., Ntoumanis, N. (2008). Achievement Goals, Competition Appraisals, and the Psychological and Emotional Welfare of Sport Participants. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, (30), 302–322.
- Ames, C. (1992). Classrooms: Goals, structures, and student motivation. *Journal of Educational Psychology*, (84), 261–271.
- Budakova, A.V., Matsuta, V.V. (2016). Differences in personal potential in highly intelligent students. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta (Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin)*, 6(6), 17–30. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.02> (In Russ.).
- Budner, S. (1962). Intolerance of Ambiguity as a Personality Variable. *Journal of Personality*, (30), 29–50.
- Bystrova, T.V. (2016). Features of the manifestation of resilience by male and female convicts. *Fundamental'nye i Prikladnye Issledovaniya v Sovremennom Mire (Basic and Applied Research in the Modern World)*, 14(3), 101–103. (In Russ.).
- Diener, E.D., Emmons, R.A., Larsen, R.J., Griffin, S. (1985). The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13
- Duda, J.L. (2001). Achievement goal research in sport: Pushing the boundaries and clarifying some misunderstandings. In: G.C. Roberts (Ed.). *Advances in motivation in sport and exercise* (pp. 129–182). Leeds: Human Kinetics.
- Dweck, C.S. (1986). Motivational processes affecting learning. *American Psychologist*, 41(10), 1040–1048. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.41.10.1040>
- Elliot, A.J. (1999). Approach and avoidance motivation and achievement goals. *Educational Psychologist*, (34), 169–189.
- Golovey, L.A., Danilova, M.V., Gruzdeva, I.A., Rykman, L.V. (2021). Psychological Well-Being and Intra-personal Conflicts in Adolescence. *Psychology in Russia: State of the Art*, 14(3), 132–146.
- Goss, J. (1994). Hardiness and mood disturbances in swimmers while overtraining. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, (16), 135–149.
- Gould, D., Dieffenbach, K., Moffett, A. (2002). Psychological characteristics and their development in Olympic champions. *Journal of Applied Sport Psychology*, (14), 172–204.
- Hamidi, R. (2005). Thesis, Tarbiat Moallem University. Tehran: w.p.
- Hanton, S., Evans, L., Neil, R. (2003). Hardiness and the competitive trait anxiety response. *Anxiety, Stress, and Coping*, (16), 167–184.
- Hendrix, A.E., Acevedo, E.O., Hebert, E. (2000). An examination of stress and burnout in certified athletic trainers at Division I-A universities. *Journal of Athletic Training*, (35), 139–144.
- Il'in, E.P. (2012). Sports Psychology. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).
- Jones, G., Hanton, S., Connaughton, D. (2002). What is this thing called mental toughness? An investigation of elite sport performers. *Journal of Applied Sport Psychology*, (14), 205–218.
- Khanin, Yu.L. (1976). Marlow — Crown Scale for the Study of Approval Motivation. Leningrad: Research Institute of Physical Culture. (In Russ.).
- Kornilova, T.V. (2010). New Questionnaire of Tolerance-Intolerance to Uncertainty. *Psikhologicheskii Zhurnal (Psychological Journal)*, 31(1), 74–86. (In Russ.).
- Kornilova, T.V. (2010). Intellectual and personal potential of a person in coping strategies. *Lomonosov Psychology Journal*, 33(1), 46–57. (In Russ.).
- Kosyrev, V.N. (2011). Methodology, state and prospects for the study of the problem of personal potential. *Social'no-ekonomicheskie Yavleniya i Processy (Socio-economic Phenomena and Processes)*, 5(6), 356–361. (In Russ.).
- Leont'ev, D.A. (2011). Personal potential: structure and diagnostics. Moscow: Smysl. (In Russ.).
- Leont'ev, D.A., Mandrikova, E.Yu., Osin, E.N., Plotnikova, A.V., Rasskazova, E.I. (2007). Experience of structural diagnostics of personal potential. *Psikhologicheskaya Diagnostika (Psychological Diagnostics)*, (1), 8–32. (In Russ.).
- Leontiev, D.A., Rasskazova, E.I. (2006). Vitality test. Moscow: Smysl. (In Russ.).
- Maddi, S.R., Hess, M.J. (1992). Personality hardiness and success in basketball. *International Journal of Sport Psychology*, (23), 360–368.
- Mallett, C.J., Hanrahan, S.J. (2004). Elite athletes: Why does the 'fire' burn so brightly? *Psychology of Sport and Exercise*, (5), 183–200.
- Molenaar, B., Willems, C., Verbunt, J., Goossens, M. (2021). Achievement Goals, Fear of Failure and Self-Handicapping in Young Elite Athletes with and without Chronic Pain. *Children*, (8), 591. <https://doi.org/10.3390/children8070591>
- Nezhad, M., Besharat, M. (2010). Relations of resilience and hardiness with sport achievement and mental health in a sample of athletes. *Procedia: Social and Behavioral Sciences*, (5), 757–763. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2010.07.180>
- Nicholls, J.G. (1984). Achievement motivation: Conceptions of ability, subjective experience, task choice and performance. *Psychological Review*, (91), 328–346.
- Ntoumanis, N. (2001). Empirical links between achievement goal theory and self-determination theory in sport. *Journal of Sport Science*, 19(6), 397–419. <https://doi.org/10.1080/026404101300149357>
- Osin, E.N., Leontev, D.A. (2020). Brief Russian-language scales for diagnosing subjective well-being: psychometric characteristics and comparative analysis. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny (Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes)*, (1), 117–142. (In Russ.).
- Potantina, A.M., Morosanova, V.I. (2023). Differential aspects of regulatory and personal resources of academic performance of students with different profiles of school involvement. *Theoretical and Experimental Psychology*, 16(4), 218–239. (In Russ.).
- Ryabko, T.V. (2017). Gender differences in the motivational sphere, resilience and emotional intelligence among police officers — psychologists. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika (Society: Sociology, Psychology, Pedagogy)*, (8), 85–88. (In Russ.).
- Scholder, M.E., McGuire, R.T. (2007). Coaching athletes. A foundation for success. Los Angeles: LA84 Foundation.
- Sheldon, K.M., Osin, E.N., Gordeeva, T.O., Suchkov, D.D., Sychev, O.A. (2017). Evaluating the Dimensionality of Self-Determination Theory's Relative Autonomy Continuum. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 43(9), 1215–1238.
- Xiang, P., Lee, A. (2002). Achievement goals, perceived motivational climate, and student's self-reported mastery behaviours. *Research Quarterly Exercise Sport*, 73(1), 58–65. <https://doi.org/10.1080/02701367.2002.10608992>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Зурида Айсовна Сагова, кандидат психологических наук, доцент кафедры методологии психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, zas-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5624-4088>

Zurida A. Sagova, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Psychology Methodology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, zas-msu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5624-4088>

Римма Ренатовна Шаяфетдинова, студентка факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, rimma997@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9429-3833>

Rimma R. Shaiafetdinova, Student, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, rimma997@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9429-3833>

Поступила: 21.10.2022; получена после доработки: 14.02.2023; принята в печать: 02.05.2024.
Received: 21.10.2022; revised: 14.02.2023; accepted: 02.05.2024.